М 30/137

801-13/2112

СОЧИНЕНІЯ ДЕКАРТА.

272/294.

Переводъ
Н. Н. Срѣтенскаго,
съ предисловіемъ профессора
Ив. Ив. Ягодинскаго.

Томъ первый.

Начала философіи.
Разысканіе истины.
Страсти души.
Изъ переписки съ
принцессою Елизаветой.

№ 47568.

БИБЛІОТЕКА Московской Духовной АКАДЕМІИ

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1914.

Библіотека Московской Духовной Академіи.

Предисловіе.

Нѣтъ надобности говорить о пользѣ перевода сочиненій Декарта. Помимо историческаго значенія великаго философа, которое признается всѣми, работы геніальнаго французскаго ученаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣютъ интересъ чуть ли не сегодняшняго дня. Есть области, какъ въ философіи, такъ и въ математикѣ и естествознаніи, до сихъ поръ живущія мыслями Декарта. Многія изъ его положеній могутъ дать толчокъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Такъ, напримѣръ, знаменитое утвержденіе „я мыслю, значитъ я существую“ указываетъ на связь мышленія и существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ на постоянную нераздѣльность Я и данной его функціи, т. е. мышленія. Но развѣ нельзя идти дальше? Развѣ нельзя сказать, что изъ того же факта сомнѣнія, въ результатѣ котораго получилось вышеприведенное „cogito ergo sum“, легко подойти къ факту прямой данности нашего Я, выражающейся въ переживаніи его тожества? Пользуясь тѣмъ же самымъ методомъ сомнѣнія, можно сказать, что сколько бы актовъ сомнѣнія мы ни испытывали, мы всегда во всѣхъ этихъ актахъ переживаемъ свое Я, какъ одно и то же Я при всемъ разнообразіи его функцій. Во всѣхъ этихъ актахъ Я всегда есть Я, т. е. Я является въ нихъ тожественнымъ и потому единственно постояннымъ центромъ сравненія для данныхъ содержаній сознанія. Не лучше ли поэтому искать корня понятія существованія въ этомъ переживаніи тожества нашего Я, не совмѣщая понятій существованія и мышленія въ одной аксіомѣ? Рѣшеніе такого, заложеннаго въ концепціи Декарта, вопроса можетъ имѣть для философіи весьма важное значеніе.

Декартъ былъ живой и наблюдательный человѣкъ. Новыя и самостоятельныя идеи нерѣдко приходили ему въ голову, но, во многомъ превосходя современниковъ, онъ всетаки оставался сыномъ своего времени. Отмѣтивши постоянную наличность нашего Я въ актахъ самосознанія, онъ пренебрегъ этимъ Я въ своей илософской системѣ. Понятія трехъ субстанцій: Бога, души и тѣла поглотили у него живую личность, пропавшую за аттрибутами мышленія и протяженія. Лейбницъ впослѣдствіи поставилъ это Я въ центръ метафизики. Однако, несмотря на такое отклоненіе отъ найденной въ нашемъ Я точки опоры, система Декарта представляетъ чрезвычайный интересъ. Подобно Платону, раздѣливъ міръ на двѣ области, Декартъ говорилъ о соотвѣтствіи явленій мышленія и явленій протяженія. Но объединивъ ихъ въ одномъ понятіи Божества и не выяснивъ до конца ихъ взаимоотношенія, онъ обратилъ особенное вниманіе на понятіе движенія и разработалъ его такъ, какъ до тѣхъ поръ оно не разрабатывалось, именно, исходя изъ понятій новой механики. Это дало возможность Декарту съ одной стороны вообще систематизировать естественно-научныя знанія того времени, а съ другой стороны, въ частности, заложить основаніе физіологической психологіи въ современномъ или, лучше сказать, медицинскомъ ея пониманіи. Словомъ, заслуги Декарта въ исторіи мышленія громадны. Неудивительно поэтому, что, читая въ университетѣ лекціи по исторіи новой философіи и частью спеціально работая въ области изученія философіи 17-го вѣка, я всегда старался рекомендовать своимъ слушателямъ чтеніе сочиненій Декарта.

Одинъ изъ моихъ учениковъ, Н. Н. Срѣтенскій, рѣшился сдѣлать переводъ этихъ сочиненій на русскій языкъ. Въ первую очередь для перевода былъ избранъ основной систематическій трактатъ Декарта „Начала философіи“ съ письмомъ автора къ французскому переводчику, которое можетъ служить введеніемъ къ философіи Декарта вообще. При переводѣ „Началъ“ были сдѣланы выпуски (въ третьей и четвертой частяхъ трактата) тѣхъ его §§, которые касаются частныхъ проблемъ физики и имѣютъ только историческое значеніе. Названный трактатъ даетъ изложеніе почти всей системы Декарта. Отличаясь по своему изложенію краткостью, онъ приноровленъ къ пониманію болѣе подготовленныхъ читателей. Между тѣмъ нѣкоторыя идеи Декарта отличаются трудностью усвоенія, такъ что самъ мыслитель въ другихъ сочиненіяхъ пытался выразить ихъ въ болѣе популярной формѣ. Желая идти навстрѣчу потребностямъ широкаго круга публики, переводчикъ присоединилъ къ „Началамъ“ переводъ незаконченнаго діалога „Разысканіе истины“. Этотъ діалогъ посвященъ развитію гносеологическихъ положеній, высказанныхъ въ первой части „Началъ“. Далѣе предложенъ переводъ сочиненія „Страсти души“, заключающій много данныхъ, выведенныхъ по отношенію къ психологіи чувства на основаніи чисто интроспективнаго наблюденія. Вопросъ о соотвѣтствіи явленій души и тѣла, очень подробно разобранный въ сочиненіи, имѣетъ

историческое значеніе. Но и тутъ тѣ наблюденія, которыя попутно касаются разнообразія страстей и ихъ тѣлеснаго выраженія, заслуживаютъ вниманія. Въ „Началахъ философіи“, несмотря на видимую ихъ законченность, почти нѣтъ изложенія этики Декарта. Чтобы дать читателю развитіе тѣхъ ея положеній, которыя встрѣчаются въ предисловіи къ „Началамъ“ и въ сочиненіи о „страстяхъ“, переводчикъ счелъ нужнымъ присоединить отрывки изъ переписки Декарта съ принцессою Елизаветой: переписка содержитъ весьма любопытныя данныя какъ разъ изъ области этики.

Изъ этого видно, что сочиненія, предложенныя въ данной книгѣ, гдѣ имѣется также и краткій біографическій очеркъ „Ренэ Декартъ“, составленный переводчикомъ, представляютъ въ общемъ систематическое изложеніе философіи Декарта, поскольку она выразилась независимо отъ болѣе раннихъ его трудовъ: „Разсужденія о методѣ“ и „Размышленій о первой философіи“.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ по лучшему изданію сочиненій Декарта, редактированному Шарлемъ Адамомъ и Полемъ Таннери. Передача подлинника, особенно съ латинскаго языка, а частью и съ французскаго, представляла большія трудности. Длиннота латинскихъ періодовъ иногда мѣшала дословной точности перевода и тяжеловѣсныя выраженія Декарта отразились на стилѣ переводчика.

Какъ бы то ни было, попытка дать переводъ значительнѣйшихъ сочиненій Декарта заслуживаетъ вниманія. Съ одной стороны, ихъ подбору нельзя отказать въ систематичности, съ другой стороны—данныхъ произведеній еще никто не переводилъ на русскій языкъ.

Къ нѣкоторымъ мѣстамъ предлагаемаго перевода сдѣланы комментаріи. Можно было бы желать большаго ихъ количества. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, Н. Н. Срѣтенскій предполагаетъ выпустить второй томъ сочиненій Декарта, куда должны войти какъ переводы другихъ выдающихся работъ великаго мыслителя (между прочимъ „Геометрія“), такъ вмѣстѣ и дополнительныя примѣчанія съ указателемъ содержанія и библіографическими свѣдѣніями.

Профессоръ *Ив. Ягодинскій.*

Августъ 1914 года.

Рене Декартъ.

(Краткій біографическій очеркъ).

Рене Декартъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Родился онъ 31 марта 1596 года и раннее дѣтство провёлъ въ Турени и Пуату, въ родовыхъ имѣніяхъ отца—совѣтника парламента въ Реннѣ. Мать Декарта умерла отъ грудной болѣзни чрезъ нѣсколько дней послѣ появленія на свѣтъ Рене, оставивъ осиротѣвшему ребенку задатки своего недуга. Это обстоятельство обусловило крайне воздержный, гигіеничный образъ жизни Декарта, благопріятствовавшій въ свою очередь ходу его научныхъ занятій и сохранившій слабаго физически философа до пятидесятилѣтняго возраста. Слабый тѣломъ, но сильный духомъ восьмилѣтній Декартъ—„маленькій философъ“, какъ шутя называлъ его отецъ, началъ систематическое обученіе въ ново-открытой іезуитами дворянской школѣ королевскаго замка Ля-Флешъ въ Анжу. Это была „одна изъ славнѣйшихъ школъ Европы“, какъ позднѣе выражался самъ Декартъ *). Режимъ здѣсь былъ хорошъ и здоровье Декарта крѣпло. Изучалъ здѣсь Декартъ „миѳологію“, исторію, латынь (не только какъ мертвый, но и какъ живой разговорный языкъ, которымъ философъ позднѣе широко пользовался въ своихъ трудахъ и перепискѣ). Три заключительныхъ года пребыванія въ школѣ (1610—1612) были посвящены изученію философіи: логики (съ моралью), физики (съ математикой) и метафизики. Хотя Декартъ и вспоминалъ позднѣе съ благодарностью Ля-Флешъ и своихъ наставниковъ, но запасъ некритическихъ и плохо систематизированныхъ школьныхъ знаній далеко не удовлетворялъ юношу уже на ученической скамьѣ. Одна математика точностью своихъ положеній и стройной послѣдовательностью метода привлекла Декарта. Математика становится для послѣдняго пробнымъ камнемъ при опредѣленіи истинности частныхъ знаній и общей идеальной нормы познанія. „Въ школьникѣ“—говоритъ Куно-Фишеръ—„возникаетъ задача кореннымъ образомъ реформировать науки при помощи новаго метода по образцу математики“.

Первые годы жизни Декарта по выходѣ изъ коллегіи рисуются крайне неопредѣленно. Нѣтъ точныхъ свѣдѣній ни о мѣстопребываніи Декарта, ни объ его занятіяхъ. По крайней мѣрѣ новѣйшій осторожный біографъ Декарта Charl Adam не считаетъ возможнымъ положительно утверждать фактъ присутствія Декарта съ 1613 по 1616 гг. въ Парижѣ, что́ съ подробными анекдотическими сообщеніями указывалось „патріархомъ“ исторической литературы о Декартѣ—Baillet. Равнымъ образомъ, вѣскія основанія говорятъ за то, что сближеніе Декарта съ его старшимъ сотоварищемъ по школѣ, позднѣйшимъ „научнымъ повѣреннымъ“ нашего философа, отцомъ Мерсеннемъ, состоялось въ двадцатыхъ годахъ, а не въ этотъ четырехлѣтній промежутокъ времени *).

Яснѣе въ смыслѣ біографическихъ данныхъ слѣдующій періодъ военной службы Декарта (въ Голландіи, а затѣмъ въ Германіи, въ арміи католической Лиги) съ конца 1617 по 1621 г. Военная служба французскаго дворянина Декарта была службой независимаго волонтера, и походная жизнь его отнюдь не нарушала всецѣло охватившаго Декарта стремленія критически разобраться въ вопросахъ человѣческаго познанія. Въ Голландіи Декартъ сошелся съ докторомъ медицины и превосходнымъ математикомъ Исаакомъ Беккманомъ. Любопытенъ весьма недавно (въ 1905 г.) найденный дневникъ Беккмана. Докторъ подробно записывалъ бесѣды съ молодымъ Декартомъ; дневникъ свидѣтельствуетъ о научной серьезности и оригинальности этихъ бесѣдъ. Друзья были проникнуты взаимнымъ уваженіемъ. Сблизила ихъ интересовавшая и того и другого проблема отношенія физики къ математикѣ, какъ отношенія научнаго матеріала къ методической формѣ объясненія.

Въ апрѣлѣ 1619 г. Декартъ покинулъ Голландію. Зимняя стоянка (1619—1620 г.) въ Нейбургѣ на Дунаѣ была для Декарта временемъ напряженной работы надъ проблемой научнаго метода. „19 ноября меня озарилъ свѣтъ удивительнаго открытія“ восторженно восклицаетъ Декартъ въ своемъ дневникѣ отъ 1619 г. Вѣроятно, подъ этимъ открытіемъ Декартъ разумѣлъ

---

*) См. Ch. Adam. Vie et oeuvres de Descartes. (Descartes, t. XII). p. 19.

*) Charl Adam, op. cit., p. 39 и s.

мысль о примѣненіи метода математики къ области физики (сведеніе задачъ физики на линейныя геометрическія отношенія и выраженіе послѣднихъ помощью алгебраическихъ формулъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно (это устанавливается изъ позднѣйшихъ признаній Декарта въ „Разсужденіи о Методѣ“), что углубленіе проблемы аналитическаго метода привело философа „къ великому рѣшенію поставить на мѣсто величинъ самого себя, анализировать собственный духъ и его познавательныя силы“ *).

Покончивъ съ военной службой и бросивъ вообще всякую мысль о созданіи для себя какого либо оффиціальнаго положенія, Декартъ, послѣ путешествія въ Италію (1623—1625 г.), живетъ нѣкоторое время въ Парижѣ, собравъ около себя довольно широкій кружокъ изъ лучшихъ и образованныхъ умовъ Франціи. Декартъ охотно дѣлится съ друзьями своими новыми идеями, но все сильнѣе чувствуетъ потребность въ философскомъ уединеніи. Наконецъ, въ 1628 г. происходитъ событіе, рѣшающее дальнѣйшій складъ жизни Декарта. Въ дружескомъ кружкѣ, оспаривая самоувѣренную и кичливую ученость многознайки медика Шанду, Декартъ высказываетъ всѣ свои соображенія о недостаткахъ современной ему системы знаній и указываетъ на необходимость полной переоцѣнки познавательныхъ цѣнностей. Такая критика обязывала Декарта къ созданію положительнаго ученія о философскомъ методѣ. Такъ на это посмотрѣли и нѣкоторые друзья Декарта, напримѣръ, кардиналъ Берюлль **). Подобное предпріятіе требовало исключительной сосредоточенности силъ, и вотъ Декартъ удаляется въ Голландію, въ „затворничество“, и на протяженіи двадцати лѣтъ возводитъ въ рядѣ трудовъ систему своей философіи.

Характерными чертами этой творческой полосы дѣятельности Декарта являются: 1) разнообразіе оригинальныхъ работъ его въ различныхъ научныхъ областяхъ и 2) медлительное и осторожное выступленіе съ печатнымъ оглашеніемъ своихъ трудовъ.

Тотчасъ по переселеніи въ Голландію Декартъ приступаетъ къ своему первому философскому очерку. Этотъ „маленькій трактатъ по метафизикѣ“, какъ называлъ его Декартъ ***), позднѣе былъ развитъ, переработанъ и спустя десять лѣтъ—въ 1639 г.—предсталъ въ законченномъ видѣ, какъ извѣстныя „Размышленія о первой философіи“.

---

*) Куно-Фишеръ. Исторія Новой Философіи, т. I, стр. 176.

) Charl Adam, op. cit., p. 95; *) ibid., p. 129.

Съ 1630 по 1633 г. Декартъ работаетъ надъ трудомъ, который, по мысли автора, долженъ былъ охватывать всѣ проблемы космологіи и представить полное ученіе о природѣ и человѣкѣ. Этотъ трудъ остался незаконченнымъ, послуживъ лишь собраннымъ здѣсь научнымъ матеріаломъ для позднѣйшихъ работъ философа, а изданъ былъ уже послѣ смерти Декарта подъ заголовкомъ „Міръ“. Въ 1635—1636 гг. Декартъ пишетъ „опыты“, въ составъ которыхъ вошли: „разсужденіе о методѣ“ и иллюстрирующія примѣненіе новыхъ идей спеціальныя работы: „Діоптрика“, „Метеоры“ и „Геометрія“.

Появленіе въ свѣтъ этихъ и другихъ сочиненій Декарта происходило такъ. Прежде всего личная скромность Декарта на ряду съ его основательными опасеніями повредить своему дѣлу вынуждала его задерживать изданіе своихъ работъ. Но къ этому вскорѣ присоединились и внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства. Въ 1633 году Галилей былъ вызванъ на судъ римской инквизиціи; маститому натурфилософу предъявили обвиненіе въ ереси по поводу защиты имъ гипотезы движенія земли *); книга Галилея была обречена на сожженіе. Это происшествіе не могло не отразиться на Декартѣ, съ увлеченіемъ работавшемъ надъ своимъ „Міромъ“, гдѣ все было проникнуто механическими принципами и гдѣ въ качествѣ необходимаго вывода изъ послѣднихъ устанавливалось движеніе земли. Осторожный Декартъ всего менѣе желалъ вступать въ конфликтъ съ католическою церковью. Не отказываясь отъ задачъ научнаго натурфилософскаго изслѣдованія, онъ однако пріостанавливаетъ быструю работу по возведенію общей космологіи и возвращается къ кропотливой работѣ надъ менѣе щекотливыми въ вѣроисповѣдномъ отношеніи проблемами научнаго метода. Въ серединѣ 1637 года усиленными заботами Мерсенія заканчиваются печатаніемъ „опыты“ Декарта. Появленіе ихъ въ свѣтъ вызвало продолжительную и чисто-научную полемику-переписку Декарта съ физиками и математиками Ферма (Fermat), Робервалемъ и др. „Геометрія“ Декарта явилась базой цѣлаго новаго отдѣла математики—аналитической геометріи, а „Разсужденіе о методѣ „намѣтило реформаторскія задачи общей философіи Декарта.

Въ мартѣ 1640 г. были подготовлены для печати „Размышленія о первой философіи“. Но Декартъ пожелалъ имѣть мнѣнія богослововъ и философовъ о своемъ новомъ трудѣ, и вотъ въ первую голову онъ отбираетъ отъ богослова Катеруса „возраженія“ на свои „Размышленія“. Эти замѣчанія въ видѣ какъ бы патента ортодоксальной церкви приложены были къ рукописи „Размышленій“, отправленной чрезъ Мерсенния во Францію, въ Сорбонну, съ посвятительнымъ письмомъ автора къ этой коллегіи „бодрствующихъ стражей ортодоксіи“ (слова Декарта). Вскорѣ Мерсеннъ собралъ еще нѣкоторыя замѣчанія ознакомившихся съ трудомъ Декарта почитателей послѣдняго и присоединилъ сюда также свои возраженія. Помимо этого Мерсеннъ на свой страхъ, безъ вѣдома Декарта, направилъ „Размышленія“ въ Англію къ Гоббсу, человѣку свобомыслящему и протестанту. Къ счастью для репутаціи книги Декарта въ глазахъ церкви Гоббсъ оказался горячимъ противникомъ воззрѣній Декарта.

---

*) Въ діалогѣ „о двухъ главнѣйшихъ міровыхъ системахъ“.

Декартъ не счелъ возраженій Гоббса достаточно солидными и отвѣчалъ на нихъ кратко. Гораздо живѣе отнесся онъ къ слѣдующимъ (четвертымъ) возраженіямъ, исходившимъ отъ А. Арно, молодого еще, но подававшаго блестящія надежды богослова. Арно между прочимъ первый указалъ Декарту на существенное сходство его воззрѣній со взглядами блаженнаго Августина (въ вопросѣ о мышленіи, какъ первомъ фактѣ знанія).—Далѣе подвергъ критикѣ трудъ Декарта его французскій противникъ Гассенди; главнымъ предметомъ критики Гассенди былъ методическій пріемъ Декарта—радикальное сомнѣніе. Пока „Размышленія“ въ рукописи обходили ученыхъ, расширяя кругъ освѣдомленныхъ въ системѣ Декарта людей, философъ приступилъ къ печатанію книги и послѣдняя появилась въ 1641 году. По выходѣ перваго изданія были получены рѣзкія возраженія іезуита Бурдена. Эти возраженія, равно какъ и всѣ предыдущія замѣчанія съ отвѣтами Декарта были приложены къ „Размышленіямъ“ при вторичномъ изданіи книги у Эльзевира въ Амстердамѣ. „Размышленія“ превратились въ объемистую книгу, которая давала матеріалъ для полной оцѣнки труда нашего мыслителя. Сюда же было присоединено и письмо Декарта къ его учителю и другу о. Динэ, гдѣ Декартъ заявлялъ: „in paucis illis meditationibus principia omnia philosophiae quam paro continentur“.

„Размышленія“ были необходимымъ для Декарта экскурсомъ въ область гносеологіи, метафизики, отчасти богословія, въ цѣляхъ обоснованія положительнаго ученія о матеріальномъ мірѣ. Дѣйствительно, Декартъ начинаетъ свое первое „Размышленіе“ съ сомнѣнія въ дѣйствительности матеріальныхъ вещей, а въ послѣднемъ, шестомъ, размышленіи приходитъ къ твердой

увѣренности въ реальности и стройномъ порядкѣ видимаго міра. Средніе же размышленія являются метафизическимъ обоснованіемъ этой увѣренности. Второе размышленіе приводитъ къ утвержденію достовѣрности бытія познающаго субъекта (cogito ergo sum) и къ строгому различенію души и тѣла. Третье размышленіе посвящено утвержденію бытія Бога по основаніямъ онтологическаго и антропологическаго характера. Четвертое размышленіе опредѣляетъ нашу духовную природу, свойства и область нашего познанія, причины нашихъ заблужденій. Пятое размышленіе подводитъ какъ бы итогъ установленнымъ истинамъ и оправдываетъ человѣческое познаніе ссылкой на правдивость Бога.

Въ исторической оцѣнкѣ работы Декарта методическое сомнѣніе и изслѣдованіе природы нашего „я“ стали разсматриваться какъ самый существенный вкладъ его въ философію, но для самого Декарта, поскольку онъ ставилъ себѣ задачей законченную космологію, „Размышленія“ представлялись лишь подмостками для системы.

Въ дальнѣйшемъ Декартъ ставитъ цѣлью изложеніе основъ своей физической теоріи. Но эта работа была сильно задерживаема долгой и непріятной полемикой Декарта съ противниками, возгорѣвшейся изъ за „Размышленій“. Начало борьбѣ было положено въ Утрехтѣ. Тамошній задорный, хотя и бездарный, богословъ Воэцій страстно ополчился на философскія идеи Декарта, распространителемъ которыхъ являлся молодой профессоръ медикъ Режи, талантливый и горячій поклонникъ Декарта *). Атака вліятельнаго Воэція—ректора университета—привела къ совѣтскому постановленію запретить Режи распространеніе съ каѳедры идей новой философіи. Декартъ въ интересахъ ученія долженъ былъ выступить на самозащиту. Въ письмѣ къ Динэ онъ далъ рѣзкую и мѣткую аттестацію ханжеству Воэція. Послѣдній, узнавъ о томъ, принялъ вызовъ и отвѣтилъ анонимными памфлетами. Полемика разгорѣлась на много лѣтъ и перешла въ процессъ, когда Декарту, обвинявшему Воэція въ пасквилянтствѣ, голландскими властями, державшими сторону Воэція, предложено было доказать обвиненіе. Декартъ не пожелалъ явиться на враждебный къ нему судъ и былъ заочно обвиненъ, какъ клеветникъ. Но до сожженія трудовъ Декарта рукою палача, какъ желалъ того Воэцій, дѣло не дошло.

---

*) Позднѣе Режи сталъ врагомъ Декарта; онъ оттолкнулъ отъ себя философа произвольнымъ обращеніемъ съ основами картезіанской философіи.

Позднѣе подкопы подъ ученіе Декарта повторились въ Лейденѣ. Безпокойства и хлопоты Декарта въ борьбѣ съ многоликимъ врагомъ, — голландскими богословами, сильно обострили отношенія Декарта къ пріютившей его странѣ и уже въ 1647 г. онъ имѣлъ полное основаніе желать перемѣны мѣстопребыванія, что позднѣе, въ началѣ 1649 г., и произошло.

Возвратимся къ философской работѣ Декарта. Естественное желаніе выставить преимущества своей космологіи предъ чахлыми традиціонными школьными ученіями привело Декарта къ мысли дать своимъ „Началамъ философіи“ форму школьнаго руководства или abregé системы. Съ этой цѣлью онъ внимательно знакомится съ популярными курсами школьной философіи (напримѣръ, съ „философіей“ Эвстахія Сенъ-Поля, съ курсомъ іезуита Раконисa) *). Уже въ апрѣлѣ 1643 г. изъ письма къ Кальвіусу мы узнаемъ, что Декартъ закончилъ третью часть своихъ „Началъ“. Въ концѣ того же года Декартъ приступаетъ къ печатанію книги; многочисленные чертежи были выполнены старымъ знакомымъ Декарта художникомъ Шоотеномъ, въ то же, повидимому, время создавшимъ извѣстный гравюрный портретъ Декарта **).

Въ письмѣ къ Гюйгенсу (въ началѣ 1642 г.) Декартъ сообщалъ, что его „Начала“ есть ничто иное какъ съуженный и видоизмѣненный Le Monde. Дѣйствительно, въ огромныхъ по размѣрамъ третьей и четвертой частяхъ своего труда Декартъ далъ детальнѣйшую гипотетическую картину созданія и строенія „видимаго міра“ (третья часть трактуетъ о небѣ“, четвертая „о землѣ“). Первая и вторая часть „Началъ“ сжато, но рельефно выражаютъ ученіе философа о человѣческомъ познаніи вообще (первая часть) и о познаніи матеріальнаго міра въ особенности (вторая часть). Первая часть „Началъ“—ничто иное какъ оформленное въ тезисы развитіе идей „Размышленій“ и понятно, что введеніе Декартомъ новыхъ метафизическихъ и гносеологическихъ принциповъ рѣзко отличило „Начала“ отъ традиціонныхъ системъ школьной философіи. Вторая часть „Началъ“ порывала со схоластическимъ порядкомъ изложенія общихъ космологическихъ понятій („количество“, „пространство“, „время“ и наконецъ уже „движеніе“) и выдвигала на первый планъ ученіе о движеніи,—именно „мѣстномъ“ (относительномъ) движеніи. Отсюда и вытекалъ принятый Декартомъ

механическій принципъ объясненія всѣхъ феноменовъ внѣшняго міра черезъ понятія массы и движенія.

„Начала“ были написаны по латыни. Но вскорѣ аббатъ Пико, приверженецъ философа, взялъ на себя трудъ перевести „Начала“ на французскій языкъ. Нѣкоторыя разночтенія во французскомъ и латинскомъ текстѣ „Началъ“ (особенно въ послѣднихъ двухъ частяхъ) заставляютъ предполагать, что Декартъ просматривалъ, а быть можетъ и заканчивалъ этотъ переводъ, параллельно кой гдѣ измѣняя текстъ. Переводъ былъ опубликованъ въ 1647 г. Къ изданію Декартъ приложилъ крайне любопытное письмо къ Пико, гдѣ яснѣе и отчетливѣе, нежели въ самомъ текстѣ „Началъ“, указалъ на реформаторскій смыслъ своей доктрины въ отношеніи къ античнымъ ученіямъ.

Говоря о дальнѣйшей работѣ Декарта, приходится отмѣтить обстоятельство, замѣтно отразившееся на направленіи интересовъ мыслителя: это оживленное общеніе—въ формѣ переписки—съ принцессой Елизаветой, дочерью богемскаго короля Фридриха V. Молодая, разносторонне образованная принцесса, увлеченная „Размышленіями“, добилась знакомства съ Декартомъ и вступила съ нимъ въ переписку еще въ 1642 г. Декартъ былъ польщенъ теплотой тона писемъ Елизаветы и очарованъ гибкостью ея ума. Публичную дань своего преклоненія предъ Елизаветой Декартъ принесъ въ 1644 г. въ посвященіи къ „Началамъ“. Продолжительная переписка привела къ обстоятельному обсужденію антропологической проблемы о связи души и тѣла, а отсюда и къ болѣе широкой темѣ о цѣнности жизни и принципахъ поведенія. Пищу для разработки этическихъ вопросовъ даютъ нашимъ корреспондентамъ обсужденіе трактата Сенеки „De vita beata“ и книги Маккіавелли „Государь“. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой переписки Декартъ набрасываетъ за зиму 1645—1646 г. трактатъ „Страсти Души“.

Центральное мѣсто занимаетъ въ трактатѣ очень подробная классификація страстей на основѣ ихъ телеологическаго значенія, т. е. интересовъ души и тѣла. Если, съ одной стороны, природа душевныхъ волненій трактуется Декартомъ по связи съ физіологическими процессами въ нервной системѣ, при посредствѣ гипотезы „животныхъ духовъ“, то, съ другой стороны, чрезвычайное значеніе страстей для всего психическаго склада индивидуума ведетъ Декарта къ установленію извѣстной этической нормы въ управленіи страстями. Такимъ образомъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ въ смыслѣ приложенія механическихъ принциповъ къ выясненію страстей по ихъ связи съ тѣлесной природой человѣка, Декартъ въ этомъ же трудѣ далъ сжатый очеркъ своей моральной философіи *).

---

*) Charl Adam. op. cit. p. 355.

**) Появился при трудахъ Декарта уже въ посмертныхъ изданіяхъ.

Переходя къ послѣднимъ годамъ жизни Декарта, нельзя не указать новыхъ знакомствъ и дружбы философа съ интеллигентнымъ французскимъ адвокатомъ Клерселье и шуриномъ послѣдняго Шаню. Клерселье долженъ быть помянутъ, какъ издатель неопубликованныхъ при жизни Декарта трудовъ и писемъ нашего мыслителя (въ 1657—1667 гг.). Шаню, сдѣлавшійся въ 1645 г. французскимъ посланникомъ при дворѣ образованной королевы Шведской Христины, заинтересовалъ послѣднюю личностью Декарта и способствовалъ переѣзду философа изъ Голландіи въ Стокгольмъ.

Голландіей Декартъ, какъ сказано, тяготился. Изрѣдка наѣзжая во Францію, найти въ ней постоянное и спокойное пребываніе Декартъ также не могъ. И вотъ въ сентябрѣ 1649 г. онъ, послѣ усиленныхъ уговоровъ со стороны Христины и Шаню, отправляется въ Швецію. Декартъ былъ окруженъ здѣсь самымъ внимательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не назойливымъ уходомъ. Королева Христина, выражавшая живой интересъ къ философіи Декарта и еще ранѣе переписывавшаяся съ нимъ по вопросамъ этики (подобно принцессѣ Елизаветѣ), желала видѣть въ Декартѣ своего ближайшаго совѣтника и друга, желала основать при содѣйствіи Декарта академію наукъ въ Стокгольмѣ. Но просвѣщеннымъ планамъ королевы не суждено было осуществиться. Въ январѣ 1650 г. Декартъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ; на теченіи болѣзни сказались утомленіе тяжелой работой предыдущихъ лѣтъ, и вредное вліяніе чуждаго для Декарта климата; все это въ совокупности привело къ скорому печальному исходу и 11 февраля 1650 г. Декартъ скончался. Спустя 16 лѣтъ состоялось перевезеніе праха философа на родину, а въ слѣдующемъ году торжественное погребеніе въ церкви св. Женевьевы, нынѣшномъ Пантеонѣ.

Н. Срѣтенскій.

---

*) Въ письмѣ по поводу трактата о страстяхъ Декартъ опредѣленно заявлялъ: „я намѣренъ излагать страсти не какъ ораторъ, и не какъ моральный философъ, а какъ физикъ“ (см. Oeuvres de Descartes, vol. 11, p. 326). Отъ подобной односторонности Декартъ удержался, но несомнѣнно, что основою его изслѣдованія является психофизіологическій анализъ возникновенія страстей. Психо-физіологическіе взгляды Декарта въ своихъ деталяхъ отзываются, конечно, наивностью и уже сильно устарѣли, но самая постановка проблемы и методы ея разрѣшенія дѣлаютъ Декарта родоначальникомъ новой психологіи. Изъ современныхъ намъ ученій психологія В. Джемса стоитъ всего ближе къ психологіи Декарта. *Н. С.*

Библіотека Московской Духовной Академіи

СОЧИНЕНІЯ ДЕКАРТА.

Библіотека Московской Духовной Академіи

БИБЛІОТЕКА Московской [illegible]

Начала философіи.

Письмо автора къ французскому переводчику *) „Началъ Философіи“, умѣстное здѣсь какъ предисловіе.

Переводъ моихъ „Началъ“, надъ обработкой котораго ты не задумался потрудиться, столь гладокъ и совершенъ, что я не безъ основанія надѣюсь, что „Начала“ большинствомъ будутъ прочтены и усвоены по французски, а не по латыни. Я опасаюсь единственно того, какъ бы заголовокъ не отпугнулъ многихъ изъ тѣхъ, кто не вскормленъ наукою, или тѣхъ, у кого философія не въ почетѣ, поскольку, при ихъ учености, она не удовлетворила ихъ души. По этой причинѣ я убѣжденъ, что будетъ полезно присоединить сюда предисловіе, которое указало бы имъ, каково содержаніе этой книги, что за цѣль ставилъ я себѣ, когда писалъ ее, и какую пользу можно изо всего этого извлечь. Но хотя такое предисловіе должно было бы быть предпослано мною, такъ какъ я долженъ находиться въ большей извѣстности относительно даннаго предмета, чѣмъ кто либо другой, я тѣмъ не менѣе не въ состояніи рѣшиться на это и предлагаю въ сжатомъ видѣ единственно основные пункты, которые, полагалъ бы, слѣдовало трактовать въ предисловіи, при чемъ поручаю на твое разумное усмотрѣніе, что изъ послѣдующаго ты найдешь пригоднымъ для опубликованія.

Прежде всего я хотѣлъ бы выяснить читателямъ, что́ такое философія, сдѣлавъ починъ съ наиболѣе обычнаго, съ того, напримѣръ, что слово философія обозначаетъ занятіе мудростью и что подъ мудростью понимается не только благоразуміе въ дѣлахъ, но также и совершенное знаніе всего того, что можетъ познавать человѣкъ; это же знаніе направляетъ самую жизнь и оказываетъ услуги сохраненію здоровья, а также открытіямъ во всѣхъ наукахъ. И чтобы философія выполнила все подобное, она необхо-

---

*) Къ аббату Пико; о немъ см. выше въ очеркѣ „Ренэ Декартъ“.
Прим. переводчика.

димо должна быть выведена изъ первыхъ причинъ такъ, чтобы тотъ, кто старается овладѣть ею (что и значитъ собственно философствовать), начиналъ съ изслѣдованія этихъ первыхъ причинъ, именуемыхъ „началами“. Для этихъ „началъ“ существуетъ два требованія. Во-первыхъ, они должны быть сколь возможно болѣе ясны и очевидны, чтобы, при внимательномъ разсмотрѣніи, человѣческій умъ не могъ усумниться въ ихъ истинности; во-вторыхъ, познаніе остального должно зависѣть отъ нихъ такъ, что хотя „начала“ и могли бы быть познаны помимо познанія остального, однако, обратно, это послѣднее не могло бы быть познано безъ знанія „началъ“. При этомъ должно вникнуть въ то, что здѣсь познаніе вещей изъ началъ, отъ которыхъ онѣ зависятъ, выводится такъ, что во всемъ ряду выводовъ не обнаруживается ничего, что не было бы наияснѣйшимъ. Вполнѣ мудръ, въ дѣйствительности, одинъ Богъ, ибо ему свойственно совершенное знаніе всего; но и люди могутъ быть названы болѣе или менѣе мудрыми, сообразно тому, какъ много или какъ мало они знаютъ истинъ о важнѣйшихъ предметахъ. Съ этимъ, я полагаю, согласятся всѣ знающіе люди.

Затѣмъ я предложилъ бы обсужденіе полезности этой философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ бы важность убѣжденія, что философія (поскольку она распространяется на все доступное для человѣческаго познанія) одна только отличаетъ насъ отъ дикарей и варваровъ, и что каждый народъ тѣмъ болѣе гражданственъ и культуренъ, чѣмъ лучше въ немъ философствуютъ; поэтому нѣтъ бо́льшаго блага для государства, какъ наличность въ немъ истинныхъ философовъ. Сверхъ того, для отдѣльныхъ людей хорошо не только пользоваться близостью тѣхъ, кто преданъ душою этой наукѣ, но поистинѣ много лучше самимъ посвящать себя ей же, подобно тому какъ несомнѣнно предпочтительнѣе при ходьбѣ пользоваться собственными глазами и благодаря имъ получать наслажденіе отъ красокъ и цвѣта, нежели закрывать глаза и слѣдовать на поводу у другого; однако и это все же лучше, чѣмъ, закрывъ глаза, отказываться отъ всякаго посторонняго руководительства. Дѣйствительно, тѣ, кто проводитъ жизнь безъ изученія философіи, совершенно сомкнули глаза и не заботятся открыть ихъ: а удовольствіе, которое мы получаемъ при созерцаніи вещей, видимыхъ нашему глазу, отнюдь не сравнимо съ тѣмъ удовольствіемъ, какое доставляетъ намъ познаніе того, что мы находимъ философствуя. Къ тому же для формированія нашихъ нравовъ и для жизненнаго уклада эта наука болѣе необходима, чѣмъ пользованіе глазами для руководства при ходьбѣ. Неразумныя животныя, у которыхъ кромѣ тѣла нѣтъ ничего, о чемъ бы имъ

было нужно заботиться, въ поискахъ пищи безпрерывно движутъ только это тѣло; для человѣка же, главною частью котораго является умъ (mens), на первомъ мѣстѣ должна стоять забота искать своей истинной пищи — мудрости. Я твердо убѣжденъ, что очень многіе не испытывали бы въ этомъ отношеніи недостатка, если бы только надѣялись сами достаточно удачно двигаться впередъ и знали бы, какъ это осуществить. Нѣтъ столь потеряннаго и презрѣннаго человѣка, который былъ бы такъ привязанъ къ объектамъ чувствъ, что когда-нибудь не обратился бы отъ нихъ къ ожиданію чего то лучшаго, хотя бы часто и не зналъ, въ чемъ послѣднее состоитъ. Къ кому судьба наиболѣе благосклонна, кто въ избыткѣ обладаетъ здоровьемъ, почетомъ и богатствомъ, тѣ не менѣе другихъ искушены этими желаніями; я даже убѣжденъ, что они сильнѣе прочихъ тоскуютъ по благамъ болѣе значительнымъ и совершеннымъ, чѣмъ тѣ, какими они обладаютъ. А такое Высшее благо, какъ показываетъ даже и помимо свѣта вѣры одинъ природный разумъ, есть ничто иное какъ познаніе истины по ея первопричинамъ, т. е. мудрость; занятіе послѣднею и есть философія. Такъ какъ все это вполнѣ вѣрно, то не трудно въ томъ убѣдиться, лишь бы дано было хорошее разъясненіе. Но поскольку этому убѣжденію противорѣчитъ опытъ, показывающій, что люди, болѣе всего занимающіеся философіею, часто менѣе мудры и не столь правильно пользуются своимъ разсудкомъ, какъ тѣ, кто никогда не посвящалъ себя этому занятію, я желалъ бы здѣсь кратко изложить, изъ чего состоятъ тѣ науки, которыя мы теперь имѣемъ и какой ступени мудрости эти науки достигаютъ. Первая ступень содержитъ только тѣ понятія, которыя благодаря собственному свѣту настолько ясны, что могутъ быть пріобрѣтены и безъ размышленія. Вторая ступень охватываетъ все то, что диктуетъ намъ чувственный опытъ. Третья — то, чему учитъ общеніе съ другими людьми. Сюда можно присоединить, на четвертомъ мѣстѣ, чтеніе книгъ, конечно, не всѣхъ, но преимущественно тѣхъ, которыя написаны людьми, способными надѣлить насъ хорошими наставленіями; это какъ бы видъ общенія съ ихъ творцами. Вся мудрость, какою обычно обладаютъ, пріобрѣтена, на мой взглядъ, этими четырьмя способами. Я не причисляю сюда божественнаго откровенія, ибо оно не постепенно, а разомъ поднимаетъ насъ до безошибочной вѣры. Во всѣ времена бывали великіе люди, пытавшіеся присоединять пятую ступень мудрости, гораздо больше возвышенную и вѣрную, чѣмъ предыдущія четыре; повидимому, они дѣлали это исключительно такъ, что изыскивали первыя причины и истинныя начала, изъ которыхъ выводили объясненія всего доступнаго для познанія. И тѣ, кто старался объ этомъ, получили имя философовъ по преимуществу. Никому, однако, насколько я знаю, не удалось счастливое разрѣшеніе этой задачи. Первыми выдающимися изъ писателей, сочиненія которыхъ дошли до насъ, были Платонъ и Аристотель. Между ними существовала та разница, что первый, блистательно слѣдуя по пути своего предшественника Сократа, былъ убѣжденъ, что онъ не можетъ найти ничего достовѣрнаго и довольствовался изложеніемъ того, что ему казалось вѣроятнымъ; съ этой цѣлью онъ принималъ извѣстныя начала, посредствомъ которыхъ и пытался давать объясненія прочимъ вещамъ. Аристотель же обладалъ меньшимъ благородствомъ мысли. Хотя Аристотель и былъ въ теченіе двадцати лѣтъ ученикомъ Платона и имѣлъ тѣ же начала, что и послѣдній, однако онъ совершенно измѣнилъ способъ ихъ объясненія и за вѣрное и правильное выдавалъ то, чего, вѣроятнѣе всего, самъ никогда не считалъ таковымъ. Этими двумя богато одаренными и мудрыми людьми четыре указанныхъ ступени были вполнѣ достигнуты, и въ силу этого они стяжали столь великую славу, что потомки болѣе предпочитали успокаиваться на ихъ мнѣніяхъ, нежели отыскивать лучшія. Главный споръ среди ихъ учениковъ шелъ прежде всего о томъ, слѣдуетъ ли во всемъ сомнѣваться или же должно что либо принимать за достовѣрное. Этотъ предметъ повергъ тѣхъ и другихъ въ страшныя заблужденія. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кто отстаивалъ сомнѣніе, распространяли его и на житейскіе поступки, такъ что пренебрегали пользоваться благоразуміемъ въ качествѣ необходимаго житейскаго руководства, тогда какъ другіе, защитники достовѣрности, предполагая, что эта послѣдняя зависитъ отъ чувствъ, принимали достовѣрное прямо на вѣру. Это доходило до того, что, по преданію, Эпикуръ, выслушавъ всѣ доводы астрономовъ, серьезно утверждалъ, будто солнце не больше по величинѣ, чѣмъ какимъ оно кажется. Здѣсь въ большинствѣ споровъ можно подмѣтить одну ошибку: въ то время какъ истина лежитъ между двумя защищаемыми воззрѣніями, каждое изъ послѣднихъ тѣмъ дальше отходитъ отъ нея, чѣмъ больше стремится впасть въ крайность противорѣчія. Но заблужденіе тѣхъ, кто излишне предавался сомнѣнію, долго не имѣло послѣдователей, а заблужденіе другихъ было нѣсколько исправлено, когда узнали, что чувства въ весьма многихъ случаяхъ обманываютъ насъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, съ корнемъ ошибка не была устранена: именно, не было высказано, что правота присуща не чувству, а одному лишь разуму, отчетливо воспринимающему вещи. И такъ какъ лишь разуму мы обязаны знаніемъ, достигаемымъ на первыхъ четырехъ ступеняхъ мудрости, то не должно сомнѣваться въ томъ, что кажется истиннымъ относительно нашего житейскаго поведенія; однако не должно полагать это за непреложное, чтобы не отвергать составленныхъ нами о чемъ либо мнѣній тамъ, гдѣ того требуетъ отъ насъ разумная очевидность. Не зная истинности этого положенія или зная, но пренебрегая ею, многіе изъ желавшихъ быть философами для своего и послѣдующихъ вѣковъ, слѣпо слѣдовали Аристотелю и часто, нарушая духъ его писаній, приписывали ему множество мнѣній, которыхъ онъ, вернувшись къ жизни, не призналъ бы за свои. А тѣ, кто ему и не слѣдовалъ (въ числѣ такихъ было много превосходнѣйшихъ умовъ), ничуть не менѣе проникались его воззрѣніями еще въ юности, такъ какъ въ школахъ только его взгляды и изучались; поэтому ихъ умы настолько были заполнены послѣдними, что перейти къ познанію истиныхъ началъ они не были въ состояніи. И хотя я ихъ всѣхъ цѣню и не желаю навлекать на себя чужой гнѣвъ, порицая ихъ, однако могу привести для своего утвержденія нѣкоторое доказательство, которому, полагаю, никто изъ нихъ не сталъ бы прекословить. Именно, почти всѣ они полагали за начало нѣчто такое, чего сами вполнѣ не знали. Вотъ примѣры. Никто не отрицаетъ, что земнымъ тѣламъ присуща тяжесть. Но если опытъ даже ясно показываетъ, что тѣла, называемыя тяжелыми, падаютъ къ центру земли, мы изъ этого всетаки не знаемъ, какова природа того, что выступаетъ подъ именемъ тяжести, т. е. какова причина или каково начало паденія тѣлъ, а должны узнавать объ этомъ какъ либо иначе. То же можно сказать о пустотѣ и объ атомахъ, о тепломъ и холодномъ, о сухомъ и влажномъ, о соли, о сѣрѣ, о ртути и обо всѣхъ подобныхъ вещахъ, которыя принимаются нѣкоторыми за начала. Но ни одно заключеніе, выведенное изъ неяснаго начала, не можетъ быть очевиднымъ, хотя бы это заключеніе выводилось отсюда самымъ очевиднѣйшимъ образомъ. Откуда слѣдуетъ, что ни одно умозаключеніе (ratiocinio), основанное на подобныхъ началахъ, не приводитъ къ достовѣрному знанію хоть чего нибудь и что, слѣдовательно, оно ни на одинъ шагъ не можетъ подвинуть далѣе въ изысканіи мудрости; если же что истинное и находятъ, то это дѣлается не иначе какъ при помощи одного изъ четырехъ вышеуказанныхъ способовъ. Однако я не хочу совлечь чести, которую каждый изъ тѣхъ авторовъ приписываетъ себѣ какъ должное; для тѣхъ же, кто не занимается наукою, я въ видѣ небольшого утѣшенія долженъ посовѣтовать лишь одно: идти тѣмъ же способомъ какъ и при путешествіи. Вѣдь какъ путники, въ случаѣ, если они обратятся спиною къ тому мѣсту, куда стремятся, отдѣляются отъ послѣдняго тѣмъ больше, чѣмъ дольше и быстрѣе шагаютъ, такъ что, хотя и повернутъ затѣмъ на правильную дорогу, однако не такъ скоро достигнутъ желаннаго мѣста, какъ если бы находились въ покоѣ,—такъ точно случается съ тѣми, кто пользуется ложными началами: чѣмъ болѣе заботятся о послѣднихъ и чѣмъ больше стараются о выведеніи изъ нихъ различныхъ слѣдствій, считая себя хорошими философами, тѣмъ дальше уходятъ отъ познанія истины и мудрости. Отсюда должно заключить, что всего меньше учившіеся тому, что до сей поры обыкновенно обозначали именемъ философіи, наиболѣе способны къ вѣрному пониманію. Хорошо показавъ это, я хотѣлъ бы представить здѣсь доводы, которые свидѣтельствовали бы, что начала, какія я предлагаю въ этой книгѣ, суть тѣ самыя истинныя начала, по которымъ переходятъ къ высшей ступени мудрости (а въ ней и состоитъ высшее благо человѣческой жизни). Два основанія достаточны для подтвержденія этого: первое, что начала эти ясны, и второе, что изъ нихъ все можно вывести; кромѣ этихъ двухъ условій никакія иныя для началъ не желательны. А что они (начала) вполнѣ ясны, легко показать, во первыхъ, изъ того способа, какимъ начала находятся: именно, должно отбросить все то, въ чемъ мнѣ могъ бы представиться случай хоть сколько нибудь усумниться; ибо достовѣрно, что все, чего нельзя подобнымъ образомъ отбросить, послѣ того какъ оно достаточно обсуждалось, и есть самое яснѣйшее и очевиднѣйшее изо всего доступнаго для человѣческаго познанія. Такъ, должно понять, что для того, кто сталъ сомнѣваться во всемъ, невозможно однако усумниться, что онъ самъ существуетъ въ то время, какъ сомнѣвается; кто такъ разсуждаетъ и не можетъ сомнѣваться въ самомъ себѣ, хотя сомнѣвается во всемъ остальномъ, не представляетъ собою того, что мы называемъ нашимъ тѣломъ, а есть то, что мы именуемъ нашею душею или сознаніемъ (cogitatio). Существованіе этого сознанія я принялъ за первое начало, изъ котораго вывелъ наиболѣе ясное слѣдствіе, именно, что существуетъ Богъ и Творецъ всего находящагося въ мірѣ; а такъ какъ Онъ есть источникъ всѣхъ истинъ, то Онъ не создалъ нашего разсудка такимъ по природѣ, чтобы послѣдній могъ обманываться въ сужденіяхъ о вещахъ, воспринятыхъ имъ яснѣйшимъ и отчетливѣйшимъ образомъ. Таковы всѣ мои принципы, которыми я пользуюсь въ отношеніи къ нематеріальнымъ, т. е. метафизическимъ вещамъ; изъ этихъ принциповъ я вывожу самымъ яснымъ образомъ начала вещей тѣлесныхъ, т. е. физическихъ; именно, что даны тѣла, протяженныя въ длину, ширину и глубину, надѣленныя различными фигурами и различнымъ образомъ движимыя. Здѣсь ты имѣешь суммарно всѣ тѣ начала, изъ которыхъ я вывожу истину о другихъ вещахъ. Второе основаніе, свидѣтельствующее очевидность началъ, таково: они были извѣстны во всѣ времена и считались даже всѣми людьми за истинныя и несомнѣнныя, исключая лишь существованіе Бога, которое нѣкоторыми приводилось къ сомнѣнію, такъ какъ люди слишкомъ многое приписывали чувственнымъ воспріятіямъ, а Бога нельзя ни видѣть, ни касаться. Хотя всѣ эти истины, принятыя мною за начала, всегда всѣми мыслились, никого, однако, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не было, кто принялъ бы ихъ за начала философіи, т. е. кто понялъ бы, что изъ нихъ можно вывести знаніе обо всемъ, существующемъ въ мірѣ. Поэтому мнѣ остается засвидѣтельствовать здѣсь, что именно таковы эти начала: мнѣ кажется, что невозможно представить это лучше, чѣмъ засвидѣтельствовавъ опытомъ, именно призвавъ читателей къ прочтенію этой книги. Вѣдь, хотя я и не веду въ ней рѣчи обо всемъ, да и невозможно это, всетаки, мнѣ кажется, вопросы, обсуждать которые мнѣ довелось, изложены здѣсь такъ, что лица, прочитавшія со вниманіемъ эту книгу, поймутъ, что для собственной убѣжденности нѣтъ нужды искать иныхъ началъ, помимо изложенныхъ мною; тѣмъ самымъ эти лица дойдутъ до высшихъ знаній, какимъ причастенъ человѣческій умъ; особенно, если прочтя написанною мною, они сочтутъ достойнымъ обсуждать, сколь различные вопросы здѣсь были изложены, и бѣгло пробѣжавъ то, что сказано другими, замѣтятъ, какъ мало вѣроятія можно было бы дать рѣшенію этихъ вопросовъ по началамъ, отличнымъ отъ моихъ. Если они приступятъ къ этому болѣе охотно, то я буду въ состояніи сказать, что тѣ, кто примкнулъ къ моимъ мнѣніямъ, съ гораздо меньшею трудностью поймутъ писанія другихъ и установятъ ихъ истинную цѣну, нежели тѣ, кто не примкнулъ къ моимъ мнѣніямъ; обратно, какъ выше я сказалъ, если случится прочесть мою книгу тѣмъ, кто беретъ за начало древнюю философію, то чѣмъ больше трудились они надъ послѣднею, тѣмъ обыкновенно оказываются менѣе способными къ истинному пониманію.

Относительно чтенія этой книги я присоединю сюда коротенько одинъ совѣтъ: именно, я желалъ бы, чтобы ее просмотрѣли въ одинъ пріемъ, какъ романъ, чтобы не утомлять своего вниманія и не задерживать себя трудностями, какія случайно встрѣтятся. Но на тотъ случай, если лишь смутно будетъ познана суть того, о чемъ я трактовалъ, то позднѣе, кольскоро предметъ покажется читателю достойнымъ тщательнаго изслѣдованія и будетъ желаніе познать причины всего этого, пусть онъ вторично прочтетъ книгу съ цѣлью прослѣдить связность моихъ доводовъ; однако, если онъ не достаточно восприметъ доводы или не всѣ ихъ пойметъ, то ему не слѣдуетъ унывать, но подчеркнувъ только мѣста, представляющія затрудненія, пусть онъ продолжаетъ чтеніе книги до конца безъ всякой задержки. Наконецъ, если читатель не затруднится взять книгу въ третій разъ, онъ найдетъ въ ней разрѣшеніе многихъ изъ прежде отмѣченныхъ трудностей; а если нѣкоторыя изъ послѣднихъ останутся и на сей разъ, то при дальнѣйшемъ чтеніи, я вѣрю, онѣ будутъ устранены.

Всякій разъ, приступая къ обозрѣнію душевныхъ силъ человѣка, я замѣчалъ, что едва ли существуютъ настолько глупые и несуразные люди, которые не были бы способны ни усвоивать хорошихъ мнѣній, ни подниматься до высшихъ знаній, разъ они направлены по должному пути. И это можно подтвердить. Если только начала ясны и изъ нихъ ничего не выводится иначе, какъ при посредствѣ очевиднѣйшихъ разсужденій, то никто не лишенъ настолько разума, чтобы этого ему было недостаточно для пониманія того, что вытекаетъ отсюда. Вѣдь, и помимо препятствій со стороны предразсудковъ, отъ которыхъ вполнѣ никто не огражденъ, тѣмъ, кто придаетъ важность невѣрному знанію, часто наносится большой вредъ: почти всегда случается, что одни изъ людей, одаренные умѣренными духовными силами, отчаявшись въ своихъ способностяхъ, не хотятъ погружаться въ науки, другіе же, болѣе пылкіе, слишкомъ спѣшатъ и часто допускаютъ начала не очевидныя или же выводятъ изъ нихъ неправильныя слѣдствія. Поэтому я и желалъ бы поставить въ извѣстность тѣхъ, кто излишне недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, что въ моихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего непонятнаго, если только они не уклонятся отъ труда убѣдиться въ томъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ другимъ я хотѣлъ бы напомнить, что даже для выдающихся умовъ было необходимо долгое время и величайшее вниманіе, чтобы изслѣдовать все, что я желалъ охватить въ своей книгѣ.

Далѣе, чтобы цѣль, которую я имѣлъ при обнародованіи этой книги, была правильно понята, я хотѣлъ бы указать здѣсь и порядокъ, который, какъ мнѣ кажется, долженъ соблюдаться для собственнаго образованія. Во-первыхъ, тотъ, кто владѣетъ только обычнымъ и несовершеннымъ знаніемъ, которое можно пріобрѣсти посредствомъ четырехъ вышеуказанныхъ способовъ, нуждается прежде всего въ томъ, чтобы придумать какую либо этику, которая служила бы въ качествѣ жизненнаго правила, ибо это и не терпитъ замедленія и должно быть первою заботою, дабы хорошо жить. Затѣмъ должно заняться логикой; но не той, какую изучаютъ въ школахъ: эта, собственно говоря, есть лишь нѣкотораго рода діалектика, которая учитъ только передавать другимъ уже извѣстное намъ и даже учитъ говорить, не разсуждая, о многомъ, чего мы не знаемъ; благодаря этому она скорѣе портитъ, а не улучшаетъ хорошій умъ. Нѣтъ, сказанное относится къ той логикѣ, которая правильно учитъ управлять разумомъ для пріобрѣтенія познанія еще неизвѣстныхъ намъ истинъ; такъ какъ эта логика особенно зависитъ отъ подготовки, то, чтобы ввести въ употребленіе присущія ей правила, полезно долго практиковаться въ болѣе легкихъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ вопросахъ математики. Послѣ того какъ будетъ пріобрѣтена извѣстная легкость въ правильномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, должно серьезно отдаться истинамъ философіи, первою частью которой является метафизика, гдѣ содержатся начала познанія. Среди нихъ встрѣчается объясненіе главныхъ аттрибутовъ Бога, нематеріальности нашей души, равно и всѣхъ остальныхъ ясныхъ и простыхъ понятій, какими мы обладаемъ. Вторая часть—физика; въ ней, послѣ того какъ найдены истинныя начала матеріальныхъ вещей, изслѣдуется вообще, какъ образованъ весь міръ; затѣмъ, особо, какова природа земли и всѣхъ остальныхъ тѣлъ, находящихся около земли, какъ напримѣръ, воздухъ, вода, огонь, магнитъ и иные минералы. Далѣе должно по отдѣльности изслѣдовать природу планетъ, животныхъ, а особенно людей, чтобы удобнѣе было обратиться къ открытію прочихъ полезныхъ истинъ. Вся философія подобна какъ бы дереву, корни котораго—метафизика, стволы—физика, а вѣтви изъ растущихъ на стволѣ почекъ—всѣ прочія науки, сводящіяся къ тремъ главнымъ: медицинѣ, механикѣ и этикѣ. Подъ послѣднею я разумѣю высочайшую и совершеннѣйшую науку о нравахъ; она предполагаетъ полное знаніе другихъ наукъ и есть послѣдняя ступень къ Высшей мудрости. Подобно тому какъ плоды собираютъ не съ корней и не со ствола дерева, а только съ концовъ его вѣтвей, такъ и особенная полезность философіи зависитъ отъ ея частей, которыя могутъ быть изучены только подъ конецъ. Но хотя я даже почти ни одной изъ нихъ не зналъ, всегдашнее мое рвеніе увеличить общее благо побудило меня десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ позаботиться издать нѣкоторые „Опыты“ относительно того что, какъ мнѣ казалось, я изучилъ.

Первою частью этихъ „Опытовъ“ было разсужденіе *о методѣ* вѣрнаго управленія разсудкомъ и изысканія истины въ знаніяхъ; тамъ я кратко передалъ особыя правила логики и несовершенной этики, которая могла быть только временною, ибо не было извѣстно иной. Остальныя части содержали три трактата: одинъ о Діоптрикѣ, другой о Метеорахъ и послѣдній о Геометріи. Въ Діоптрикѣ мнѣ хотѣлось доказать, что мы достаточно далеко можемъ идти въ философіи, чтобы съ ея помощью приблизиться къ познанію наукъ, полезныхъ въ жизни, такъ какъ изобрѣтеніе телескоповъ, о чемъ я тамъ говорилъ, было однимъ изъ труднѣйшихъ изобрѣтеній, какія когда либо были сдѣланы. Посредствомъ трактата о метеорахъ я хотѣлъ отмѣтить, насколько философія, разрабатываемая мною, отличается отъ философіи, изучаемой въ школахъ, гдѣ обычно сообщаютъ о томъ же предметѣ. Наконецъ, черезъ посредство трактата о геометріи я хотѣлъ показать, какъ много неизвѣстныхъ дотолѣ вещей я открылъ, и я воспользовался случаемъ убѣдить другихъ, что можно открыть и много иного, чтобы такимъ образомъ направить всѣхъ къ изслѣдованію истины. Позднѣе, предвидя для многихъ трудности въ пониманіи началъ метафизики, я попытался изложить особенно затруднительныя мѣста въ книгѣ „Размышленій“; послѣдняя хотя и не велика, однако содержитъ массу вопросовъ, и то, что я въ ней излагалъ, получаетъ большее освѣщеніе отъ возраженій, присланныхъ мнѣ по этому поводу различными знаменитыми въ наукѣ людьми и отъ моихъ отвѣтовъ имъ. Наконецъ, послѣ того какъ мнѣ показалось, что умы читателей достаточно подготовлены предшествующими трудами для пониманія Началъ философіи, я выпустилъ въ свѣтъ и послѣднія и раздѣлилъ эту книгу на четыре части; первая изъ нихъ содержитъ начала человѣческаго познанія и представляетъ изъ себя то, что можетъ быть названо первой философіей или даже метафизикой; полезно для правильнаго пониманія ея предпослать ей чтеніе „Размышленій“, касающихся того же предмета. Остальныя три части содержатъ все наиболѣе общее въ физикѣ; сюда относится изложеніе первыхъ законовъ или началъ природы; дано описаніе того, какъ образованы небесный сводъ, неподвижныя звѣзды, планеты, кометы и вообще вся вселенная; затѣмъ особо описаніе природы нашей земли, воздуха, воды, огня, магнита—тѣлъ, которыя обычно наичаще встрѣчаются на землѣ, и всѣхъ качествъ, замѣчаемыхъ въ этихъ тѣлахъ, какъ свѣтъ, теплота, тяжесть и прочее. На этомъ основаніи я, думается, началъ изложеніе всеобщей философіи такимъ образомъ, что ничего не упустилъ изъ того, что должно предшествовать описываемому въ заключеніи. Однако, чтобы придти такимъ образомъ къ концу, я долженъ былъ бы подобнымъ образомъ отдѣльно изложить природу болѣе частныхъ тѣлъ, находящихся на землѣ, именно ми-

нераловъ, растеній, животныхъ и особенно человѣка; наконецъ, должны были бы тщательно быть трактованы медицина, этика и механическія науки. Это мнѣ оставалось бы сдѣлать, чтобы дать роду человѣческому законченный сводъ философіи. И я чувствую себя не настолько старымъ, не такъ уже не довѣряю собственнымъ силамъ, и вижу себя не столь далекимъ отъ познанія того, что желательно, чтобы не осмѣливаться приняться за выполненіе этого труда, имѣй я только удобство произвести всѣ тѣ опыты, какіе мнѣ необходимы для подтвержденія и провѣрки моихъ разсужденій. Но видя, что это потребовало бы значительныхъ издержекъ, которыя невозможны для частнаго лица, какимъ являюсь я, внѣ общественной поддержки, и видя, что нѣтъ основаній ожидать такой помощи,—я полагаю, что въ дальнѣйшемъ съ меня достаточно будетъ постараться о личномъ моемъ дѣлѣ, и пусть потомство мнѣ извинитъ, если я впослѣдствіи не стану себя утомлять ради него никакими особенными трудами.

Между тѣмъ, чтобы выяснить, въ чемъ, на мой взглядъ, состоитъ моя заслуга, я скажу здѣсь, какіе, по моему мнѣнію, плоды могутъ быть собраны съ моихъ „Началъ“. Первый—удовольствіе, испытываемое тѣмъ, кто здѣсь найдетъ много до сихъ поръ неизвѣстныхъ истинъ; вѣдь хотя истины часто не столь сильно дѣйствуютъ на наше воображеніе, какъ ложь и выдумки, ибо истина кажется менѣе изумительной и болѣе простой, однако радость, приносимая ею, длительнѣе и основательнѣе. Второй плодъ—это то, что усвоеніе данныхъ Началъ понемногу пріучитъ насъ правильнѣе судить обо всемъ встрѣчающемся и такимъ образомъ становиться болѣе разсудительными: результатъ—прямо противоположный тому, какой производитъ обычная (vulgaris) философія. Легко подмѣтить въ такъ называемыхъ педантахъ, что они столь мало дѣлаютъ себя причастными здравому разсудку, какъ если бы никогда съ нимъ не соприкасались. Третій плодъ—тотъ, что истины, содержащіяся въ Началахъ, наиболѣе очевидны и вѣрны и устраняютъ всякое основаніе для споровъ, тѣмъ самымъ располагая умы къ кротости и согласію; совершенно обратное вызываютъ школьныя контроверсіи, такъ какъ онѣ мало по малу дѣлаютъ учащихся безсмысленными спорщиками и упрямцами и, понятно, становятся первыми причинами ересей и разногласій, какія теперь повсюду въ ходу. Послѣдній и главный плодъ этихъ Началъ состоитъ въ томъ, что, разрабатывая ихъ, можно открыть великое множество истинъ, которыхъ я самъ не излагалъ, и такимъ образомъ, переходя постепенно отъ одной къ другой, со временемъ придти къ полному познанію всей философіи и къ высшей ступени мудрости. Ибо, какъ видимъ во всѣхъ наукахъ, хотя въ началѣ послѣднія грубы и несовершенны, однако, благодаря тому, что содержатъ въ себѣ нѣчто истинное, удостовѣряемое результатами опыта, онѣ постепенно совершенствуются; точно также и въ философіи, разъ мы имѣемъ истинныя начала, не можетъ статься, чтобы при проведеніи ихъ мы не напали бы когда-нибудь на другія истины. И всего лучше можно засвидѣтельствовать ложность Аристотелевыхъ принциповъ, если указать, что благодаря имъ въ теченіе многихъ вѣковъ, когда ими пользовались, нельзя было произвести никакого поступательнаго движенія въ познаніи вещей. Отъ меня не скрыто, конечно, что существуютъ люди столь стремительные и сверхъ того столь мало осмотрительные въ своихъ поступкахъ, что, имѣя даже основательнѣйшій фундаментъ, они не въ состояніи построить на немъ ничего достовѣрнаго. А такъ какъ они обычно склонны къ писанію книгъ, то могутъ въ скоромъ времени разрушить весь проложенный мною путь и ввести въ мой философскій методъ недостовѣрность и сомнительность (съ изгнанія чего я съ величайшею заботою и началъ), если ихъ писанія будутъ принимать за мои или за такія, которыя якобы полны моихъ убѣжденій. Недавно я испыталъ это отъ одного изъ тѣхъ, о комъ говорятъ какъ о моемъ ближайшемъ послѣдователѣ; о немъ я даже гдѣ-то писалъ, будто настолько раздѣляю его умонастроеніе, что не думаю, чтобы онъ держался какого либо мнѣнія, которое я не пожелалъ бы признать за свое собственное. Между тѣмъ въ прошломъ году онъ издалъ книгу подъ заголовкомъ „Основанія Физики *). Хотя, повидимому, въ ней нѣтъ ничего касающагося физики и медицины, чего онъ пе взялъ бы изъ моихъ обнародованныхъ трудовъ, а также изъ незаконченной еще работы о „о природѣ животныхъ“, попавшей къ нему въ руки, однако въ силу того, что онъ плохо переписалъ, измѣнилъ порядокъ изложенія и пренебрегъ нѣкоторыми метафизическими истинами, которыми должна

быть проникнута вся физика, я намѣреваюсь совершенно отторгнуть его отъ себя и просить читателей никогда не приписывать мнѣ какого либо мнѣнія, если не найдутъ его выраженнымъ въ моихъ произведеніяхъ; и пусть читатели не принимаютъ за вѣрное никакого мнѣнія ни въ моихъ, ни въ чужихъ произведеніяхъ, если не увидятъ, что эти мнѣнія яснѣйшимъ образомъ выводятся изъ истинныхъ началъ.

И я знаю, что можетъ пройти много вѣковъ, прежде чѣмъ изъ этихъ началъ будутъ выведены всѣ истины, какія оттуда можно извлечь, такъ какъ истины, какія должны быть найдены, въ значительной долѣ зависятъ отъ отдѣльныхъ опытовъ; послѣдніе же никогда не проявляются случайно, но должны быть изыскиваемы проницательными людьми съ заботливостью и съ издержками. Вѣдь не всегда случится, что тѣ, кто способенъ достойно произвести опыты, пріобрѣтутъ къ тому возможность; а также многіе изъ тѣхъ, кто выдѣляется способностями, составляютъ дурное воззрѣніе по общей философіи, какъ это замѣтно по ошибкамъ сдѣланнымъ въ томъ, что до сей поры пользовалось значеніемъ. Слѣдовательно, они никогда не смогутъ направить умъ къ достиженію лучшаго. Но кто, въ концѣ концовъ, уловитъ различіе между моими началами и началами другихъ, а также то, какой рядъ истинъ отсюда можно извлечь, тѣ убѣдятся, какъ важны эти начала въ разысканіи истины и до какой высокой степени мудрости, до какого совершенства жизни, до какого счастья могутъ довести насъ эти начала. Смѣю вѣрить, что не найдется никого, кто не пошелъ бы навстрѣчу столь полезному для него занятію или, по крайней мѣрѣ, кто не сочувствовалъ бы и не желалъ бы всѣми силами помочь плодотворно трудящимся. Вотъ всѣ мои пожеланія: пусть наши потомки когда либо увидятъ счастливое наступленіе такого времени.

---

*) Здѣсь идетъ рѣчь объ ученикѣ Декарта Анри Режи, исказившемъ нѣкоторыя данныя спеціальныхъ анатомическихъ изслѣдованій Декарта (ученіе о мускулахъ) и отклонившемся отъ строгаго соблюденія метафизическихъ принциповъ (въ ученіи о природѣ человѣка). „Fundamenta Physices“ появились въ 1645 г., а позднѣе, въ концѣ 1647 года, Режи публично выступилъ съ программой своихъ тезисовъ, отличныхъ отъ ученія Декарта, и послѣднему пришлось отвѣчать обстоятельными „Замѣтками къ программѣ“ и т. д. Подробнѣе см. Charl Adam, op. cit., p. 349—353.

Прим. переводчика.

Первая часть Началъ философіи.

Объ основахъ человѣческаго познанія.

I.—Такъ какъ мы рождаемся дѣтьми и составляемъ разныя сужденія о чувственныхъ вещахъ прежде, чѣмъ достигнемъ полнаго обладанія нашимъ разумомъ, то многіе предразсудки отвращаютъ насъ отъ истиннаго познанія; освободиться отъ нихъ мы, повидимому, можемъ не иначе, какъ постаравшись хотя бы разъ въ жизни усумниться во всемъ томъ, на счетъ чего обнаружимъ малѣйшее подозрѣніе въ недостовѣрности.

II.—И то, въ чемъ мы станемъ сомнѣваться, полезно счесть за ложное, чтобы тѣмъ яснѣе намъ открылось, что́ именно всего достовѣрнѣе и всего легче для познанія.

III.—Но здѣсь пока это сомнѣніе распространяется на одно лишь созерцаніе истины. Вѣдь, что касается житейской практики, то,—такъ какъ случай дѣйствовать проходитъ прежде, чѣмъ мы можемъ освободиться отъ нашихъ сомнѣній,—мы вынуждены принимать лишь вѣроятное; а иногда, даже, хотя бы одно изъ двухъ не казалось намъ вѣроятное другого, мы бываемъ вынуждены выбирать которое нибудь изъ нихъ.

IV.—Итакъ, когда мы приналяжемъ на изысканіе истины, мы начинаемъ сомнѣваться прежде всего въ томъ, существуютъ ли какія либо чувственныя или воображаемыя вещи: во-первыхъ, мы замѣчаемъ, что чувства наши иногда заблуждаются, а благоразумію свойственно никогда излишне не довѣрять тому, что насъ хоть разъ обмануло; во-вторыхъ, каждый день намъ во снѣ кажется, будто мы видимъ или воображаемъ безчисленное количество вещей вовсе несуществующихъ; для того, кто подобнымъ образомъ сомнѣвается, нѣтъ никакихъ признаковъ, посредствомъ которыхъ онъ вѣрно отличилъ бы сонъ отъ бодрствованія.

V.—Станемъ сомнѣваться и во всемъ остальномъ, что прежде полагали за самое достовѣрное, даже въ математическихъ доказательствахъ, даже въ тѣхъ началахъ, которыя мы до тѣхъ поръ считали за извѣстныя сами по себѣ; вѣдь мы видѣли, что нѣкогда иные ошибались въ этихъ вещахъ и допускали за достовѣрное и само по себѣ извѣстное то, что намъ кажется ложнымъ; а тѣмъ болѣе усумнимся потому, что слышали о существованіи Бога, всемогущаго и создавшаго насъ, а вѣдь мы не знаемъ, не захотѣлъ ли онъ, быть можетъ, создать насъ такими, чтобы мы всегда ошибались даже въ томъ, что намъ кажется самымъ достовѣрнымъ: ибо, повидимому, это можетъ не менѣе случиться, какъ и то, что мы иногда ошибаемся,—а мы замѣтили уже, что послѣднее случается. Если же мы вообразимъ, что обязаны существованіемъ не всемогущему Богу, а либо самимъ себѣ, либо кому нибудь другому, то, чѣмъ менѣе могущественнымъ признаемъ мы виновника нашего происхожденія, тѣмъ болѣе будетъ вѣроятно, что мы такъ несовершенны, что постоянно ошибаемся.

VI.—Однако отъ кого бы мы не произошли, какъ бы онъ ни былъ могуществен, какъ бы онъ насъ не обманывалъ, тѣмъ не менѣе мы находимъ въ себѣ свободную возможность воздержаться отъ довѣрія къ тому, что еще не вполнѣ достовѣрно и дознано, и такимъ образомъ предостеречься отъ всякаго заблужденія.

VII.—Такимъ образомъ, отбросивъ все то, въ чемъ такъ или иначе мы можемъ сомнѣваться, и даже мысля все это ложнымъ, мы, конечно, легко предположимъ, что нѣтъ никакого неба, никакихъ тѣлъ и что даже у насъ самихъ нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни, наконецъ, тѣла,—но мы все таки не предположимъ, что мы, думая объ этомъ, не существуемъ; нелѣпо было бы признавать то, что мыслитъ, въ то самое время, когда оно мыслитъ, несуществующимъ. Потому познаніе—„я мыслю, значитъ существую“—есть первое и вѣрнѣйшее изъ всѣхъ познаній, встрѣчающихся каждому, кто методически философствуетъ.

VIII.—И это лучшій путь для познанія природы души и ея отличія отъ тѣла: ибо изслѣдуя, что такое мы, предполагающіе ложнымъ все, что отъ насъ отлично, мы увидимъ совершенно ясно, что къ нашей природѣ не принадлежитъ ни протяженіе, ни фигура, ни перемѣщеніе, ни иное подобное, что слѣдуетъ приписать тѣлу, но принадлежитъ одно мышленіе *), которое вслѣдствіе этого и познается прежде и вѣрнѣе всякихъ матеріальныхъ предметовъ; его то мы уже воспринимаемъ, а во всемъ иномъ еще сомнѣваемся.

---

*) Терминъ *cogitatio* здѣсь, какъ и ниже, мы рѣшили переводить словомъ *мышленіе*, а не словомъ *сознаніе*, хотя соглашаемся, что безъ особой оговорки такая передача важнаго понятія *cogitatio* можетъ повлечь за собой нежелательное представленіе о Декартѣ какъ о крайнемъ раціоналистѣ. На неправильности послѣдняго взгляда особенно настаиваетъ г-жа Половцева въ своемъ введеніи къ переводу трактата Спинозы объ „очищеніи интеллекта“ (Москва. 1914. Стр. 40 и сл.) Но намъ думается, что, оговоривъ широту взгляда Декарта, лучше предоставить читателю изъ яснаго контекста § IX

IX.—Подъ именемъ мышленія я разумѣю все то, что происходитъ въ насъ во время сознанія, поскольку въ насъ есть сознаніе происходящаго, и, такимъ образомъ, не только понимать, желать, воображать, но также и чувствовать означаетъ здѣсь то же самое, что мыслить. Ибо вѣдь, если я скажу „я вижу“ или „я гуляю, значитъ существую“, и буду разумѣть здѣсь видѣніе или прогулку, совершаемыя тѣломъ,—то заключеніе не абсолютно вѣрно, потому что, какъ это часто случается во снѣ, я могу думать, что вижу или гуляю, хотя бы я не открывалъ глазъ и не трогался съ мѣста и даже какъ бы вовсе не имѣлъ тѣла; но заключеніе вполнѣ вѣрно, если я подразумѣваю самое чувство или сознаніе того, что я вижу или прогуливаюсь, ибо тогда эти дѣйствія относятся къ духу, который одинъ лишь чувствуетъ и мыслитъ, что видитъ или гуляетъ.

X.—Я не стану разъяснять здѣсь многочисленныя иныя понятія, которыми уже пользовался или воспользуюсь въ дальнѣйшемъ, такъ какъ они кажутся мнѣ достаточно извѣстными сами по себѣ. И я часто замѣчалъ, какъ философы заблуждаются въ томъ, что простѣйшее и извѣстное само по себѣ они пытаются излагать путемъ логическихъ опредѣленій и такимъ образомъ затемняютъ дѣло еще больше. Когда я сказалъ, что положеніе: я мыслю, значитъ существую—является самымъ первымъ и достовѣрнымъ и что оно встрѣчается всякому методически философствующему, я не отрицалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не важно знать до этого положенія, что такое мышленіе, существованіе, достовѣрность; также не можетъ быть, чтобы то, что мыслитъ, не существовало и т. п., но въ виду того, что это—понятія простѣйшія и такія, что сами по себѣ (in se) не даютъ признаковъ никакой существующей вещи, я и разсудилъ ихъ не перечислять.

XI.—И вотъ, чтобы знать, что наша душа познается *) не только прежде и достовѣрнѣе, но и яснѣе, чѣмъ тѣло, должно отмѣтить, какъ самое извѣстное въ силу естественнаго свѣта, что гдѣ нѣтъ ничего, тамъ нѣтъ побужденій или качествъ; поэтому, гдѣ бы и что бы мы не охватили мыслью, необходимо открыть въ этомъ вещь или субстанцію, которой принадлежатъ качества и побужденія; и чѣмъ больше воспринимаемъ мы ихъ въ вещи или субстанціи, тѣмъ яснѣе ее познаемъ. А мы гораздо большее постигаемъ въ нашей душѣ, чѣмъ въ чемъ либо другомъ. Это обнаруживается изъ невозможности для насъ познавать что либо безъ того, чтобы такое познаніе не приводило насъ, и гораздо достовѣрнѣе, къ познанію нашей души. Такъ, если я полагаю, что существуетъ земля, ибо я ея касаюсь и вижу, то въ силу этого для меня еще болѣе естественно судить о существованіи моей души; вѣдь можетъ оказаться, что я полагаю, будто касаюсь земли, хотя бы никакой земли не существовало, но не можетъ случиться, чтобы, разъ я сужу подобнымъ образомъ, моя душа, которая объ этомъ судитъ, была ничто; то же и въ другихъ случаяхъ.

XII.—Тѣмъ, кто философствуетъ неметодически, дѣло представляется инымъ по той лишь причинѣ, что они никогда достаточно старательно не различаютъ души отъ тѣла. И хотя они считаютъ за достовѣрнѣйшее для себя, что существуютъ они сами, а не что либо иное, однако не замѣчаютъ, что подъ самими собою здѣсь умѣстно было бы понимать одни души (mentes solas); они, напротивъ, скорѣе понимаютъ только свои тѣла, видимыя глазами, ощупываемыя руками; этимъ тѣламъ они ошибочно приписываютъ силу чувствованія. Это и отклонило ихъ отъ познанія природы души.

XIII.—Но когда душа, познавши сама себя, еще сомнѣвается во всемъ остальномъ и всюду осматривается, чтобы распространить познаніе какъ можно дальше, то прежде всего она находитъ у себя идеи множества вещей. Если только душа не утверждаетъ и не отрицаетъ существованія внѣ себя чего либо подобнаго этимъ идеямъ, то ошибиться въ нихъ она не можетъ, сколь бы долго ни разсматривала ихъ. Она находитъ также нѣкоторыя общія понятія и создаетъ изъ нихъ различныя доказательства; по мѣрѣ того какъ она сосредоточивается на послѣднихъ, она вполнѣ убѣждается, что эти доказательства истинны. Такъ, напримѣръ, душа имѣетъ въ себѣ идеи чиселъ и фигуръ, имѣетъ также среди общихъ понятій и то, что если къ равнымъ величинамъ прибавить равныя, то возникшія отсюда величины будутъ равны между собою, имѣетъ еще и другія подобныя понятія. Изъ этого легко доказать, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ и т. д.; душа убѣждается въ истинности этого и другихъ подобныхъ положеній, поскольку она сосредоточится на посыл-

---

этой части „Началъ“ уловить оттѣнокъ въ употребленіи Декартомъ характерно-раціоналистическаго термина школьной философіи. Къ тому же переводъ *cogitatio* въ § IX словомъ *сознаніе* создаетъ непреоборимыя трудности и ведетъ къ словесной нелѣпицѣ.

*) Для передачи термина *mens* мы остановились на словѣ *душа*, а не *духъ* (что архаично) или *умъ* (вносится излишній раціонализмъ).

Прим. переводчика.

кахъ, изъ которыхъ выводитъ сужденіе. Но душа не можетъ на нихъ постоянно сосредоточиваться. Поэтому когда она вспомнитъ потомъ, что еще не знаетъ, не присуще ли ей отъ природы обманываться даже въ томъ, что ей представляется самымъ яснымъ, она начинаетъ видѣть, что по праву сомнѣвается въ этихъ вещахъ, и считаетъ невозможнымъ имѣть какое либо достовѣрное знаніе прежде, чѣмъ познаетъ виновника своего происхожденія.

XIV.—Далѣе, душа, разсматривая различныя идеи, находимыя ею у себя, обнаруживаетъ, что есть идея о существѣ высшаго разума, высшей власти и высшаго совершенства; идея эта превышаетъ всѣ иныя: въ ней душа познаетъ бытіе не только возможное и случайное, какъ въ идеяхъ всѣхъ другихъ вещей, воспринимаемыхъ раздѣльно, но познаетъ бытіе совершенно необходимое и вѣчное. Напримѣръ, воспринимая въ идеѣ треугольника, какъ необходимо въ ней заключающееся, то, что три угла его равны двумъ прямымъ, душа вполнѣ убѣждается, что треугольникъ имѣетъ три угла равными двумъ прямымъ; подобнымъ же образомъ изъ воспріятія того только, что въ идеѣ существа высочайшаго совершенства содержится необходимое и вѣчное бытіе, должно опредѣленно заключить, что есть существо высочайшаго совершенства.

XV.—И душа убѣдится въ томъ сильнѣе, если замѣтитъ, что у нея нѣтъ идеи никакой иной вещи, относительно которой она подобнымъ образомъ отмѣтила бы, что въ ней содержится необходимое существованіе. А изъ этого она пойметъ, что подобная идея существа высочайшаго совершенства не возникла въ ней сама по себѣ и представляетъ не какую нибудь химерическую вещь, но истинную и неизмѣнную природу, которая не можетъ не существовать, такъ какъ въ ней содержится необходимое существованіе.

XVI.—Въ этомъ, говорю я, легко убѣждается наша душа, если она раньше совершенно освободилась отъ предразсудковъ. Но такъ какъ мы привыкли различать во всѣхъ прочихъ вещахъ сущность и существованіе, а также привыкли произвольно измышлять разныя идеи вещей несуществующихъ или никогда не существовавшихъ, то естественно случается, что, погрузившись со всѣмъ вниманіемъ въ созерцаніе существа высочайшаго совершенства, мы сомнѣваемся, не является ли его идея случайно одною изъ тѣхъ, которыя мы произвольно образуемъ или, по крайней мѣрѣ, къ сущности которыхъ существованіе не относится.

XVII.—Напослѣдокъ, обсуждая идеи, имѣющіяся у насъ, мы видимъ, что онѣ не многимъ отличаются одна отъ другой, поскольку онѣ суть нѣкоторые модусы мышленія; но какъ скоро одна идея представляетъ одну вещь, а другая другую, онѣ становятся весьма различны между собою. И чѣмъ болѣе идеи содержатъ въ себѣ объективнаго совершенства, тѣмъ совершеннѣе должна быть ихъ причина. Подобно тому, какъ если кто имѣетъ идею какой либо очень искусно сдѣланной машины, онъ по праву можетъ доискиваться причины, въ силу которой имѣетъ эту идею: въ самомъ дѣлѣ, не видѣлъ ли онъ гдѣ либо подобной машины, созданной другими? не постигъ ли въ совершенствѣ техническія знанія? не такова ли въ немъ сила разума, что, не видя никогда и нигдѣ машины, онъ самъ могъ измыслить ее? И всякое произведеніе искусства, которое содержится въ этой идеѣ лишь объективно, т. е. какъ бы въ образѣ, должно содержаться въ ея причинѣ, какова бы послѣдняя ни была, не только объективно и репрезентативно, именно въ первой и самой главной причинѣ, но и на самомъ дѣлѣ формально или въ возможности.

XVIII.—Имѣя въ себѣ идею Бога или Высшаго существа, мы въ правѣ допытываться, отъ какой именно причины имѣемъ ее. И такую безмѣрность находимъ мы въ этой идеѣ, что вполнѣ увѣряемся въ томъ, что она не могла быть вложена въ насъ ничѣмъ инымъ кромѣ вещи, въ которой дѣйствительно присутствуетъ полнота всѣхъ совершенствъ, т. е. никѣмъ инымъ, какъ реально существующимъ Богомъ. Но согласно естественному свѣту всего достовѣрнѣе, что ничто не можетъ произойти изъ ничего и что, сверхъ того, болѣе совершенное не можетъ произойти отъ менѣе совершеннаго, какъ отъ причины дѣйствующей и цѣлостной; въ насъ же не могли бы существовать идея или образъ какой либо вещи, извѣстнаго первообраза которой не существовало бы гдѣ нибудь, въ насъ ли самихъ или внѣ насъ,—первообраза, содержащаго въ себѣ дѣйствительно всѣ совершенства. А такъ какъ мы ни въ какомъ случаѣ не встрѣтимъ въ насъ самихъ суммы всѣхъ совершенствъ, идею которыхъ имѣемъ, то отсюда мы правильно заключаемъ, что совершенства эти находятся въ чемъ то отъ насъ отличномъ, именно въ Богѣ; или поистинѣ, нѣкогда были, откуда ясно слѣдуетъ, что они также и сейчасъ имѣются.

XIX.—Итакъ вполнѣ достовѣрно обнаружено, что тѣмъ, кто разсматриваетъ идею Бога, свойственно замѣчать высоту Его совершенствъ. Вѣдь, хотя мы послѣднихъ не охватываемъ, потому что нами, существами конечными, безконечное по природѣ не охватывается, тѣмъ не менѣе мы можемъ понять Его совершенства яснѣе и отчетливѣе, нежели какія либо тѣлесныя вещи, такъ какъ эти совершенства болѣе заполняютъ наше мышленіе, болѣе просты и не затемняются никакими ограниченіями.

XX.—Но такъ какъ не всѣ это замѣчаютъ, и кромѣ того подобно тѣмъ, кто имѣетъ идею какой либо искусной машины, обыкновенно не знаютъ, откуда ее получили, то мы напомнимъ, что идея Бога нѣкогда досталась намъ отъ Него самого, т. е. что мы какъ бы всегда ее имѣли; поэтому нужно еще спросить, отъ кого же происходимъ мы, имѣющіе въ себѣ идею высшихъ совершенствъ Бога. Вѣдь, дѣйствительно, достовѣрно, согласно естественному свѣту, что не существуетъ сама собою та вещь, которая знаетъ нѣчто совершеннѣе себя: она придала бы сама себѣ всѣ тѣ совершенства, идею которыхъ имѣетъ. И не могла она также произойти отъ того, кто не имѣлъ бы въ себѣ этихъ совершенствъ, т. е. не былъ бы Богомъ.

XXI.—Ничто не можетъ затемнить ясности этого доказательства, разъ только обратимъ вниманіе на природу времени или длительности вещей; послѣдняя такова, что ея части взаимно другъ отъ друга не зависятъ и никогда вмѣстѣ не существуютъ, а изъ того, что мы теперь существуемъ, еще не слѣдуетъ, что мы будемъ существовать въ ближайшее время, если только какая либо причина,—конечно та, которая насъ впервые произвела,—какъ бы безпрерывно не станетъ воспроизводить насъ, т. е. сохранять. И легко понять, что въ насъ нѣтъ никакой силы, посредствомъ которой мы сами сохраняли бы себя. А то, въ чемъ есть такая сила, что́ сохраняетъ насъ, отличныхъ отъ него, тѣмъ болѣе сохранитъ само себя; скорѣе даже оно вовсе не нуждается въ сохраненіи кѣмъ либо другимъ; словомъ, есть Богъ.

XXII.—Велико преимущество этого способа доказательства бытія Божія черезъ Его идею; ибо сразу мы узнаемъ, кто Онъ, поскольку это доступно слабости нашей природы. Именно, обращаясь къ Его идеѣ, врожденной намъ, мы видимъ, что Онъ вѣченъ, всевѣдущъ, всемогущъ, источникъ всякихъ благъ и истины, творецъ всѣхъ вещей, имѣетъ, наконецъ, всѣ ихъ въ себѣ; во всѣхъ этихъ свойствахъ мы ясно можемъ замѣтить нѣчто безконечно совершенное, т. е. не ограниченное какимъ либо недостаткомъ.

XXIII.—Вѣдь понятно, что многое, въ чемъ мы при наличности нѣкотораго совершенства замѣчаемъ и нѣчто несовершенное или ограниченное, тѣмъ самымъ уже не можетъ быть свойственно Богу. Такъ, въ тѣлесной природѣ, заключающей наряду съ мѣстнымъ протяженіемъ дѣлимость, существуетъ то несовершенство, что она дѣлима; отсюда достовѣрно, что

Богъ—не тѣло. А въ насъ хотя есть нѣкоторое совершенство,—наше чувство,—но такъ какъ вообще во всякомъ чувствѣ есть страдательное состояніе, а страдать значитъ отъ чего либо зависѣть, то никоимъ образомъ нельзя полагать, что Богъ чувствуетъ; Онъ только разумѣетъ и волитъ. Въ этомъ отношеніи Богъ все вмѣстѣ и понимаетъ, и волитъ и совершаетъ не такъ, какъ мы, чрезъ посредство актовъ извѣстнымъ образомъ раздѣльныхъ, но путемъ единственнаго, всегда одинаковаго и простѣйшаго акта. Я говорю все, т. е. всѣ вещи; и Онъ не желаетъ грѣховнаго зла, ибо Онъ не есть вещь.

XXIV.—И вотъ, такъ какъ одинъ Богъ есть истинная причина всего, что существуетъ или можетъ существовать, то понятно, что мы направимся на лучшій путь философствованія, если изъ познанія самого Бога попытаемся вывести объясненіе созданныхъ имъ вещей, чтобы такимъ путемъ пріобрѣсти совершеннѣйшее знаніе дѣйствій изъ ихъ причины. Дабы выступить достаточно безопасно и безъ боязни ошибиться, намъ должно воспользоваться слѣдующею предосторожностью: всегда сколь можно тверже понимать какъ то, что Богъ—безконечный творецъ вещей, такъ и то, что мы вполнѣ конечны.

XXV.—Такъ, если Богъ случайно открываетъ намъ о самомъ себѣ или о чемъ другомъ нѣчто такое, что превосходитъ естественныя силы нашего разсудка, какъ, напримѣръ, тайны Воплощенія и Троичности, то мы не будемъ отказываться вѣрить въ нихъ, хотя бы и не постигали ихъ ясно; и не будемъ удивляться, что какъ въ неизмѣримой природѣ Бога, такъ даже и въ вещахъ, Имъ созданныхъ, существуетъ многое, превосходящее наше пониманіе.

XXVI.—Въ такомъ случаѣ мы никогда не будемъ утруждать себя спорами о безконечномъ; вѣдь разъ мы дѣйствительно конечны, то было бы нелѣпо съ нашей стороны опредѣлять что либо о безконечномъ и такимъ образомъ пытаться какъ бы ограничить и понять послѣднее. Слѣдовательно, насъ не озаботитъ отвѣтъ тому, кто спрашиваетъ: разъ дана безконечная линія, то также ли безконечна ея половина,—либо, равно или не равно одно другому безконечное число и т. п.?; вѣдь о подобныхъ вещахъ, повидимому, не должно мыслить никому, кромѣ тѣхъ, кто считаетъ свой умъ безконечнымъ. Мы же относительно всего, въ чемъ не можемъ найти конца—какъ бы мы это ни разсматривали съ разныхъ точекъ зрѣнія—не станемъ утверждать, что обсуждаемое нами безконечно, но будемъ разсматривать его какъ неопредѣленное. Такъ какъ мы не можемъ вообразить протяженія столь великаго, чтобы и теперь еще не помыслить о возможности большаго, то и скажемъ, что величина возможныхъ вещей неопредѣленна. А такъ какъ никакого тѣла нельзя раздѣлить на столько частей, чтобы отдѣльныя изъ нихъ не понимались нами какъ дѣлимыя и далѣе, то мы будемъ считать, что количество неопредѣленно дѣлимо. Также невозможно представить числа звѣздъ столь большимъ, чтобы мы перестали думать, что еще большее число ихъ могло быть создано Богомъ. Въ виду этого ихъ число предполагается нами неопредѣленнымъ; то же самое и объ остальномъ.

XXVII.—Все это мы лучше назовемъ неопредѣленнымъ, а не безконечнымъ, чтобы названіе „безконечный“ сохранить для одного Бога; ибо въ Немъ одномъ во всѣхъ отношеніяхъ мы не только не знаемъ никакихъ предѣловъ, но положительно понимаемъ, что ихъ совсѣмъ нѣтъ. Намъ не столь положительно понятно, что остальныя вещи въ какомъ либо отношеніи лишены предѣловъ; мы лишь сознаемся, что ихъ предѣлы, если таковые имѣются, не могутъ быть нами найдены.

XXVIII.—Притомъ въ отношеніи къ естественнымъ вещамъ мы никогда не возьмемся обсуждать, какую цѣль предполагали себѣ Богъ или природа при ихъ твореніи; мы не станемъ задаваться вопросомъ, считать ли намъ себя причастными Его намѣреніямъ. Но, полагая Его за производящую причину всѣхъ вещей, мы увидимъ, что проникающій насъ естественный свѣтъ указываетъ, что́ нужно заключать по Его атрибутамъ, относительно которыхъ Онъ пожелалъ дать намъ нѣкоторыя знанія,—что́ нужно заключать о тѣхъ Его дѣйствіяхъ, которыя открываются нашимъ чувствамъ; однако вспомни, что этому естественному свѣту должно вѣрить, какъ уже сказано, лишь до тѣхъ поръ, пока ничего противоположнаго не открыто самимъ Богомъ.

XXIX. Первое свойство Бога, поступающее на наше обсужденіе, есть то, что Онъ—высшая истина и податель всякаго свѣта; значитъ, явно нелѣпо, чтобы Онъ насъ обманывалъ, т. е. являлся какъ бы настоящею и положительною причиною нашихъ заблужденій, которымъ мы подвержены на опытѣ. Вѣдь хотя, повидимому, случайно можно обмануть, въ томъ, что у насъ, людей, есть нѣкоторый разсудокъ, но все же никогда желаніе обманывать не происходитъ изъ злонамѣренности, или страха, или слабости, и поэтому не можетъ возникать въ Богѣ.

XXX.—Отсюда слѣдуетъ, что естественный свѣтъ, т. е. способность познанія, данная намъ Богомъ, не можетъ никогда касаться какого либо объекта, который не былъ бы дѣйствительнымъ, какъ скоро онъ затрогивается ею, т. е. какъ скоро воспринятъ ясно и отчетливо. И Богъ справедливо заслуживалъ бы имени обманщика, если бы превратное и ложное выдавалъ намъ за правильно воспринятое. Такъ уничтожается то высшее сомнѣніе, при которомъ мы не знаемъ, не такой ли мы случайно природы, что ошибаемся даже въ томъ, что кажется намъ самымъ яснымъ. На этомъ основаніи легко устраняются и остальныя приведенныя прежде причины сомнѣнія. Не должны болѣе заподозрѣваться нами и математическія истины, ибо онѣ обладаютъ особенной очевидностью. Если же обратимъ вниманіе на все то, что при помощи чувствъ, въ состояніи бодрствованія, либо сна, воспринимаемъ ясно и отчетливо, и отдѣлимъ это отъ того, что воспринимается смутно и неясно, то легко познаемъ, что́ должно принимать за истинное въ какой угодно вещи. Неумѣстно обо всемъ этомъ обстоятельно разсказывать здѣсь, такъ какъ вопросъ излагался уже въ „Метафизическихъ размышленіяхъ“; тщательнѣе будутъ обоснованы эти истины при обсужденіи дальнѣйшаго.

XXXI.—Но хотя Богъ и не обманщикъ, тѣмъ не менѣе часто случается намъ заблуждаться; чтобы открыть причину и происхожденіе нашихъ заблужденій и пріучить себя остерегаться ихъ, должно замѣтить, что они зависятъ не столько отъ разсудка, сколько отъ воли, и что нѣтъ вещей, для появленія которыхъ требовалось бы реальное содѣйствіе Бога: поскольку къ Нему относятся—онѣ суть лишь отрицанія, поскольку къ намъ—лишенія.

XXXII.—Безъ сомнѣнія, всѣ виды мыслительной дѣятельности (modi cogitandi), находимые нами у себя, могутъ быть отнесены къ двумъ основнымъ: изъ нихъ одинъ—воспріятіе или дѣятельность разума, другой—желаніе или дѣятельность воли. Ибо ощущеніе, воображеніе и чистый разсудокъ суть только различные виды воли.

XXXIII.—Когда мы воспринимаемъ что либо и при этомъ совершенно ничего о томъ не утверждаемъ и не отрицаемъ, очевидно, что мы не ошибаемся. Мы не ошибаемся и тогда, когда только утверждаемъ и отрицаемъ нѣчто такое, что ясно и отчетливо воспринимаемъ, (послѣднее и должно утверждать или отрицать), но ошибаемся, когда, воспринимая что либо неправильно, тѣмъ не менѣе о томъ судимъ.

XXXIV.—Для сужденія требуется разсудокъ: вѣдь о томъ, чего мы никакъ не воспринимаемъ, мы и судить не можемъ; но требуется также и воля, чтобы обнаружить согласіе на вещь, такъ или иначе воспринятую. Не требуется однако (по крайней мѣрѣ для того, чтобы вообще какъ нибудь судить) совершеннаго и всесторонняго воспріятія вещи; мы можемъ соглашаться даже со многимъ такимъ, что познаемъ совсѣмъ не ясно, а смутно.

XXXV.—Воспріятіе разсудка распространяется только на то немногое, что ему открывается, и оно всегда строго опредѣлено. Воля же, можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, безконечна, ибо мы никогда не встрѣтимъ чего либо такого, что могло бы быть объектомъ чьей нибудь воли, даже безмѣрной божественной воли, и на что однако не простиралась бы наша воля; благодаря этому мы легко расширяемъ нашу волю за предѣлы ясно воспринимаемаго нами, и разъ такъ поступаемъ, то неудивительно, что намъ случается обманываться.

XXXVI.—Богъ не можетъ быть принимаемъ нами за виновника нашихъ ошибокъ потому только, что Онъ не далъ намъ всезнающаго разума; вѣдь созданный разумъ по самой сущности конеченъ; а конечный разумъ по самой сущности не можетъ распространяться на все.

XXXVII.—Но что воля простирается сколь угодно далеко, это согласно съ ея природой; и какъ бы высшимъ совершенствомъ является въ человѣкѣ то, что онъ дѣйствуетъ по желанію, т. е. свободно; исключительно въ этомъ смыслѣ онъ нѣкоторымъ образомъ оказывается виновникомъ своихъ дѣяній и согласно послѣднимъ заслуженно получаетъ похвалу. Вѣдь не хвалимъ мы автоматовъ за то, что, когда въ нихъ улажены всѣ движенія, они старательно исполняютъ ихъ: потому что они дѣлаютъ это по необходимости; хвалятъ же ихъ творца за то, что онъ сдѣлалъ автоматъ столь тщательно, такъ какъ онъ сдѣлалъ это не по необходимости, а свободно. На томъ же основаніи большее совершенство должно быть приписано намъ за то, что мы правильно усвоиваемъ истину, когда что либо усвоили, ибо дѣлали это добровольно, чѣмъ за то, что мы не могли бы ее не усвоивать.

XXXVIII.—А что мы впадаемъ въ ошибки—это недостатокъ именно нашей дѣятельности или пользованія свободою, а не нашей природы; послѣдняя остается одною и тою же, вѣрно ли, ошибочно ли мы судимъ. И хотя Богъ могъ бы дать нашему разсудку такую проницательность, что мы никогда бы не обманывались, мы не имѣемъ никакого права требовать этого отъ Него. Когда кто либо изъ насъ, людей, имѣетъ силу воспрепятствовать злу и, однако, не дѣлаетъ этого, мы говоримъ, что онъ—причина зла. Подобно этому, если Богъ могъ сдѣлать, чтобы мы никогда не заблуждались. То Онъ долженъ считаться причиною нашихъ заблужденій. Но вѣдь власть однихъ людей надъ другими установлена съ тою цѣлью, чтобы ею пользовались для избавленія другихъ отъ зла. Та же власть, которую имѣетъ надъ всѣми Богъ, въ высшей степени абсолютна и свободна, а потому мы должны только питать къ Нему высочайшую благодарность за дары, которыми Онъ насъ одѣлилъ; мы не имѣемъ никакого права спрашивать, почему Онъ не одѣлилъ насъ всѣмъ, чѣмъ, какъ полагаемъ, могъ бы одѣлить.

XXXIX.—Но что свобода—въ нашей волѣ, и что мы по выбору можемъ со многимъ соглашаться или не соглашаться, ясно настолько, что должно разсматриваться какъ одно изъ первыхъ и наиболѣе общихъ врожденныхъ намъ понятій. Особенно обнаружено было это нѣсколько раньше, когда, стараясь во всемъ сомнѣваться, мы тѣмъ самымъ пришли къ тому, что измыслили нѣкаго могущественнаго виновника нашего происхожденія, чтобы не начать всячески заблуждаться; и однако ничуть не меньше мы чувствовали, что въ насъ есть свобода, такъ что могли удерживаться отъ довѣрія къ тому, что не было вполнѣ достовѣрно и изслѣдовано; а не можетъ что либо быть болѣе само по себѣ извѣстно и постижимо, чѣмъ то, что даже въ то время казалось несомнѣннымъ.

XL.—Однако, познавая Бога, мы воспринимаемъ Его могущество настолько безмѣрнымъ, что можно считать невѣроятнымъ, чтобы когда либо мы могли произвести нѣчто Имъ самимъ заранѣе не предустановленное; поэтому легко мы можемъ запутаться въ большихъ трудностяхъ, если станемъ пытаться согласовать это Божіе предустановленіе съ свободой нашего выбора и какъ то, такъ и другое вмѣстѣ попытаемся постичь.

XLI.—Избѣгнемъ мы заблужденій въ томъ случаѣ, если вспомнимъ, что нашъ духъ конеченъ, Божественное же могущество, согласно которому Богъ все, что́ существуетъ или можетъ существовать, не только знаетъ, но и волитъ и предустановляетъ, безконечно, и поэтому оно достаточно близко насъ касается, чтобы намъ ясно и отчетливо воспринять, что оно существуетъ въ Богѣ; однако мы не настолько понимаемъ это, чтобы видѣть, какимъ образомъ Богъ оставляетъ свободные человѣческіе поступки непредопредѣленными; вѣдь свободу и безразличіе, имѣющіяся въ насъ, мы сознаемъ какъ нельзя болѣе ясно и очевидно. И слѣдовательно, не понимая одной вещи, которая, какъ мы знаемъ, по природѣ своей должна оставаться непонятной, нелѣпо было бы сомнѣваться въ остальномъ, что непосредственно нами понимается и испытывается въ насъ самихъ.

XLII. — Разъ мы уже знаемъ, что всѣ ошибки наши зависятъ отъ воли, то можетъ показаться страннымъ, что мы когда либо заблуждаемся, такъ какъ нѣтъ никого, кто принуждалъ бы насъ заблуждаться. Но далеко не одно и то же—желать быть обманутымъ и желать соглашаться съ тѣмъ, въ чемъ приходится находить ошибку. И хотя, дѣйствительно, нѣтъ никого, кто открыто желаетъ быть обманутымъ, однако едва ли найдется хоть кто нибудь, кто бы часто не желалъ согласиться съ тѣмъ, въ чемъ, безсознательно для него, содержится заблужденіе. И самое желаніе достичь истины весьма часто производитъ то, что люди невполнѣ знающіе, какими путями должно ее достигать, выносятъ сужденія о томъ, чего не воспринимаютъ, а потому и заблуждаются.

XLIII. — Однако достовѣрно, что мы никогда не примемъ за правильное чего либо ложнаго, если станемъ утверждать только то, что ясно и отчетливо воспринимаемъ. Это достовѣрно, повторяю, ибо, разъ Богъ не обманщикъ, способность воспріятія, дарованная намъ, не можетъ влечь къ ложному, если способность утвержденія распространяется нами на то, что ясно воспринимается. И это никакими разсужденіями не провѣряется; такъ ужъ отъ природы запечатлѣно въ душахъ, что всякій разъ, какъ мы что нибудь ясно воспринимаемъ, мы добровольно это утверждаемъ; и мы никоимъ образомъ не можемъ сомнѣваться, вѣрно ли это.

XLIV. — Достовѣрно также, что когда мы соглашаемся съ какимъ либо доводомъ, не воспринимая его, мы либо обманываемся, либо только случайно нападаемъ на истину и такимъ образомъ не знаемъ, не обмануты ли мы. Но, разумѣется, рѣдко бываетъ, чтобы мы соглашались съ тѣмъ, что, какъ замѣчаемъ, не воспринято нами; естественный свѣтъ подсказываетъ намъ, что слѣдуетъ всегда судить только о познанной вещи. Чаще же всего мы заблуждаемся въ томъ отношеніи, что многое считаемъ нѣкогда нами воспринятымъ и, по даннымъ памяти, утверждаемъ его какъ нѣчто вполнѣ воспринятое; въ дѣйствительности же мы никогда этого не воспринимали.

XLV. — Даже весьма многіе люди во всю свою жизнь не воспринимаютъ ничего настолько правильно, чтобы составлять о томъ достовѣрное сужденіе. А для воспріятія, на которое могло бы опираться достовѣрное и несомнѣнное сужденіе, требуется, чтобы оно было не только яснымъ, но и отчетливымъ. Яснымъ я называю то воспріятіе, которое дано на лицо и открыто для наблюдающей души, подобно тому, какъ мы говоримъ, что ясно видимъ то, что при устремленіи глаза, будучи въ наличности, достаточно

сильно и замѣтно приводитъ его въ движеніе. Отчетливымъ же я называю воспріятіе, которое, будучи яснымъ, отъ всего остального такъ отдѣлено и отсѣчено, что содержитъ въ себѣ только ясное.

XLVI. — Такъ, когда кто либо чувствуетъ сильную боль, то это воспріятіе боли является для него очень яснымъ, но оно не всегда отчетливо. Обыкновенно люди смѣшиваютъ его съ своимъ темнымъ сужденіемъ о природѣ того, что полагаютъ въ больной части тѣла какъ нѣчто подобное чувству боли, тогда какъ единственно послѣднюю и воспринимаютъ ясно. И такимъ образомъ можетъ быть ясное, но не отчетливое воспріятіе; но воспріятіе не можетъ быть отчетливымъ, если оно не ясно.

XLVII. — Въ раннемъ возрастѣ душа человѣка конечно столь погружена въ тѣло, что хотя воспринимаетъ многое ясно, ничего никогда не воспринимаетъ отчетливо; но такъ какъ, тѣмъ не менѣе, мы о многомъ судимъ, то вслѣдствіе этого и почерпаемъ множество предразсудковъ, которые большинствомъ людей позднѣе не оставляются. Чтобы мы могли освободиться отъ нихъ, я вкратцѣ перечислю здѣсь всѣ простыя понятія, изъ которыхъ слагаются наши мысли, и разберу, что въ каждомъ изъ понятій ясно и что темно, т. е. въ чемъ мы можемъ быть обмануты.

2) XLVIII. — Все, что входитъ въ наше воспріятіе, мы разсматриваемъ либо какъ вещи, либо какъ нѣкоторыя проявленія вещей, либо, наконецъ, какъ вѣчныя истины, не имѣющія существованія внѣ нашего мышленія. Изъ того, что мы разсматриваемъ какъ вещи, наиболѣе общимъ являются субстанція, длительность, порядокъ, число, и вообще все, что распространяется на всѣ роды вещей. Но я знаю только два высшихъ рода вещей: одинъ—родъ вещей интеллектуальныхъ или мысленныхъ, т. е. относящихся къ духу или мыслящей субстанціи; другой—родъ вещей матеріальныхъ, т. е. относящихся къ протяженной субстанціи или тѣлу. Воспріятіе, желаніе, и всѣ виды какъ воспріятія, такъ и желанія относятся къ мыслящей субстанціи; къ протяженной же относятся—величина, т. е. само протяженіе въ длину, ширину и глубину, фигура, движеніе, положеніе, дѣлимость самыхъ частей и прочее. Но мы испытываемъ въ себѣ и нѣчто иное, чего нельзя отнести къ одному только духу или лишь къ тѣлу, и что, какъ ниже въ своемъ мѣстѣ будетъ показано, происходитъ отъ тѣснаго внутренняго союза нашего духа съ тѣломъ; таковы голодъ, жажда и т. п., а равнымъ образомъ возбужденія или страсти души, состоящія не исключительно изъ мышленія, какъ напримѣръ побужденія къ гнѣву, къ радости, къ печали,

къ любви и т. д.; наконецъ, всѣ чувства, какъ, напримѣръ, боли, щекотанія, свѣта, цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, вкусовъ, тепла, твердости и прочихъ качествъ осязанія.

XLIX.—Все это мы разсматриваемъ какъ вещи или какъ качества, т. е. модусы. Но такъ какъ мы знаемъ, что невозможно, чтобы что либо происходило изъ ничего, то предложеніе „изъ ничего не происходитъ ничего“ разсматривается не какъ существующая вещь и не какъ модусъ вещи, но какъ истина совершенно вѣчная, пребывающая въ нашей душѣ; она называется общимъ понятіемъ или аксіомой. Къ роду аксіомъ относятся такія: невозможно, чтобы одно и то же вмѣстѣ и было и не было; тотъ, кто мыслитъ, существуетъ,—и безчисленное множество иныхъ положеній. Хотя они всѣ и не могутъ быть отмѣчены, однако здѣсь разбора ихъ не должно упускать, дабы, когда придетъ случай, мы мыслили о нихъ, не ослѣпляясь никакими предразсудками.

L.—И относительно этихъ общихъ понятій несомнѣнно, что они могутъ быть ясно и отчетливо воспринимаемы; иначе они и не назывались бы общими понятіями. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно не у всѣхъ вполнѣ достойны этого имени, такъ какъ не одинаково воспринимаются всѣми. Это однако, происходитъ, какъ я полагаю, не потому, что у одного человѣка способность мышленія простирается шире, нежели у другого, но въ силу того, что эти общія понятія какъ то затемняются предразсудками нѣкоторыхъ людей, которые поэтому не легко могутъ усвоить такія общія понятія; а между тѣмъ другіе люди, будучи свободны отъ указанныхъ предразсудковъ, воспринимаютъ понятія яснѣйшимъ образомъ.

LI.—Что же касается того, что́ мы разсматриваемъ какъ вещи или модусы вещей, то нужно обсудить каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Подъ субстанціей мы не можемъ разумѣть ничего иного, кромѣ вещи, которая существуетъ такъ, что не нуждается для своего существованія ни въ какой другой вещи. И, конечно, субстанція, не нуждающаяся рѣшительно ни въ чемъ, можетъ разумѣться только одна, а именно Богъ. Всѣ же иныя субстанціи мы воспринимаемъ какъ такія, которыя могутъ существовать лишь съ помощью содѣйствія Бога. Поэтому названіе субстанціи не подходитъ къ Богу и тѣмъ, другимъ, субстанціямъ одноименно (univoce), какъ обычно говорятъ въ школахъ, т. е. нѣтъ ни одного изъ обозначеній имени Бога, которое было бы обще Ему и его твореніямъ.

LII.—Тѣлесная субстанція и душа или сотворенная мыслящая субстанція могутъ быть поняты подъ тѣмъ общимъ обозначеніемъ, что онѣ суть вещи, нуждающіяся для существованія только въ содѣйствіи Бога. Однако субстанція не можетъ быть впервые замѣчена изъ того лишь, что она—вещь существующая; ибо одно это само по себѣ насъ не трогаетъ. Но безъ труда мы познаемъ субстанцію по какому угодно ея аттрибуту посредствомъ того общаго понятія, что у любой вещи бываютъ какіе нибудь аттрибуты, признаки, качества. Изъ того, что мы воспринимаемъ въ наличности какой либо аттрибутъ, мы заключаемъ о необходимомъ присутствіи нѣкой существующей вещи, т. е. субстанціи, которой можетъ быть приписанъ этотъ аттрибутъ.

LIII.—И хотя субстанціи познаются по любому аттрибуту, однако у каждой субстанціи есть преимущественное, составляющее ея сущность и природу свойство, къ которому относятся всѣ остальныя свойства. Именно, протяженіе въ длину, ширину и глубину составляетъ природу тѣлесной субстанціи, а мышленіе составляетъ природу мыслящей субстанціи; значитъ, все то, что можетъ быть отнесено къ тѣлу, предполагаетъ протяженіе и есть только нѣкоторый модусъ протяженной вещи; а все, находимое въ духѣ, суть только разные модусы мышленія. Такъ, напримѣръ, фигура можетъ мыслиться только въ протяженной вещи, движеніе только въ протяженномъ пространствѣ, воображеніе же, чувство, желаніе—только въ мыслящей вещи. И обратно, протяженіе можетъ быть понимаемо безъ фигуры и движенія, а мышленіе безъ воображенія и чувства; такъ и въ иныхъ случаяхъ: это ясно для всякаго наблюдателя.

LIV.—Итакъ, мы легко можемъ образовать два ясныхъ и отчетливыхъ понятія или двѣ идеи, одну—сотворенной мыслящей субстанціи, другую—тѣлесной субстанціи, если, конечно, тщательно различимъ всѣ аттрибутты мышленія отъ аттрибутовъ протяженія. Мы можемъ имѣть ясную и отчетливую идею несозданной и независимой мыслящей субстанціи, т. е. идею Бога; не должно лишь предполагать, что эта идея адэкватно выражаетъ все, что есть въ Богѣ, и измышлять что либо какъ существующее въ ней; но мы обратимъ вниманіе лишь на то, что въ ней содержится и что мы воспринимаемъ яснѣйшимъ образомъ, какъ принадлежащее природѣ существа высшаго совершенства. И, разумѣется, никто не станетъ отрицать, что въ насъ существуетъ подобная идея Бога, кромѣ развѣ тѣхъ, кто полагаетъ, будто человѣческимъ умамъ совершенно чуждо познаніе Бога.

LV.—Столь же отчетливо постигаются нами длительность, порядокъ и число, если мы не измыслимъ для нихъ особаго понятія субстанціи, но будемъ считать, что длительность всякой вещи есть только модусъ, подъ которымъ мы понимаемъ эту вещь, поскольку она продолжаетъ существовать; подобнымъ же образомъ порядокъ и число не составляютъ чего либо отличнаго отъ вещей, упорядоченныхъ и перечисленныхъ, но суть лишь модусы, подъ которыми мы обсуждаемъ вещи.

LVI.—И здѣсь подъ модусами мы разумѣемъ совершенно то же, что въ иномъ мѣстѣ подъ аттрибутами или качествами. Но мы зовемъ ихъ модусами, когда подразумѣваемъ, что субстанція проявляется или измѣняется черезъ ихъ посредство. Качествами же именуемъ, когда субстанція можетъ быть опредѣлена по этимъ измѣненіямъ; наконецъ, когда смотримъ болѣе обще, полагая только, что они присущи субстанціи, мы называемъ ихъ аттрибутами. Потому то мы и говоримъ, что въ Богѣ даны собственно не модусы или качества, но аттрибуты, ибо въ немъ не мыслится никакого измѣненія. И даже то, что въ созданныхъ вещахъ никогда не видоизмѣняется, какъ существованіе и длительность въ протяженномъ и длящемся тѣлѣ, все это мы должны именовать не качествами или модусами, но аттрибутами.

LVII.—Но одни аттрибуты даны въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ говорятъ, что у нихъ есть аттрибуты и модусы, другіе же только въ нашемъ мышленіи. Такъ, когда мы отличаемъ время отъ длительности, взятой вообще, и говоримъ, что время есть число движенія, то это лишь модусъ мышленія, и конечно мы не предполагаемъ въ движеніи иной длительности, чѣмъ въ неподвижныхъ тѣлахъ. Это явствуетъ изъ того, что если движутся въ теченіе часа два тѣла, одно медленнѣе, другое скорѣе, мы считаемъ время въ отношеніи къ одному изъ тѣлъ не большимъ, чѣмъ въ отношеніи къ другому, хотя бы въ послѣднемъ движеніе было гораздо значительнѣе. А чтобы измѣрять длительность всякой вещи, мы сравниваемъ ее съ длительностью значительныхъ и наиболѣе равномѣрныхъ движеній, отъ которыхъ берутъ начало дни и годы; и эту длительность мы называемъ временемъ. Отсюда, длительности, взятой вообще, не придается ничего, кромѣ модуса мышленія.

LVIII.—Также и число, разсматриваемое не въ какихъ либо созданныхъ вещахъ, а лишь абстрактно или какъ родовое понятіе, есть вообще модусъ мышленія, какъ и все прочее, что мы называемъ универсаліями.

LIX.—Образуются эти универсаліи въ силу того только, что одной и той же идеею мы пользуемся, чтобы мыслить все индивидуальное, что между собою сходствуетъ. И даже устанавливаемъ одно и то же имя для всѣхъ вещей, представляемыхъ посредствомъ такой идеи. Это и называется универсаліей. Такъ, когда мы разсматриваемъ два камня, то, сосредоточивъ вниманіе не на ихъ природѣ, а на томъ лишь, что ихъ два, мы образуемъ идею ихъ числа, именуемую двойственностью (binarium); когда позднѣе мы видимъ двухъ птицъ или два дерева, то, обсуждая не природу этихъ вещей, а ихъ число, возвращаемся къ той же идеѣ, что и прежде; потому-то это идея всеобща и, слѣдовательно, такое число мы называемъ столь же всеобщемъ именемъ двойственности. Подобнымъ образомъ, разсматривая фигуру, составленную изъ трехъ линій, мы образуемъ нѣкоторую ея идею, называя послѣднюю идеею треугольника; ею мы пользуемся позднѣе какъ универсаліей, чтобы представлять въ нашей мысли всѣ прочія фигуры, заключенныя тремя линіями. Замѣчая, далѣе, что иные изъ треугольниковъ имѣютъ прямой уголъ, а другіе его не имѣютъ, мы образуемъ всеобщую идею прямоугольнаго треугольника; эта идея въ отношеніи къ предшествующей, какъ болѣе общей, зовется видомъ. Прямота угла называется общимъ различіемъ (differentia universalis); имъ-то прямоугольные треугольники отличаются отъ всѣхъ прочихъ треугольниковъ. А то, что квадратъ ихъ основаній равенъ суммѣ квадратовъ ихъ боковыхъ сторонъ—это есть исключительный собственный признакъ (proprietas) всѣхъ такихъ треугольниковъ. Наконецъ, если предположимъ, что одни изъ треугольниковъ подобнаго рода движутся, а другіе неподвижны,—это будетъ въ нихъ общей акциденціей (accidens universale). Такимъ образомъ обычно называютъ пять универсалій: родъ, видъ, различіе, собственный признакъ и акциденцію.

LX.—Число же въ самихъ вещахъ порождается ихъ различіемъ; а различіе трояко: реальное, модальное и раціональное. Реальное различіе свойственно лишь двумъ или большему числу субстанцій: мы воспринимаемъ ихъ взаимно отличными другъ отъ друга потому только, что можемъ ясно и отчетливо понять одну безъ другой. Познавая Бога, мы увѣрены, что Онъ могъ сдѣлать все, что мы понимаемъ отчетливо; стало быть, напримѣръ, изъ того только, что мы имѣемъ идею протяженной или тѣлесной субстанціи, мы, хотя еще не достовѣрно знаемъ, существуетъ ли дѣйствительно таковая, увѣрены однако, что она можетъ существовать; а если существуетъ и опредѣлена для насъ въ мышленіи какая либо изъ ея частей, то эта часть реально отлична отъ иныхъ частей той же субстанціи. Подобнымъ образомъ изъ того лишь, что каждый человѣкъ понимаетъ себя какъ мыслящую вещь и можетъ мысленно отвлекать отъ себя всякую иную субстанцію, какъ мыслящую, такъ и протяженную, достовѣрно, что каждый долженъ быть разсматриваемъ какъ реально отличающійся отъ всякой иной мыслящей субстанціи и отъ всякой тѣлесной субстанціи. И если даже предположить, что Богъ соединилъ съ такой мыслящей субстанціей нѣкоторую тѣлесную субстанцію какъ нельзя болѣе тѣсно, и изъ этихъ двухъ субстанцій создалъ нѣчто единое, то ничуть не менѣе обѣ субстанціи остаются реально различными, ибо, хотя Богъ ихъ тѣсно соединилъ, Онъ не можетъ лишить самого себя власти, какую имѣлъ раньше, отдѣлить ихъ или сохранять одну отъ другой независимо; слѣдовательно, то, что Богомъ можетъ быть либо отдѣлено, либо совмѣстно сохраняемо, остается реально различнымъ.

LXI.—Модальное различіе двояко: именно, одно между модусомъ въ собственномъ смыслѣ слова и субстанціею, модусъ которой данъ; другое—между двумя модусами одной и той же субстанціи. Первое различіе познается изъ того, что, хотя мы и могли бы ясно воспринимать субстанцію безъ модуса, который, какъ сказано, отличается отъ нея, но, обратно, этотъ модусъ не можетъ пониматься безъ субстанціи; такъ фигура и движеніе модально отличаются отъ тѣлесной субстанціи, въ которой находятся; такъ же утвержденіе и воспоминаніе отличаются отъ души. Второе модальное различіе уяснятся изъ того обстоятельства, что хотя мы и можемъ познавать модусы въ отдѣльности другъ отъ друга, но ни тотъ, ни другой, однако, не могутъ быть познаны внѣ субстанціи, въ которой находятся. Такъ, если движется квадратный камень, я могу вполнѣ постичь его квадратную фигуру помимо движенія; и обратно, движеніе камня могу понять помимо квадратной его фигуры; но ни это движеніе, ни фигуру я не могу понять внѣ субстанціи камня. Различіе же между модусомъ одной субстанціи и другой субстанціей или модусомъ этой субстанціи, какъ, напримѣръ, различіе движенія одного тѣла отъ другого тѣла или отъ души, а также различіе движенія отъ длительности—подобное различіе должно быть названо скорѣе реальнымъ, чѣмъ модальнымъ; ибо тѣ модусы не ясно понимаются внѣ реально различныхъ субстанцій, модусами которыхъ они являются.

LXII.—Наконецъ, раціональное различіе существуетъ между субстанціей и какимъ либо ея аттрибутомъ, безъ котораго она сама не можетъ быть понята, или между двумя такими аттрибутами одной и той же субстанціи. И познается оно изъ того, что невозможно для насъ образовать ясную и отчетливую идею той субстанціи, если отвлеченъ отъ нея данный аттрибутъ; не въ состояніи мы также ясно воспринять идею одного изъ такихъ аттрибутовъ, если отдѣлимъ послѣдній отъ другого аттрибута. Вѣдь, любая субстанція, если она кончитъ длиться, перестаетъ существовать; значитъ, она лишь раціонально отличается отъ своей длительности. И всѣ модусы мышленія, разсматриваемые нами какъ бы въ объектахъ, отличаются лишь раціонально и отъ объектовъ, о которыхъ мыслятъ, и другъ отъ друга въ одномъ и томъ же объектѣ. Хотя, какъ припоминаю, въ другомъ мѣстѣ я соединилъ этотъ родъ различія съ модальнымъ; именно въ концѣ отвѣта на первыя возраженія къ „Размышленіямъ о первой философіи“; но тамъ не было случая для ихъ обстоятельнаго различенія и для моихъ цѣлей достаточнымъ было каждое изъ нихъ отличить отъ реальнаго различія.

LXIII.—Мышленіе и протяженіе могутъ быть разсматриваемы какъ то, что составляетъ природу мыслящей и тѣлесной субстанцій; и тогда они должны быть понимаемы какъ мыслящая субстанція и субстанція протяженная, т. е. душа и тѣло; при этомъ условіи они будутъ поняты яснѣйшимъ и отчетливѣйшимъ образомъ. И легче понять субстанцію протяженную и субстанцію мыслящую, нежели одну только субстанцію, опустивъ, что́ мыслитъ или что́ протяженно. Есть нѣкоторая трудность въ отвлеченіи понятія субстанціи отъ понятій мышленія и протяженія; они отличаются отъ субстанціи лишь раціонально; отчетливѣе концептъ становится не отъ того, что въ немъ охватывается меньшее, но лишь потому, что охватываемое въ немъ мы тщательно отличаемъ отъ всего остальнаго.

LXIV.—Мышленіе и протяженіе могутъ также быть приняты за модусы субстанціи, поскольку, разумѣется, одна и та же душа можетъ имѣть множество различныхъ мыслей, а одно и то же тѣло, сохраняя постояннымъ свое количество, можетъ простираться многими способами: сейчасъ, напримѣръ, болѣе въ длину, менѣе въ ширину или глубину, а спустя нѣсколько времени, наоборотъ, болѣе въ ширину и менѣе въ длину. И въ этомъ случаѣ мышленіе и протяженіе модально отличаются отъ субстанціи и могутъ быть поняты не менѣе ясно и отчетливо, нежели сама она, такъ какъ разсматриваются не какъ субстанціи или вещи въ чемъ либо отдѣленныя отъ иныхъ вещей, но лишь какъ модусы вещей. Въ силу того, что мы обсуждаемъ ихъ въ субстанціяхъ, модусами которыхъ они являются, мы отличаемъ ихъ отъ этихъ субстанцій и познаемъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности. Напротивъ, если пожелаемъ мыслить ихъ внѣ субстанцій, въ которыхъ они даны, то начнемъ разсматривать ихъ какъ пребывающія вещи и такимъ образомъ спутаемъ идеи модуса и субстанціи.

LXV.—На томъ же основаніи мы превосходно воспринимаемъ различные модусы мышленія: напримѣръ, разумѣніе, воображеніе, воспоминаніе, желаніе и т. д., а также и различные модусы протяженія или же тѣ, которые относятся къ нему, напримѣръ, всѣ фигуры, расположеніе частей, ихъ движеніе,—поскольку смотримъ на нихъ, какъ на модусы вещей, въ которыхъ они заключены; а если мы мыслимъ только о мѣстномъ движеніи, то мы ничего не рѣшаемъ относительно силы, отъ которой возникаетъ движеніе (что́ я, однако, попытаюсь изложить въ своемъ мѣстѣ).

LXVI.—Остаются еще чувства, аффекты и стремленія; они также могутъ ясно восприниматься нами, если тщательно остережемся судить дальше того, что́ безусловно, что́ заключено въ нашемъ воспріятіи и что́ мы внутренно сознаемъ. Но очень трудно соблюсти это требованіе, по крайней мѣрѣ относительно чувствъ, потому что всякій изъ насъ съ юности полагаетъ, что ощущаемыя нами вещи существуютъ внѣ нашего сознанія и вполнѣ подобны нашимъ чувствамъ, т. е. воспріятіямъ, получаемымъ нами отъ этихъ вещей; такъ, видя, напримѣръ, цвѣтъ, мы думаемъ, что видимъ вещь, находящуюся какъ бы внѣ насъ и совершенно подобную той идеѣ цвѣта, которую мы испытывали въ себѣ; отъ привычки къ такимъ сужденіямъ намъ и кажется, будто мы видимъ настолько ясно и отчетливо, что принимаемъ видимое за достовѣрное и несомнѣнное.

LXVII.—И совершенно то же должно сказать обо всемъ остальномъ, что воспринимается, и о физическомъ раздраженіи (titillatio) и о боли. Хотя мы и не думаемъ, что боль существуетъ внѣ насъ, однако мы предполагаемъ ее обычно не только въ одной душѣ т. е. въ нашемъ воспріятіи, но и въ рукѣ, въ ногѣ или въ какой нибудь иной части тѣла. Когда, напримѣръ мы испытываемъ боль какъ бы въ ногѣ, то пребываніе боли внѣ нашего духа, въ ногѣ, не болѣе достовѣрно, чѣмъ то, что видимый нами солнечный свѣтъ существуетъ внѣ насъ, какъ бы въ солнцѣ; каждый изъ этихъ предразсудковъ восходитъ къ первымъ днямъ нашей жизни, что ниже будетъ указано.

LXVIII. — А чтобъ отличить ясное отъ неяснаго, должно старательно отмѣтить, что боль, цвѣтъ и т. п. ясно и отчетливо воспринимаются, лишь будучи разсматриваемы какъ чувства или мысли; если же они принимаются за вещи, существующія внѣ нашего духа, то нѣтъ возможности понять, что́ это за вещи; получается совершенно то же, какъ если бы кто нибудь, утверждая, что онъ видитъ въ данномъ тѣлѣ цвѣтъ или чувствуетъ въ данномъ членѣ тѣла боль, сказалъ, что онъ именно тамъ это видитъ или чувствуетъ, а что́ это такое—не знаетъ, т. е. не знаетъ, что́ онъ видитъ и чувствуетъ. Вѣдь при недостаткѣ вниманія онъ легко вѣритъ, что имѣетъ о томъ нѣкоторое знаніе, такъ какъ предполагаетъ, будто дѣйствительно существуетъ нѣчто подобное воспріятію того цвѣта или той боли, какіе онъ испытываетъ въ себѣ. Однако, если онъ изслѣдуетъ, что́ собственно это чувство цвѣта или боли представляетъ, какъ нѣчто существующее окрашеннымъ въ тѣлѣ или какъ существующее въ болящей части тѣла, то замѣтитъ вообще, что вовсе не постигаетъ этого.

LXIX.—Особенно это очевидно, если размышляющій замѣтитъ, что онъ иначе совсѣмъ знаетъ, что́ такое въ видимомъ тѣлѣ величина, фигура, движеніе (по крайней мѣрѣ мѣстное; ибо философы, предполагая нѣкоторыя иныя движенія, отличныя отъ мѣстнаго, дѣлаютъ менѣе понятною природу движенія), расположеніе, длительность, число или что либо подобное, что́, какъ уже было сказано, ясно воспринимается въ тѣлахъ; все это каждый знаетъ совершенно иначе, чѣмъ знаетъ, что́ такое въ томъ же самомъ тѣлѣ боль, цвѣтъ, запахъ, вкусъ или нѣчто иное изъ того, что должно, какъ я сказалъ, отнести къ чувствамъ. Хотя мы, видя извѣстное тѣло, не больше знаемъ о его существованіи, поскольку оно является имѣющимъ фигуру, чѣмъ поскольку оно оказывается окрашеннымъ, однако значительно яснѣе знаемъ, что ему болѣе свойственно составлять фигуру, нежели быть окрашеннымъ.

LXX.—Значитъ, по существу, одно и то же—говорить ли, что мы воспринимаемъ цвѣта въ объектахъ, сказать ли, что мы воспринимаемъ въ объектахъ нѣчто и хотя не знаемъ, что именно, но отъ этого „нѣчто“ въ насъ самихъ возникаетъ съ сильною проявляющееся и наблюдаемое нами чувство, которое мы именуемъ чувствомъ цвѣта. Въ самомъ способѣ сужденія однако разница значительна. Поскольку мы судимъ лишь, что нѣчто присутствуетъ въ объектахъ (т. е. во всякихъ, каковы бы онѣ ни были, вещахъ, отъ которыхъ у насъ возникаетъ чувство), не зная, что́ именно,—этого еще недостаточно, чтобы мы ошибались; даже, скорѣе, это насъ предостерегаетъ отъ ошибки: замѣтивъ, что нѣчто намъ неизвѣстно, мы будемъ менѣе склонны необдуманно судить о томъ. Иное происходитъ, когда мы полагаемъ, будто воспринимаемъ въ объектахъ цвѣта, хотя совершенно не знаемъ сущности того, что мы именуемъ цвѣтомъ, и не можемъ найти никакого подобія между цвѣтомъ, предполагаемымъ нами въ объектахъ, и цвѣтомъ, воспринимаемымъ въ чувствѣ. Однако мы упускаемъ это изъ виду; а между тѣмъ существуетъ многое иное, какъ величина, фигура, число и т. п., относительно чего мы ясно сознаемъ, что оно чувствуется и понимается нами именно такъ, какъ оно существуетъ или по крайней мѣрѣ можетъ существовать въ объектахъ; благодаря всему этому мы легко впадаемъ въ ту ошибку, что начинаемъ разсуждать, будто именуемое цвѣтомъ въ объектахъ совершенно подобно цвѣту, который чувствуется нами. И такимъ образомъ мы считаемъ за ясно нами воспринимаемое то, чего никакъ не воспринимаемъ.

LXXI.—Здѣсь-то и можно узнать первую и преимущественную причину всѣхъ ошибокъ. Именно, въ раннемъ возрастѣ душа наша была столь тѣсно связана съ тѣломъ, что давала мѣсто только тѣмъ идеямъ, чрезъ посредство которыхъ чувствовала все то, чѣмъ возбуждалось тѣло. Душа не относила всѣ эти идеи къ чему либо находящемуся внѣ ея, но только чувствовала боль, встрѣчая что либо неблагопріятное для тѣла, встрѣчая же нѣчто благопріятное для тѣла, испытывала желаніе. А гдѣ тѣло возбуждалось безъ значительной пріятности или непріятности, тамъ душа, сообразно различіямъ возбуждавшихся участковъ тѣла и способамъ возбужденія, пріобрѣтала различныя чувства, именно чувства, называемыя нами чувствами вкусовъ, запаховъ, звуковъ, тепла, холода, свѣта, цвѣтовъ и т. п.; эти чувства ничего не представляютъ внѣ мышленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ душа воспринимала величину, фигуру, движеніе и пр.; ихъ она разсматривала не какъ чувства, но какъ нѣкія вещи или модусы вещей, существующія внѣ мышленія или по меньшей мѣрѣ причастныя существованію; хотя различія между этими двумя случаями еще не замѣчалось душою. Позднѣе же, когда механизмъ тѣла созданный природою такъ, что можетъ различно двигаться собственною силою, преслѣдовалъ при такихъ непроизныхъ движеніяхъ чтó либо пріятное и избѣгалъ непріятнаго для тѣла, душа, обитающая въ тѣлѣ, начала отмѣчать, что то, чтó преслѣдуется или избѣгается такимъ образомъ, существуетъ внѣ ея, и приписывала ему не только величину, фигуру, движеніе и пр., чтó воспринимала какъ вещи или модусы вещей, но также и вкусы, запахи и остальное, чтó, какъ она замѣчала, возбуждаетъ чувство. Такъ же относя все только къ пользѣ тѣла, съ которымъ она связана, душа полагала, что въ любомъ объектѣ, сообразно тому, какъ она, душа, имъ возбуждается, заключено больше или меньше присущаго вещи; отсюда и произошло, что она стала считать, будто гораздо больше субстанціи или тѣлесности заключается въ камняхъ или металлахъ, чѣмъ въ водѣ или въ воздухѣ, ибо ощущала въ нихъ больше твердости и увѣсистости. Воздухъ она стала считать за ничто, какъ скоро не обнаруживала въ немъ никакого вѣтра, или холода, или

тепла. А такъ какъ отъ звѣздъ ею воспринималось свѣта не болѣе, чѣмъ отъ незначительныхъ огней ночниковъ, то душа и воображала, что свѣтъ, исходящій отъ звѣздъ, въ дѣйствительности не больше свѣта ночниковъ. И такъ какъ она не замѣчала вращенія земли и шарообразной закругленности ея поверхности, она болѣе склонна была полагать, что земля неподвижна и что ея поверхность плоска. Тысячью и другихъ предразсудковъ омрачена наша душа съ ранняго дѣтства. Позднѣе, въ отроческіе годы, мы забываемъ, что эти предразсудки приняты безъ должнаго испытанія; напротивъ, душа наша принимаетъ ихъ какъ бы за познанныя чувствомъ или вложенныя въ нее природою, принимаетъ ихъ за вѣрнѣйшія и яснѣйшія мнѣнія.

LXXII.—И хотя въ зрѣлые годы душа уже не такъ широко служитъ тѣлу и не относитъ всего къ нему, но ищетъ истины о вещахъ, разсматриваемыхъ само по себѣ, и постигаетъ, что ложны весьма многія изъ прежнихъ ея сужденій,—тѣмъ не менѣе она не такъ легко вычеркиваетъ изъ своей памяти ложное; и пока послѣднее ею удерживается, оно можетъ стать причиною различныхъ ошибокъ. Напримѣръ, съ ранняго возраста мы представляемъ себѣ звѣзды весьма маленькими: хотя доводы астрономіи съ очевидностью показываютъ намъ, что звѣзды очень велики, тѣмъ не менѣе предразсудокъ настолько силенъ еще и теперь, что намъ трудно представлять себѣ звѣзды иначе, чѣмъ мы представляли ихъ прежде.

LXXIII.—Сверхъ того, наша душа только съ извѣстнымъ трудомъ и напряженіемъ можетъ обращаться къ подобнымъ вещамъ, а всего хуже внимаетъ тому, что не представлено ни чувствамъ, ни воображенію. Такую природу наша душа имѣетъ или потому, что связана съ тѣломъ, или потому, что въ ранніе годы, будучи преисполнена чувствомъ и воображеніемъ, пріобрѣла большіе навыкъ и легкость въ упражненіи этихъ именно, а не иныхъ способностей мышленія. Отсюда и происходитъ, что многіе понимаютъ субстанцію лишь какъ мыслимую въ воображеніи, какъ тѣлесную и даже какъ чувственную. И не понимаютъ того, что можно воображать только то, что состоитъ изъ протяженія, движенія и фигуры, тогда какъ мышленію доступно многое иное; полагаютъ также, что не можетъ существовать то, что не было бы тѣломъ и, въ концѣ концовъ, какимъ либо чувственнымъ тѣломъ. А такъ какъ, въ дѣйствительности, никакой вещи въ ея сущности мы не воспринимаемъ однимъ только чувствомъ, какъ ниже обнаружится, то потому и получается, что многіе люди въ теченіе всей жизни не воспринимаютъ ничего иначе, какъ смутно.

LXXIV.—Наконецъ, въ силу пользованія рѣчью, мы связываемъ всѣ наши понятія словами, ихъ выражающими, и поручаемъ памяти понятія только совмѣстно съ этими словами. И такъ какъ впослѣдствіе мы легче припоминаемъ слова, нежели вещи, то едва ли мы владѣемъ когда нибудь настолько отчетливымъ понятіемъ какой либо вещи, чтобъ отдѣлить его отъ всякаго концепта словъ: и мысли почти всѣхъ людей вращаются больше около словъ, чѣмъ около вещей. Такимъ образомъ люди часто пользуются въ своихъ утвержденіяхъ непонятными словами, ибо полагаютъ, что нѣкогда понимали ихъ или же получили отъ тѣхъ, кто эти слова правильно понималъ. Хотя все это и не можетъ быть передано здѣсь обстоятельно, ибо природа человѣческаго тѣла еще не выяснена и вообще не доказано существованіе тѣлъ, однако, кажется, достаточно понятно, сколь необходимо различать ясныя и отчетливыя понятія отъ темныхъ и смутныхъ.

LXXV.—Итакъ, дабы методически философствовать и достичь истиннаго пониманія всѣхъ познаваемыхъ вещей, должно прежде всего отбросить всѣ предразсудки, или тщательно остерегаться отъ довѣрія къ какимъ либо изъ мнѣній, нами нѣкогда полученныхъ, раньше нежели признаемъ ихъ истинность, подвергнувъ ихъ новой повѣркѣ. Затѣмъ, по порядку, должно со вниманіемъ отнестись къ имѣющимся у насъ понятіямъ и признавать за истинныя только тѣ, которыя при внимательномъ разсмотрѣніи мы познаемъ, какъ ясныя и отчетливыя. Поступая такъ, мы прежде всего замѣтимъ, что существуемъ мы сами, поскольку причастны мыслящей природѣ, а также, что существуетъ Богъ, и мы зависимъ отъ него; и что изъ обсужденія Его аттрибутовъ мы можемъ узнать истину о прочихъ вещахъ, ибо Онъ есть ихъ первая причина; и наконецъ, что сверхъ понятій Бога и нашей души въ насъ есть также знаніе многихъ положеній вѣчной истинности, какъ, напр., „изъ ничего не происходитъ ничего“ и т. д., также есть знанія о нѣкоторой тѣлесной природѣ, т. е. протяженной, дѣлимой, движимой и т. п., а равно и понятіе о нѣкоторыхъ насъ возбуждающихъ чувствахъ, какъ, напр., боли, цвѣта, вкусовъ и т. д., хотя бы мы никогда и не знали, что́ за причина, почему они такъ насъ возбуждаютъ. И сравнивъ все это съ тѣмъ, что прежде мыслили въ болѣе смутномъ и спутанномъ видѣ, мы пріобрѣтемъ навыкъ составлять ясныя и отчетливыя понятія обо всѣхъ познаваемыхъ вещахъ. Въ этомъ немногомъ, мнѣ кажется, состоятъ основныя начала человѣческаго познанія.

LXXVII.—Прежде же всего мы должны запечатлѣть въ нашей памяти, какъ высшее правило, что во все, открываемое намъ Богомъ, должно вѣрить какъ въ наиболѣе достовѣрное. И если случайно свѣтъ разума сколь возможно ясно и очевидно внушалъ намъ нѣчто, казалось бы, иное, мы должны довѣрять одному божественному авторитету больше, чѣмъ собственному нашему сужденію. Но въ томъ, относительно чего божественная вѣра насъ вовсе не наставляетъ, философу менѣе всего прилично принимать за истинное нѣчто такое, истинности чего онъ никогда не усматривалъ; и не должно больше довѣряться чувствамъ, т. е. необдуманнымъ сужденіямъ своей юности, чѣмъ зрѣлому разуму.

Вторая часть Началъ философіи.

I.—Хотя каждый достаточно убѣжденъ въ существованіи матеріальныхъ вещей, однако, въ виду того, что это существованіе нѣсколько ранѣе было нами заподозрѣно и причислено къ предразсудкамъ ранняго возраста, теперь слѣдуетъ выискать основанія, по которымъ оно достовѣрно нами познается. Вѣдь все, что мы ощущаемъ, несомнѣнно является у насъ отъ какой то вещи, отличной отъ нашей души. И не въ нашей власти сдѣлать такъ, чтобы одно ощущать предпочтительно передъ другимъ; это всецѣло зависитъ отъ вещи, возбуждающей наши чувства. И можно задаться вопросомъ, Богъ ли—та вещь или нѣчто отличное отъ Бога. Но мы ощущаемъ, или, вѣрнѣе, будучи побуждаемы чувствомъ, ясно и отчетливо воспринимаемъ нѣкоторую протяженную въ длину, ширину и глубину матерію, различныя части которой, будучи надѣлены извѣстными фигурами, различнымъ образомъ движутся и даже вызываютъ у насъ различныя ощущенія цвѣтовъ, запаховъ, боли и т. п. Если Богъ непосредственно черезъ самого себя вызываетъ въ нашемъ умѣ идею такой протяженной матеріи или лишь дѣлаетъ такъ, что идея эта вызывается какою либо вещью, не обладающею ни протяженіемъ, ни фигурою, ни движеніемъ, то невозможно подобрать ни единаго довода, почему не считать намъ Бога обманщикомъ. Между тѣмъ мы ясно понимаемъ, что матерія—вещь совершенно отличная и отъ Бога, и отъ насъ, т. е. отъ нашей души; и намъ кажется яснымъ, что идея матеріи привходитъ въ насъ отъ вещей внѣшняго міра, которымъ эта идея вполнѣ подобна. Природѣ же Бога явно противорѣчитъ, чтобы Онъ былъ обманщикомъ, какъ то было замѣчено уже раньше. Отсюда и должно вообще заключить, что существуетъ нѣкоторая вещь, протяженная въ длину, ширину и глубину и имѣющая всѣ свойства, какія мы ясно воспринимаемъ, какъ присущія протяженной вещи. Вотъ это-то и есть вещь протяженная, которую мы называемъ тѣломъ или матеріею.

II.—Подобнымъ же образомъ, наблюдая внезапное появленіе боли и иныхъ ощущеній, можно заключить, что одно опредѣленное тѣло связано съ нашимъ духомъ тѣснѣе, чѣмъ прочія тѣла. Душа сознаетъ, что указанныя ощущенія появляются не только отъ нея одной, и сознаетъ также, что доходить до нея они могутъ не потому исключительно, что она—вещь мыслящая, но лишь благодаря ея соединенію съ какой-то иной протяженной и движимой вещью: послѣдняя именуется человѣческимъ тѣломъ. Впрочемъ болѣе обстоятельное изложеніе этого вопроса здѣсь не умѣстно.

III.—Для насъ достаточно будетъ замѣтить, что воспріятія чувствъ относятся только къ этому союзу человѣческаго тѣла съ душой и хотя они обычно сообщаютъ намъ, въ чемъ могутъ быть вредны или полезны для этого союза внѣшнія тѣла, однако только иногда и случайно учатъ, каковы тѣла сами по себѣ. Итакъ, мы отбросимъ предразсудки чувствъ и воспользуемся здѣсь однимъ разсудкомъ, со вниманіемъ обративъ его къ идеямъ, заложеннымъ въ него природою.

IV.—Поступая такъ, мы убѣдимся, что природа матеріи т. е. тѣла, разсматриваемаго вообще, состоитъ не въ томъ, что тѣло—вещь твердая, вѣсомая, окрашенная или какъ либо иначе возбуждающая чувство, но лишь въ томъ, что оно -вещь протяженная въ длину, ширину и глубину. Ибо о твердости чувство оповѣщаетъ насъ лишь тѣмъ, что частицы твердыхъ тѣлъ сопротивляются движенію нашихъ рукъ, наталкивающихся на тѣло; если бы, съ приближеніемъ нашихъ рукъ къ тѣлу, частицы послѣдняго отступали назадъ съ присущею имъ скоростью, то мы никогда не ощущали бы твердости. И, однако, нельзя себѣ представить, будто тѣла, отодвигающіяся подобнымъ образомъ, лишены того, что составляетъ природу тѣла; слѣдовательно эта природа не состоитъ въ твердости. На томъ же основаніи можно показать, что и цвѣтъ, и всѣ подобнаго рода качества, ощущаемыя въ тѣлесной матеріи, могутъ быть изъяты изъ послѣдней, въ то время какъ она остается въ цѣлости. Отсюда слѣдуетъ, что ея природа не зависитъ ни отъ одного изъ указанныхъ свойствъ.

V.—Остаются еще двѣ причины сомнѣваться, состоитъ ли истинная природа тѣла исключительно въ протяженіи: во первыхъ, многими утверждается, будто большинство тѣлъ можно такъ разрѣжать или сгущать, что разрѣженныя тѣла пріобрѣтутъ большее протяженіе, чѣмъ сгущенныя; и находятся нѣкоторые до того тонкіе умы, что различаютъ субстанцію тѣла и его количество, а послѣднее отличаютъ отъ протяженія. Во вто-

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина

рыхъ, если мы гдѣ либо предполагаемъ протяженіе въ длину, ширину и глубину, мы не утверждаемъ обычно наличности тамъ тѣла, но говоримъ только о пространствѣ, даже о „пустомъ пространствѣ“; а это послѣднее, какъ почти всѣ убѣждены, есть чистое ничто.

VI.—Но что касается разрѣженія и сгущенія, то вникнувъ въ свои мысли и не желая допускать ничего, помимо ясно воспринимаемаго, каждый откажется видѣть въ разрѣженіи и сгущеніи что нибудь иное, кромѣ измѣненія фигуры. Измѣненіе это таково, что разрѣженными оказываются тѣ тѣла, между частицами которыхъ существуетъ много промежутковъ, заполненныхъ другими тѣлами; болѣе же плотными тѣла становятся вслѣдствіе того, что ихъ частицы, сближаясь, уменьшаютъ или совершенно уничтожаютъ эти промежутки. Когда произойдетъ такое исчезновеніе промежутковъ, дальнѣйшее уплотненіе сгущеннаго тѣла станетъ невозможнымъ. Но и въ этомъ случаѣ тѣло остается ничуть не менѣе протяженнымъ, чѣмъ когда, при взаимной раздѣленности частицъ, оно заполняетъ большее пространство, ибо протяженіе, заключенное въ порахъ и промежуткахъ тѣла, оставляемыхъ его частицами, никоимъ образомъ не можетъ быть приписано ему самому, но должно быть приписано какимъ либо другимъ тѣламъ, заполняющимъ эти промежутки. Такъ, видя губку, взбухшую отъ воды или иной жидкости, мы не считаемъ ее въ отношеніи отдѣльныхъ ея частей болѣе протяженною, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда она сжата и суха; въ первомъ случаѣ она имѣетъ только болѣе открытыя поры и потому вытянута на большее пространство.

VII.—Право, я не вижу, чтó побуждаетъ нѣкоторыхъ предпочитать говорить, будто разрѣженіе происходитъ путемъ увеличенія частицъ, нежели выяснять разрѣженіе на примѣрѣ губки. Ибо хотя при разрѣженіи воздуха или воды мы не замѣчаемъ ни ихъ поръ, становящихся болѣе пространными, ни какого либо новаго тѣла, которые вступаетъ для ихъ заполненія, однако едва-ли разумно измышлять ради буквальнаго истолкованія разрѣженія тѣла нѣчто совершенно непостижимое вмѣсто того, чтобы изъ факта разрѣженія заключать къ существованію въ данныхъ тѣлахъ поръ или промежутковъ, расширяющихся и заполняемыхъ новымъ тѣломъ, хотя бы мы и не воспринимали чувствами этого новаго тѣла. Вѣдь, нѣтъ ни одного основанія, которое принуждало бы насъ думать, будто всѣ существующія вещи должны возбуждать наши чувства. А разрѣженіе мы, быть можетъ, всего легче представимъ себѣ именно этимъ, а

не инымъ способомъ. И, наконецъ, совершенно нелѣпо, что нѣчто увеличивается отъ новаго количества или новаго протяженія безъ того, чтобы вмѣстѣ съ послѣднимъ къ нему не присоединялась новая протяженная субстанція, т. е. новое тѣло. Немыслимо никакое присоединеніе протяженія или количества безъ присоединенія количественной и протяженной субстанціи; это станетъ болѣе яснымъ изъ дальнѣйшаго.

VIII.—Конечно, количество разнится отъ протяженной субстанціи не въ самой вещи, но лишь въ нашемъ понятіи, какъ и число не разнится отъ исчисленнаго. Понятно, что мы можемъ мыслить всю природу тѣлесной субстанціи, заключенной въ пространствѣ десяти шаговъ, не обращая вниманія на самую мѣру десяти шаговъ, ибо совершенно одинаково понимается она и въ любой части пространства и въ его цѣломъ. И, обратно, можно понимать число, содержащее десять, и мѣру, содержащую десять шаговъ, не примышляя къ нимъ опредѣленной субстанціи: ибо понятіе числа „десять“ остается совершенно однимъ и тѣмъ же, относись оно къ этой ли мѣрѣ десяти шаговъ или къ чему нибудь иному. Если сплошное количество десяти шаговъ и не можетъ быть принимаемо помимо какой либо протяженной субстанціи, которой присуще количество, однако оно можетъ быть понимаемо помимо данной опредѣленной субстанціи. Но по существу не можетъ статься, чтобы уничтожилось хоть самое малое количество или протяженіе безъ такого же уменьшенія субстанціи; и, обратно, невозможно какое угодно уменьшеніе субстанціи безъ того, чтобы не уничтожалось столько же количества и протяженія.

IX.—И хотя нѣкоторые, можетъ быть, говорятъ иначе, я не думаю, чтобы они иначе себѣ представляли дѣло; но они отличаютъ субстанцію отъ протяженія или количества, или разумѣютъ подъ именемъ субстанціи ничто, или же имѣютъ только смутную идею субстанціи безтѣлесной, ложно прилагая эту идею къ тѣлесной субстанціи: тѣмъ самымъ эти лица покидаютъ истинную идею протяженія тѣлесной субстанціи, называя ее акциденціей, и такимъ образомъ они выражаютъ словами совсѣмъ не то, что воспринимаютъ въ душѣ.

X.—Пространство или внутреннее мѣсто отличается отъ тѣлесной субстанціи, заключенной въ пространствѣ, не реально, но лишь по способу, какимъ обычно постигается нами. И, дѣйствительно, протяженіе въ длину, ширину и глубину, составляющее пространство, совершенно тождественно съ тѣмъ протяженіемъ, которое составляетъ тѣла. Разница въ томъ, что протяженіе въ тѣлѣ мы полагаемъ единичнымъ (singulare) и считаемъ, что оно подлежитъ измѣненію всякій разъ, какъ измѣняется тѣло, протяженію же пространства мы приписываемъ только родовое единство и думаемъ, что при измѣненіяхъ тѣла, заполняющаго пространство, протяженіе пространства не мѣняется, а пребываетъ однимъ и тѣмъ же, какъ скоро оно остается той же величины и фигуры и сохраняетъ одно и то же положеніе по отношенію къ нѣкоторымъ внѣшнимъ тѣламъ, которыми мы опредѣляемъ это пространство.

XI.—И мы легко узнаемъ, что одно и то же протяженіе составляетъ какъ фигуру тѣла, такъ и природу пространства, и что не больше тѣло и пространство другъ отъ друга разнятся, чѣмъ природа вида или рода разнится отъ природы индивидуума. Обратясь къ имѣющейся у насъ идеѣ какого либо тѣла, напримѣръ, камня, мы отбросимъ отъ нея все то, что, какъ мы сознаемъ, не принадлежитъ къ природѣ тѣла, и, понятно, прежде всего отбросимъ твердость, потому что если камень разжижается или дробится на мельчайшія песчинки, то онъ лишается твердости, не переставая отъ этого, однако, быть тѣломъ; отбросимъ и цвѣтъ, такъ какъ часто видимъ камни настолько прозрачные, что цвѣтъ въ нихъ какъ бы вовсе отсутствуетъ; отбросимъ и тяжесть, потому что хотя огонь исключителенъ по легкости, тѣмъ не менѣе онъ считается тѣломъ; и наконецъ отбросимъ холодъ и теплоту и всѣ прочія качества, ибо, если даже не полагать ихъ въ камнѣ или въ его видоизмѣненіяхъ, мы всетаки не станемъ утверждать, будто камень потерялъ тѣлесную природу. Слѣдовательно, мы замѣчаемъ, что ничего не остается въ идеѣ тѣла, кромѣ понятія о протяженности послѣдняго въ длину, ширину и глубину; это самое содержится не только въ идеѣ пространства, заполненнаго тѣлами, но и въ идеѣ того пространства, которое именуется нами „пустымъ“.

XII.—Однако здѣсь существуетъ различіе въ способѣ нашего пониманія, ибо удаляя камень изъ пространства или съ того мѣста, гдѣ онъ находится, мы полагаемъ также, что удаляемъ и протяженіе камня, такъ что въ этомъ случаѣ разсматриваемъ протяженіе какъ бы единственнымъ въ своемъ родѣ и отъ тѣла не отдѣлимымъ; а между тѣмъ протяженіе мѣста, въ которомъ былъ камень, мы считаемъ пребывающимъ однимъ и тѣмъ же, хотя то мѣсто камня занято уже деревомъ, водою или воздухомъ и т. д., либо предполагается пустымъ. Потому въ подобномъ случаѣ протяженіе разсматривается вообще и считается однимъ и тѣмъ же для камня, дерева, воды, воздуха и иныхъ тѣлъ или даже для самой пустоты, если она существуетъ, лишь бы протяженіе имѣло ту

же величину и фигуру и служило тѣмъ же положеніемъ для внѣшнихъ тѣлъ, опредѣляющихъ данное пространство.

XIII. При этомъ самыя названія—„мѣсто“—или „пространство“ не обозначаютъ ничего отличного отъ тѣла, про которое говорятъ, что оно „занимаетъ мѣсто“: этимъ обозначаютъ лишь его величину, фигуру и положеніе среди иныхъ тѣлъ. Чтобы опредѣлить это положеніе, мы должны обратить вниманіе именно на эти другія тѣла, считая ихъ при томъ неподвижными; а такъ какъ мы обращаемъ вниманіе на разныя изъ нихъ, то можемъ говорить, что одна и та же вещь въ одно и то же время и мѣняетъ мѣсто и не мѣняетъ его. Такъ, когда корабль выходитъ въ море, то сидящій на кормѣ остается на одномъ мѣстѣ, если имѣются въ виду части корабля, между которыми сохраняется одно и то же положеніе; и этотъ же самый субъектъ все время измѣняетъ мѣсто, если имѣть въ виду берега, ибо корабль, отойдя отъ однихъ береговъ, безпрерывно приближается въ другимъ. Сверхъ того, если мы учтемъ, что земля движется, именно съ запада на востокъ, а корабль продвигается между тѣмъ съ востока на западъ, то мы снова скажемъ, что субъектъ, сидящій на кормѣ, не измѣняетъ своего мѣста; вѣдь мы въ данномъ случаѣ избираемъ опредѣленіе мѣста отъ какихъ либо неподвижныхъ небесныхъ точекъ. Если, наконецъ, мы подумаемъ, что въ мірѣ не встрѣчается совершенно неподвижныхъ точекъ, что́, какъ ниже будетъ указано,—вѣроятно, то отсюда заключимъ, что нѣтъ никакого постояннаго мѣста для вещи, помимо того, которое опредѣляется нашимъ мышленіемъ.

XIV.—Однако названія „мѣсто“ и „пространство“ различаются, ибо „мѣсто“ болѣе выразительно обозначаетъ положеніе тѣла, нежели величину и фигуру, тогда какъ, напротивъ, мы обращаемся болѣе къ послѣднимъ, говоря о „пространствѣ“. Мы часто говоримъ: одна вещь вступаетъ на мѣсто другой, хотя бы она и не была совершенно той же величины и фигуры; но тогда мы отрицаемъ, что она занимаетъ одинаковое съ первою вещью пространство. И всегда, когда вещь мѣняетъ это положеніе, мы говоримъ что она мѣняетъ „мѣсто“, хотя бы ею сохранялась та же величина и фигура. Если мы говоримъ, что вещь находится въ такомъ-то мѣстѣ, мы разумѣемъ лишь то, что она занимаетъ извѣстное положеніе среди другихъ вещей; когда же мы прибавляемъ, что вещь заполняетъ данное пространство или данное мѣсто, мы разумѣемъ сверхъ того, что она обладаетъ такою-то опредѣленной величиной и фигурою.

XV.—Слѣдовательно, хотя мы всегда принимаемъ пространство за протяженіе въ длину, ширину и глубину, однако мѣсто разсматривается нами иногда какъ нѣчто внутреннее для вещи, занимающей данное мѣсто, а иногда какъ внѣшнее для нея. Внутреннее мѣсто, конечно, совершенно то же, что пространство; внѣшнее же можетъ быть принимаемо за поверхность, ближайшимъ образомъ окружающую предметъ. Должно замѣтить, что подъ поверхностью я разумѣю здѣсь не какую либо часть окружающаго тѣла, но лишь границу между этимъ окружающимъ тѣломъ и тѣмъ, которое окружается. Она—ничто иное какъ модусъ: или, вѣрнѣе, поверхность, разсматриваемая вообще, не является частью ни того, ни другого изъ тѣлъ, но всегда мыслится какъ таковая, ибо удерживаетъ одну и ту же величину и фигуру. Вѣдь хотя всякое окружающее тѣло измѣняется въ своей поверхности, тѣмъ не менѣе не считаютъ, что окруженная вещь измѣняетъ мѣсто, если она сохраняетъ то же самое положеніе между тѣми внѣшними тѣлами, которыя разсматриваются какъ неподвижныя. Когда корабль съ одной стороны подталкивается волнами, а съ другой подгоняется вѣтромъ, то, если корабль не мѣняетъ своего положенія относительно береговъ, каждый вполнѣ согласится, что корабль остается на томъ же мѣстѣ, хотя бы и измѣнялись всѣ окружающія его поверхности.

XVI.—Пустого пространства въ философскомъ смыслѣ слова, т. е. такого пространства, гдѣ нѣтъ никакой субстанціи, не можетъ быть дано; это очевидно изъ того, что пространство какъ внутреннее мѣсто не отличается отъ протяженія тѣла. Поэтому, изъ того только, что тѣло протяженно въ длину, ширину и глубину, мы правильно заключаемъ, что оно—субстанція, ибо вообще нелѣпо, чтобы „ничто“ обладало какимъ либо протяженіемъ. Относительно пространства, предполагаемаго пустымъ, должно заключать то же: именно, когда въ немъ есть протяженіе, то необходимо будетъ въ немъ и субстанція.

XVII.—Въ обычномъ пользованіи рѣчью, словомъ „пустота“ мы постоянно обозначаемъ не то мѣсто или пространство, гдѣ нѣтъ совершенно ничего, но лишь мѣсто, въ которомъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ вещей, какія, мы думаемъ, должны бы въ немъ существовать. Такъ, въ виду того, что сосудъ предназначенъ содержать воду, онъ именуется пустымъ, когда заполненъ только воздухомъ; такъ, нѣтъ ничего въ садкѣ, когда онъ заполненъ водой, но въ немъ отсутствуетъ рыба. Также точно пустъ корабль, снаряженный для перевозки товаровъ, если онъ нагруженъ однимъ пескомъ—балластомъ для сопротивленія порываемъ вѣтра. Такъ, наконецъ, пусто пространство, въ которомъ нѣтъ ничего изъ ощущаемаго, хотя бы это пространство и было заполнено созданной и само по себѣ пребывающей субстанціей; ибо мы не привыкли полагать чего либо кромѣ вещей, относящихся къ чувствамъ. И если позднѣе, не примѣчая, что́ должно понимать подъ именемъ „пустоты“ и „ничто“, мы станемъ считать, будто въ пространствѣ, именуемомъ „пустымъ“, не содержится не только ничего чувственнаго, но и совершенно ничего нѣтъ, то впадемъ въ ту самую ошибку, какъ если бы благодаря привычкѣ говорить, что сосудъ, наполненный только воздухомъ, пустъ, заключили, будто имѣющійся въ сосудѣ воздухъ не есть пребывающая вещь.

XVIII.—И почти всѣ мы впадаемъ въ эту ошибку съ ранняго дѣтства, потому что, не замѣчая необходимой связи между сосудомъ и содержащимся въ немъ тѣломъ, мы полагаемъ, что для Бога нѣтъ препятствій сдѣлать такъ, чтобы тѣло, заполняющее какой либо сосудъ, было удалено изъ послѣдняго и никакое иное тѣло не заступило его мѣста. Чтобы исправить эту ошибку, должно признавать, что если и нѣтъ никакого сходства между сосудомъ и содержащимся въ немъ тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ тѣломъ, то существуетъ величайшее и необходимое сродство между фигурою сосуда и протяженіемъ, взятымъ вообще, которое должно содержаться въ полости сосуда: столь же нелѣпо мыслить гору безъ равнины, какъ мыслить эту полость сосуда безъ протяженія, которое въ ней содержится; вѣдь, какъ часто говорилось, „ничто“ не можетъ имѣть какого либо протяженія. Поэтому если спросятъ: что́ случится, когда Богъ устранитъ тѣло, содержащееся въ данномъ сосудѣ, и не допуститъ никакое другое тѣло проникнуть на покинутое мѣсто? то на такой вопросъ должно отвѣтить: въ такомъ случаѣ стороны сосуда сомкнутся. Вѣдь, когда между двумя тѣлами ничего не пролегаетъ, то они необходимо касаются другъ друга, и явно нелѣпо, чтобы тѣла были отдѣлены другъ отъ друга, т. е. между ними какъ бы имѣлось разстояніе и, въ то же время, это разстояніе было бы „ничто“; поэтому всякое разстояніе есть модусъ протяженія и не можетъ существовать безъ протяженной субстанціи.

XIX.—Послѣ того, какъ мы такимъ образомъ замѣтили, что природа тѣлесной субстанціи состоитъ лишь въ томъ, что она—вещь протяженная, что ея протяженіе не отличается отъ протяженія, приписываемаго обычно сколь угодно пустому пространству,—мы легко поймемъ невозможность того, чтобы одна изъ частей этого тѣлеснаго протяженія занимала въ одномъ случаѣ большее пространство, нежели въ другомъ, разрѣжаясь иначе, чѣмъ вышеописаннымъ способомъ. Поймемъ мы невозможность и того, чтобы больше присутствовало въ сосудѣ матеріи, т. е. тѣлесной субстанціи, когда сосудъ наполненъ свинцомъ, золотомъ или инымъ сколь угодно тяжелымъ и твердымъ тѣломъ, чѣмъ когда только воздухъ содержится въ сосудѣ и послѣдній считается пустымъ; ибо количество частей матеріи зависитъ не отъ ея тяжести или твердости, но исключительно отъ протяженія, всегда одинаковаго въ одномъ и томъ же сосудѣ.

XX.—И мы признаемъ, что невозможно существованіе какихълибо атомовъ, т. е. частей матеріи, недѣлимыхъ по своей природѣ. Разъ онѣ существуютъ, то необходимо должны быть протяженны, сколь малыми не предполагались бы; ни одной изъ нихъ невозможно мысленно раздѣлить на двѣ или большее число частей, тѣмъ самымъ не приписавъ имъ реальнаго дѣленія; и поэтому, если мы судили, что эти первоначальныя частицы недѣлимы, то наше сужденіе разошлось съ мышленіемъ. Если даже мы и вообразимъ, будто Богъ пожелалъ сдѣлать такъ, чтобы какая нибудь частица матеріи не могла быть раздѣлена на иныя меньшія, то такая частица не должна однако называться собственно недѣлимою. Вѣдь Богъ сдѣлалъ такъ, что частица не можетъ быть раздѣлена ни одною изъ его тварей, а не то, чтобы Онъ могъ отнять отъ самого Себя эту способность дѣлить; ибо совершенно невозможно, чтобы Богъ уменьшилъ собственную свою мощь; мы это уже замѣтили выше. Поэтому, абсолютно говоря, подобная частица матеріи остается дѣлимою, ибо она такова по своей природѣ.

XXI—Сверхъ того мы узнаемъ, что этотъ міръ или совокупность тѣлесной субстанціи не имѣетъ никакихъ предѣловъ для своего протяженія. Вѣдь, даже придумавъ, что существуютъ гдѣ либо его границы, мы не только можемъ вообразить неопредѣленно протяженныя пространства за этими границами, но и воспринимаемъ ихъ вообразимыми, т. е. реально существующими: отсюда и воображаемъ ихъ содержащими неопредѣленно протяженную тѣлесную субстанцію. Вѣдь, какъ уже подробно показано, идея того протяженія, которое мы воспринимаемъ въ какомъ либо пространствѣ, совершенно тождественна съ идеею тѣлесной субстанціи.

XXII.—Легко отсюда заключить, что матерія неба не разнится отъ матеріи земли. И вообще, если бы міры были безконечны, то они необходимо состояли бы изъ одной и той же матеріи; и, слѣдовательно, не многіе міры, а одинъ только можетъ существовать, ибо мы ясно понимаемъ, что матерія, природа которой состоитъ лишь въ ея протяженности, вообразимой во всякихъ вообще пространствахъ, гдѣ тѣ иные міры должны

быть даны,—такая матерія уже использована, а идеи какой либо иной матеріи мы у себя не находимъ.

XXIII.—Слѣдовательно, во всемъ мірѣ существуетъ одна и та же матерія: она познается только черезъ свою протяженность. Всѣ свойства, ясно воспринимаемыя въ матеріи, сводятся единственно къ тому, что она дробима и подвижна въ своихъ частяхъ и, стало быть, повинна во всѣхъ тѣхъ возбужденіяхъ, которыя, согласно нашему воспріятію, могутъ слѣдовать изъ движенія ея частей. Дробленіе матеріи, производимое только мысленно, ничего не измѣняетъ; всякое измѣненіе матеріи или различіе всѣхъ ея формъ зависитъ отъ движенія. Это было уже отмѣчено философами: говорили, что основа природы—движеніе и покой. И подъ природой здѣсь разумѣли то, благодаря чему всѣ тѣлесныя вещи становятся такими, какими мы ихъ воспринимаемъ.

XXIV.—Но движеніе (разумѣется мѣстное: оно одно только составляетъ предметъ моихъ размышленій; и не думаю, чтобы нужно было измышлять въ природѣ вещей какое либо иное)—движеніе, говорю, въ обычномъ пониманіи этого слова, есть ничто иное, какъ дѣйствіе, путемъ котораго данное тѣло переходитъ съ одного мѣста на другое. И подобно тому какъ,—что напоминалось выше,—относительно одной и той же вещи, въ одно и то же время можно полагать, что она и мѣняетъ и не мѣняетъ свое мѣсто, также можно сказать: вещь движется и не движется. Такъ, кто сидитъ на кораблѣ, выходящемъ изъ гавани, тотъ, конечно, считаетъ себя движущимся, если осматривается по берегамъ и представляетъ себѣ ихъ неподвижными; но онъ думаетъ противное, взирая на корабль, части котораго все время сохраняютъ одинаковое расположеніе. И поскольку мы обычно полагаемъ, что во всякомъ движеніи присутствуетъ дѣйствіе, а въ покоѣ—прекращеніе дѣйствія, здѣсь даже болѣе умѣстно говорить о покоѣ, чѣмъ о движеніи, такъ какъ никакого дѣйствія данный субъектъ въ себѣ не чувствуетъ.

XXV.—Если, исходя не столько изъ обычнаго словоупотребленія, сколько изъ истиннаго положенія вещей, мы обдумаемъ что нужно понимать подъ движеніемъ, чтобы приписать ему опредѣленную природу, то мы можемъ сказать, что оно есть *перемѣщеніе одной части матеріи или одного тѣла изъ сосѣдства тѣхъ тѣлъ, которыя его непосредственно касались и разсматривались какъ бы покоящимися, въ сосѣдство другихъ тѣлъ.* Подъ однимъ тѣломъ или подъ одной частью матеріи я понимаю здѣсь все то, что переносится совмѣстно; хотя опять таки это самое тѣло можетъ состоять изъ многихъ частицъ, само по себѣ имѣющихъ иныя движенія. Говорю же я—„перемѣщеніе“, а не сила или дѣйствіе, съ той цѣлью, чтобы указать, что движеніе всегда существуетъ въ движущемся, а не въ движущемъ, тогда какъ эти двѣ вещи обычно не достаточно тщательно различаютъ, а также съ цѣлью указать, что движеніе есть только модусъ, а не какая либо существующая вещь, подобно тому какъ фигура есть модусъ вещи, обладающей фигурою (modus rei figuratae), а покой—модусъ покоящейся вещи.

XXVI.—При этомъ должно замѣтить, что предполагая въ движеніи больше дѣйствія, нежели въ покоѣ, мы впадаемъ въ сильный предразсудокъ. Мы съ дѣтства убѣдили себя, что наше тѣло обычно движется нашею волею, непосредственно нами сознаваемою, а покоится только потому, что притягивается къ землѣ собственною тяжестью, силы которой мы однако не чувствуемъ. А такъ какъ, конечно, эта тяжесть и многія иныя, не замѣченныя нами причины создаютъ сопротивленіе движеніямъ, которыя мы хотѣли бы произвести въ нашихъ членахъ, и вызываютъ утомленіе, то мы полагаемъ, что необходимы бóльшее дѣйствіе или бóльшая сила для начала движенія, чѣмъ для его прекращенія, именно, принимая дѣйствіе какъ то усиліе, которымъ пользуемся, чтобы передвинуть наши члены и съ ихъ помощью другія тѣла. Однако, мы легко уничтожимъ этотъ предразсудокъ, если подумаемъ, что усиліе необходимо намъ не только для того, чтобы подвинуть внѣшнія тѣла, но часто и для того, чтобы остановить ихъ движеніе, когда тѣла не останавливаются силой тяжести или по иной причинѣ. Такъ, напримѣръ, мы пользуемся не бóльшимъ движеніемъ, чтобы двинуть корабль, покоящійся въ стоячей водѣ, чѣмъ чтобы внезапно остановить его, когда корабль движется,—или по крайней мѣрѣ не много бóльшимъ; здѣсь не приняты въ разсчетъ тяжесть окружающей воды и ея плотность, которыя могутъ мало по-малу остановить движеніе.

XXVII.—А такъ какъ это происходило бы не отъ того дѣйствія, которое, по нашему пониманію, существуетъ въ движущемся или въ прекращающемъ движеніе тѣлѣ, но отъ одного перемѣщенія и отсутствія перемѣщенія, т. е. покоя, то ясно, что это перемѣщеніе не можетъ быть внѣ движущагося тѣла и что это тѣло находится въ одномъ состояніи, когда переносится, и въ иномъ, когда не переносится, т. е. покоится: значитъ, движеніе и покой суть ничто иное, какъ два различныхъ модуса тѣла.

XXVIII.—Сверхъ того я прибавилъ, что перемѣщеніе совершается изъ сосѣдства однихъ соприкасающихся тѣлъ въ сосѣдство другихъ, но не изъ одного мѣста въ другое; вѣдь, какъ я изложилъ выше, значенія слова „мѣсто“ различны и зависятъ отъ нашего мышленія. Но когда подъ движеніемъ тѣла разумѣется его перемѣщеніе изъ сосѣдства соприкасающихся тѣлъ, то благодаря тому, что въ даннный моментъ времени только одни опредѣленныя тѣла могутъ соприкасаться съ движимымъ тѣломъ, этому послѣднему возможно приписать одновременно только одно движеніе.

XXIX.—Наконецъ, я прибавилъ, что такое перемѣщеніе совершается изъ сосѣдства не всѣхъ какихъ угодно соприкасающихся тѣлъ, но только изъ сосѣдства тѣхъ, которыя разсматриваются какъ покоящіяся. Самое же перемѣщеніе взаимно, и нельзя мыслить тѣла AB переходящимъ изъ сосѣдства съ тѣломъ CD, не подразумѣвая вмѣстѣ съ тѣмъ перехода CD изъ сосѣдства съ AB. Одни и тѣ же сила и дѣйствіе требуются какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Поэтому, если мы хотимъ приписать движенію особенную, только ему свойственную природу, то, въ случаѣ перемѣщенія двухъ смежныхъ тѣлъ, одного въ одну сторону, другого въ другую, благодаря чему тѣла какъ бы взаимно раздѣляются, мы скажемъ, что движеніе одинаково существуетъ въ обоихъ тѣлахъ. Но это сужденіе слишкомъ далеко отходитъ отъ обычнаго способа выраженія. Привыкнувъ стоять на землѣ и считать послѣднюю покоящеюся, мы, если и видимъ, что отдѣльныя ея части, смежныя съ иными мелкими тѣлами, переходятъ изъ этого сосѣдства, не считаемъ, однако, что сама земля движется.

XXX.—Главное основаніе этого убѣжденія состоитъ только въ томъ, что движеніе мыслится присущимъ цѣлому движущемуся тѣлу, и такимъ образомъ не можетъ мыслиться движеніе всей земли, въ виду перенесенія нѣкоторыхъ частей послѣдней изъ сосѣдства меньшихъ тѣлъ, съ которыми онѣ соприкасаются, ибо часто наблюдаются на самой землѣ многочисленныя взаимно противоположныя перемѣщенія такого рода. Напримѣръ, если тѣло EFGH—земля и на ней одновременно движутся: тѣло AB отъ E къ F и тѣло CD отъ H къ G, то хотя тѣмъ самымъ части земли, соприкасающіяся съ тѣломъ AB, переносятся отъ B къ A и для ихъ перемѣщенія должно быть дано въ нихъ дѣйствіе не меньшее и такой же природы, какъ въ тѣлѣ AB,—мы однако не принимаемъ въ разсчетъ, что земля движется отъ B къ A, т. е. съ запада на востокъ. Вѣдь въ такомъ слу-

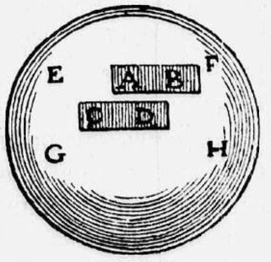

Рис. 1.

чаѣ изъ того, что части земли смежныя съ тѣломъ CD переносятся отъ C къ D, должно было бы съ равнымъ основаніемъ, заключать, что земля движется въ иную сторону, съ востока на западъ; а это были бы два противоположныхъ движенія. Слѣдовательно, чтобы не отступать чрезмѣрно отъ обычнаго словоупотребленія, мы не скажемъ здѣсь, что движется земля, а будемъ говорить лишь о движеніи тѣлъ AB и CD; такъ и въ иныхъ случаяхъ. Но при этомъ мы будемъ помнить, что все реальное и положительное въ движущихся тѣлахъ, благодаря чему они и называются движущимися, находится также въ другихъ, соприкасающихся съ первыми тѣлахъ, хотя однако послѣднія разсматриваются, какъ покоящіяся.

XXXI.—Хотя каждое тѣло имѣетъ лишь одно свойственное ему движеніе, ибо понимается какъ удаляющееся только отъ однихъ сосѣднихъ съ нимъ и покоящихся тѣлъ, однако оно можетъ принимать участіе въ другихъ безчисленныхъ движеніяхъ, если, конечно, составляетъ часть иныхъ тѣлъ, обладающихъ другими движеніями. Такъ, если кто нибудь, гуляя по кораблю, имѣетъ въ карманѣ часы, то колесики этихъ часовъ движутся такъ, какъ свойственно только имъ однимъ; но они причастны и еще иному движенію, поскольку, будучи отнесены къ гуляющему человѣку, составляютъ одну съ нимъ матеріальную массу; причастны они и второму движенію, поскольку будутъ отнесены къ плывущему по морю кораблю,—и третьему, поскольку будутъ отнесены къ этому самому морю, и, наконецъ, четвертому, поскольку будутъ отнесены къ самой землѣ, если, конечно, вся земля движется. Всѣми этими движеніями наши колесики дѣйствительно будутъ обладать; но въ виду трудности заразъ мыслить столь многочисленныя движенія и въ виду того, что не всѣ изъ нихъ могутъ быть познаны, достаточно полагать въ тѣлѣ только одно движеніе, ближайшимъ образомъ ему принадлежащее.

XXXII. — Кромѣ того, единое движеніе каждаго тѣла, свойственное послѣднему, можетъ быть разсматриваемо на подобіе многихъ движеній. Такъ, въ колесахъ колесницъ мы различаемъ два разныхъ движенія: одно—круговое, по оси, другое—продольное, по пути движенія колесницы. Но что оба эти движенія не различаются въ дѣйствительности, ясно изъ того, что любая точка движущагося тѣла описываетъ лишь одну опредѣленную линію. Не важно, что эта линія часто слишкомъ запутана и потому кажется результатомъ множества различныхъ движеній, ибо можно представить, что всякая, даже прямая линія, простѣйшая изъ всѣхъ, возникла изъ безчисленныхъ различныхъ движеній. Такъ, напримѣръ, если линія AB движется къ CD

и одновременно точка A приближается къ B, то прямая, описываемая этой точкой A, зависитъ отъ двухъ прямыхъ движеній (A къ B и AB къ CD) не менѣе, чѣмъ кривая линія, описываемая точкой колеса, зависитъ отъ прямого и кругового движенія. Поэтому, хотя часто полезно раздѣлять подобнымъ образомъ одно движеніе на многія части, абсолютно говоря, каждому тѣлу должно причитаться одно только движеніе.

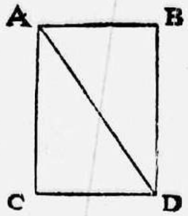

Рис. 2.

XXXIII.—Но, какъ замѣчено выше, все пространство заполнено тѣлами и количество однѣхъ и тѣхъ же частицъ матеріи въ равныхъ мѣстахъ всегда равно; отсюда слѣдуетъ, что ни одно тѣло не можетъ двигаться иначе, какъ по кругу, т. е. такимъ образомъ, что оно изгоняетъ какое либо иное тѣло съ того мѣста, куда вступаетъ, а это второе тѣло изгоняетъ третье, а это—четвертое, и такъ до послѣдняго тѣла, вступающаго на мѣсто, оставленное первымъ тѣломъ, въ тотъ самый моментъ, когда мѣсто оставлено. Это легко мыслить въ совершенномъ кругѣ, ибо мы увидимъ, что тамъ нѣтъ ни пустоты, ни сгущенія или разрѣженія когда частица круга A движется по направленію къ B, въ то время какъ частица B движется къ C, C къ D, а D къ A (см. рис. 3). То же самое можно мыслить и въ несовершенномъ и сколь угодно неправильномъ кругѣ, разъ замѣчено, при какихъ условіяхъ всѣ неровности мѣстъ могутъ возмѣщаться разницей въ скорости движенія. Такъ, вся матерія, заключенная въ пространствѣ EFGH (см. рис. 4), можетъ кругообразно двигаться безъ сгущенія или образованія пустоты, и въ то время какъ ея частица, направляющаяся къ E, переходитъ изъ G, та, которая направляется къ G, переходитъ изъ E; а переходятъ частицы такимъ образомъ, что если про-

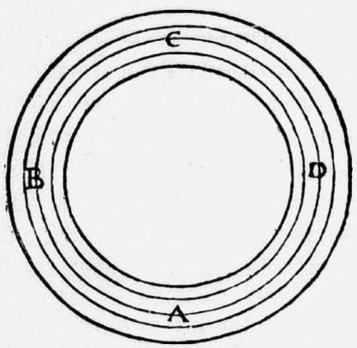

Рис. 3.

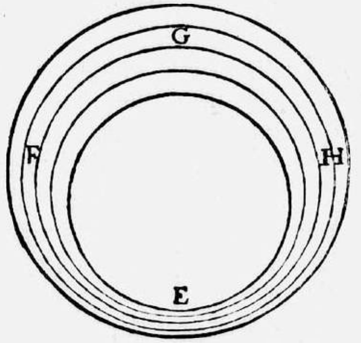

Рис. 4.

странство въ G предполагается вчетверо шире, чѣмъ въ E, и вдвое шире, чѣмъ въ F и H, то частица движется въ E съ учетверенной скоростью относительно скорости въ G и съ удвоенной скоростью относительно скорости въ F и H. Слѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, быстрота движенія возмѣщаетъ узость мѣста. При этомъ условіи въ любое опредѣленное время черезъ каждую изъ частей этого круга проходитъ одинаковое количество матеріи.

XXXIV.—Должно однако признать, что въ этомъ движеніи находится нѣчто такое, что́ наша душа воспринимаетъ какъ дѣйствительно существующее, хотя и не понимаетъ, какъ оно происходитъ; это, именно, дѣленіе нѣкоторыхъ частей матеріи до безконечности или неопредѣленное дѣленіе, т. е. дѣленіе на столько частей, что мы никогда не можемъ мысленно установить такой малой части, чтобы не понимать, что она дѣлима на иныя и того меньшія части. Не можетъ случиться, чтобы матерія, уже заполняющая пространство G, послѣдовательно заполняла всѣ неисчислимо меньшія пространства между G и E, если только какая либо изъ ея частицъ не приспособитъ свою фигуру къ безчисленнымъ мѣрамъ этихъ пространствъ; а разъ такъ случается, то необходимо, чтобы вообразимыя ея частицы, по истинѣ неисчислимыя, хоть немного взаимно отодвигались; подобное сколь угодно малое передвиженіе и будетъ истиннымъ дѣленіемъ.

XXXV.—Но должно замѣтить, что я говорю здѣсь не о всей матеріи, а лишь о нѣкоторой ея части. Вѣдь, хотя мы положимъ, что въ G находятся двѣ или три частицы матеріи ширины, равной ширинѣ E, а также много значительно меньшихъ остающихся недѣлимыми частицъ, тѣмъ не менѣе кругообразное движеніе матеріи къ E возможно мыслить въ томъ только случаѣ, когда съ этими частицами смѣшаны иныя, которыя сколь угодно сгибаются и такъ измѣняютъ свою фигуру, что, будучи связаны съ частицами, не измѣняющими своей фигуры, а лишь приспособляющими скорость къ условіямъ занятія мѣста, тщательно заполняютъ всѣ незанятыя тѣми частицами углы. И хотя мы не можемъ постичь способъ, какимъ совершается это дѣленіе до безконечности, мы не должны однако сомнѣваться, что оно совершается; ибо мы ясно понимаемъ, что это дѣленіе необходимо слѣдуетъ изъ природы матеріи, яснѣйшимъ образомъ нами познанной; и мы понимаемъ даже, что движеніе матеріи принадлежитъ къ роду вещей, которыя нашею конечною душою не могутъ быть охвачены.

XXXVI.—Отмѣтивъ такимъ образомъ природу движенія, важно обсудить его причину; а она двояка: во первыхъ, общая и первичная причина всѣхъ движеній, существующихъ въ мірѣ, а затѣмъ частная; въ силу послѣдней случается, что отдѣльныя частицы матеріи пріобрѣтаютъ такія движенія, какими прежде не обладали. Что касается общей причины, то, мнѣ кажется, ясно, что она—ничто иное, какъ самъ Богъ. Онъ сотворилъ матерію вмѣстѣ съ движеніемъ и покоемъ и уже однимъ своимъ обычнымъ содѣйствіемъ сохраняетъ во всей ней то самое количество движенія и покоя, какое вложилъ въ нее при твореніи. Хотя бы это движеніе было только модусомъ въ движимой матеріи, оно однако имѣетъ извѣстное и опредѣленное количество; и мы легко понимаемъ, что оно можетъ оставаться всегда однимъ и тѣмъ же въ отношеніи къ совокупности всѣхъ вещей, хотя измѣняется въ отдѣльныхъ частяхъ матеріи; потому мы и думаемъ, что когда одна частица матеріи движется вдвое быстрѣе другой, а эта послѣдняя по величинѣ вдвое больше первой, то столько же движенія въ малой, сколько и въ большой изъ частицъ; и насколько движеніе одной частицы дѣлается медленнѣе, настолько движеніе какой либо иной дѣлается быстрѣе. И мы понимаемъ, что совершенствомъ въ Богѣ является не только то, что Онъ неизмѣненъ самъ по себѣ, но и то, что Онъ дѣйствуетъ на возможно болѣе постоянное и неизмѣнное: значитъ, исключая тѣ измѣненія, вѣрность которыхъ утверждаютъ ясный опытъ и божественное откровеніе, и которыя мы представляемъ происходящими безъ всякаго измѣненія въ самомъ Творцѣ, или вѣримъ въ то,—исключая все это, мы не должны предполагать въ Его твореніи никакихъ иныхъ измѣненій, чтобы отсюда тѣмъ самымъ не утверждать въ Немъ непостоянства. Отсюда въ силу одного того, что Богъ при твореніи матеріи надѣлилъ отдѣльныя части послѣдней различными движеніями, наиболѣе согласно съ разумомъ будетъ полагать, что Онъ сохраняетъ всю эту матерію тѣмъ самымъ образомъ и на томъ же основаніи, какъ создалъ, и что Онъ и послѣ удержитъ въ ней то же самое количество движенія.

XXXVII.—А изъ этой неизмѣнности Бога могутъ быть познаны нѣкоторыя правила или законы природы: они суть частныя или вторичныя причины различныхъ движеній, замѣчаемыхъ нами въ отдѣльныхъ тѣлахъ. Первое изъ этихъ правилъ таково: всякая вещь, поскольку она проста и недѣлима, всегда остается сама по себѣ въ одномъ и томъ же состояніи и измѣняется когда либо только отъ внѣшнихъ причинъ.

Такъ, если нѣкоторая частица матеріи квадратна, то мы легко убѣдимся, что она постоянно пребываетъ квадратною, пока откуда либо не явится нѣчто, измѣняющее ея фигуру. Разъ эта часть матеріи покоится, мы не думаемъ, что она когда либо начнетъ двигаться, если только не окажется какой нибудь извнѣ побуждающей ее причины. Не больше основаній полагать, что разъ она движется, то добровольно и не побуждаемая ничѣмъ инымъ прекратитъ свое движеніе. Отсюда должно заключить, что то, что̀ движимо, поскольку оно существуетъ само по себѣ, всегда движется. Но такъ какъ здѣсь мы говоримъ о землѣ, устройство которой таково, что всѣ движенія, происходящія вблизи нея, быстро замедляются и часто по причинамъ, которыя неизвѣстны нашимъ чувствамъ, то съ юныхъ лѣтъ мы судимъ, что эти движенія, замедляющіяся по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, прекращаются произвольно. И мы склоняемся къ тому, чтобы судить обо всѣхъ случаяхъ такъ, какъ, на нашъ взглядъ, испытываемъ во многихъ случаяхъ: именно, что движенія по природѣ своей прекращаются, т. е. стремятся къ покою. Это, конечно, какъ нельзя болѣе противорѣчитъ законамъ природы; ибо покой противоположенъ движенію, а ничто не можетъ по собственной природѣ быть относимо къ своей противоположности, т. е. къ разрушенію самого себя.

XXXVIII.—И дѣйствительно, любой опытъ съ брошеннымъ тѣломъ вполнѣ подкрѣпляетъ наше правило. Вѣдь нѣтъ другого основанія, почему брошенныя тѣла сохранялись бы нѣкоторое время въ движеніи, отдѣлившись отъ бросающей руки,—кромѣ того основанія, что однажды двинутыя тѣла продолжаютъ двигаться, пока не задержатся встрѣчными тѣлами. И ясно, что они обычно постепенно задерживаются воздухомъ или иными текучими тѣлами, среди которыхъ движутся, а потому ихъ движеніе не можетъ быть продолжительнымъ. Что воздухъ сопротивляется движеніямъ другихъ тѣлъ, можно испытывать путемъ осязанія, если сотрясать воздухъ опахаломъ; то же подтверждаетъ полетъ птицъ. И нѣтъ другой жидкости, которая еще яснѣе, чѣмъ воздухъ, сопротивлялась бы движеніямъ брошенныхъ тѣлъ.

2 XXXIX.—Второй законъ природы таковъ. Каждая частица матеріи, разсматриваемая въ отдѣльности, всегда стремится продолжать движеніе не по какой либо кривой линіи, а исключительно по прямой, хотя многія изъ частицъ начинаютъ отклоняться отъ этого пути въ силу встрѣчи съ иными частицами и, значитъ, какъ было сказано раньше, во всякомъ движеніи образуется нѣкотораго рода кругъ изо всей одновременно движущейся матеріи. Причина этого закона та же, что и предыдущаго, а именно, простота и неизмѣнность акта, помощью котораго Богъ сохраняетъ движеніе въ матеріи. Онъ сохраняетъ движеніе только такимъ, каково оно въ данный моментъ, безотносительно къ тому, какимъ оно случайно было немного ранѣе. И хотя нѣтъ движенія, которое происходило бы одномоментно, ясно однако, что все движущееся въ различные моменты, которые могутъ быть отмѣчены во время движенія, предопредѣлено направлять свое движеніе въ какую либо сторону по прямой линіи, но отнюдь не по кривой.

Такъ, напримѣръ, камень А, вращаемый въ пращѣ ЕА по кругу ABF, въ моментъ прохожденія черезъ точку А опредѣленъ конечно въ движеніи въ нѣкоторомъ направленіи, и именно въ направленіи по прямой къ С т. е. такъ, что прямая АС будетъ тангенсомъ круга. Нельзя представить, что камень опредѣленъ къ какому либо криволинейному движенію. Ибо если сначала онъ и направлялся изъ L къ А по кривой линіи, то ничего изъ этой кривизны не могло остаться, когда онъ достигъ точки А. И опытъ подтверждаетъ это, потому что какъ только камень выпадетъ изъ пращи, онъ будетъ продолжать движеніе въ направленіи къ С, а не къ В. Отсюда слѣдуетъ: что всякое тѣло, движущееся по кругу, стремится отойти отъ центра описываемаго круга. Это мы чувствуемъ по самой рукѣ, когда вращаемъ камень въ пращѣ. Такъ какъ этимъ разсужденіемъ мы часто станемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ, то его должно внимательно замѣтить; подробности будутъ изложены ниже.

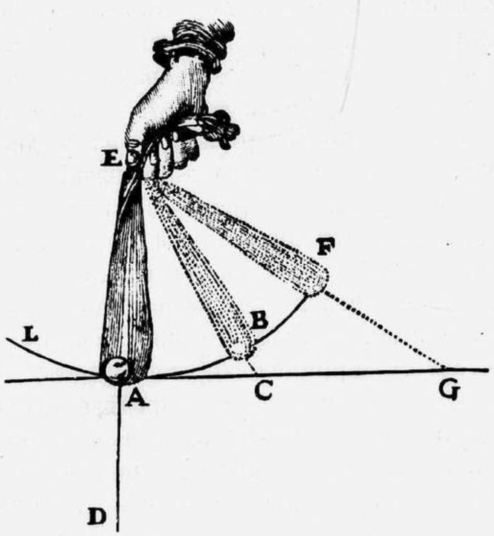

Рис. 5.

3) XL.—Третій законъ природы таковъ. Когда движущееся тѣло при встрѣчѣ съ другимъ тѣломъ для продолженія движенія по прямой обладаетъ меньшей силой, чѣмъ это второе тѣло, противостоящее первому, то послѣднее обращается въ другую сторону, причемъ, удерживая свое движеніе, теряетъ лишь направленіе движенія; если же данное тѣло имѣетъ бо́льшую силу, то дви-

жетъ за собой второе, встрѣчное тѣло и сколько скорости придаетъ ему изъ своего движенія, ровно столько само теряетъ. Такимъ образомъ мы на опытѣ убѣждаемся, что всѣ твердыя тѣла, будучи брошены и ударяясь объ иное твердое тѣло, не прекращаютъ въ силу этого движенія, но отлетаютъ въ противоположную сторону, и наоборотъ, встрѣчая на пути мягкія тѣла, тотчасъ передаютъ послѣднимъ все свое движеніе и потому сами немедленно приходятъ въ покой. Всѣ частныя причины измѣненія частицъ тѣла заключены въ этомъ третьемъ законѣ; это вѣрно по крайней мѣрѣ относительно измѣненій тѣлесныхъ, ибо силу, съ какою движутъ тѣла человѣческія и ангельскія души, мы теперь не изслѣдуемъ, а оставляемъ ее до того, какъ станемъ трактовать о человѣкѣ.

XLI.—Первая часть этого закона доказывается тѣмъ, что существуетъ различие между движеніемъ, разсматриваемымъ само по себѣ, и его направленіемъ въ опредѣленную сторону; почему и бываетъ, что это направленіе можетъ измѣняться при неизмѣнности движенія въ цѣломъ. Если, какъ сказано выше, какая либо простая, а не составная вещь всегда сохраняетъ данное движеніе, пока оно не нарушится извѣстной внѣшнею причиной, то, при столкновеніи съ твердымъ тѣломъ, ясно, что́ за причина препятствуетъ движенію другого встрѣчнаго тѣла оставаться опредѣленнымъ къ тому же направленію; но это не причина тому, чтобы уничтожалось или уменьшалось движеніе, ибо движеніе движенію не противоположно; отсюда слѣдуетъ, что движеніе не должно уменьшаться.

XLII.—Вторая часть закона выводится изъ неизмѣнности дѣйствій Бога, непрерывно сохраняющаго міръ съ тою самою дѣятельностью, съ которой Богъ создалъ послѣдній. Разъ все наполнено тѣлами и тѣмъ не менѣе движеніе каждаго тѣла направляется по прямой линіи, то Богомъ предусмотрѣно при началѣ мірозданія, чтобы не только различныя частицы міра двигались различнымъ образомъ, но, вмѣстѣ, и то, чтобы онѣ побуждали прочія частицы и переносили на нихъ свое движеніе; значитъ, сохраняя въ частицахъ матеріи одну и ту же дѣятельность по тѣмъ же законамъ, съ которыми онѣ созданы, Богъ сохраняетъ движенія частицъ одной и той же матеріи не всегда опредѣленными, но переходящими изъ однѣхъ въ другія, смотря по тому, какъ частицы взаимно встрѣчаются. Такимъ образомъ это вѣчное измѣненіе сотвореннаго міра является доказательствомъ неизмѣнности Бога.

XLIII.—Здѣсь же надобно старательно замѣтить, въ чемъ заключается сила каждаго тѣла при воздѣйствіи на другое тѣло или при сопротивленіи дѣйствію послѣдняго: она заключается, понятно, въ одномъ томъ, что каждая вещь стремится, поскольку это въ ея силахъ, пребывать въ томъ самомъ состояніи, въ которомъ находится, согласно закону, выдвинутому на первое мѣсто. При этомъ тѣло, соединенное съ другимъ тѣломъ, имѣетъ нѣкоторую силу препятствовать разъединенію; подобнымъ же образомъ разъединенное тѣло обладаетъ силой оставаться разъединеннымъ, покоящееся—пребывать въ своемъ покоѣ и, слѣдовательно, противостоять всему, что могло бы измѣнить этотъ покой, а движущееся тѣло стремится сохранить свое движеніе, т. е. движеніе одной и той же скорости и направленія. Эта сила должна опредѣляться какъ величиною тѣла, въ которомъ заключена, и поверхности, которою данное тѣло соприкасается съ другими тѣлами, такъ и скоростью движенія и природою, равно и противоположностью рода, съ какою сталкиваются различныя тѣла.

XLIV.—Нужно замѣтить при этомъ, что одно движеніе никоимъ образомъ не противупоставляется другому, равному по скорости. Здѣсь, собственно, есть только двоякаго рода противоположность. Одна—между движеніемъ и покоемъ, или даже между ускореніемъ и замедленіемъ движенія, поскольку, конечно, это замедленіе причастно природѣ покоя. Другая противоположность—между опредѣленіемъ движенія къ нѣкоторому направленію и столкновеніемъ тѣла съ тѣломъ покоящимся или иначе движущимся въ этомъ направленіи. Эта противоположность будетъ большею или меньшею, сообразно направленію, въ которомъ движется встрѣчное тѣло.

XLV.—Разъ мы можемъ опредѣлить, при какихъ условіяхъ отдѣльныя тѣла увеличиваютъ и уменьшаютъ свои движенія или обращаютъ ихъ въ иныя стороны при встрѣчѣ съ другими тѣлами, то слѣдуетъ лишь учесть, сколько въ каждомъ изъ нихъ силы для движенія или для сопротивленія движенію, и принять за достовѣрное, что остатокъ большей силы всегда выступаетъ съ своимъ дѣйствіемъ. Это легко можетъ поддаться учету, если сталкиваются два вполнѣ твердыхъ тѣла, такъ, сверхъ того, дѣлимыхъ, что ихъ движенію не препятствуетъ и не способствуетъ ни одно изъ прочихъ окружающихъ тѣлъ. Тогда то и наблюдаются слѣдующія правила:

XLVI.—Во первыхъ, если эти два тѣла, положимъ B и C, совершенно равновелики и движутся съ одинаковой скоростью, B—справа налѣво, а C въ направленіи къ B, слѣва направо, то, сталкиваясь другъ съ другомъ, тѣла обращаются назадъ и продолжаютъ двигаться—B вправо, а C влѣво, не теряя ничего въ своей скорости.

XLVII.—Во вторыхъ, если В нѣсколько больше С, то при прежнихъ прочихъ условіяхъ, назадъ обращается одно С и, такимъ образомъ, каждое изъ тѣлъ движется налѣво съ тою же прежнею скоростью.

XLVIII.—Въ третьихъ: если тѣла равновелики, но В движется нѣсколько скорѣе С, то оба тѣла будутъ не только продолжать движеніе налѣво, но изъ В въ С перейдетъ половина той скорости, которою В превосходитъ С; т. е. если въ В имѣлось раньше 6 единицъ скорости, а въ С только четыре, то послѣ взаимной встрѣчи каждое изъ тѣлъ устремится налѣво со скоростью въ пять единицъ.

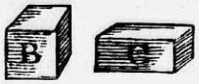

Рис. 6.

XLIX.—Въ четвертыхъ: если тѣло С, обладающее нѣсколько большей величиной, чѣмъ В, покоится, то В, двигаясь къ С съ какою угодно скоростью, никогда не сдвинетъ С, а само отгоняется послѣднимъ въ обратную сторону. Ибо покоящееся тѣло болѣе сопротивляется значительной скорости, нежели малой,—и это происходитъ въ соотвѣтствіи съ различіемъ величинъ тѣлъ; а потому всегда въ С будетъ большая сила для сопротивленія, чѣмъ въ В сила для толчка.

L.—Въ пятыхъ: если покоящееся тѣло С меньше В, то послѣднее, при сколь угодно медленномъ движеніи по направленію къ С, послѣ столкновенія будетъ двигать С съ собою, перенося въ него такую долю своего движенія, которая нужна, чтобы оба тѣла продолжали движеніе съ равною скоростью. Если В вдвое больше С, то оно перенесетъ въ С третью часть своего движенія, такъ какъ эта третья часть будетъ двигать С столь же быстро, какъ двѣ оставшіяся будутъ двигать вдвое большее В. Поэтому послѣ встрѣчи съ С, В замедлитъ движеніе на одну треть противъ прежняго, т. е., чтобы подвинуться на разстояніе двухъ шаговъ, для него потребуется то время, которое раньше требовалось для прохожденія трехъ шаговъ. Равнымъ образомъ, если В будетъ втрое больше С, то оно передастъ послѣднему четвертую часть своего движенія; то же и въ иныхъ случаяхъ.

LI.—Въ шестыхъ: если покоящееся тѣло С оказывается вполнѣ равновеликимъ движущемуся къ нему В, то С будетъ отчасти побуждаться послѣднимъ впередъ, а отчасти будетъ отталкивать В: такъ, если В приближается къ С со скоростью 4 единицъ, то оно сообщитъ С одну единицу скорости, а со скоростью оставшихся трехъ единицъ направится въ обратную сторону.

LII.—Наконецъ, если В и С движутся въ одномъ и томъ же направленіи, С медленное, а В, слѣдующее за нимъ, быстрѣе, такъ что, въ концѣ концовъ, настигаетъ С,—и если при этомъ С больше В, но преизбытокъ скорости В больше, чѣмъ преизбытокъ величины С,—то В переноситъ въ С столько изъ своего движенія, сколько нужно, чтобы оба тѣла двигались послѣ съ равной скоростью и въ одну и ту же сторону. Но если, напротивъ, избытокъ скорости въ В меньше, чѣмъ избытокъ величины С, то В отскакиваетъ въ обратную сторону, сохраняя все свое движеніе. Избытокъ же высчитывается здѣсь такъ: если С вдвое больше В, а В не движется вдвое быстрѣе С, то В не только не гонитъ впередъ С, но само возвращается назадъ; если же В движется болѣе чѣмъ съ двойною скоростью, то толкаетъ С. Такъ, если С имѣетъ лишь 2 единицы скорости, а В—5, то 2 единицы скорости отнимаются отъ В и, перемѣщаясь въ С, составляютъ лишь одну единицу, потому что С вдвое больше В. Отсюда и вытекаетъ, что оба тѣла, В и С, послѣ столкновенія движутся каждое съ тремя единицами скорости; такъ же должно разсуждать и въ остальныхъ случаяхъ. И не нуждается все это въ провѣркѣ, ибо явствуетъ само по себѣ.

LIII.—Но благодаря тому, что не можетъ быть тѣлъ, такъ отдѣленныхъ отъ всѣхъ остальныхъ въ мірѣ, и не бываетъ обычно вокругъ насъ тѣлъ совершенно изолированныхъ, счетъ для опредѣленія того, насколько измѣняется движеніе отдѣльныхъ тѣлъ вслѣдствіе ихъ столкновенія съ другими тѣлами, очень затрудняется. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно принимать во вниманіе все, случающееся вокругъ тѣла, а также то, что дѣйствія тѣлъ весьма различны, смотря по тому, тверды тѣла или жидки. Здѣсь и должно изслѣдовать, въ чемъ состоитъ ихъ различіе.

LIV.—Именно, черезъ свидѣтельство чувства мы познаемъ только то, что частицы жидкостей легко выступаютъ изъ своихъ мѣстъ и потому не сопротивляются направленнымъ противъ нихъ движеніямъ нашихъ рукъ; наоборотъ, частицы твердыхъ тѣлъ такъ взаимно сцѣплены, что ихъ невозможно разъединить безъ силы достаточной для преодолѣнія сцѣпленія. И изслѣдуя, напослѣдокъ, какъ случается, что одни тѣла уступаютъ свои мѣста инымъ тѣламъ безъ особаго усилія, другія же тѣла далеко не такъ легко, мы быстро подмѣтимъ, что тѣла, уже находящіяся въ движеніи, не препятствуютъ другимъ тѣламъ занимать оставленныя ими мѣста, а покоящіяся тѣла могутъ быть вытолкнуты изъ своихъ мѣстъ только съ извѣстнымъ усиліемъ. Отсюда легко заключить, что тѣла, которыя подѣлены на множество различно движущихся, мелкихъ частицъ,—жидки;

тверды же тѣла, всѣ частицы которыхъ, будучи взаимно связаны, покоятся.

LV.—Мы не въ состояніи выдумать никакого клея, который сцѣплялъ бы между собою частицы твердыхъ тѣлъ крѣпче, чѣмъ ихъ сцѣпляетъ покой. Да и чѣмъ бы могъ быть этотъ клей?—Не субстанціей: ибо разъ тѣ частицы—субстанціи, то нѣтъ имъ основанія сцѣпляться посредствомъ иной субстанціи лучше, чѣмъ сцѣплялись бы онѣ сами по себѣ; равно и не модусомъ, отличнымъ отъ покоя: нѣтъ модуса болѣе противоположнаго движенію, раздѣляющему эти частицы, чѣмъ покой послѣднихъ. А помимо субстанцій и ихъ модусовъ намъ не извѣстенъ никакой иной родъ вещей.

LVI.—Что касается жидкостей, то хотя для чувства и не замѣтны движенія ихъ частицъ, т. к. послѣднія очень малы, легко однако выводятся эти движенія изъ результатовъ,—особенно въ воздухѣ или въ водѣ,—именно, изъ того, что этими частицами разрушается множество другихъ тѣлъ. И вѣдь ни одно тѣлесное дѣйствіе, какимъ и является такое разрушеніе, не можетъ происходить безъ мѣстнаго движенія; причины движенія этихъ частицъ будутъ указаны ниже. Но затрудненіе въ томъ, что эти частички не могутъ всѣ одновременно переноситься въ любую сторону; однако кажется необходимымъ, чтобы частицы не препятствовали движенію тѣлъ, приближающихся съ какой либо стороны; а онѣ, дѣйствительно, этимъ тѣламъ не препятствуютъ. Такъ, напримѣръ, если твердое тѣло B движется къ C, и нѣкоторыя изъ частицъ посредствующей жидкости несутся обратно, отъ C къ B, то онѣ не только не поддерживаютъ движенія B, а напротивъ болѣе препятствуютъ ему, чѣмъ если бы онѣ были совершенно неподвижны. Чтобы разрѣшить это затрудненіе, должно вспомнить, что не движеніе, а покой противоположенъ движенію, и что направленіе движенія въ одну сторону противоположно направленію его въ другую сторону, какъ уже сказано; а также надлежитъ вспомнить и то, что все движущееся стремится продолжать движеніе по прямой линіи. Изъ этихъ положеній явствуетъ, во-первыхъ, что пока твердое тѣло B покоится, оно этимъ своимъ покоемъ противостоитъ вмѣстѣ взятымъ движеніямъ частицъ жидкости D болѣе, чѣмъ оно то дѣлало бы, двигаясь. Наконецъ, что касается направленія, то, конечно, вѣрно, что сколько частицъ жидкости D движется отъ C къ B, столько же движется ихъ въ противоположномъ направленіи; эти послѣднія частицы суть тѣ, которыя, направляясь отъ C, столкнулись съ поверхностью тѣла B и наконецъ были оттолкнуты назадъ къ C. Поэтому отдѣльныя изъ нихъ, если ихъ разсматривать самихъ по себѣ, ударившись о тѣло B, подвинули бы его къ F и, слѣдовательно, болѣе помѣшали бы ему двигаться къ C, чѣмъ если бы были неподвижны; но вѣдь столько же частицъ стремится отъ F къ B, и толкаетъ послѣднее къ C; вслѣдствіе этого въ данномъ случаѣ B одинаково испытываетъ толчекъ въ ту и въ другую сторону, и потому, если не приходитъ, какъ условіе, что либо иное, B пребываетъ въ покоѣ. Какой бы фигуры, по нашему предположенію, не было тѣло, его всегда гонитъ одинаковое число частицъ съ той и съ другой стороны, разъ только сама жидкость движется въ одну сторону не больше, чѣмъ въ другія. И мы должны предполагать, что B со всѣхъ сторонъ окружено жидкостью DF; и ничуть не важно. если въ F не таково же количество жидкости, какъ въ D, потому что эта жидкость дѣйствуетъ противъ B не какъ цѣлое, а только тѣми своими частями, которыя касаются поверхности B. До сихъ поръ мы смотрѣли на B какъ на неподвижное тѣло; теперь положимъ, что оно побуждается къ C извѣстной, откуда либо идущей силой; этой силы (сколь бы мала она ни была) достаточно не только для собственнаго движенія B, но и для столкновенія его съ частицами жидкости DF и для того, чтобы направить послѣднія къ C, сообщивъ имъ часть собственнаго движенія.

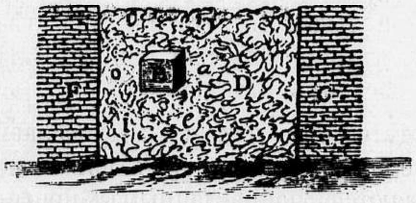

Рис. 7.

LVII.—Чтобы яснѣе понять это, предположимъ, во первыхъ, что твердаго тѣла еще нѣтъ въ жидкости FD, но что частицы послѣдней a e i o a, расположенныя въ видѣ кольца, кругообразно движутся въ направленіи a e i, а другія частицы o u y a o подобнымъ же образомъ движутся въ направленіи o u y: если данное тѣло жидко, то его частицы, какъ сказано, должны двигаться различнымъ образомъ. Если, теперь, въ этой жидкости DF между частицами a и o находится твердое тѣло B, что̀, спрашивается, должно произойти? Разумѣется, частицы a e i o, которымъ препятствуетъ тѣло B, не могутъ перейти отъ o къ a, чтобы закончить кругъ своего движенія; также и частицамъ o u y a тѣло B мѣшаетъ переходить отъ a къ o; частицы, направляющіяся отъ i къ o, толкаютъ B къ C, а идущія отъ y къ a настолько же отгоняютъ его къ F; поэтому однѣ онѣ не имѣютъ силы двинуть B, но возвращаются отъ o къ u, отъ a къ o и круговращеніе изъ двухъ превращается въ одно, именно въ порядкѣ означенныхъ a e i o u y a. Итакъ, вслѣдствіе столкновенія съ тѣломъ B, никоимъ образомъ не прекращается движеніе частицъ, но измѣняется лишь опредѣленіе направленія, и частицы не идутъ по линіи прямой или приближающейся къ прямой, какъ шли бы, не столкнись онѣ съ B. Когда, наконецъ, привходитъ нѣкоторая новая сила, побуждающая B къ C, то эта сила, сколь угодно малая, будучи связанной съ частичкой жидкости, превзойдетъ ту, посредствомъ которой частицы, направляющіяся отъ y къ a, отгоняютъ B въ противоположную сторону; поэтому ея достаточно для измѣненія ихъ направленія и для того, чтобы частицы относились въ порядкѣ a y u o, поскольку это требуется для устраненія препятствія движенію B. То, что я говорю здѣсь о частицахъ a e i o u y, должно разумѣть и относительно всѣхъ прочихъ частицъ DF, сталкивающихся съ B: достаточно присоединить къ нимъ самую маленькую силу, чтобы измѣнить ихъ направленіе. И хотя, быть можетъ, ни одна изъ частицъ не описываетъ тѣхъ именно круговъ, которыя на рис. 7 представлены линіями a e i o и o u y a, однако несомнѣнно, что всѣ частицы движутся кругообразно путями, равнозначными данному.

LVIII.—Слѣдовательно, при такомъ измѣненіи направленія частицъ жидкости, препятствующихъ тѣлу B двигаться къ C, B начинаетъ двигаться; и оно движется съ тою же скоростью, съ которою толкаетъ его сила, отличная отъ силы жидкости, если предположить, что въ послѣдней нѣтъ частицъ, двигающихся быстрѣе или по крайней мѣрѣ съ такою же скоростью. Ибо, если отдѣльныя изъ частицъ движутся медленнѣе, то жидкость теряетъ природу текучести и уже недостаточно маленькой силы, чтобы двинуть находящееся въ этой жидкости твердое тѣло, а требуется сила, которая превосходила бы сопротивленіе оказываемою медленностью этихъ частицъ жидкости. И потому мы часто замѣчаемъ, что воздухъ, вода и иныя жидкости оказываютъ сильное сопротивленіе тѣламъ, движущимся въ нихъ очень быстро, и безъ всякаго сопротивленія поддаются, когда твердыя тѣла передвигаются медленно.

LIX.—Но если тѣло B такъ движется къ C, должно думать, что оно получаетъ свое движеніе не отъ внѣшней движущей его силы, но скорѣе со стороны частицъ жидкости; такъ, понятно, что тѣ частицы, которыя составляютъ круги a e i o и a y u o, отдаютъ изъ своего движенія столько, сколько получаютъ его частицы твердаго тѣла B, находящіяся между o и a; при этомъ сами онѣ уже попадаютъ въ часть круга a e i o и a y u o a: хотя, по мѣрѣ того, какъ позднѣе проходятъ къ C, онѣ соединяются всегда съ новыми частицами жидкости.

LX.—Остается объяснить здѣсь, почему я прежде не сказалъ, что направленіе частицъ a y u o измѣняется не абсолютно, но лишь насколько требуется, чтобы онѣ не препятствовали движенію тѣла B. Именно, потому, что тѣло y не можетъ двигаться скорѣе того, какъ оно двинуто привходящей силой, хотя часто всѣ частицы жидкости DF обладаютъ гораздо большимъ движеніемъ.

Одно изъ тѣхъ положеній, которыя должны нами особенно соблюдаться среди нашихъ размышленій, это—не приписывать ни одной причинѣ того, что превосходитъ ея силу. Такъ, положимъ, что твердое тѣло B, двигавшееся прежде въ средѣ жидкости DF, теперь нѣкоторою внѣшною силою, напримѣръ, силою руки побуждается замедлить движеніе; такъ какъ здѣсь только этотъ толчекъ моей руки является причиною движенія тѣла, то не должно полагать, что оно движется скорѣе, чѣмъ толкается; и если бы всѣ частицы жидкости двигались значительно быстрѣе, не должно было бы считать, что онѣ необходимо предназначены къ кругообразнымъ движеніямъ a e i o a и a y u o a или подобнымъ, которыя быстрѣе этого толчка; какъ скоро частицы болѣе побуждаются, онѣ сами начнутъ двигаться въ какомъ угодно иномъ направленіи, нежели прежде.

LXI.—Изъ этого ясно видно, что твердое тѣло, покоящееся въ жидкости и окруженное послѣднею, находится тамъ какъ бы въ равновѣсіи, и что сколь велико оно ни было бы, всегда однако достаточно самой незначительной силы, чтобы оттолкнуть его въ ту или другую сторону; та сила или приходитъ извнѣ или заложена въ томъ, что жидкость несется въ одну какую либо сторону, подобно тому какъ волны несутся къ морю или вѣтеръ Эвро въ цѣломъ несется на западъ. Разъ такъ происходитъ, то необходимо, чтобы твердое тѣло, находящееся въ подобной жидкости, неслось вмѣстѣ съ послѣднею: и этому не препятствуетъ правило четвертое, согласно которому, какъ раньше сказано, покоящееся тѣло не можетъ быть толкаемо никакимъ инымъ меньшимъ тѣломъ, сколь быстро это послѣднее не двигалось бы.

LXII.—Если мы обратимъ вниманіе на истинную и абсолютную причину движенія, которая состоитъ въ перенесеніи движущагося тѣла изъ сосѣдства иныхъ, сцѣпленныхъ съ нимъ тѣлъ, и на то, что эта причина въ каждомъ изъ взаимно сцѣпленныхъ тѣлъ равна, хотя и не называется обычно однимъ и тѣмъ же именемъ,—мы вполнѣ убѣдимся, что твердое тѣло, уносимое содержащею его жидкостью, движется далеко не такъ, какъ двигалось бы оно, не будь уносимо послѣднею; вѣдь въ первомъ случаѣ твердое тѣло менѣе удаляется отъ окружающихъ частицъ жидкости.

LXIII.—Остается еще случай, гдѣ опытъ, повидимому, противорѣчитъ ранѣе найденнымъ правиламъ движенія; именно, тотъ случай, когда мы наблюдаемъ во многихъ тѣлахъ, значительно меньшихъ, чѣмъ наши руки, столь тѣсное сцѣпленіе, что никакая ручная сила не въ состояніи разъединить эти тѣла. И если частицы не сцѣплены никакимъ инымъ клеемъ, помимо покоя однѣхъ частицъ подлѣ другихъ, и если всякое покоящееся тѣло можетъ быть побуждаемо большимъ движущимся тѣломъ, то не ясно съ перваго взгляда, почему, напримѣръ, желѣзный гвоздь или другое небольшое, но очень твердое тѣло не можетъ быть раздѣлено пополамъ одною силою нашихъ рукъ. Вѣдь каждая половина этого гвоздя принимается за одно тѣло, и такъ какъ эта половина меньше нашей руки, то кажется, что она должна имѣть возможность двигаться собственною силою руки, и такимъ образомъ отдѣляться отъ другой половины. Но нужно замѣтить, что наши руки мягки и скорѣе приближаются къ природѣ жидкихъ, а не твердыхъ тѣлъ, а потому, обычно, не цѣликомъ направляются на тѣло, движимое ими, но лишь тою своею частью, которая касается даннаго тѣла. Такъ какъ въ этомъ случаѣ половина гвоздя, какъ скоро она отдѣлена отъ другой половины, разсматривается какъ одно тѣло, то и часть руки, ближе касающаяся этой половинки гвоздя и меньшая послѣдней, поскольку можетъ быть отдѣлена отъ другихъ частей руки, разсматривается какъ другое тѣло; такъ какъ она легче отдѣляется отъ остальной части руки, чѣмъ соотвѣтственная часть гвоздя отъ его остальной части, и это отдѣленіе происходитъ съ чувствомъ боли, то мы и не можемъ сломать желѣзный гвоздь рукою; если же я пожелаю сдѣлать это, то, вооружясь пилою, клещами или иными инструментами, чтобы ихъ силою раздѣлить тѣло на части, меньшія чѣмъ тѣло, которымъ мы пользуемся, помощью этихъ орудій можно преодолѣть любую твердость тѣла.

LXIV.—Я не прибавлю здѣсь ничего ни о фигурахъ, ни о томъ, какъ сообразно безчисленнымъ измѣненіямъ послѣднихъ слѣдуютъ безконечныя видоизмѣненія движенія: это ясно само собою обнаружится, когда наступитъ время повести о томъ рѣчь. Я предполагаю, что мои читатели уже знаютъ основные элементы геометріи или, по крайней мѣрѣ, обладаютъ умомъ въ достаточной степени способнымъ понимать математическія доказательства. Я совершенно открыто признаюсь, что мнѣ неизвѣстна иная матерія тѣлесныхъ вещей какъ только всячески дѣлимая, имѣющая фигуру и движимая, иначе говоря, только та, которую геометры обозначаютъ величинами и принимаютъ за объектъ своихъ доказательствъ. И совершенно ничего въ той матеріи не содержится сверхъ отмѣченныхъ дѣленій, фигуръ и движенія: и ничто не принимается за вѣрное относительно нея, что не выводилось бы изъ тѣхъ общихъ понятій, въ истинности которыхъ не слѣдуетъ сомнѣваться, и чего нельзя было бы считать за математическое доказательство. Вслѣдствіе того, что этимъ путемъ, какъ обнаружится изъ послѣдующаго, могутъ быть объяснены всѣ феномены природы, мнѣ думается, не должно допускать никакихъ иныхъ основаній физики, да и не должны они требоваться.

Третья часть Началъ философіи.

О видимомъ мірѣ.

I.—Нами найдены нѣкоторыя начала матеріальнаго міра, которыя здѣсь искались не на основаніи предразсудковъ чувствъ, а при помощи свѣта разума, такъ что мы не можемъ сомнѣваться въ ихъ истинности. Теперь должно сдѣлать попытку изъ однихъ этихъ началъ объяснить всѣ феномены природы. Начать нужно съ феноменовъ, которые наиболѣе всеобщи и отъ которыхъ зависятъ прочіе: именно, съ общаго строенія всего видимаго міра. Чтобы правильно философствовать касательно этого предмета, должно соблюдать два положенія. Одно таково: внимая безконечной мощи и благости Бога, мы не станемъ никогда бояться представлять его творенія обширнѣйшими, прекрасными и абсолютными, и напротивъ, остережемся предполагать въ нихъ предѣлы, не вполнѣ нами познанные, чтобы не показалось, что мы не достаточно восхищенно судимъ о власти Творца.

II.—Другое положеніе таково: остережемся когда либо съ большой гордостью мыслить о себѣ самихъ. Послѣднее произойдетъ тогда, когда мы захотимъ измыслить для міра какія либо границы, не познаваемыя нами ни путемъ разсужденій, ни путемъ божественнаго откровенія, полагая, будто бы сила нашего мышленія можетъ направляться свыше того, что дѣйствительно содѣяно Богомъ; тѣмъ болѣе мы погрѣшимъ, если выдумаемъ, что все сотворено Имъ ради насъ однихъ, или если даже будемъ полагать, что силою нашего духа могутъ быть постигнуты цѣли, предложенныя Богомъ самому себѣ при мірозданіи.

III.—Правда, въ этикѣ благочестиво говорится, что все содѣяно Богомъ ради насъ, говорится съ той цѣлью, чтобы мы больше побуждались къ богоугоднымъ дѣламъ и горѣли любовью къ Богу; и въ собственномъ смыслѣ это вѣрно, поскольку, конечно, мы можемъ пользоваться извѣстнымъ образомъ всѣми вещами, по крайней мѣрѣ въ цѣляхъ упражненія нашей души и ради удивленія передъ Богомъ при обозрѣніи его дѣлъ. Тѣмъ не менѣе никоимъ образомъ не вѣроятно, будто все создано ради

насъ, такъ что нѣтъ иного назначенія для созданнаго. И было бы вовсе смѣшно и безполезно предполагать это при обсужденіи физическихъ вопросовъ, такъ какъ мы не сомнѣваемся, что существуетъ или когда-то существовало и уже исчезло многое, что никогда ни однимъ человѣкомъ не было видано или понято и не доставляло никогда и никому пользы.

IV.—Начала, найденныя уже нами, столь обширны и плодотворны, что изъ нихъ вытекаетъ значительно больше явленій, чѣмъ мы замѣчаемъ ихъ въ этомъ видимомъ мірѣ, и даже гораздо больше того, что наша душа можетъ когда либо пересмотрѣть при размышленіи. Но мы наглядно предложимъ краткую исторію выдающихся феноменовъ природы, причины которыхъ должны быть здѣсь изслѣдованы; правда, мы поступимъ не такъ, чтобы пользоваться этими доводами для засвидѣтельствованія феноменовъ: мы хотимъ вывести основанія слѣдствій изъ причинъ, а не причинъ изъ слѣдствій *).

V. Каково основаніе различія величины и взаимнаго разстоянія солнца, земли и луны.—VI. Каково разстояніе прочихъ планетъ отъ солнца.—VII. Неподвижныя звѣзды нельзя предполагать слишкомъ удаленными.—VIII. Земля, будучи разсматриваема съ солнца, кажется планетою меньшею Юпитера и Сатурна.—IX. Солнце и неподвижныя звѣзды блещутъ собственнымъ свѣтомъ.—X. Луна и другія планеты заимствуютъ свѣтъ отъ солнца.—XI. Земля въ отношеніи свѣта не отличается отъ планетъ.—XII. Луна въ новолуніе освѣщается землею.—XIII. Солнце можно причислить къ неподвижнымъ звѣздамъ, землю—къ планетамъ.—XIV. Неподвижныя звѣзды, но не планеты, сохраняютъ взаимное разстояніе однимъ и тѣмъ же.—XV. Одни и тѣ же явленія можно объяснить путемъ различныхъ гипотезъ.—XVI. Гипотеза Птоломея не удовлетворяетъ явленіямъ.—XVII. Гипотезы Коперника и Тихо не различаются, поскольку онѣ—гипотезы. XVIII.—Тихо де Браге на словахъ меньше Коперника, на дѣлѣ больше надѣляетъ землю движеніемъ.—XIX. Я тщательнѣе, чѣмъ Коперникъ, и правдоподобнѣе, чѣмъ Тихо, отрицаю движеніе земли.—XX. Неподвижныя звѣзды нужно предполагать отстоящими отъ Сатурна какъ нельзя болѣе.—XXI. Хотя солнце на подобіе пламени состоитъ изъ весьма подвижной матеріи, однако оно не измѣняетъ мѣста.—XXII.—Солнце отличается отъ пламени тѣмъ, что не нуждается въ постоянной поддержкѣ.—XXIII. Всѣ неподвижныя звѣзды вращаются не въ одной и той же сферѣ, но каждая имѣетъ вокругъ себя огромное пространство, свободное отъ другихъ звѣздъ.—XXIV. Небо есть жидкость.—XXV. Небо увлекаетъ за собою всѣ тѣла, заключенныя въ немъ.—XXVI. Земля покоится въ своемъ небѣ, но тѣмъ не менѣе уносится имъ.—XXVII. То же должно полагать и о прочихъ планетахъ.—XXVIII. Ни земля, собственно говоря, не движется, ни прочія планеты, хотя онѣ и уносятся небомъ.—XXIX. Землѣ не должно приписывать никакого движенія, хотя бы послѣднее понималось не въ собственномъ смыслѣ слова; но въ такомъ случаѣ правильнѣе говорить, что движутся прочія планеты. XXX. Всѣ планеты уносятся небомъ вокругъ солнца. XXXI. Какъ уносятся отдѣльныя планеты.—XXXII. Какъ образуются пятна на солнцѣ.—XXXIII. Земля вращается около собственнаго центра, а луна вокругъ земли.—XXXIV. Движеніе неба не вполнѣ кругообразно.—XXXV. Объ отклоненіи планетъ въ ширину. XXXVI. О движеніи въ длину.—XXXVII. Всѣ феномены легко понять согласно этой гипотезѣ.—XXXVIII. Относительно гипотезы Тихо должно сказать, что земля движется вокругъ собственнаго центра.—XXXIX. Она движется вокругъ солнца годовымъ движеніемъ.—XL. Перемѣщеніе земли не вызываетъ никакого различія въ разстояніи неподвижныхъ звѣздъ вслѣдствіе ихъ величайшей удаленности.—XLI. Это разстояніе неподвижныхъ звѣздъ требуется для движенія кометъ.

---

*) Въ дальнѣйшемъ мы полностью переводимъ только общее ученіе Декарта о строеніи міровой матеріи (середина третьей части Началъ) и заключительныя антропологическія соображенія Декарта (конецъ четвертой части). Полный переводъ всѣхъ частностей физическаго ученія философа представляется, на нашъ взглядъ, излишнимъ: девять десятыхъ изъ числа физическихъ объясненій Декарта совершенно устарѣли и могутъ возбуждать лишь спеціальный историческій интересъ. Однако, желая облегчить любознательному читателю ознакомленіе съ отдѣльными деталями взглядовъ Декарта и съ ходомъ его мысли, мы помѣщаемъ находящіеся въ сочиненіи Декарта заголовки всѣхъ оставленныхъ безъ перевода §§ „Началъ“ (петитъ въ текстѣ).

Примѣчаніе переводчика.

XLII.—Сверхъ этихъ самыхъ общихъ явленій могутъ быть разсмотрѣны здѣсь въ числѣ феноменовъ и многіе частные, не только въ сферѣ солнца, планетъ, кометъ и неподвижныхъ звѣздъ, но особенно около земли (именно все то, что видимъ на ея поверхности). И чтобы познать истинную природу этого видимаго міра не достаточно только найти нѣкоторыя причины, изъ которыхъ можно бы было объяснить все то, что мы издалека наблюдаемъ въ небѣ; нѣтъ, изъ нихъ же должно вывести все то, что мы видимъ вблизи, на землѣ. И не важно, чтобы все это мы разсматривали ради опредѣленія причинъ наиболѣе общихъ явленій: мы тогда сами убѣдимся, что они дальше нами правильно опредѣлены, когда замѣтимъ, что изъ нихъ объяснимо не только то, къ чему обратились, но и все остальное, о чемъ прежде не мыслили.

XLIII.—И дѣйствительно, если мы воспользуемся только яснѣйшими началами, если все выведемъ изъ нихъ съ математической послѣдовательностью и если выведенныя слѣдствія будутъ тщательно согласоваться со всѣми феноменами природы,

то мы увидимъ, что нанесли бы Богу обиду, предположивъ ложными причины вещей, такимъ путемъ нами найденныя: вѣдь это какъ бы значило, что Онъ породилъ насъ столь несовершенными, что мы ошибаемся и тогда, когда правильно пользуемся нашимъ разумомъ.

XLIV.—Однако, чтобы не казалось, будто мы надменны въ размышленіяхъ надъ этими вещами, утверждая, что нами найдены врожденныя истины о нихъ, я не хотѣлъ бы оставаться при такомъ утвержденіи, и все, о чемъ буду писать далѣе, предлагаю лишь какъ гипотезу. Хотя бы и была она сочтена за ложную, все же, по моему мнѣнію, она окажетъ достаточно большую услугу, если все выведенное изъ нея будетъ согласоваться съ опытомъ; и такимъ образомъ изъ нея мы извлечемъ очень большую пользу для жизни и для познанія самой истины.

XLV.—А для лучшаго объясненія явленій природы я хочу подняться до ихъ причинъ, какія я считаю когда либо существовавшими. Несомнѣнно, что міръ изначала созданъ былъ во всемъ своемъ совершенствѣ, такъ что въ немъ существовали солнце, земля, луна и звѣзды; на землѣ имѣлись не только зародыши растеній, но и сами послѣднія; Адамъ и Ева были созданы не какъ дѣти, а какъ взрослые. Въ этомъ ясно убѣждаетъ насъ христіанская вѣра и природный разумъ. Обращая же вниманіе на неизмѣримую мощь Бога, мы не можемъ считать, что Богъ создалъ что либо не во всѣхъ отношеніяхъ совершенное. И тѣмъ не менѣе, чтобы лучше понять природу растеній или животныхъ, гораздо предпочтительнѣе разсуждать такъ, будто они постепенно порождены изъ сѣмени, а не созданы Богомъ при началѣ міра. Мы можемъ при этомъ открыть извѣстные принципы, просто и легко понятные; изъ послѣднихъ, какъ изъ зерна, можемъ показать происхожденіе звѣздъ, земли и всего постигаемаго нами въ видимомъ мірѣ. И тогда,—разъ будемъ помнить, что въ дѣйствительности все это не такъ возникло,—мы изложимъ природу явленій значительно лучше, чѣмъ описавъ явленія такими, каковы они суть. А такъ какъ мнѣ кажется, что я нашелъ эти принципы, я ихъ здѣсь кратко и изложу.

XLVI.—Раньше уже было установлено, что для всего тѣлеснаго міра матерія одна и та же; она сколь угодно дѣлима и уже въ дѣйствительности подѣлена на множество частей, которыя различно движутся, движеніе имѣютъ нѣкоторымъ образомъ кругообразное и всегда сохраняютъ въ цѣломъ одно и то же количество движенія. Сколь велики эти частицы, сколь быстро онѣ движутся и какіе круги описываютъ, мы не въ состояніи опредѣлить однимъ разсудкомъ: Богъ можетъ установить ихъ безчисленно различными способами, а то, какіе изъ всѣхъ послѣднихъ избираются, мы можемъ изучить лишь путемъ опыта. Намъ предоставлено принять любые изъ нихъ, лишь бы все, вытекающее отсюда, согласовалось съ опытомъ. Итакъ, если угодно, предположимъ, что вся матерія, изъ которой состоитъ видимый міръ, была сначала подѣлена Богомъ на частицы сколь возможно болѣе равныя между собою и по величинѣ среднія, именно среднія между тѣми частицами, изъ какихъ составлено небо и изъ какихъ звѣзды; всѣ части заключали въ себѣ столько движенья, сколько встрѣчается его въ мірѣ; двигались онѣ равномѣрно, каждая вокругъ своихъ центровъ и отдѣльно другъ отъ друга,

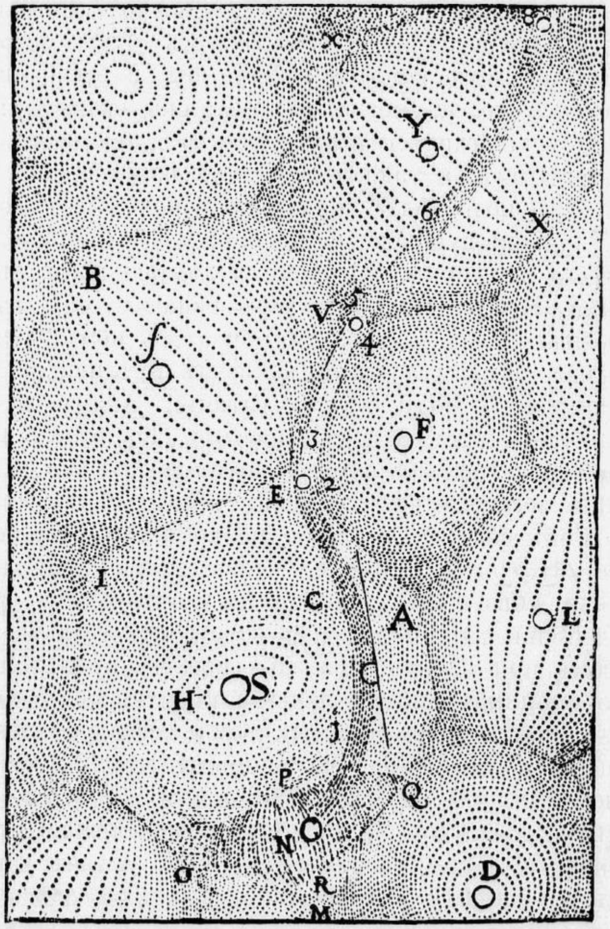

Рис. 8.

образуя жидкость, какою мы и считаемъ небо; а многія двигались совмѣстно вокругъ опредѣленныхъ точекъ, которыя были равноудалены другъ отъ друга и расположены такъ, какъ въ настоящее время расположены центры неподвижныхъ звѣздъ; наконецъ было еще движеніе ко многимъ другимъ точкамъ, по числу равнымъ планетамъ. Такъ вращались всѣ частицы, заключенныя въ пространствѣ AEJ вокругъ центра S, и всѣ частицы въ пространствѣ AEV вокругъ F, такимъ же образомъ вращались и другія. Частицы всѣ вмѣстѣ образовали столько вихрей, сколько существуетъ въ мірѣ свѣтилъ.

XLVII.—Этого немногаго, кажется, достаточно, чтобы изъ данныхъ причинъ возникло все видимое въ нашемъ мірѣ, согласно вышеизложеннымъ законамъ природы. Я не думаю, чтобы можно было измыслить иные простѣйшіе, болѣе разумные, либо даже болѣе вѣроятные принципы вещей. И хотя даже изъ хаоса по законамъ природы могъ бы быть выведенъ существующій порядокъ вещей,—какъ я раньше пытался показать,—все же спутанность, повидимому, меньше согласуется съ высшимъ совершенствомъ Творца вещей, Бога, нежели соразмѣрность и порядокъ; и хаосъ отнюдь не такъ отчетливо можетъ быть воспринятъ нами. Вѣдь нѣтъ соразмѣрности и порядка проще и доступнѣе для познанія, чѣмъ тѣ, которые состоятъ въ полномъ равенствѣ: поэтому я и предполагаю здѣсь, что всѣ частицы матеріи сначала были равны какъ по величинѣ, такъ и по движенію; и я не допускаю въ мірѣ никакого неравенства, кромѣ того, которое состоитъ въ различіи положенія неподвижныхъ звѣздъ. Послѣднее для всякаго, созерцающаго небо, обнаруживается столь ясно, что невозможно того отрицать. И одинаково цѣнно, что̀ такимъ образомъ не предположить для начала, такъ какъ позднѣе согласно законамъ природы произошло измѣненіе. Можно сдѣлать иное предположеніе, откуда былъ бы выведенъ тотъ же результатъ (только быть можетъ искуснѣе) согласно тѣмъ же законамъ природы. Съ помощью этихъ законовъ матерія послѣдовательно принимаетъ всѣ формы, къ какимъ способна, такъ что, когда мы въ порядкѣ разсмотримъ эти формы, мы будемъ въ состояніи перейти къ формѣ, свойственной нашему міру: значитъ, не должно бояться ошибки отъ ложнаго предположенія.

XLVIII.—Стало быть, для начала обозрѣнія дѣятельности законовъ природы по предложенной гипотезѣ, должно замѣтить, что тѣ частицы, на которыя, согласно принятому, вся матерія этого міра была вначалѣ подѣлена, не могли быть изначала шарообразными, такъ какъ множество совмѣстно взятыхъ шариковъ не заполнитъ пространства непрерывно. Но какой-бы фигуры частицы не были, съ теченіемъ времени онѣ не могли не стать округлыми, такъ какъ имѣли разныя круговыя движенія. Такъ какъ въ началѣ частицы были движимы силой достаточно значительною, чтобы отдѣлиться другъ отъ друга, сохраняя ту же самую силу, то, несомнѣнно, этой силы хватало, чтобы обточить углы частицъ при позднѣйшемъ взаимномъ ихъ столкновеніи, и для этого обтачиванія силы не требовалось столько, сколько для перваго. Единственно изъ того, что углы каждаго тѣльца такъ обтачивались, легко понять, какъ оно становилось круглымъ, ибо подъ именемъ угла я разумѣю здѣсь все, что выступаетъ въ такомъ тѣлѣ сверхъ шаровой поверхности.

XLIX.—Но такъ какъ нигдѣ невозможно пространство, совершенно лишенное тѣлъ, и такъ какъ, будучи совмѣстно взяты, тѣ округлыя частицы матеріи оставляютъ около себя очень маленькіе промежутки, то необходимо заполнить эти промежутки какими либо иными мельчайшими осколками матеріи, которые имѣли бы фигуру пригодную для заполненія промежутковъ и вѣчно измѣняющуюся сообразно занятому мѣсту. А именно, становящіяся округлыми частицы матеріи понемногу стираютъ углы и получаемыя изъ растиранія ихъ частицы оказываются столь малы и пріобрѣтаютъ такую скорость, что силою собственнаго движенія дробятся на безчисленные осколки; послѣдніе и заполняютъ всѣ углы, проникнуть въ которые не могутъ иныя частицы матеріи.

L.—Должно замѣтить, что чѣмъ меньше сравнительно съ прочими частицами эти осколки, тѣмъ они легче могутъ двигаться и дробиться на иные, еще меньшіе. Вѣдь, чѣмъ они меньше, тѣмъ значительнѣе ихъ поверхность въ отношеніи къ массѣ; они сталкиваются съ другими тѣлами сообразно ихъ поверхности, а дѣлятся сообразно массѣ.

LI.—Должно замѣтить, что они движутся значительно быстрѣе прочихъ частицъ матеріи, отъ которыхъ получаютъ свое движеніе: тогда какъ послѣднія несутся по прямымъ и открытымъ путямъ, тѣ осколки стремятся по окольнымъ и тѣснымъ. На этомъ основаніи, какъ мы замѣчаемъ по кузнечнымъ мѣхамъ, хотя послѣдніе замыкаются медленно, однако воздухъ выходитъ изъ нихъ въ силу тѣсноты пути, по которому онъ идетъ. Выше уже было показано, что любая частица матеріи должна быстро двигаться и дѣйствительно дѣлиться на безчисленныя части, чтобы различныя круговыя и неравныя движенія могли протекать безъ разжиженія или образованія пустоты; и нѣтъ ничего иного кромѣ этой причины, что было бы сюда пригодно для объясненія.

LII.—Итакъ мы уже имѣемъ два сильно различающихся рода матеріи; они могутъ быть названы двумя первыми элементами видимаго міра. Первый родъ—это тотъ, который имѣетъ такую силу движенія, что сталкиваясь съ другими тѣлами, дробится на кусочки безконечно малые и приспособляетъ свои фигуры къ заполненію всѣхъ тѣсныхъ промежутковъ, оставленныхъ ими. Второй родъ тотъ, который дѣлится на шарообразныя частички много меньшія сравнительно съ тѣми тѣлами, какія мы можемъ различать глазами; однако эти частички обладаютъ извѣстною опредѣленною величиною и дробимы на иныя значительно меньшія части. Третій родъ мы обнаружимъ нѣсколько позднѣе; онъ состоитъ изъ частицъ либо очень плотныхъ, либо имѣющихъ фигуру, мало пригодную для движенія. И мы замѣтимъ, что изъ этихъ трехъ видовъ матеріи образованы всѣ тѣла видимаго міра: изъ перваго—солнце и неподвижныя звѣзды, изъ второго—небо, а изъ третьяго—земля съ планетами и кометами. Солнце и неподвижныя звѣзды испускаютъ свѣтъ, небомъ онъ переносится, земля же, планеты и кометы его отражаютъ: это представляющееся наглядно различіе не худо отнести къ различію трехъ элементовъ.

LIII.—Не худо также всю матерію, заключенную въ пространствѣ AEI, вращающуюся вокругъ центра S, считать за первое небо; а всю ту, которая вращается вокругъ центровъ Ff, и образуетъ безчисленные иные вихри, за второе и наконецъ, все встрѣчающееся сверхъ этихъ двухъ небесъ, за третье. Это третье небо мы принимаемъ въ отношеніи ко второму за неизмѣримое, а второе въ отношеніи къ первому за огромное. Но разсматривать третье небо здѣсь неумѣстно; оно нами не можетъ быть никогда видимо въ этой жизни, а мы говоримъ здѣсь лишь о видимомъ мірѣ. Вихри, центральныя точки которыхъ суть Ff, мы будемъ считать за одно небо, такъ какъ оно разсматривается нами на одномъ и томъ же основаніи; а вихрь S, хотя онъ не кажется отличнымъ отъ другихъ, мы будемъ разсматривать какъ особое небо и примемъ за первое изо всѣхъ, такъ какъ мы позднѣе найдемъ въ немъ землю, наше обиталище, и будемъ разсматривать его ближе, чѣмъ другія небеса; имена же мы обыкновенно прилагаемъ къ вещамъ не ради нихъ самихъ, а лишь ради изложенія нашихъ мыслей о нихъ.

LIV.—Матерія перваго элемента понемногу возрастала отъ того, что частицы второго элемента въ ихъ постоянномъ движеніи все далѣе и болѣе обтачивались, а такъ какъ во вселенной ея имѣлось въ большемъ количествѣ, чѣмъ нужно для заполненія тѣхъ мельчайшихъ пространствъ, которыя находились между взаимно соприкасавшимися шарообразными частицами второго элемента, то остатокъ матеріи, по заполненіи тѣхъ пространствъ, вытекъ къ центрамъ S, F, f, образовавъ тамъ нѣкоторыя въ высшей степени жидкія шарообразныя тѣла: солнце въ центрѣ S и неподвижныя звѣзды въ другихъ центрахъ. Послѣ того, какъ частицы второго элемента стали болѣе обточены, онѣ заняли меньше пространства, чѣмъ прежде, и въ силу того ихъ не только не тянуло къ центрамъ, но онѣ равномѣрно во всѣхъ направленіяхъ удалялись отъ нихъ и покидали, такимъ образомъ, сферическія мѣста, которыя наполнялись притекавшей со всѣхъ сторонъ матеріей перваго элемента.

LV.—Законъ природы таковъ, что всѣ тѣла движущіяся по кругу, каковъ бы не былъ послѣдній, удаляются въ своемъ движеніи отъ центровъ. Я выясню сколь возможно тщательнѣе эту силу, благодаря которой шарики второго элемента, какъ и скопившіяся около центровъ S и F частицы перваго элемента начинаютъ удаляться отъ этихъ центровъ. Такую силу составляетъ, какъ будетъ показано ниже, единственно свѣтъ. Отъ познанія этого обстоятельства зависитъ многое иное.

LVI.—Когда я сказалъ, что шарики второго элемента стремятся удалиться отъ центровъ, около которыхъ они вращаются, то не слѣдуетъ полагать, будто я хотѣлъ приписать имъ извѣстную мысль, вызывающую такое стремленіе: они такъ лишь составлены и такъ побуждаются къ движенію, что дѣйствительно будутъ идти указаннымъ образомъ, если не воспрепятствуетъ имъ какая либо иная причина.

LVII.—Такъ какъ часто многія причины совмѣстно дѣйствуютъ на одно и то же тѣло и однѣ изъ нихъ мѣшаютъ результатамъ другихъ, то мы можемъ, обращаясь то къ тѣмъ, то къ другимъ, сказать, что тѣло одновременно направляется или стремится двигаться въ разныя стороны. Напримѣръ, камень A въ пращѣ EA *), вращаясь вокругъ центра E, направляется отъ A къ B, если всѣ причины, содѣйствующія извѣстному движенію, разсматриваются совмѣстно, какъ дѣйствительно такимъ образомъ переносящія тѣло. Но если мы обратимся къ одной силѣ движенія, имѣющагося въ камнѣ то мы скажемъ, что онъ, находясь въ A, направляется къ C, согласно вышеизложенному закону движенія: именно, принимая AC за прямую, касающуюся круга въ точкѣ A. Если же камень вырвется изъ пращи въ тотъ самый моментъ, когда, выйдя изъ A, приходитъ къ точкѣ A, онъ дѣйствительно пройдетъ отъ A къ C, а не къ B; хотя бы праща препятствовала послѣднему результату,

---

*) Рисунокъ тотъ же, что и къ § XXXIX второй части „Началъ", стр. 57.

она не препятствуетъ однако стремленію. Стало быть, если мы, наконецъ, обратимся не ко всей этой силѣ движенія, а лишь къ той его части, которая не задерживается пращею, разумѣется различая его отъ той части силы, которая приводитъ къ результату, то мы скажемъ, что этотъ камень, находясь въ точкѣ A, тяготѣетъ лишь къ D, т. е. стремится удалиться отъ центра E по прямой EAD.

LVIII.—Чтобы яснѣе увидѣть это, сравнимъ движенье, которымъ камень, находясь въ A, несется къ C, если тому не препятствуетъ иная сила, съ движеніемъ муравья, находящагося въ той же точкѣ A и направляющагося къ C, если линія EV *) будетъ палкой, по которой онъ прямикомъ идетъ отъ A къ V, въ то время какъ сама палка вращается вокругъ E и точка A описываетъ кругъ ABF; пустъ эти два движенія такъ согласованы между собою, что муравей доходитъ до X, когда палка будетъ въ C, и до V, когда она въ G, а муравей все находится на прямой ACG. Затѣмъ сравнимъ и ту силу, которою нашъ камень несется въ пращѣ по круговой линіи ABF, стремясь удалиться отъ центра E по прямымъ AD, BC, FG, со стремленіемъ остающимся у муравья, если перевязью или клеемъ онъ будетъ удержанъ въ точкѣ EV; когда эта палка вращается около центра E по круговой линіи ABF, муравей всѣми силами стремится идти къ V и удаляться отъ центра E по прямымъ EAV, EBV и т. д.

LIX.—Правда, я знаю, что въ началѣ движеніе этого муравья будетъ медлительнымъ, что его стремленіе начать движеніе не можетъ быть значительно; однако оно не равно нулю и увеличивается съ увеличеніемъ его результатовъ, такъ что развивающееся отсюда движеніе можетъ пріобрѣсти достаточную скорость. Такъ, приведу другой примѣръ: положимъ, что EV каналъ, въ которомъ находится шарикъ A; хотя въ первый моментъ, пока этотъ каналъ движется по кругу около E, шарикъ будетъ передвигаться къ V медленно, однако въ слѣдующій моментъ онъ станетъ передвигаться скорѣй: онъ удержитъ первоначальную силу и сверхъ того получитъ свѣжую отъ новаго стремленія удаляться отъ центра E. Поэтому, чѣмъ больше длится круговое движеніе, тѣмъ длительнѣе становится и это стремленіе, какъ бы обновляясь въ отдѣльные моменты. Въ этомъ убѣждаетъ опытъ; если каналъ EV быстро вращается около центра E, то шарикъ, находящійся въ немъ, быстро перейдетъ отъ A къ V. Тоже мы видимъ и въ пращѣ; чѣмъ быстрѣе вращает-

---

*) Рисунокъ тотъ же. Буква V означаетъ предѣльную точку въ движеніи по прямымъ ED, EC, EG, а X—промежуточное положеніе на тѣхъ же прямыхъ.

Примѣч. переводчика.

ся въ ней камень, тѣмъ больше напрягается веревка, и это напряженіе, которое возникаетъ только благодаря силѣ камня, стремящагося удалиться отъ центра своего движенія, обозначаетъ для насъ количество этой силы.

LX.—Что сказано здѣсь о камнѣ въ пращѣ или о шарикѣ въ каналѣ, вращающемся около центра E, легко понять въ подобномъ же смыслѣ и относительно всѣхъ шариковъ второго элемента; именно, каждый изъ нихъ начинаетъ съ достаточно большою силою удаляться отъ центральной точки вихря, въ которомъ вращается; удерживается же тамъ онъ другими окружающими шариками лишь такъ, какъ камень удерживается пращею. Но эта сила въ остальныхъ шарикахъ значительно увеличивается отъ того, что верхніе и нижніе изъ нихъ всѣ вмѣстѣ сжимаются матеріею перваго элемента, собравшеюся въ центрѣ даннаго вихря. Прежде всего, чтобы все тщательно различать, мы должны повести рѣчь объ этихъ шарикахъ; а относительно матеріи перваго элемента замѣтимъ только, что всѣ занимаемыя ею пространства какъ бы пусты, т. е. заполнены матеріею, которая ни способствуетъ, ни препятствуетъ движенію другихъ тѣлъ. Истинная идея пустого пространства не можетъ быть иною, какъ явствуетъ изъ предыдущаго.

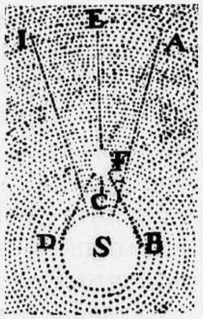

Рис. 9.

LXI. Такъ какъ всѣ шарики, вращающіеся около S въ вихрѣ AEI, пытаются удаляться отъ S, какъ указано, то достаточно ясно, что тѣ, которые расположены на прямой EA, всѣ должны взаимно отталкиваться къ A, а тѣ, которые расположены на прямой SE, должны отталкиваться къ E; то же происходитъ и съ остальными. Поэтому, когда ихъ недостаточно, чтобы заполнить все пространство между S и окружностью AEI, то около S остается незаполненное пространство. И такъ какъ тѣ шарики, которые взаимно тѣснятся (какъ, напр. на линіи ES), не всѣ вращаются какъ палка, но одни быстрѣе, а другіе медленнѣе совершаютъ свой пробѣгъ, какъ будетъ позднѣе отмѣчено, то оставленное при S пространство не можетъ быть круглымъ. Если мы вообразимъ, что многіе шарики вначалѣ были на прямой SE, а не на SA или SI, такъ что нижніе изъ нихъ на прямой SE были ближе къ центру, чѣмъ нижніе изъ шариковъ на прямой SI, то тѣ нижніе должны выполнять свой пробѣгъ быстрѣе расположенныхъ на той же линіи верхнихъ и ни одни изъ тѣхъ не пріобрѣтутъ быстроты шариковъ линіи SI, какъ болѣе удаленные отъ S. Поэтому всѣ нижніе шарики этихъ линій равно удалены отъ S и оставленное ими пространство BCD должно быть круглымъ.

LXII.—Сверхъ того нужно замѣтить, что не только шарики на прямой SE совмѣстно тѣснятся къ E, но что каждый по отдѣльности тѣснится всѣми другими, расположенными между прямыми, проведенными отъ даннаго шарика къ окружности BCD и касающимися ея. Такъ, напримѣръ, шарикъ F тѣснится всѣми, расположенными между линіями BF и DF, т. е. на пространствѣ треугольника BFD, но не столь тѣснится прочими шариками: если бы мѣсто F было пустымъ, то одновременно всѣ шарики, заключенные въ пространствѣ BFD, а никакъ не другіе шарики, поспѣшили бы сколь возможно быстрѣе занять его. Вѣдь мы видимъ ту силу тяжести, которая направляетъ въ свободномъ воздухѣ падающій камень къ центру земли; не одинаково влечетъ его туда, когда прямому направленію камня препятствуетъ какая либо неровная поверхность. Несомнѣнно, что той силы, которою шарики пространства BDF начинаютъ удаляться отъ центра S, по прямой, ведущей отъ этого центра, достаточно, чтобы удалить отъ послѣдняго данный шарикъ.

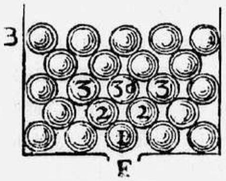

Рис. 10.

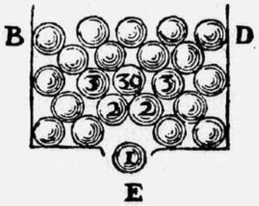

Рис. 11.

LXIII.—Этотъ примѣръ съ силою тяжести уяснитъ дѣло, когда мы разсмотримъ слѣдующее: въ сосудѣ BFD содержатся дробинки и такъ лежатъ одна на другой, что когда на днѣ сосуда продѣлывается отверстіе, то дробинка 1 выпадаетъ въ него силою собственной тяжести, за нею слѣдуетъ двѣ другія 2 и 2, а за послѣдними 3, 30, 3, и такъ прочія; такимъ образомъ въ тотъ моментъ, какъ нижняя 1 начинаетъ двигаться, всѣ остальныя, заключенныя въ пространствѣ треугольника BED, вмѣстѣ опускаются при неподвижности прочихъ дробинокъ. Тутъ должно замѣтить, что два шарика 2,2, слѣдуя за упавшей дробинкою 1, разумѣется должны сколь возможно мѣшать другъ другу; но это не имѣетъ мѣста относительно шариковъ второго элемента, такъ какъ они находятся въ постоянномъ движеніи. Будь они такъ расположены, какъ дробинки, то это длилось бы только мгновеніе и непрерывность ихъ движенія не нарушалась бы. Сверхъ того должно замѣтить, что сила свѣта состоитъ не въ продолжительномъ движенія, а только въ стѣсненности (pressione) или въ первомъ предуготовленіи къ движенію, хотя бы отсюда и не слѣдовало самаго движенія.

LXIV.—Отсюда уясняется, какимъ образомъ та дѣятельность, которую я разсматриваю какъ свѣтъ, распространяется солнцемъ или тѣломъ любой неподвижной звѣзды равномѣрно во всѣ стороны; и въ малѣйшій моментъ времени проходится какое угодно разстояніе; поэтому свѣтъ проходитъ по прямой линіи не только отъ центра свѣтящагося тѣла, но и отъ любой иной точки его поверхности. Отсюда могутъ быть выведены всѣ прочія свойства свѣта. Можетъ быть многимъ это покажется парадоксомъ, но все это имѣлось бы въ небесной матеріи, не будь даже силы въ солнцѣ или иной звѣздѣ, около которой матерія вращается: такимъ образомъ, если бы солнечное тѣло было ничто иное, какъ пустое пространство, то тѣмъ не менѣе свѣтъ, развѣ только болѣе слабый, въ остальномъ различался бы нами также, какъ и теперь по крайней мѣрѣ въ кругу, по которому движется небесная матерія; вѣдь и теперь мы разсматриваемъ не всѣ направленія сферы. И чтобы получить возможность уясненія того, что имѣется въ самомъ солнцѣ и звѣздахъ, какъ увеличивается эта сила свѣта и распространяется по всѣмъ направленіямъ сферы, созданы нѣкоторыя предположенія о небесномъ движеніи.

LXV.—По какому основанію движенія ни существовали бы первоначально отдѣльные вихри небесной сферы, они должны были быть согласованы между собою такъ, что каждый несся въ ту сторону, гдѣ движеніе остальныхъ окружавшихъ его вихрей оказывало наименьшее сопротивленіе: таковы законы природы, что движеніе каждаго тѣла легко можетъ быть измѣняемо отъ столкновенія съ другимъ тѣломъ. Поэтому, если мы положимъ, что первый вихрь, съ центромъ S *), несется отъ A черезъ E къ I, то другой сосѣдній съ нимъ вихрь, съ центромъ F, долженъ нестись отъ A черезъ E къ V, если не препятствуютъ никакіе другіе окружающіе вихри: тогда ихъ движенія наилучшимъ образомъ согласуются между собою. Подобнымъ образомъ и третій вихрь, центра котораго нѣтъ на площади SAFE,—онъ уходитъ за ея предѣлы и образуетъ съ центрами S и F треугольникъ,—и этотъ вихрь долженъ двигаться отъ A къ E и затѣмъ въ высь. При такомъ расположеніи четвертый вихрь, съ центромъ f, не можетъ нестись отъ E къ I въ согласіи съ движеніемъ перваго вихря, такъ какъ это противорѣчило бы движенію второго и третьяго вихрей, не можетъ нестись онъ и отъ E къ V, подобно второму, такъ какъ этому препятствовали бы первый и третій вихри: и, наконецъ, не можетъ онъ направляться отъ E въ высь, какъ третій, ибо этому препятствовали бы первый и второй вихри. Поэтому остается только предположить, что этотъ вихрь однимъ изъ своихъ полюсовъ обращенъ къ E, а другимъ въ противоположную сторону, къ B, и вращается около оси EB отъ I къ V.

LXVI.—Здѣсь должно отмѣтить, что не будетъ противоположности въ этихъ движеніяхъ, если эклиптики трехъ первыхъ вихрей т. е. круги, удаленные отъ полюсовъ, сойдутся въ точкѣ E, гдѣ находится полюсъ четвертаго вихря. Такъ, (см. рис. 12), если, IVX будетъ тою частью вихря, которая находится около полюса E и вращается въ кругѣ въ порядкѣ обозначеній IVX, то первый вихрь будетъ выполнять движеніе по прямой EI и по другимъ параллельнымъ ей прямымъ, второй за нимъ по линіи EV, а третій по EX, почему они нѣсколько и затруднятъ круговое движеніе. Но природа легко исправляетъ это въ силу законовъ движенія, поскольку она немного отклоняетъ эклиптику трехъ первыхъ вихрей въ направленіи, въ которомъ движется четвертый вихрь IVX; тогда вихри будутъ слѣдовать не по прямымъ EI, EV и EX, но по кривымъ 1I, 2V, 3X и такимъ образомъ вполнѣ будутъ согласованы въ своемъ движеніи (см. рис. 13).

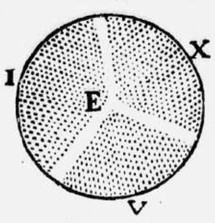

Рис. 12.

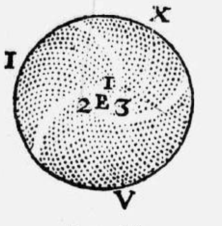

Рис. 13.

LXVI.—И мнѣ представляется немыслимымъ какой либо иной путь, согласно которому движенія этихъ различныхъ вихрей возможно меньше препятствовали бы одно другому. Если мы предположимъ, что два полюса сосѣднихъ вихрей взаимно соприкасаются, то либо оба они несутся въ одну сторону и такимъ образомъ объединяются въ одинъ вихрь, либо несутся въ противныя стороны и, стало быть, взаимно препятствуютъ другъ другу самымъ сильнѣйшимъ образомъ. Поэтому, хотя я не беру на себя смѣлости опредѣлять положеніе и движеніе всѣхъ небесныхъ вихрей, однако, полагаю, вообще можно утверждать,—и это было достаточно доказано,—что полюсъ каждаго вихря находится въ сосѣдствѣ не съ полюсомъ другого соприкасающагося вихря, а съ его частями, наиболѣе удаленными отъ полюса.

LXVII.—Кромѣ того, невыразимое разнообразіе, проявляющееся въ положеніи неподвижныхъ звѣздъ, повидимому достаточно ясно указываетъ, что вихри, которые около нихъ вращаются, не равны между собою. А что всякая неподвижная звѣзда можетъ быть только въ центрѣ такого вихря, я полагаю, явствуетъ изъ свѣта звѣздъ: свѣтъ точнѣйшимъ образомъ можетъ быть объясненъ изъ этихъ вихрей, а безъ нихъ не объяснимъ ни на какомъ иномъ основаніи; это обнаружится частью изъ сказаннаго, частью изъ того, что еще должно высказать. А такъ какъ въ неподвиж-

---

*) Срв. рис. на стр. 72.

ныхъ звѣздахъ мы не воспринимаемъ съ помощью чувствъ ничего иного кромѣ ихъ свѣта и обнаруженнаго положенія, то мы не имѣемъ никакого основанія приписывать имъ что либо иное, сверхъ того, что по нашему разумѣнію требуется для пониманія этихъ двухъ вещей. Вращеніе вихрей небесной матеріи вокругъ этихъ неподвижныхъ звѣздъ требуется одинаково какъ для пониманія свѣта, такъ и для обнаруженія положенія звѣздъ, ибо эти вихри не равной величины. Но разъ они неравны, то необходимо, чтобы извѣстныя части ихъ, удаленныя отъ полюса, касались частей другихъ вихрей, сосѣднихъ съ полюсами: иначе подобныя части большихъ и мелкихъ вихрей не могутъ быть согласованы другъ съ другомъ.

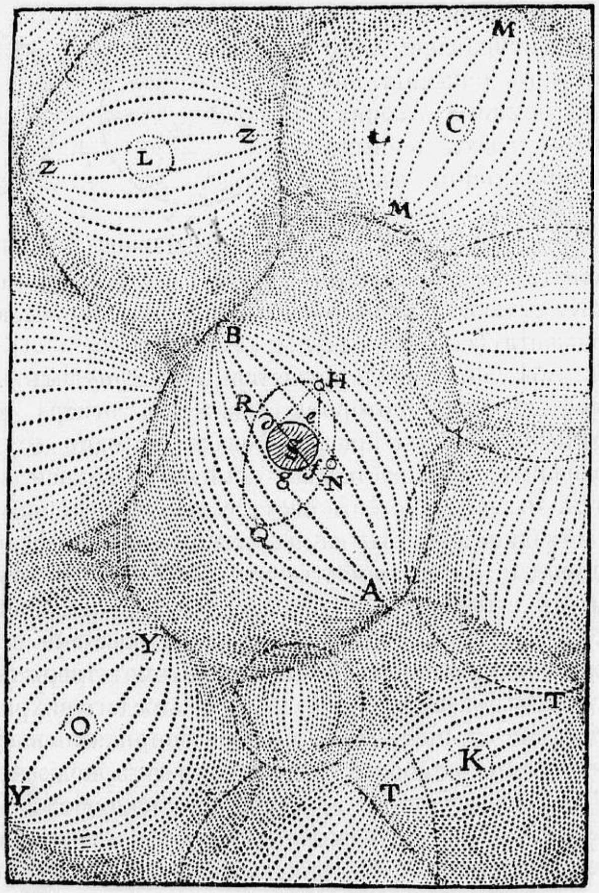

Рис. 1

LXIX.—Отсюда можно заключить, что матерія перваго элемента непрерывно течетъ къ центру каждаго вихря изъ другихъ вокругъ расположенныхъ вихрей по частицамъ сосѣднимъ съ его полюсомъ. И, обратно, изъ даннаго вихря въ другіе окружающіе вихри матерія вытекаетъ по частицамъ, удаленнымъ отъ этого полюса. Такъ, положимъ, (см. рис. 14), что AIBM—вихрь перваго неба; въ его центрѣ находится солнце, южнымъ полюсомъ вихря оказывается A, сѣвернымъ же B; около этихъ точекъ и движется весь вихрь; четыре окружающихъ вихря KOLC вращаются около осей TT, УУ, ZZ и MM такъ, что тотъ первый вихрь касается двухъ вихрей, O и C, въ ихъ полюсахъ, а двухъ другихъ вихрей, K и L, въ ихъ наиболѣе отдаленныхъ отъ полюсовъ частяхъ: изъ предыдущаго ясно, что вся его матерія начинаетъ удаляться отъ оси AB и съ бо́льшею силою тяготѣть къ частямъ Y и M, чѣмъ къ A и B. Въ У и M она встрѣчается съ полюсами вихрей O и C, гдѣ не велика сила частицъ для сопротивленія, а въ A и B встрѣчается съ частицами вихрей K и L, наиболѣе удаленными отъ ихъ полюсовъ. Поэтому послѣднія частицы имѣютъ больше силы для движенія отъ K и L къ S, чѣмъ окружающіе полюсъ частицы вихря S для движенія къ K и L. Отсюда несомнѣнно, что матерія въ вихряхъ K и L должна идти къ S, а матерія вихря S къ O и C.

LXX.—Это разумѣлось бы не только относительно матеріи перваго элемента, но и относительно шариковъ второго элемента, не будь особыхъ причинъ, препятствующихъ движенію послѣднихъ въ такомъ направленіи. Именно, движеніе частицъ перваго элемента быстрѣе движенія частицъ второго, и первому элементу всегда свободнѣе проходъ чрезъ тѣ узкіе углы, которые не могутъ быть замѣщены шариками второго элемента. Слѣдовательно, если мы вообразимъ, что вся матерія какъ перваго, такъ и второго элемента, заключенная въ вихрѣ L, одновременно начинаетъ идти отъ средняго мѣста между центромъ S и L къ S, мы поймемъ, что матерія перваго элемента должна быстрѣе пройти къ центру S, чѣмъ матерія второго. И такъ какъ матерія перваго элемента, заключенная въ пространствѣ S, съ силою выталкиваетъ шарики второго элемента не только къ эклиптикѣ EB или MV, но еще болѣе къ полюсамъ fD или AB (какъ я ниже объясню), то благодаря этому матерія перваго элемента препятствуетъ частицамъ, идущимъ изъ вихря L, подступать къ S ближе извѣстной опредѣленной границы, которая обозначена буквой B. Такъ же слѣдуетъ разсуждать относительно вихря K и всѣхъ прочихъ.

LXXI.—Должно сверхъ того замѣтить, что частицы второго элемента, вращающіяся около центра L, имѣютъ силу не только отступать отъ этого центра, но и сохранять свою скорость; а эти два обстоятельства нѣкоторымъ образомъ противорѣчатъ другъ другу; вѣдь, пока частицы вращаются въ вихрѣ L, онѣ удерживаются въ извѣстныхъ границахъ прочими сосѣдними вихрями, которые надо мыслить выше и ниже изображенной площади чертежа; и онѣ не могутъ устремляться къ B, такъ какъ движутся между L и B медленнѣе, нежели между L и прочими сосѣдними вихрями, — за предѣлами площади даннаго чертежа, — и, конечно, тѣмъ медленнѣе, чѣмъ больше будетъ пространство LB. Когда частицы кругообразно движутся, онѣ не могутъ удѣлять на переходъ между L и тѣми сосѣдними вихрями больше времени, чѣмъ на переходъ между L и B. Поэтому сила, которою онѣ обладаютъ, чтобы удалиться отъ центра L, содѣйствуетъ тому, что нѣкоторыя частицы направляются къ B, такъ какъ онѣ тамъ сталкиваются съ лежащими у полюсовъ частицами вихря S, которыя имъ быстро уступаютъ мѣсто; напротивъ, сила, съ которою онѣ удерживаютъ свою скорость, препятствуетъ имъ заходить настолько далеко, чтобы приближаться къ S. Въ отношеніи къ матеріи перваго элемента это не имѣетъ мѣста. Вѣдь, хотя она въ этомъ порядкѣ движенія также согласована съ частицами второго элемента, и стремится съ помощью подобныхъ кругообразныхъ движеній удалиться отъ своего центра, она однако весьма отличается въ томъ, что не теряетъ ничего изъ своей скорости при удаленіи отъ центра, такъ какъ она почти повсюду находитъ одинаковые пути, чтобы продолжать движеніе, особенно въ тѣснинахъ уголковъ, не заполняемыхъ шариками второго элемента. Поэтому несомнѣнно, что матерія перваго элемента безпрерывно течетъ къ S чрезъ сосѣднія области полюсовъ A и B, не только изъ вихрей B и L, но и изъ многихъ другихъ, не обозначенныхъ на настоящемъ чертежѣ; не всѣ, вѣдь, вихри помѣщены на этомъ рисункѣ, и я не могъ опредѣленно обозначить ихъ положенія, величины, числа. Несомнѣнно, эта же матерія течетъ изъ S къ вихрямъ O и E и ко многимъ инымъ, ни положенія, ни величины, ни числа коихъ я здѣсь не опредѣляю. Также не рѣшаю я, возвращается эта матерія изъ O и E снова къ K и L или же переходитъ во многіе удаленные отъ перваго неба вихри, пока не завершитъ своего кругового движенія.

LXXII. Какъ движется матерія, образующая солнце.—LXXIII. Неравенства въ положеніи солнца различны.—LXXIV. Различны неравенства и въ движеніи его матеріи.—LXXV. Однако онѣ не препятствуютъ быть его фигурѣ круглою.—LXXVI. О движеніи матеріи перваго элемента, когда она вращается среди шариковъ второго.—LXXVII. Какимъ образомъ солнечный свѣтъ распространяется не только къ эклиптикѣ, но и къ полюсамъ.—LXXVIII. Какъ распространяется онъ къ эклиптикѣ.—LXXIX. Какъ при движеніи одного мельчайшаго тѣла легко движутся прочія, затронутыя имъ тѣла.—LXXX. Какъ стремится къ полюсамъ солнечный свѣтъ.—LXXXI. Одинакова ли его сила въ полюсахъ и въ эклиптикѣ.—LXXXII. Шарики второго элемента, сосѣдніе съ солнцемъ, малы и движутся быстрѣе, чѣмъ болѣе удаленные, и до извѣстнаго разстоянія, за которымъ всѣ дѣлаются одной величины, они движутся тѣмъ быстрѣе, чѣмъ удаленнѣе отъ солнца.—LXXXIII. Почему самые отдаленные шарики движутся быстрѣе, чѣмъ нѣсколько менѣе удаленные.—LXXXIV. Почему ближайшіе къ солнцу шарики движутся быстрѣе, чѣмъ шарики болѣе удаленные.—LXXXV. Почему эти же ближайшіе къ солнцу шарики бываютъ меньше удаленныхъ.—LXXXVI. Шарики второго элемента совмѣстно движутся различнымъ образомъ, благодаря чему и становятся совершенно сферическими.—LXXXVII. Степень быстроты различна въ частичкахъ перваго элемента.—LXXXVIII. Тѣ частички, которыя имѣютъ наименьшую быстроту, легко передаютъ ее другимъ и сами къ нимъ примыкаютъ.—LXXXIX. Эти взаимно сомкнутыя частицы находятся преимущественно въ той матеріи перваго элемента, которая стремится отъ полюсовъ вихрей къ ихъ центрамъ.—XC. Какова фигура частицъ, которыя мы назовемъ обладающими гранями *).—XCI. Эти частицы, идя отъ противоположныхъ полюсовъ, вращаются въ обратныя стороны.—XCII. Ихъ грани трехъ родовъ.—XCIII. Между частицами съ гранями и самыми мельчайшими частицами существуютъ различной величины другія изъ частицъ въ первомъ элементѣ.—XCIV. Какъ изъ нихъ возникаютъ пятна на солнцѣ и звѣздахъ.—XCV. Преимущественныя свойства этихъ пятенъ.—XCVI. Какъ эти пятна уничтожаются и появляются новыя.—XCVII. Почему по краямъ пятенъ нѣкоторыхъ тѣлъ замѣчаются цвѣта радуги. XCVIII. Какъ пятна превращаются въ факелы и обратно.—XCIX. На какія частицы дробятся пятна.—C. Какъ изъ нихъ порождается эфиръ вокругъ солнца и звѣздъ. Этотъ эфиръ и эти пятна относятся къ третьему элементу.—CI. Образованіе и исчезновеніе пятенъ зависитъ отъ причинъ весьма неопредѣленныхъ.—CII. Какъ тѣ же самыя пятна могутъ прикрыть цѣликомъ нѣкоторыя созвѣздія.—CIII. Почему солнце иногда дѣлается темнымъ и почему кажущіяся величины звѣздъ измѣняются.—CIV. Почему нѣкоторыя неподвижныя звѣзды исчезаютъ или внезапно появляются.—CV. Много въ пятнахъ проходовъ, по которымъ свободно идутъ частицы съ гранями.—CVI. Каково расположеніе этихъ проходовъ и почему частицы съ гранями не могутъ по нимъ возвращаться.—CVII. Почему тѣ, которыя идутъ отъ разныхъ полюсовъ, не проходятъ черезъ одни и тѣ же проходы.—CVIII. Какъ матерія перваго элемента течетъ черезъ эти проходы.—CIX. А тѣ проходы крестъ на крестъ пересѣкаются другими.—CX. Свѣтъ звѣздъ едва можетъ проходить сквозь пятна.—CXI. Описаніе звѣзды неожиданно появляющейся.—CXII. Описаніе звѣзды

---

*) „Частица съ гранями“ это—частица, заполняющая пространство междутремя взаимно соприкасающимися шариками матеріи второго элемента.

Примѣчаніе переводчика.

мало по малу исчезающей.—CXIII. Во всѣхъ тѣлахъ частицы съ гранями образовали много проходовъ.—CXIV. Одна и та же звѣзда можетъ поочередно показываться и исчезать.--CXV. Нѣкогда весь вихрь, въ центрѣ котораго помѣщается звѣзда, можетъ быть разрушенъ.—CXVI. Какъ можетъ быть онъ разрушенъ прежде чѣмъ соберется множество пятенъ вокругъ этой звѣзды.—CXVII. Какъ многочисленныя пятна могутъ оказаться около нѣкоторой звѣзды прежде, чѣмъ будетъ разрушенъ ея вихрь.—CXVIII. Какъ возникаютъ эти пятна.—CXIX. Какъ неподвижная звѣзда превращается въ комету или планету.—CXX. Чѣмъ переносится такая звѣзда, лишь только перестаетъ быть неподвижною.—CXXI. Что мы понимаемъ подъ плотностью тѣлъ и подъ ихъ дѣятельностью.—CXXII. Плотность зависитъ не только отъ матеріи, но и отъ величины и фигуры тѣлъ.—CXXIII. Какъ шарики небесной матеріи могутъ оказаться плотнѣе цѣлыхъ созвѣздій.—CXXIV. И какъ могутъ они быть менѣе плотными.—CXXV. Какъ нѣкоторые изъ нихъ оказываются плотнѣе опредѣленной звѣзды, а другіе менѣе плотными.—CXXVI. О принципѣ движенія кометъ.—CXXVII. О продолженіи движенія планетъ по различнымъ вихрямъ.—CXXVIII. Явленія кометъ —CXXIX. Объясненія этихъ явленій.—CXXX. Какъ свѣтъ неподвижныхъ звѣздъ доходитъ до земли.—CXXXI. Кажутся ли неподвижныя звѣзды находящимися въ опредѣленныхъ мѣстахъ: и что такое небесная твердь.—CXXXII. Почему кометы невидимы намъ, когда находятся внѣ нашего неба, иначе говоря, почему уголь черенъ, а пепелъ бѣлъ.—CXXXIII. О вершинѣ кометъ и разныхъ ея явленіяхъ.—CXXXIV. О преломленіи, отъ котораго эта вершина кометы зависитъ.—CXXXV. Объясненіе этого преломленія.—CXXXVI. Объясненіе видимости вершины кометы.—CXXXVII. Какъ появляются огненные столбы.—CXXXVIII. Почему хвостъ кометы не всегда кажется прямо обращеннымъ въ сторону солнца и не всегда кажется правильнымъ.—CXXXIX. Почему не появляется такой вершины у неподвижныхъ звѣздъ и планетъ.—CXL.—О принципѣ движенія планетъ.—CXLI. Причины, отъ которыхъ зависятъ неправильности этого движенія: первая.—CXLII. Вторая.—CXLIII. Третья.—CXLIV. Четвертая.—CXLV. Пятая.—CXLVI. О первичномъ образованіи всѣхъ планетъ.—CXLVII. Почему однѣ планеты отдаленнѣе отъ солнца, чѣмъ другія: это зависитъ не только отъ ихъ величины.—CXLVIII. Почему сосѣднія съ солнцемъ движутся быстрѣе другихъ: однако ихъ пятна самыя медленныя.—CXLIX. Почему луна движется вокругъ земли.—CL. Почему земля вращается вокруга своей оси.—CLI. Почему луна несется быстрѣе земли.—CLII. Почему ликъ луны всегда обращенъ къ землѣ.—CLIII. Почему луна быстрѣе восходитъ и въ серединѣ своего движенія меньше отклоняется, чѣмъ въ четвертяхъ; почему ея небо не кругло.—CLIV. Почему второстепенныя планеты, находящіяся около Юпитера, движутся очень скоро, а находящіяся около Сатурна медленно или вовсе не движутся.—CLV. Почему полюса экватора и эклиптики очень далеко отстоятъ другъ отъ друга.—CLVI. Почему мало по малу они приближаются другъ къ другу.—CLVII. Крайняя и самая основная причина всѣхъ неравенствъ, наблюдаемыхъ въ движеніи міровыхъ тѣлъ.

Четвертая часть Началъ философіи.

О землѣ.

I.—Хотя я и не желалъ бы думать, что тѣла этого видимаго міра когда либо возникли согласно вышеописанному способу,—какъ я выше указалъ,—однако я долженъ удержать ту же гипотезу и для объясненія всего видимаго на землѣ; и если я, какъ надѣюсь, ясно покажу, что для всѣхъ причинъ естественныхъ вихрей не можетъ быть иного пути, кромѣ этого, то отсюда основательно можно будетъ заключить, что природа этихъ вещей такова, какъ если бы онѣ возникли подобнымъ образомъ.

II.—Предположимъ, что земля, обитаемая нами, была нѣкогда составлена изъ одной матеріи перваго элемента, подобно солнцу, хотя она и много меньше послѣдняго; имѣла она около себя громадный вихрь, въ центрѣ котораго помѣщалась. Но какъ только частички съ гранями и другія не самыя малыя изъ частицъ матеріи перваго элемента взаимно столкнулись такимъ образомъ, что обратились къ матерію третьяго элемента, изъ нихъ сперва произошли темныя пятна, подобныя тѣмъ, какія видимъ постоянно возникающими и исчезающими вокругъ солнца. Затѣмъ частицы третьяго элемента, оставшіяся отъ непрерывнаго распаденія этихъ пятенъ, разсѣялись по сосѣднимъ небеснымъ сферамъ и образовали тамъ съ теченіемъ времени нѣжный воздухъ или эфиръ. И наконецъ, послѣ того какъ этотъ эфиръ сталъ значительно плотнѣе, пятна, возникшія вокругъ земли, всю ее застлали и затемнили. А такъ какъ онѣ не могли болѣе распадаться и многія изъ нихъ наслоились другъ на друга, уменьшивъ тѣмъ самымъ силу вихря, содержавшаго землю, то послѣдняя вмѣстѣ съ пятнами и всѣмъ воздухомъ, въ которомъ вращалась, попала въ иной вихрь, гдѣ центромъ является солнце.

III. Раздѣленіе земли на три области; описаніе первой изъ нихъ.—IV. Описаніе второй.—V. Описаніе третьей.—VI. Частицы третьяго элемента, находимыя въ этой области, должны быть достаточно велики.—VII. Онѣ могутъ измѣняться матеріею перваго и второго элемента.—VIII. Онѣ больше частицъ второго элемента, но менѣе плотны и менѣе подвижны, чѣмъ послѣднія.—IX. Онѣ изначала наслоились вокругъ земли.—X. Около нихъ остались различные промежутки съ матеріею перваго и второго элемента.—XI. Шарики второго элемента вначалѣ были тѣмъ меньшими, чѣмъ ближе помѣщались къ центру земли.—XII. Онѣ имѣли болѣе тѣсные проходы между собою.—XIII. Не всегда болѣе плотные изъ нихъ были ниже тонкихъ.—XIV. О первичномъ образованіи разныхъ тѣлъ въ третьей области земли.—XV. О дѣйствіи, которымъ порождены эти тѣла: и прежде всего объ общемъ движеніи шариковъ небесной сферы.—XVI. О первомъ результатѣ такого дѣйствія: тѣла дѣлаются прозрачными.—XVII. Какъ плотное и достаточное твердое тѣло можетъ имѣть много проходовъ для перенесенія свѣтовыхъ лучей.—XVIII. О второмъ результатѣ указаннаго дѣйствія: одни тѣла отдѣляются отъ другихъ и очищаются жидкости.—XIX. О третьемъ результатѣ: капли жидкости дѣлаются круглыми.—XX. Объясненіе второго дѣйствія, именуемаго тяжестью.—XXI. Всѣ частицы земли, если разсматривать ихъ по отдѣльности, не тяжелы, а легки.—XXII. Въ чемъ заключается легкость матеріи неба.—XXIII. Какъ всѣ части земли толкаются внизъ этой матеріею неба и такимъ образомъ становятся тяжелыми.—XXIV. Какова въ каждомъ тѣлѣ тяжесть.—XXV. Ея количество не отвѣчаетъ количеству матеріи.—XXVI. Почему тѣла невѣсомы, когда находятся въ своихъ естественныхъ мѣстахъ.—XXVII. Тяжесть прижимаетъ тѣло къ центру земли.—XXVIII. О третьемъ дѣйствіи—о свѣтѣ: какъ онъ сотрясаетъ частицы воздуха.—XXIX. О четвертомъ—о теплѣ: что́ оно такое и какъ сохраняется при удаленіи свѣта.—XXX. Почему оно проникаетъ глубже, чѣмъ свѣтъ,—XXXI. Почему оно разрѣжаетъ почти всѣ тѣла.—XXXII. Почему высшая область земли была подѣлена первоначально на два разныхъ тѣла.—XXXIII. Дѣленіе частицъ земли на три высшихъ рода.—XXXIV. Какъ образуется между двухъ тѣлъ третье.—XXXV. Частицы только одного рода содержатся въ такомъ тѣлѣ.—XXXVI. Существуютъ два лишь вида такихъ частицъ.—XXXVII. Какъ нетвердое тѣло C было раздѣлено на множество другихъ тѣлъ.—XXXVIII. Относительно образованія еще четвертаго тѣла сверхъ третьяго.—XXXIX. О ростѣ этого четвертаго тѣла и объ очищеніи третьяго.—XL. Какъ это третье тѣло было тонко обрѣзано и оставило нѣкоторое пространство между собою и четвертомъ тѣломъ.—XLI. Какъ образовались въ четвертомъ тѣлѣ многія борозды.—XLII. Какъ тѣло дѣлается ломкимъ въ разныхъ частяхъ.—XLIII. Какъ третье тѣло на поверхности четвертаго частью уничтожается, а частью остается.—XLIV. Отсюда на поверхности земли возникли горы, поля, моря и т. д.—XLV. Какова природа воздуха.—XLVI. Почему онъ легко разрѣжается и сгущается.—XLVII. О силѣ его сжатія въ нѣкоторыхъ машинахъ.—XLVIII. О природѣ воды; почему она легко обращается то въ воздухъ, то въ ледъ.—XLIX. О морскихъ приливахъ и отливахъ.—L. Почему вода $6^{1}/_{5}$ часовъ убываетъ и $6^{1}/_{5}$ часовъприбываетъ.—LI. Почему морскія волненія сильнѣе въ полнолуніе, чѣмъ въ новолуніе. LII. Почему въ равноденствіе они оказываются наибольшими.--LIII. Почему воздухъ и вода всегда текутъ съ востока на западъ.—LIV. Почему на одномъ и томъ же разстояніи отъ полюса страны, имѣющія на востокѣ море, болѣе умѣренны по климату.—LV. Почему нѣтъ ни приливовъ, ни отливовъ въ озерахъ и болотахъ; почему на разныхъ берегахъ они бываютъ въ разные часы.—LVI. Какъ должны познаваться отдѣльныя причины ихъ соотвѣтственно прибрежьямъ.—LVII. О природѣ внутренности земли.—LVIII. О природѣ ртути.—LIX. О неравномѣрномъ проникновеніи тепла внутрь земли.—LX. О дѣйствіи этого тепла.—LXI. О сухомъ, остромъ и кисломъ; отчего происходитъ вакса, квасцы и т. д.—LXII. О маслообразной матеріи смолы, сѣры и т. д.—LXIII. О химическихъ принципахъ: какъ металлы переходятъ въ руду.—LXIV. О внѣшнемъ слоѣ земли; о происхожденіи источниковъ.—LXV. Почему море не увеличивается отъ притока въ него рѣкъ,--LXVI. Почему источники не солены, а морская вода не сладка.—LXVII. Почему въ каждомъ колодцѣ вода солона.—LXVIII. Почему изъ нѣкоторыхъ горъ извлекается соль.—LXIX. О селитрѣ и прочихъ соляхъ, отличныхъ отъ морской—LXX. О парахъ, воздушныхъ теченіяхъ и объ изверженіяхъ, идущихъ на поверхность земли.—LXXI. Какъ изъ различнаго ихъ смѣшенія возникаютъ разнаго рода камни и другіе ископаемые.--LXXII. Какъ металлы выступаютъ на поверхность земли и какъ образуется киноварь.—LXXIII. Почему не вездѣ обнаруживаютъ металлы.—LXXIV. Почему всего больше обнаруживается ихъ у подошвы горъ, обращенныхъ на югъ и востокъ.—LXXV. Всѣ рудники во внѣшнихъ слояхъ земли и нельзя никогда, прокапываясь, достичь внутренности земли.--LXXVI. О сѣрѣ, дегтѣ, глинѣ, маслѣ.--LXXVII. Какъ движется земля.—LXXVIII. Почему изъ нѣкоторыхъ горъ прорывается огонь.—LXXIX. Почему многія сотрясенія происходятъ при движеніи земли; нѣсколько часовъ или дней длится такое сотрясеніе.—LXXX. О природѣ огня и его отличіи отъ воздуха.—LXXXI. Какъ онъ первоначально возникаетъ.—LXXXII. Какъ сохраняется. — LXXXIII. Почему огонь требуетъ поддержки.—LXXXIV. Какъ онъ высѣкается изъ кремня.--LXXXV. Какъ изъ сухого дерева.—LXXXVI. Какъ возникаетъ отъ сосредоточенія солнечныхъ лучей.—LXXXVII. Какъ происходитъ отъ одного достаточно сильнаго движенія--LXXXVIII. Какъ отъ смѣшенія различныхъ тѣлъ.—LXXXIX. Огонь молніи и блуждающихъ звѣздъ.—XC. Огонь тѣхъ тѣлъ, что свѣтятъ но не жгутъ, какъ, напримѣръ, тѣлъ падающихъ звѣздъ.—XCI. Огонь въ капляхъ морской воды, въ гнилушкахъ и т. д.--XCII. Огонь въ тѣлахъ, нагрѣвающихся, но не свѣтящихъ, какъ въ сухомъ сѣнѣ.—XCIII. Въ негашеной извести и прочемъ.—XCIV. Какъ въ углубленіяхъ земли возгорается огонь.—XCV. Какъ горитъ восковая свѣча.—XCVI. Какъ сохраняется въ ней огонь.—XCVII. Почему ея пламя утончается и почему отъ нея идетъ дымъ. XCVIII. Какъ воздухъ и прочія тѣла питаютъ пламя.—XCIX. О движеніи воздуха къ огню.—C. О томъ, что гаситъ огонь.—CI. Что нужно, чтобы любое тѣло было пригодно въ качествѣ пищи для огня.—CII. Почему пламя виннаго спирта не зажигаетъ холста.—CIII. Почему винный спиртъ загорается всего легче.—CIV. Почему вода горитъ всего труднѣе.—CV. Почему сила многихъ огней увеличивается отъ воды или отъ брошенной туда соли.—CVI. Какія тѣла легко загораются —CVII. Почему одни загораются, а другія нѣтъ.—CVIII.—Почему иногда огонь сохраняется въ раскаленныхъ угляхъ.—CIX. О составѣ пороха изъ сѣры, селитры и угля; сначала о сѣрѣ.—CX. О селитрѣ.—CXI. О соединеніи сѣры и селитры.—CXII. О движеніи частицъ селитры.—CXIII. Почему пламя пороха легко расширяется, особенно кверху.—CXIV. Объ углѣ.—CXV. О зернахъ пороха: въ чемъ состоитъ его особенная сила.—CXVI. О ночникахъ, всего дольше горящихъ.—CXVII. О прочихъ свойствахъ огня.—CXVIII. Какія именно тѣла, будучи придвинуты къ нему, разжижаются и растапливаются.—CXIX. Какія сохнутъ и отвердѣваютъ.--CXX. О водѣ горячей, безвкусной и кислой.--CXXI. О мазяхъ и маслахъ.—CXXII. При измѣненіи силы огня измѣняется и его дѣйствіе.—CXXIII. Объ извести.—CXXIV О происхожденіи стекла.—CXXV. Какъ частицы его совмѣстно связаны.—CXXVI. Почему оно, находясь въ жидкомъ состояніи, легко принимаетъ всѣ фигуры.—CXXVII. Почему, охлаждаясь, оно становится весьма твердымъ.—CXXVIII. Почему оно очень ломко.—CXXIX. Почему уменьшается его ломкость, если его медленио охлаждать.—CXXX. Почему оно прозрачно.—CXXXI. Какъ оно окрашивается.—CXXXII. Почему оно дѣлается жесткимъ, какъ дуга, и вообще почему, будучи твердымъ и негибкимъ, произвольно возвращается къ первоначальной фигурѣ.—CXXXIII. О магнитѣ. Повтореніе того изъ вышесказаннаго, что требуется для объясненія магнита.—CXXXIV. Ни въ воздухѣ, ни въ водѣ нѣтъ проходовъ, удобныхъ для занятія ихъ частицами съ гранями.—CXXXV. Нѣтъ ихъ также ни въ какихъ тѣлахъ наружнаго слоя земли, кромѣ желѣза.—CXXXVI. Почему такіе проходы есть въ желѣзѣ.--CXXXVII. На какомъ основаніи существуютъ они въ отдѣльныхъ его стружкахъ.—CXXXVIII. Какъ эти проходы приспособляются для перенесенія частицъ съ гранями, идущихъ съ какой либо ихъ двухъ сторонъ.—CXXXIX. Какова природа магнита.—CXL. Какъ посредствомъ литья дѣлается сталь и какъ желѣзо.—CXLI. Почему сталь очень жестка, тверда и ломка.—CXLII. Въ чемъ различіе между сталью и остальнымъ желѣзомъ.—CXLIII. Какъ выдерживается сталь.—CXLIV. Различіе между проходами магнита, стали и желѣза.—CXLV. Перечисленіе особыхъ свойствъ магнита.—CXLVI. Какъ частицы съ гранями текутъ по проходамъ земли.—CXLVII. Съ бо́льшимъ трудомъ проходятъ онѣ но черезъ воздухъ, воду и внѣшній саой земли, чѣмъ черезъ внутренніе слои послѣдней.—CXLVIII. Легко идутъ частицы черезъ магнитъ, нежели черезъ другія тѣла внѣшняго слоя земли.—CXLIX. Каковы полюсы магнита.—CL. Почему эти полюсы обращены къ полюсамъ земли.—CLI. Почему они склоняются къ ея центру.—CLII. Почему обращается и склоняется одинъ магнитъ къ другому; а также и къ землѣ.—CLIII. Почему два магнита взаимно сходятся и какова сфера дѣятельности каждаго.—CLIV. Почему иногда они взаимно отбѣгаютъ другъ отъ друга.--CLV. Почему частички магнитнаго сегмента, собранныя воедино до раздѣленія, также взаимно отталкиваются.—CLVI. Почему двѣ прежде соприкасавшихся въ магнитѣ точки въ обломкахъ послѣдняго становятся полюсами различныхъ качествъ.—CLVII. Почему одна и та же сила въ цѣломъ магнитѣ и въ любой части магнита.—CLVIII. Почему магнитъ сообщаетъ свою силу приближенному къ нему желѣзу.—CLIX. Почему желѣзо, сообразно разницѣ своего приближенія къ магниту, различнымъ образомъ пріобрѣтаетъ эту силу.—CLX. Почему продолговатое желѣзо получаетъ ее только по своей длинѣ.CLXI.— Почему магнитъ ничего не теряетъ въ своей силѣ, сообщая ее желѣзу.—CLII. Почему эта сила быстрѣйшимъ образомъ сообщается желѣзу, но медленно въ немъ укрѣпляется.—CLXIII. Почему сталь пригоднѣе для полученія магнитной силы, чѣмъ простое желѣзо.—CLXIV. Почему лучше сила усваиваемая сталью отъ хорошаго магнита, а не отъ дурного.—CLXV. Почему даже земля сообщаетъ магнитную силу желѣзу.—CLXVI. Почему магнитная сила въ землѣ слабѣе, нежели въ самыхъ маленькихъ магнитахъ.—CLXVII. Почему намагниченныя подковы имѣютъ всегда полюсы своей силы на своихъ концахъ.—CLXVIII. Почему полюсы магнитной силы не всегда тѣсно направляются къ полюсамъ земли, но различно отклоняются отъ нихъ.—CLXIL. Почему иногда это отклоненіе со временемъ мѣняется.—CLXX. Почему въ магнитѣ, выпрямленномъ въ одномъ изъ своихъ полюсовъ, наклоненіе можетъ быть меньшимъ, чѣмъ когда оба полюса равно отстоятъ отъ земли.—CLXXI. Почему магнитъ притягиваетъ желѣзо.—CLXXII. Почему оправленный магнитъ удерживаетъ желѣзо больше, чѣмъ голый магнитъ.—CLXXIII. Почему даже и противоположные его полюсы помогаютъ взаимно удерживать желѣзо.—CLXXIV. Почему вращеніе желѣзнаго колеса не задерживается силой магнита, къ которому оно прикрѣплено.--CLXXV. Какъ и почему сила одного магнита увеличиваетъ или уменьшаетъ силу другого.—CLXXVI. Почему сколь угодно сильный магнитъ не можетъ отвлечь желѣзо, съ нимъ не соприкасающееся, отъ магнита слабѣйшаго.—CLXXVII. Почему слабый магнитъ или намагниченное желѣзо могутъ, при соприкосновеніи, привлечь къ себѣ желѣзо отъ сильнаго магнита.—CLXXVIII. Почему въ сѣверныхъ областяхъ южный полюсъ магнита сильнѣе сѣвернаго.—CLXXIX. О томъ, что можетъ поддерживать желѣзные опилки, разсѣянные около магнита.—CLXXX. Почему желѣзная пластинка, соединенная съ полюсомъ магнита, препятствуетъ силѣ послѣдняго привлекать или отталкивать желѣзо.—CLXXXI. Почему этой силѣ не препятствуетъ никакое иное промежуточное тѣло.—CLXXXII. Почему ненадлежащее положеніе магнита понемногу уменьшаетъ его силу.—CLXXXIII. Почему ржавчина, сырость и помѣщеніе уменьшаютъ его силу, а сильный огонь совершенно ее уничтожаетъ.—CLXXXIV. О силѣ притяженія въ янтарѣ, воскѣ, резинѣ и подобныхъ веществахъ.—CLXXXV. Что за причина такого притяженія въ стеклѣ.—CLXXXVI. Эта же самая причина наблюдается и въ прочихъ вещахъ.

CLXXXVII.—Я хотѣлъ бы замѣтить здѣсь, что частицы въ проходахъ земныхъ тѣлъ, образованныя изъ матеріи перваго элемента, могутъ быть причиною не только различныхъ притяженій, какъ въ янтарѣ и магнитѣ, но также иныхъ безчисленныхъ и изумительныхъ дѣйствій. Вѣдь эти частицы образуются въ каждомъ тѣлѣ и имѣютъ въ своей фигурѣ нѣчто особенное, чѣмъ отличаются отъ всѣхъ прочихъ частицъ въ другихъ тѣлахъ. Онѣ удерживаютъ наибольшую подвижность, свойственную первому элементу, частями котораго являются, и вслѣдствіе самыхъ малыхъ причинъ можетъ случиться, что онѣ либо не выступаютъ изъ тѣла, гдѣ пребываютъ, а лишь движутся въ его проходахъ, либо, напротивъ, стремительно отдѣляются отъ него и, проникая во всѣ другія тѣла, въ кратчайшее время достигаютъ сколь угодно отдаленныхъ мѣстъ; тамъ онѣ находятъ матерію, пригодную для принятія ихъ воздѣйствія и производятъ тѣ или другіе рѣдкіе результаты. Стоитъ только поразсудить, какъ дивны свойства магнита и огня и какъ отличны они отъ свойствъ прочихъ тѣлъ; сколь громадное пламя можетъ мгновенно вспыхнуть отъ малѣйшей искры и какъ велика его сила; на какія громадныя разстоянія неподвижныя звѣзды кругообразно разсѣеваютъ свой свѣтъ, и многое иное, причины чего, на мой взглядъ, достаточно ясно я вывелъ въ этомъ трудѣ изъ общеизвѣстныхъ и всѣми признанныхъ началъ: изъ величины, строенія, положенія и движенія частицъ матеріи. Кто поразсудитъ подъ всѣмъ этимъ, тотъ легко убѣдится, что въ камняхъ и растеніяхъ нѣтъ никакихъ темныхъ силъ, никакой диковинной симпатіи и антипатіи и, наконецъ, нѣтъ ничего во всей природѣ, чего нельзя было бы свести на причины исключительно тѣлесныя, т. е. лишенныя души и сознанія; основаніе всего этого можно вывести изъ данныхъ началъ, такъ что нѣтъ необходимости присоединять сюда нѣчто иное.

CLXXXVIII.—Большаго я не прибавлю въ этой четвертой части „Началъ“, если (каково у меня прежде было намѣреніе) не напишу еще двухъ дальнѣйшихъ частей: пятой—о живыхъ существахъ, т. е. о растеніяхъ и животныхъ, шестой—о человѣкѣ. Но такъ какъ я не все еще уяснилъ себѣ изъ того, о чемъ хотѣлъ бы въ нихъ толковать, и не знаю пріобрѣту ли когда досугъ, потребный для выполненія этой задачи, я не стану задерживать дольше выхода первыхъ частей книги, а сверхъ того, что̀ ожидалось отъ нихъ и что̀ я приберегу для остальныхъ частей, я хочу присоединить сюда немногія изъ свѣдѣній относительно объектовъ нашихъ чувствъ. До сихъ поръ я описывалъ землю и весь видимый міръ на подобіе машины, подразумѣвая въ нихъ только фигуру и движеніе; но наши чувства даютъ намъ еще и многое иное, какъ краски, запахи, звуки и подобное, такъ что, не упомяни я совершенно объ этомъ, казалось бы, что мною обойденъ значительный отдѣлъ въ изложеніи явленій природы.

CLXXXIX.—Должно признать, что человѣческая душа, если она и заполняетъ все тѣло, имѣетъ однако особенное сѣдалище въ мозгу; при посредствѣ его одного она не только понимаетъ и воображаетъ, но и ощущаетъ; послѣднее происходитъ съ помощью нервовъ, которые на подобіе нитей, тянутся отъ мозга по всѣмъ прочимъ членамъ тѣла и скрѣплены съ послѣднимъ такъ, что нельзя прикоснуться ни къ одной части человѣческаго тѣла, чтобы тѣмъ самымъ концы нерва, разсѣянные по ней, не пришли въ движеніе; а это движеніе передается другимъ окончаніямъ нерва, собирающимся въ мозгу, у сѣдалища души, какъ я достаточно обстоятельно излагалъ въ четвертой главѣ „Діоптрики“. Производимыя такимъ образомъ нервами движенія въ мозгу различно возбуждаютъ душу или умъ, тѣсно связанный съ мозгомъ, хотя нервы и отличны отъ него. И эти различныя возбужденія ума или мысли, слѣдующія непосредственно изъ такихъ движеній, именуются перцепціями чувствъ или, какъ обычно говорится, ощущеніями.

CXC.—Различія этихъ ощущеній зависятъ, во первыхъ, отъ различія въ самыхъ нервахъ, а затѣмъ и отъ различія въ движеніяхъ, проявляемыхъ отдѣльными нервами. Не каждый нервъ по отдѣльности производитъ особое отличное отъ другихъ ощущеніе, но лишь семь особыхъ различій можно въ нихъ обозначить: два изъ нихъ принадлежатъ къ внутреннимъ чувствамъ, пять другихъ—къ внѣшнимъ. Именно нервы, протягивающіеся къ желудочку, глоткѣ, горлу и инымъ внутреннимъ частямъ, предназначеннымъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей, вызываютъ одно изъ внутреннихъ ощущеній, именуемое естественнымъ влеченіемъ (appetitus); тонкіе же нервы, идущіе къ сердцу и сердечнымъ полостямъ, вызываютъ другое внутреннее ощущеніе: его составляютъ движенія и страданія души, аффекты, какъ, напр., радости, печали, любви, ненависти и подобное. Вѣдь, напримѣръ, здоровая кровь легко и сильно приливаетъ къ сердцу и движетъ тонкіе нервы, расположенные около сердечныхъ полостей; оттого возникаетъ движеніе въ мозгу, возбуждающее въ душѣ естественное чувство веселости. И другія причины, двигая такимъ же образомъ эти тонкіе нервы, даютъ подобное чувство радости. Воспріятіе какого либо удовольствія не само по себѣ обладаетъ радостью, но оно посылаетъ „духовъ“ изъ мозга въ мускулы, съ которыми связаны данные нервы, и съ помощью мускуловъ расширяются отверстія сердца. А нервы сердца двигаются такъ, что должно слѣдовать чувство радости[1]. Такъ, услышавъ пріятное сообщеніе, душа прежде всего разсуждаетъ о самой себѣ и радуется тою интеллектуальною радостью, которая пріобрѣтается безъ всякаго тѣлеснаго движенія и которую поэтому стоики приписывали мудрецу; потомъ, при представленіи данной вещи, „духи“ текутъ изъ мозга въ мускулы предсердій и движутъ тамъ нервы, отчего возникаетъ въ мозгу другое движеніе, пробуждающее въ душѣ животную радость. На этомъ же основаніи кровь слишкомъ густая, плохо текущая въ желудочки сердца и не достаточно тамъ разжижающаяся, производитъ иное движеніе въ тѣхъ же тонкихъ нервахъ предсердій, а это движеніе, сообщаясь мозгу, влагаетъ чувство печали въ душу, хотя бы послѣдняя сама не знала, почему печалится; вѣдь всѣ прочія причины могли бы сдѣлать то же: иныя движенія этихъ тонкихъ нервовъ могли бы произвести иные аффекты, какъ любовь, гнѣвъ, страхъ, ненависть и т. д., поскольку они суть лишь аффекты или страсти души, т. е. поскольку суть смутныя мысли, которыми душа обладаетъ не сама по себѣ, но оттого, что нѣчто претерпѣвается тѣломъ, съ которымъ душа тѣсно связана. Отчетливыя мысли, которыя мы имѣемъ въ силу того, что жаждемъ или избѣгаемъ чего либо, всецѣло отличны отъ этихъ аффектовъ. Таково же основаніе и для естественныхъ влеченій, напримѣръ, голода, жажды и прочаго, чтó зависитъ отъ нервовъ желудочка, горла и т. д.; эти влеченія совершенно отличны отъ желанья ѣсть, пить и т. д.; но такъ какъ это желанье или это стремленіе всего чаще сопровождаютъ указанныя потребности, ихъ и называютъ влеченіями.

---

[1] Подробное изложеніе того же вопроса читатель найдетъ ниже, въ первой части „Страстей души“. *Примѣчаніе переводчика.*

CXCI.—Что касается внѣшнихъ чувствъ, ихъ обычно насчитываютъ пять, сообразно пяти различнымъ родамъ объектовъ, приводящихъ въ движеніе нервы, и стольки же родамъ смутныхъ мыслей, производимыхъ въ душѣ этими движеніями. Первое чувство создаютъ нервы, распространяющіеся по кожѣ всего тѣла; посредствомъ ихъ можно касаться любыхъ земныхъ предметовъ и двигать ихъ; однимъ способомъ можно познавать ихъ плотность, другимъ тяжесть, инымъ теплоту, инымъ влажность и т. д.; и сколькими различными способами движутся объекты или останавливаются въ своемъ движеніи, столько они производятъ въ душѣ различныхъ ощущеній, откуда и получаютъ наименованіе всѣ осязаемыя качества. Сверхъ того, когда эти нервы колеблются быстрѣе обычнаго, однако такъ, что никакого поврежденія въ тѣлѣ не слѣдуетъ, то это производитъ ощущеніе щекотанія, пріятное душѣ отъ природы, такъ какъ оно является знакомъ тѣлесныхъ силъ, съ которыми душа тѣсно связана; если же при этомъ слѣдуетъ поврежденіе тѣла, то возникаетъ ощущеніе боли. Отсюда ясно, почему чувственное желаніе и боль по объекту столь мало различаются, хотя по чувству противоположны.

CXCII.—Затѣмъ другіе нервы, размѣщенные по языку и сосѣднимъ съ нимъ частямъ, частицами тѣхъ же тѣлъ, раздѣленнымъ и смѣшаннымъ съ слюною во рту, разнообразно приводятся въ движеніе, смотря по различію въ фигурахъ частицъ, и такимъ путемъ производятъ ощущеніе различныхъ вкусовъ.

CXCIII.—Въ третьихъ, два нерва или придатка мозга, не выходящія изъ черепной коробки (calvarium), движутся раздѣленными частичками того же тѣла, летающими въ воздухѣ, однако не всякими частицами, но тѣми только, которыя достаточно тонки и подвижны, чтобы проникать въ ноздри и чрезъ проходы губчатыхъ костей достигать нервовъ. Ихъ различныя движенія и даютъ ощущенія различныхъ запаховъ.

CXCIV.—Въ четвертыхъ, два нерва, скрытые въ углубленіяхъ уха, воспринимаютъ дрожанье и колебанье лежащаго вокругъ воздуха. Воздухъ ударяется въ мембрану тимпана, соединенную съ цѣпью трехъ косточекъ, къ которымъ прикрѣплены нервы, и толкаетъ заразъ послѣдніе. Отъ различія этихъ движеній происходятъ различія отдѣльныхъ звуковъ.

CXCV.—Наконецъ, окончанія зрительныхъ нервовъ, сходящихся въ глазахъ, образуютъ ткань, называемую ретиною, которая столь тонка, что движется не воздухомъ и не иными земными тѣлами, а только шариками второго элемента, откуда получается ощущеніе свѣта и цвѣтовъ, какъ я уже достаточно излагалъ въ „Діоптрикѣ“ и „Метеорахъ“.

CXCVI.—И вотъ, ясно видно, что душа воспринимаетъ все, свойственное тѣлу въ его отдѣльныхъ членахъ черезъ нервы не въ силу того, что они находятся въ отдѣльныхъ членахъ тѣла, но въ силу того, что они помѣщаются въ мозгу. Такъ, во первыхъ, различныя заболѣванія, касающіяся только мозга, уничтожаютъ или извращаютъ всякое ощущеніе; самый сонъ, который присущъ только мозгу, каждодневно отнимаетъ у насъ въ значительной степени способность ощущать, возстанавливаемую по пробужденіи. Затѣмъ, когда мозгъ не разрушенъ, но пути, которыми нервы идутъ къ нему отъ внѣшнихъ членовъ, засорены, ощущеніе въ этихъ членахъ теряется. Наконецъ, это ясно изъ того, что боль чувствуютъ не въ такихъ членахъ, гдѣ нѣтъ къ тому причины, а въ другихъ, черезъ которые нервы протягиваются къ мозгу. Это можно показать на безчисленныхъ опытахъ; здѣсь будетъ достаточно одного. Когда одной дѣвицѣ, страдавшей сильной болью въ рукѣ, завязали глаза при появленіи врача, съ тѣмъ, чтобы она не безпокоилась при подготовкѣ операціи, и когда ей спустя нѣсколько дней рука была ампутирована вплоть до локтя, вслѣдствіе обнаруженія гангрены, а на это мѣсто были такъ наложены перевязки, что дѣвица могла не замѣтить произведенной ампутаціи,—она жаловалась на ощущеніе различныхъ болей то въ одномъ, то въ другомъ пальцѣ отрѣзанной руки. Это могло происходить исключительно отъ того, что нервы, ранѣе доходившіе отъ мозга до кисти руки, а теперь заканчивавшіеся въ рукѣ у локтя, двигались здѣсь такъ же, какъ это происходило въ рукѣ раньше, когда ощущеніе боли въ томъ или другомъ пальцѣ должно было запечатлѣваться душою, пребывавшею въ мозгу.

CXCVII. — Далѣе, какъ было сказано, природа нашей души такова, что только благодаря происходящему въ тѣлѣ движенію, душа можетъ побуждаться къ опредѣленнымъ представленіямъ, не содержащимъ никакого образа данныхъ движеній, особенно къ тѣмъ смутнымъ представленіямъ, которыя именуются чувствами или ощущеніями. Мы замѣчаемъ, что слова, воспринятыя ухомъ, либо только написанныя, вызываютъ въ нашихъ душахъ любыя представленія и побужденія. Если кончикъ пера, съ такими-то чернилами, на этой бумагѣ выводитъ извѣстныя буквы, онѣ въ душѣ читателя станутъ возбуждать представленія битвъ, бурь, фурій и вызовутъ аффекты безсилія и печали; на другой бумагѣ почти подобнымъ образомъ проведенное перо вызоветъ совершенно иныя представленія тишины, мира, удовольствія и совершенно обратные аффекты любви и радости. Быть можетъ скажутъ, что письмо и рѣчь непосредственно пробуждаютъ не ощущенія и образы отличныхъ отъ нихъ вещей, но только различныя мысли; благодаря послѣднимъ душа представляетъ сама образы различныхъ вещей. Но что сказать о чувствѣ боли или щекотанья? Мечъ приближается къ нашему тѣлу, онъ разсѣкаетъ послѣднее; изъ этого одного слѣдуетъ боль, которая дѣйствительно не менѣе отлична отъ мѣстнаго движенія меча или разсѣченнаго тѣла, какъ цвѣтъ, звукъ, запахъ и вкусъ. И если, какъ ясно видимъ, чувство боли возбуждается въ насъ единственно тѣмъ, что нѣкоторыя части нашего тѣла въ силу прикосновенія къ нимъ другого тѣла перемѣстились, то отсюда позволительно заключить, что душа наша создана такъ, что можетъ при нѣкоторыхъ мѣстныхъ движеніяхъ претерпѣвать возбужденія всѣхъ прочихъ чувствъ.

CXCVIII.—Затѣмъ, мы не уловляемъ никакого различія между нервами, изъ чего можно заключить либо, что разное по тѣмъ и другимъ нервамъ переходитъ отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ къ мозгу, либо, что вообще нѣчто содѣйствуетъ тому помимо мѣстнаго движенія нервовъ. И мы замѣчаемъ, что

это мѣстное движеніе вызываетъ не только ощущеніе щекотанія или боли, но и свѣта, и звуковъ. Такъ, если кого либо ударятъ въ глазъ, такъ что колебаніе удара проникаетъ до ретины, то ему кажется отъ этого, что брызнуло множество искръ блестящаго свѣта, котораго не оказывается внѣ глаза; и если кто заткнетъ пальцемъ ухо, то онъ услышитъ нѣкій колеблющійся шорохъ, который происходитъ только отъ движенія замкнутаго въ ухѣ воздуха. Наконецъ, мы часто замѣчаемъ, что теплота или иныя чувственныя качества, какъ и образы чисто тѣлесныхъ вещей, напр., пламени, возникаютъ изъ мѣстныхъ движеній извѣстныхъ тѣлъ и такимъ образомъ вызываютъ иныя мѣстныя движенія въ другихъ тѣлахъ. Мы отлично понимаемъ, что благодаря различіямъ въ величинѣ, фигурѣ и движеніи частицъ одного тѣла возникаютъ различныя мѣстныя движенія въ другомъ тѣлѣ; но мы никакъ не можемъ понять, какъ отъ нихъ (именно отъ величины, фигуры и движенія) возникаетъ нѣчто иное, совершенно отличное отъ ихъ природы, каковы тѣ субстанціальныя формы и реальныя качества, которыя многими предполагаются въ вещахъ; непонятно и то, какъ позднѣе эти качества или формы пріобрѣтаютъ силу и вызываютъ мѣстныя движенія въ другихъ тѣлахъ. Разъ это такъ и если намъ извѣстно, что природа нашей души такова, что различныхъ мѣстныхъ движеній достаточно, чтобы вызвать въ ней всѣ ощущенія, и если мы воспринимаемъ, что они дѣйствительно возбуждаютъ въ ней различныя ощущенія, и не уловляемъ ничего иного сверхъ того, что такого рода движенія переходятъ отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ къ мозгу,—если это правильно, то вообще должно заключить, что все именуемое нами во внѣшнихъ объектахъ свѣтомъ, цвѣтомъ, запахомъ, вкусомъ, звукомъ, тепломъ, холодомъ и прочими осязательными качествами или даже субстанціальными формами, есть ни что иное какъ различныя расположенія объектовъ, вызывающія различныя движенія въ нашихъ нервахъ.

CXCIX.—Итакъ легко можетъ быть подвергнуто учету, не упустилъ ли я чего изъ феноменовъ природы въ этомъ трактатѣ. Только воспринятое чувствами должно разсматриваться какъ феноменъ природы. Исключая величину, фигуру и движеніе, свойства коихъ въ отдѣльныхъ тѣлахъ я указалъ, мы не примемъ за присущее внѣшнему міру ничего такого, какъ свѣтъ, теплота, запахъ, вкусъ, звукъ, вообще чувственныя качества. Все это только различныя состоянія въ величинѣ, фигурѣ строеніи и движеніи предметовъ, или то, чтó по меньшей мѣрѣ не можетъ нами восприниматься какъ нѣчто иное. Доказательство тому въ предыдущемъ.

CC.—Я хотѣлъ бы также замѣтить, что здѣсь, пытаясь освѣтить всю матеріальную природу, я не воспользовался ни однимъ началомъ, которое не было бы допущено Аристотелемъ и всѣми философами прочихъ временъ; поэтому моя философія вовсе не нова, но наиболѣе стара и распространенна. Вѣдь я обсуждалъ фигуру, движеніе и величину тѣлъ и изслѣдовалъ, согласно законамъ механики, закрѣпленнымъ достовѣрными и повседневными опытами, что́ должно слѣдовать при взаимномъ столкновеніи этихъ тѣлъ. Но кто когда либо сомнѣвался въ утвержденіи, что тѣла движутся, что они имѣютъ разнообразныя величины и формы, сообразно различію которыхъ разнообразится и движеніе тѣлъ, и, наконецъ, что отъ ихъ столкновенія большія тѣла дробятся на меньшія и измѣняютъ форму? Это мы постигаемъ не однимъ органомъ чувствъ, а многими: зрѣніемъ, осязаніемъ, слухомъ; это мы отчетливо воображаемъ и мыслимъ; нельзя того-же сказать объ остальномъ, о цвѣтахъ, звукахъ и прочемъ, что воспринимается помощью не многихъ чувствъ, но лишь одного. Ихъ образы въ нашемъ мышленіи всегда смутны и мы не знаемъ, что такое они суть.

CCI.—Но на мой взглядъ въ отдѣльныхъ тѣлахъ есть частички, не воспринимаемыя никакимъ чувствомъ: этого не признаютъ можетъ быть тѣ, кто считаетъ свои чувства за мѣру познаваемаго. Но кто въ состояніи усумниться, будто многіе изъ тѣлъ столь малы, что не схватываются нашими чувствами; стоитъ только подумать, что́ въ медленно растущемъ тѣлѣ прибавляется за отдѣльные часы или что́ отвлекается отъ медленно уменьшающагося тѣла. Дерево растетъ всякій день и оно не можетъ стать бо́льшимъ, прежде чѣмъ не присоединится къ нему нѣкоторое тѣло. Но кто воспринимаетъ эти тѣльца, вступающія въ дерево ежедневно? По крайней мѣрѣ тѣ, кто принимаетъ безконечную дѣлимость массы, должны сознаться, что частицы могутъ быть малы настолько, чтобы не восприниматься никакимъ чувствомъ. И неудивительно, что мы не можемъ воспринимать очень малыхъ тѣлецъ; вѣдь наши собственные нервы, которые должны быть движимы объектами, чтобы получалось ощущеніе, не такъ ужъ малы, но въ родѣ каната связаны изъ множества меньшихъ частицъ; поэтому они и не могутъ быть движимы частицами мельчайшими сравнительно съ собой. Ни одинъ разумный человѣкъ, я думаю, не будетъ отрицать, что гораздо лучше мы воспринимаемъ то, что происходитъ въ большихъ тѣлахъ; а чтобы судить о происходящемъ въ мельчайшихъ тѣльцахъ, недоступныхъ чувству въ силу одной своей малости, и чтобы объяснить это, нельзя измыслить чего либо, что́ не имѣло бы никакого подобія съ ощутимыми частицами.

CCII.—И Демокритъ представлялъ себѣ дѣло такъ, что нѣкоторыя тѣльца, обладающія различными фигурами, величинами и движеніями, своимъ скопленіемъ и различными связями образуютъ всѣ ощутимыя тѣла; однако, его способъ разсужденія всѣми отвергнутъ. Никто, конечно, не отвергалъ его за то, что имъ предполагались крайне малыя, ускользающія отъ чувствъ частицы, о которыхъ утверждалось, что онѣ обладаютъ различными фигурами, величиной и движеніемъ: никто не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи такихъ тѣлъ, какъ это было показано. Отброшено же разсужденіе Демокрита, во первыхъ, потому, что онъ предполагалъ недѣлимость тѣлъ; въ данномъ случаѣ и я это основаніе отбрасываю; затѣмъ Демокритъ принималъ окружающую тѣла пустоту, невозможность которой я доказалъ; въ третьихъ, онъ приписывалъ тѣламъ тяжесть, которой я въ тѣлѣ самомъ по себѣ не нахожу, а нахожу ее постольку, поскольку она зависитъ отъ движенія и положенія тѣла и на нихъ сводится. И, наконецъ, Демокритъ не показалъ, какъ отдѣльныя вещи возникаютъ изъ одного столкновенія тѣлецъ, или если и показалъ это для нѣкоторыхъ вещей, то не всѣ однако его доводы согласуются другъ съ другомъ; по крайней мѣрѣ позволительно такъ думать на основаніи всего, что сохранено изъ его воззрѣній. А согласовано ли то, что я до сихъ поръ писалъ по философіи, предоставляю судить другимъ.

СВ

CCIII.—Я надѣляю невидимыя частички тѣлъ опредѣленной фигурою, величиной и движеньемъ, какъ если бы я ихъ видѣлъ, и однако признаю, что онѣ невоспринимаемы. Нѣкоторые, можетъ быть, возбудятъ вопросъ, откуда я знаю объ этихъ свойствахъ частичекъ? На это я отвѣчу: во первыхъ, изъ простѣйшихъ и наиболѣе извѣстныхъ принциповъ, знаніе которыхъ врождено намъ по природѣ, я разсмотрѣлъ вообще то, каковы могутъ быть главнѣйшія различія въ величинѣ, фигурахъ и движеніи тѣлъ, неощутимыхъ исключительно въ силу ихъ малости, и какіе ощутимые результаты изъ ихъ различныхъ столкновеній слѣдуютъ ¹). А затѣмъ, когда я замѣтилъ нѣчто

---

¹) Во французскомъ пореводѣ, исправленномъ, очевидно, рукою Декарта, это мѣсто расширено и читается нѣсколько иначе: „...Я изслѣдовалъ всѣ ясныя и отчетливыя понятія, касающіяся матеріальныхъ предметовъ и не нашелъ иныхъ, кромѣ понятій фигуръ, величинъ, движеній и правилъ, согласно кото-

подобное же въ дѣйствіяхъ тѣлъ ощутимыхъ, я счелъ ихъ возникшими изъ такого же столкновенія неощутимыхъ тѣлъ, особенно когда оказалось, что никакой иной способъ для объясненія этого не можетъ быть мыслимъ. Въ этомъ мнѣ много помогли вещи, созданныя искусственнымъ путемъ: между ними и природными тѣлами я нашелъ только ту разницу, что дѣйствія механизмовъ производятся въ большинствѣ случаевъ столь значительными по величинѣ инструментами, что легко могутъ быть восприняты чувствомъ: необходимо чтобы такія вещи могли быть изготовляемы людьми. Напротивъ, дѣйствія природныхъ вещей почти всегда зависятъ отъ извѣстныхъ органовъ, столь малыхъ, что онѣ ускользаютъ отъ всякаго чувства. И въ механикѣ нѣтъ принциповъ, которые не принадлежали бы физикѣ, частью или видомъ который механика является; не менѣе естественно это объясненіе для часовъ, составленныхъ изъ тѣхъ или иныхъ колесиковъ такъ, что они указываютъ время, чѣмъ для дерева, возникшаго изъ тѣхъ или иныхъ сѣмянъ и производящаго извѣстные плоды. Поэтому-то, какъ тѣ, кто обсуждая строеніе автомата, оказываются способны къ знанію о пользованіи машиною и отдѣльными ея частями легко присоединить познаніе и другихъ частей машины, которыя не видимы,—такъ и я отъ ощущаемыхъ воздѣйствій и частицъ пытался заключить къ тому, каковы причины этихъ явленій и каковы невидимыя частицы.

CCIV.—Хотя, быть можетъ, такимъ образомъ станетъ понятно, какъ могли возникнуть всѣ тѣла природы, изъ этого еще не должно заключать, что они въ дѣйствительности такъ созданы. Вѣдь, одинъ и тотъ же мастеръ можетъ изготовить пару часовъ такъ, что и тѣ и другіе одинаково хорошо станутъ указывать время и внѣшне будутъ вполнѣ подобны другъ другу, хотя бы внутри и состояли изъ весьма различной связи колесъ. Точно такъ же несомнѣнно, что и высочайшій мастеръ, Богъ, могъ все видимое представить многоразлично. Я самъ охотно допущу эту истину и удовлетворюсь, если описанное мною въ точности будетъ соотвѣтствать всѣмъ феноменамъ природы [1]). Этого достаточно для житейскихъ цѣлей, подобно тому, какъ медицина и механика, равно и иныя науки, требующія своего завершенія при посредствѣ физики, имѣютъ своимъ предметомъ только ощущаемое и потому принадлежащее явленіямъ природы. И пусть кто либо не подумаетъ, что Аристотель сдѣлалъ или хотѣлъ сдѣлать большее; онъ самъ выразительно свидѣтельствуетъ въ I книгѣ своей метеорологіи, въ началѣ **7 главы**, что онъ даетъ достаточныя основанія и доказательства относительно невоспринимаемаго чувствами, какъ скоро онъ отмѣчаетъ, что воспринимаемое, по его предположенію, могло бы такъ-то возникнуть [1]).

CCV.—Однако, чтобы не обмануться въ истинѣ, должно думать, что есть нѣчто принимаемое нами за морально достовѣрное, т. е. за удовлетворяющее жизненнымъ цѣлямъ, хотя бы въ отношеніи къ божьему всемогуществу оно и было невѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, если кто либо хочетъ читать письмо, написанное латинскими буквами, но при этомъ не представляетъ себѣ истиннаго ихъ значенія и потому приметъ, что гдѣ стоитъ А, тамъ должно читать В, а гдѣ—В, тамъ С, и такъ послѣдовательно приметъ это относительно всѣхъ буквъ, а потомъ найдетъ, что такимъ путемъ можно составить латинскія слова,—онъ не будетъ сомнѣваться, что въ этихъ словахъ содержится истинный смыслъ письма; хотя онъ и знаетъ только одну коньектуру, и хотя остается возможнымъ, что писавшій имѣлъ въ виду не обнаруженныя, а другія буквы на мѣстѣ тѣхъ и такимъ образомъ скрылъ въ письмѣ иной смыслъ. Однако это былъ бы такой исключительный случай, что онъ кажется невѣроятнымъ. Кто замѣтилъ, какъ много здѣсь выведено истинъ относительно магнита, огня, общаго управленія міра, и выведено изъ небольшого числа началъ, тотъ, хотя бы и подумалъ, что я принялъ эти начала на авось и безъ основанія, однако, быть можетъ, признаетъ, что едва-ли столь многое удалось бы такъ согласовать, будь оно ложно.

CCVI.—Кромѣ того существуетъ нѣчто въ природѣ, что мы считаемъ безусловнымъ и скорѣе всего морально достовѣрнымъ: именно, мы опираемся на основное метафизическое по-

---

рымъ эти три вещи могутъ измѣнять одна другую; правила эти суть принципы геометріи и механики. Поэтому я заключилъ, что всѣ знанія, какія мы можемъ имѣть относительно природы, необходимо должны выводиться отсюда, ибо всѣ иныя понятія о чувственномъ мірѣ, будучи смутны и темны, не могутъ служить намъ въ томъ, чтобы давать знаніе о вещи внѣ насъ, а скорѣе могутъ препятствовать этому". *Прим. переводчика.*

[1]) Во французскомъ текстѣ окончаніе фразы нѣсколько иное: „...Я удовлетворюсь, если освѣщенныя мною причины таковы, что всѣ дѣйствія, которыя происходятъ отъ этихъ причинъ, подобны дѣйствіямъ, замѣчаемымъ нами въ явленіяхъ природы, но я отнюдь не стану ломать головы надъ тѣмъ, какъ возникли эти явленія".

[1]) Декартъ ссылается здѣсь на слѣдующую фразу въ „Метеорологіи" Аристотеля: „Мы полагаемъ, что доказали, удовлетворивъ разуму, существованіе вещей, ускользающихъ отъ нашихъ чувствъ, коль скоро мы сдѣлали очевидною возможность этихъ вещей". *Прим. переводчика.*

ложеніе, что Богъ въ высшей степени благъ и не обманщикъ и что поэтому наша Имъ дарованная способность отличать вѣрное отъ ложнаго не можетъ заставить насъ заблуждаться, разъ мы правильно ею пользуемся и познаемъ вещи съ ея помощью отчетливо. Таковы математическія доказательства, таково знаніе о существованіи тѣлесныхъ вещей и таковы всѣ ясныя доказательства, приводящія къ этому. Въ ихъ число, быть можетъ, будутъ приняты и мои доказательства тѣми, кто пораздумаетъ, какъ изъ первыхъ и наиболѣе простыхъ началъ человѣческаго познанія выведенъ безконечный рядъ истинъ. Особенно, если достаточно подумать, что ничего изъ внѣшнихъ объектовъ мы не можемъ ощущать, пока ими не возбудится мѣстное движеніе въ нашихъ нервахъ; а это движеніе не можетъ быть возбуждено неподвижными звѣздами, далеко отсюда отстоящими, если не происходятъ нѣкоторыя движенія въ нихъ самихъ и во всемъ междулежащемъ небѣ. Принявъ это, едва-ли можно все иное, по крайней мѣрѣ самое общее изъ сказаннаго мною о небѣ и землѣ, разсматривать иначе, чѣмъ это сдѣлалъ я.

CCVII.—Тѣмъ не менѣе я не стану ничего утверждать, помня о слабости своихъ силъ; все это я вручаю авторитету католической церкви и суду мудрѣйшихъ. Я не желалъ бы, чтобы кто нибудь мнѣ вѣрилъ иначе, какъ убѣдивъ себя ясными и непобѣдимыми доводами.

Разысканіе истины

посредствомъ естественнаго свѣта,

который во всей чистотѣ, безъ помощи религіи и философіи, опредѣляетъ воззрѣнія, какія должны имѣть свѣтскіе люди относительно всего, что можетъ занимать ихъ мысль, и который проникаетъ въ тайны наиболѣе интересныхъ знаній *).

Свѣтскій человѣкъ не обязанъ ни видѣть всѣхъ книгъ, ни заботливо изучать все преподаваемое въ школѣ; и будетъ даже своего рода недостаткомъ въ его обученіи, если онъ слишкомъ заполнитъ время литературными упражненіями. Есть много ино-

---

*) Время написанія этого произведенія точно неизвѣстно: обычно относили его къ послѣднему періоду жизни Декарта; редакторъ юбилейнаго изданія сочиненій Декарта Ch. Adam пытается путемъ искусной аргументаціи отнести это произведеніе къ болѣе раннему времени,—либо къ 1528—29 гг., либо къ 1541 г. См. Oeuvres de Descartes. Vol. X. pgg. 529—532. Незаконченный діалогъ былъ написанъ Декартомъ по французски, но очевидно еще при жизни философа переведенъ въ рукописи на латинскій языкъ. Французскій оригиналъ въ числѣ другихъ оставшихся по смерти Декарта бумагъ перешелъ къ Клерселье. Хотя первые біографы Декарта П. Борель и А. Байэ знали о существованіи французскаго оригинала, а изъ письма Лейбница къ Якову Бернулли (отъ 2 октября 1703 года) было извѣстно о существованіи у Лейбница копіи съ французскаго манускрипта, тѣмъ не менѣе оригиналъ такъ и не былъ найденъ, а копія Лейбница отыскалась значительно позднѣе. Такимъ образомъ для позднѣйшихъ издателей произведеній Декарта представлялась возможность печатать лишь сохранившійся латинскій переводъ діалога. Только въ 1906 году французскій студентъ Жюль Сиръ нашелъ въ Королевской Библіотекѣ Ганновера въ числѣ бумагъ Лейбница вышеназванную копію французскаго подлинника. Копія эта, какъ выяснено, была добыта въ 1676 г. по порученію Лейбница Чирнгаузомъ отъ самого Клерселье. Списокъ не доведенъ до конца и представляетъ лишь часть подлинника; такимъ образомъ французскій текстъ долженъ по необходимости восполняться старымъ латинскимъ переводомъ. Въ такомъ именно видѣ склейки изъ французскаго и латинскаго текстовъ напечатанъ діалогъ въ X томѣ юбилейнаго изданія сочиненій Декарта подъ редакціей Ch. Adam'a и P. Tannery. Этимъ изданіемъ мы руководствовалось при переводѣ.

Примѣчаніе переводчика.

го для совершенія въ теченіе жизни, складъ который долженъ быть такъ размѣренъ, чтобы лучшая часть времени оставалась на выполненіе добрыхъ дѣлъ, которыя должны быть внушены человѣку его собственнымъ разумомъ, если онъ руководствуется только послѣднимъ. Но человѣкъ входитъ невѣждой въ свѣтъ, и разъ знаніе его раннихъ лѣтъ опирается только на слабыя чувства и авторитетъ наставниковъ, то почти невозможно, чтобы его воображеніе не преисполнилось безконечнымъ числомъ ложныхъ мыслей, прежде чѣмъ разумъ могъ бы принять надъ нимъ руководство: такимъ образомъ возникаетъ необходимость или въ очень большомъ природномъ разумѣ, или въ обученіи у какого либо мудреца, какъ ради освобожденія себя отъ другихъ ученій, которымъ подпали раньше, такъ и для первыхъ основаній прочнаго знанія и для открытія всѣхъ путей, какими можно поднять знаніе до высочайшей ступени, какая достижима.

Вотъ это я и предполагаю изслѣдовать въ настоящемъ трудѣ и сдѣлать очевидными истинныя сокровища нашей души, показывая каждому средства найти въ самомъ себѣ, не заимствуя ничего у другихъ, всю науку, необходимую для житейскаго обихода, и пріобрѣсти затѣмъ черезъ ея изученіе всѣ наиболѣе интересныя познанія, какими человѣческій разумъ способенъ обладать.

Но, изъ боязни, какъ бы размѣры моего замысла не преисполнили читателя вдругъ такимъ изумленіемъ, что не нашлось бы мѣста довѣрію, я замѣчу, что предпринимаемое мною не столь трудно, какъ можно вообразить: всѣ знанія, которыя не превосходятъ силъ человѣческаго разумѣнія, сцѣплены такою прочною связью и могутъ вытекать одно изъ другого съ такою необходимою послѣдовательностью, что не требуется очень много ловкости и умѣнія найти ихъ, поскольку, начавъ съ простѣйшихъ знаній, смогутъ пройти ступень за ступенью къ болѣе высокимъ знаніямъ. Вотъ здѣсь я и попытаюсь показать это путемъ самыхъ ясныхъ и общихъ соображеній: каждый пойметъ, что лишь по недостатку осмотрительности и задержки мысли на тѣхъ же разсужденіяхъ онъ не замѣтилъ того же самаго; и въ отысканіи этихъ истинъ я заслуживаю не большей чести, чѣмъ прохожій счастливо нашедшій у своихъ ногъ кладъ, который прежде долгое время безуспѣшно разыскивался многими прилежными людьми.

Все же я изумляюсь, что среди столь рѣдкихъ умовъ, которые совершили значительно больше меня, не нашлось никого, кто пожелалъ бы дать себѣ трудъ распознать эти истины; и почти всѣ они уподоблялись путешественникамъ, которые, смѣнивъ большую дорогу на проселочную, остаются блуждать среди терній и пропастей. Но я вовсе не хочу изслѣдовать, что знали и чего не знали другіе; съ меня достаточно замѣтить, что, поскольку вся желанная наука заключена въ книгахъ, ея хорошее смѣшано съ весьма безполезнымъ и безпорядочно засѣяно въ груду столь толстыхъ томовъ, что для ихъ прочтенія требуется времени больше, чѣмъ мы имѣемъ въ здѣшней жизни, и ума, чтобы отобрать полезное, требуется больше, чѣмъ сколько нужно для самостоятельнаго открытія этихъ истинъ.

Это дастъ мнѣ надежду, что будетъ легко найти здѣсь болѣе удобную дорогу, и что истины, какія я выскажу, не останутся безъ одобренія, хотя я и не заимствовалъ ихъ ни у Аристотеля, ни у Платона. Но истины движутся въ свѣтѣ какъ монета, которая не понижается въ цѣнности, вылѣзаетъ ли она изъ мужицкаго кошелька, выходитъ ли изъ казны. Такъ и я силился сдѣлать ихъ одинаково полезными для всѣхъ людей; и для этой цѣли я не нашелъ стиля болѣе удобнаго, чѣмъ стиль свѣтскихъ бесѣдъ, гдѣ каждый вольно открываетъ передъ своими друзьями, что́ имѣетъ лучшаго въ мысляхъ; подъ именами Эвдокса, Поліандра и Эпистемона я представляю, какъ человѣкъ средняго ума, но съ сужденьемъ, не извращеннымъ дурной довѣрчивостью, и пользующійся разумомъ согласно чистотѣ его природы, навѣщенъ въ деревенскомъ домикѣ, гдѣ онъ живетъ, двумя изъ болѣе рѣдкихъ и интересныхъ людей нашего вѣка; одинъ изъ нихъ вовсе не образованъ, другой, напротивъ, отчетливо знаетъ все, пріобрѣтенное имъ въ школахъ. И вотъ среди прочихъ разсужденій,—ихъ я предоставлю вообразить вамъ самимъ, какъ и обстановку, мѣста и всѣ ея частности, какими нерѣдко буду пользоваться для примѣровъ, облегчающихъ пониманіе,—собесѣдники представляютъ доказательство того, что должно высказать позднѣе, по окончаніи этихъ двухъ книгъ.

Поліандръ, Эпистемонъ, Эвдоксъ.

Поліандръ:—Я считаю васъ счастливцемъ: вы видѣли все прекрасное въ книгахъ грековъ и римлянъ; и мнѣ кажется, изучай я столько, сколько вы, я былъ бы такъ отличенъ отъ того, что я есть, какъ ангелы отличаются отъ васъ; и я не могу простить ошибки моихъ родителей, которые, будучи убѣждены, что занятія науками разслабляютъ человѣка, отозвали меня ко двору и въ армію столь юнымъ, что сожалѣніе о своемъ невѣжествѣ будетъ преслѣдовать меня всю жизнь, если я не научусь чему либо изъ вашей бесѣды.

Эпистемонъ:—Что васъ можетъ наилучшимъ образомъ обучить въ этомъ отношеніи, такъ это стремленіе къ знанію, общее всѣмъ людямъ; оно—болѣзнь неизлѣчимая, такъ какъ интересъ увеличивается съ обученіемъ. Благодаря тому, что недостатки души сокрушаютъ насъ постольку, поскольку мы о нихъ знаемъ, вы имѣете большое преимущество предъ нами въ томъ, что не видите, подобно намъ, сколько вамъ еще остается изучать.

Эвдоксъ:—Возможно-ли, Эпистемонъ чтобы при вашей учености, вы могли быть убѣждены, будто въ природѣ имѣется столь всеобщая болѣзнь и нѣтъ никакого средства къ ея излеченію? Что касается меня, то мнѣ кажется, какъ на всякой землѣ достаточно плодовъ и источниковъ, чтобы утишать голодъ и жажду всѣхъ, такъ достаточно и истинъ, касающихся любого предмета, чтобы въ полной мѣрѣ удовлетворить интересу здоровыхъ душъ; думается мнѣ, что тѣло больныхъ водянкою не больше отстоитъ отъ нормальнаго склада, чѣмъ умъ тѣхъ, кто вѣчно обремененъ неутолимою любознательностью.

Эпистемонъ:—Я когда то училъ, что наше желаніе не можетъ естественно распространяться на то, что остается для насъ невозможнымъ, и не должно также распространяться на порочное и безполезное; но извѣстно множество вещей, которыя кажутся намъ возможными и которыя не только чтимы и пріятны, но даже весьма необходимы для нашего обихода; и я не могу вѣрить, чтобы кто нибудь зналъ ихъ настолько, что ему постоянно не оставалось бы справедливыхъ основаній особенно желать этихъ вещей.

Эвдоксъ:—А что вы скажете обо мнѣ, если я завѣрю васъ, что не имѣю больше страсти изучать что либо и доволенъ той малостью знаній, какую, подобно Діогену въ бочкѣ, имѣю безъ того, чтобы всякій разъ ощущать нужду въ философіи. Вѣдь знаніе моихъ сосѣдей не тѣснитъ моего знанія, какъ ихъ поля тѣснятъ то немногое, чѣмъ я владѣю. И мой умъ добровольно склоняясь къ тѣмъ истинамъ, какія находитъ, вовсе не заботится объ открытіи иныхъ; онъ даже радуется покою, какъ король страны, такъ отдѣленной отъ всѣхъ прочихъ странъ, что ему воображается, будто поодаль отъ его владѣній находятся только безплодныя пустыни и необитаемыя горы.

Эпистемонъ:—Всякаго другого, кромѣ васъ, кто такъ высказался бы передо мною, я счелъ бы за существо суетное и мало любознательное. Но убѣжище, избранное вами въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, и малая озабоченность своею извѣстностью, все это ставитъ васъ внѣ тщеславія; а время, использованное вами на путешествія, посѣщенія ученыхъ и изслѣдованіе всего,

что открыто наиболѣе труднаго въ каждой наукѣ, завѣряетъ насъ, что вы не лишены любознательности; такимъ образомъ я могу высказать только уваженіе къ вамъ и убѣжденъ что вы должны обладать знаніемъ гораздо болѣе совершеннымъ, чѣмъ знаніе прочихъ людей.

Эвдоксъ:—Благодарю васъ за доброе мнѣніе обо мнѣ; но я не хотѣлъ бы обременять вашей учтивости настолько, чтобы обязывать васъ вѣрить сказанному, основываясь на моемъ простомъ заявленіи. Никогда не должно выдвигать посылокъ, столь удаленныхъ отъ обычнаго мнѣнія, если въ то же время нельзя показать нѣкоторыхъ результатовъ. Вотъ я и пригласилъ васъ обоихъ погостить здѣсь въ это прекрасное время года, съ тѣмъ чтобы удосужиться открыто сообщить вамъ часть надуманнаго мною. Смѣю надѣяться, вы не только признаетесь, что и я имѣю основанія быть удовлетвореннымъ собою, но помимо того и сами вы вполнѣ удовлетворитесь выслушаннымъ.

Эпистемонъ:—Я не хочу уклоняться отъ счастья, о которомъ уже просилъ васъ.

Поліандръ:—А я охотно буду присутствовать на этомъ собесѣдованіи, хотя бы и не чувствовалъ себя способнымъ извлечь отсюда какую либо пользу.

Эвдоксъ:—Думайте лучше, Поліандръ, что это будетъ къ вашей выгодѣ, ибо въ васъ нѣтъ предвзятости, и потому мнѣ будетъ лучше перенять на правую сторону нейтральное лицо, а не Эпистемона, который чаще найдетъ въ себѣ склонность къ противной сторонѣ. Но чтобы отчетливѣе понять свойство ученья, предлагаемаго мною, я надѣюсь, вы отмѣтите различіе между науками и простыми знаніями, получаемыми безъ всякаго разсужденія въ формѣ доводовъ, каковы знанія языка, исторіи, географіи и вообще всего, зависящаго отъ одного опыта. Я вполнѣ согласенъ, что недостаточно человѣческой жизни для пріобрѣтенія опыта во всемъ, что находится въ мірѣ. Но я также убѣжденъ, что было бы безуміемъ желать этого, и что свѣтскій человѣкъ не болѣе обязанъ знать по-гречески или по-латыни, чѣмъ по-швейцарски либо по-нижне-бретонски, ни исторіи Имперіи болѣе, чѣмъ исторіи маленькихъ государствъ Европы. Должно только позаботиться о заполненіи своего досуга достойнымъ и полезнымъ, и обременять память только необходимымъ. Что же касается познаній, представляющихъ ничто иное какъ достовѣрныя сужденія, которыя мы опираемъ на извѣстныя предварительныя знанія, то одни изъ нихъ извлекаются изъ общаго достоянія и ихъ слышатъ и понимаютъ всѣ, другія же извлекаются изъ рѣдкихъ и специально изучаемыхъ опытовъ. Признаюсь также, что невозможно отдѣльно разсуждать о каждомъ изъ послѣднихъ: вѣдь слѣдовало-бы, во первыхъ, отыскать всѣ травы и камни, находимыя въ Индіи, увидѣть феникса, короче говоря, не упускать ничего изъ наиболѣе диковиннаго въ природѣ. Но, я думаю, что достаточно удовлетворю своему обѣщанію, если, изложивъ истины, какія можно вывести изъ обыкновенныхъ и каждому извѣстныхъ вещей, я сдѣлаю васъ способными самимъ найти всѣ прочія истины, какъ только вамъ заблагоразсудится приложить старанія къ отысканію ихъ.

Поліандръ:—Я думаю, что это все, чего возможно желать; и я буду согласенъ съ вами, если только вы мнѣ достаточно засвидѣтельствуете извѣстное число предложеній, столь прославленныхъ, что ихъ знаетъ всякій, и касающихся божества, разумной души, добродѣтелей и воздаянія за нихъ: эти истины я сравнилъ бы съ тѣми древними зданіями, о славѣ которыхъ каждый знаетъ, хотя всѣ знаки ихъ величія похоронены въ руинахъ прошлаго. Я отнюдь не сомнѣваюсь, чтобы первые, кто обязалъ людей мыслить всѣ эти истины, имѣли очень сильныя основанія для ихъ доказательства; но эти истины позднѣе столь мало повторялись, что нѣтъ больше никого, кто зналъ-бы ихъ. И все-таки эти истины такъ важны, что благоразуміе обязываетъ насъ скорѣе слѣпо имъ вѣрить, изъ боязни ошибиться, чѣмъ оставить ихъ выясненіе до той поры когда мы перейдемъ въ иной міръ.

Эпистемонъ:—Что до меня, то я нѣсколько болѣе любознателенъ, и хотѣлъ бы, помимо того, чтобы вы выяснили мнѣ нѣкоторыя особыя трудности, встрѣчаемыя мною въ каждомъ знаніи, а главнымъ образомъ въ томъ, что касается человѣческихъ искусствъ, призраковъ, иллюзій, короче, всѣхъ блестящихъ результатовъ, какіе приписываются магіи; я считаю, что ихъ полезно знать, не для собственнаго пользованія, но ради того, чтобы наше сужденіе не могло быть предваряемо удивленіемъ предъ неизвѣстнымъ намъ.

Эвдоксъ:—Я постараюсь удовлетворить обоихъ васъ. И въ цѣляхъ соблюденія порядка, благодаря которому мы могли бы дойти до цѣли, я прежде всего обнадеживаю себя, Поліандръ, что мы съ вами поддержимъ другъ друга во всѣхъ вещахъ, касающихся міра, обсуждая ихъ самихъ по себѣ; только бы Эпистемонъ не прерывалъ насъ,—меньшее, что онъ можетъ, такъ какъ его возраженія принудятъ насъ часто отклоняться отъ нашего предмета. Затѣмъ мы всѣ втроемъ снова поговоримъ обо всѣхъ вещахъ, но въ иномъ смыслѣ, именно поскольку онѣ

относятся къ намъ, и поскольку онѣ могутъ быть названы истинными или ложными; и вотъ Эпистемонъ будетъ имѣть случай предложить на обсужденіе всѣ затрудненія, какія останутся у него отъ предшествующихъ разсужденій.

Поліандръ:—Такъ укажите намъ порядокъ, котораго вы станете придерживаться въ изложеніи каждаго предмета.

Эвдоксъ:—Должно начать съ разумной души, такъ какъ въ ней заключено все наше знаніе; обсудивъ ея природу и ея цѣли, мы придемъ къ ея Творцу; а познавъ Его свойства и то, какъ Онъ все въ мірѣ создалъ, мы отмѣтимъ наиболѣе достовѣрное касательно прочихъ тварей и изслѣдуемъ, какимъ путемъ объекты воспринимаются нашими чувствами и наши мысли становятся истинными или ложными. Позднѣе я изложу здѣсь человѣческіе труды въ области тѣлеснаго міра; удививъ же васъ наиболѣе мощными машинами, рѣдчайшими автоматами, наиболѣе ясными иллюзіями и тончайшими фокусами, какіе можетъ изобрѣсти искусство, я открою вамъ въ нихъ тайны столь простыя и безобидныя, что вы перестанете удивляться чему бы то ни было изъ дѣяній нашихъ рукъ. Я перейду къ созданіямъ природы и показавъ вамъ причину всѣхъ ихъ движеній и различія ихъ качествъ, а также то, чѣмъ душа растеній и животныхъ отличается отъ нашей, обсужу передъ вами всю архитектуру чувственнаго міра; сообщивъ о томъ, чтó наблюдается особенно достовѣрнаго въ небесной сферѣ, я перейду къ наиболѣе здравому толкованію того, что не можетъ быть представляемо людьми; это я сдѣлаю, чтобы изъяснить отношеніе чувственныхъ вещей къ интеллектуальнымъ, а всѣхъ ихъ вмѣстѣ къ Творцу, съ цѣлью объяснить безсмертіе тварей и ихъ будущее состояніе по скончаніи вѣка. Потомъ мы перейдемъ ко второй части собесѣдованія, гдѣ потолкуемъ о всѣхъ знаніяхъ по отдѣльности, отберемъ все наиболѣе основательное въ каждомъ, и предложимъ методъ подвинуть ихъ много дальше и изыскать намъ самимъ, среднимъ умамъ, все то, что въ состояніи изобрѣсти тончайшіе умы. Приготовивъ такимъ образомъ свой разсудокъ къ абсолютно истинному сужденію, намъ нужно будетъ заняться упорядоченіемъ желаній, различая хорошее и дурное и отмѣчая дѣйствительную разницу между пороками и добродѣтелями. По совершеніи этого, я надѣюсь, страсть къ знанію, какою вы обладаете, не будетъ столь жестокой; а все сказанное мною покажется вамъ отлично удостовѣреннымъ, и вы заключите, что добрый умъ, хотя бы онъ и вскармливался въ пустынѣ и обладалъ только естественнмъ свѣтомъ, не можетъ имѣть иныхъ, чѣмъ наши, мнѣній, разъ онъ хорошо взвѣситъ тѣ же самыя основанія. Чтобы открыть начало такому разсужденію, должно изслѣдовать, каково первое знаніе людей, въ какой части души оно обитаетъ и отчего оно въ началѣ столь несовершенно.

Эпистемонъ:—Мнѣ кажется, что это будетъ выражено очень ясно, если сравнить сознаніе ребенка съ чистой дощечкой, гдѣ должны размѣщаться наши идеи, которыя подобны портретамъ съ натуры, получаемымъ отъ каждой вещи. Чувства, склонность, наставники и разсудокъ суть различные художники, работающіе надъ этимъ трудомъ; изъ нихъ менѣе способные оказываются первыми повинны въ путаницѣ, именно, несовершенныя чувства, слѣпой инстиктъ и бездѣльныя мамки. Лучшее исходитъ отъ послѣдняго, т. е. разума; и все же должно, чтобы онъ углубился на многіе годы въ ученіе и долго слѣдовалъ примѣру своихъ учителей, прежде чѣмъ рѣшится исправить какую либо изъ ихъ ошибокъ. Вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ нашей заботливости о знаніи. Ибо наши чувства не видятъ ничего помимо наиболѣе грубыхъ и общихъ вещей, а наши природныя наклонности извращены; а что до наставниковъ, то хотя безъ сомнѣнія можно бы найти среди нихъ очень совершенныхъ, однако они не въ состояніи усилить нашей вѣры въ ихъ доводы раньше, чѣмъ послѣдніе изслѣдуетъ нашъ разсудокъ, которому одному достается въ удѣлъ завершить этотъ трудъ. Такой наставникъ (т. е. разсудокъ) какъ талантливый художникъ займется накладываніемъ заключительныхъ тоновъ на плохую картину, набросанную юными подмастерьями; онъ хорошо воспользуется всѣми правилами своего искусства, чтобы мало по малу выправить то ту, то другую черту и прибавить отъ себя недостающее, вслѣдствіе чего онъ не можетъ сдѣлать этого, не оставляя крупныхъ недостатковъ, такъ какъ въ началѣ рисунокъ былъ дурно понятъ, фигуры плохо расположены и пропорціи плохо соблюдены.

Эвдоксъ:—Ваше сравненіе отлично вскрываетъ первое препятствіе, постигающее насъ, но вы не указываете средства, которымъ можно воспользоваться изъ предосторожности. Кто, думается мнѣ, какъ вашъ художникъ примется за возобновленіе картины, тотъ скорѣе сперва пройдется губкою, чтобы стереть всѣ нанесенныя черты, нежели станетъ терять время за ихъ исправленіемъ: подобнымъ образомъ каждому человѣку, лишь онъ достигнетъ извѣстнаго предѣла называемаго возрастомъ знанія, должно рѣшиться въ добрый часъ изгнать изъ своего воображенія всѣ несовершенныя идеи, какія въ немъ начертаны были доселѣ, и начать серьозно формировать новыя, хорошо пользуясь

всей работой своего разсудка; если это и не поведетъ къ совершенству, то не можетъ по крайней мѣрѣ вовлечь въ ошибки, основанныя на слабости чувствъ или на безпорядочности природы.

Эпистемонъ:—Это средство было бы отличнымъ, если бы легко было его примѣнять; но вы не забудьте, что первыя мнѣнія, получаемыя нашимъ сознаніемъ, остаются тамъ столь запечатлѣнными, что одной нашей воли не достаточно, чтобы ихъ уничтожить, если она не позаимствуется помощью какихъ либо властныхъ доводовъ.

Эвдоксъ:—Вотъ я и хочу попытаться представить вамъ нѣкоторые изъ доводовъ; и если вы желаете извлечь пользу изъ этого собесѣдованія то нужно, чтобы вы оказали мнѣ ваше вниманіе и позволили немного потолковать съ Поліандромъ ради того, чтобы я могъ сначала ниспровергнуть все знаніе, пріобрѣтенное до сихъ поръ. Такъ какъ оно не достаточно для того, чтобы удовлетворить Поліандра, то оно можетъ быть только дурнымъ, и я уподоблю его плохо построенному дому, у котораго не прочны устои. Я не знаю лучшаго средства исправить дѣло, какъ разсыпать все по землѣ и начать новую постройку; я вовсе не хочу быть однимъ изъ тѣхъ мелкихъ художниковъ, которые заняты лишь реставраціей старыхъ твореній, такъ какъ чувствуютъ себя неспособными приниматься за новое. Но, Поліандръ, пока мы работаемъ надъ этимъ разрушеніемъ, мы можемъ, посредствомъ того же, создать основанія, которыя должны служить нашему намѣренію и приготовить лучшіе и наиболѣе прочные матеріалы, необходимые для выполненія: угодно ли вамъ обсудить совмѣстно со мною, каковы наиболѣе достовѣрныя и доступнѣйшія для познанія истины изъ всѣхъ тѣхъ, какія можетъ знать человѣкъ?

Поліандръ:—Найдется ли, кто могъ бы сомнѣваться, что чувственныя вещи,—я разумѣю тѣ, которыя видимы и осязаемы,—не самыя надежныя изъ всѣхъ? Я лично буду весьма удивленъ, если вы мнѣ съ такою же очевидностью покажете нѣчто изъ того, что утверждается о Богѣ или о нашей душѣ.

Эвдоксъ:—Однако я надѣюсь на это; и я нахожу страннымъ, что люди могутъ быть столь легковѣрны, чтобы опираться въ своемъ знаніи на достовѣрность чувствъ, такъ какъ никто не станетъ отрицать, что чувства иной разъ ошибаются и что мы имѣемъ основанія усумняться въ тѣхъ, кто насъ однажды обманулъ.

Поліандръ:—Я отлично знаю, что чувства иногда обманываютъ, если они плохо налажены, когда, напримѣръ, больному всякая пища кажется горькою, или когда, разсматривая звѣзды, мы такъ удалены отъ нихъ, что онѣ не кажутся намъ столь большими, какъ въ дѣйствительности, или вообще когда чувства не дѣйствуютъ свободно согласно ихъ природному устройству. Но легко узнать всѣ ихъ недочеты и послѣдніе не препятствуютъ мнѣ быть вполнѣ увѣреннымъ, что я васъ вижу, что мы гуляемъ въ этомъ саду, что намъ свѣтитъ солнце, короче, что вообще все, предстоящее моимъ чувствамъ, истинно.

Эвдоксъ:—Если для васъ недостаточно сказать, что чувства насъ обманываютъ въ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ вы это осознаете,—недостаточно, чтобы испугать васъ тѣмъ, какъ бы не случилось этого же обмана и въ другихъ случаяхъ, когда вы не можете о томъ знать, то я пойду тогда дальше. Развѣ вы не видѣли никогда такихъ душевно больныхъ, которые считали себя разбитыми или имѣющими какую либо часть тѣла неестественно большого размѣра; они полагаютъ, что и себя и все, чего ни касаются, они находятъ такимъ, какъ представляютъ. Правда, значило бы оскорбить достойнаго человѣка, сказавъ ему, что въ немъ разума можетъ быть ровно столько, сколько нужно, чтобы убѣдиться въ собственномъ легковѣріи, если онъ сошлется, какъ и вы, на то, что̀ представляется его чувствамъ и воображенію. Но вы не сочтете дурнымъ, если я спрошу васъ: развѣ вы не погружаетесь въ сонъ, какъ всѣ люди, и развѣ вы, спящій, не можете мыслить, что видите и меня или то, какъ вы гуляете въ этомъ саду и какъ свѣтитъ вамъ солнце, короче, мыслить все что вы всегда считаете за достовѣрное. Развѣ вы никогда не слыхивали удивленнаго восклицанія въ комедіяхъ: „Бодрствую я или сплю!?“ Какъ вы можете быть увѣрены, что ваша жизнь не продолжительный сонъ и что все, постигаемое вами помощью чувствъ, не ложно, какъ тогда, когда вы спите? Главный догматъ, который вамъ извѣстенъ, это то, что вы постигаете, что сотворены высшимъ существомъ; послѣднее, обладая свойственнымъ ему могуществомъ, не затруднилось создать насъ такими, какъ я сказалъ, а не такими, какъ вы о себѣ полагаете.

Поліандръ:—Вотъ, дѣйствительно доводы, которыхъ достаточно, чтобы опрокинуть все ученіе Эпистемона, если только онъ окажется достаточно настойчивъ въ своихъ взглядахъ; но что до меня, то я боюсь сдѣлаться излишнимъ мечтателемъ для человѣка, который не учился и не привыкъ удалять своего ума отъ чувственныхъ вещей, если бы я пожелалъ погрузиться въ размышленія столь же темныя, какъ темны для меня эти представленія.

Эпистемонъ:—Я также полагаю, что очень опасно заходить здѣсь слишкомъ далеко. Столь всеобщія сомнѣнія привели бы насъ къ незнанію Сократа или къ недостовѣрности Пирронистовъ; это—пучина, гдѣ, мнѣ кажется, не нащупаешь дна.

Эвдоксъ:—Я согласенъ, что это опасно для тѣхъ, кто не знаетъ брода, отправившись безъ руководства; многіе и погибли тутъ. Но вы не должны опасаться слѣдовать за мною. Подобная боязливость препятствовала большинству ученыхъ пріобрѣсти ученье достаточно очевидное и заслуживающее названія науки, такъ какъ, воображая, что за чувственнымъ міромъ нѣтъ ничего болѣе крѣпкаго, на что̀ можно было бы опереть свои мнѣнія, они строили на пескѣ, вмѣсто того чтобы заняться отысканіемъ скалъ или глины. И не здѣсь еще должно остановиться. Хотя бы вы и не пожелали болѣе обсуждать высказанные доводы, они въ существѣ дѣла уже привели къ тому, на что я надѣялся, если затронули ваше воображеніе настолько, чтобы ихъ бояться. Вѣдь это признакъ, что ваше знаніе не столь несокрушимо, разъ вы страшитесь, что доводы могутъ подкопать основы, заставляя васъ сомнѣваться во всемъ; слѣдовательно, вы уже сомнѣваетесь, и достигнута моя цѣль—разрушить ваше ученіе, показавъ его плохую обоснованность. Но чтобы вы не отказались слѣдовать съ бо́льшею храбростью, я васъ увѣрю, что эти сомнѣнія, столь страшныя первоначально, суть какъ бы фантомы и пустые образы, появляющіеся ночью благодаря слабому, невѣрному свѣту: если вы побѣжите отъ нихъ, ваша боязнь послѣдуетъ за вами; а если вы приблизитесь, чтобы коснуться ихъ, вы откроете, что это ничто иное, какъ воздухъ и тѣнь, и станете въ будущемъ болѣе мужественными при подобной встрѣчѣ.

Поліандръ:—Я хочу также, чтобы убѣдить васъ, представить себѣ эти трудности сильнѣйшими, сколь будетъ для меня возможно, и привлечь свое вниманіе къ сомнѣнію, въ томъ не грезилъ ли я всю жизнь, а всѣ мои мысли, которыя я считалъ западающими въ мою душу лишь посредствомъ чувствъ, не слагались ли сами собою, какъ это происходитъ съ подобными мыслями каждый разъ, когда я сплю и отлично знаю, что мои глаза закрыты, уши заткнуты, короче — ни одно изъ моихъ чувствъ не участвуетъ тутъ. И слѣдовательно я не только буду неувѣренъ въ томъ, существуете ли вы на свѣтѣ, существуетъ ли земля и солнце, но даже и въ томъ, имѣю ли я глаза, уши, тѣло, держу ли я къ вамъ рѣчь, или вы ко мнѣ, короче, во всемъ... *)

---

*) На этомъ обрывается французскій текстъ оригинала.

Примѣч. переводчика.

Эвдоксъ:—Чѣмъ больше вы подготовлены, тѣмъ сильнѣе я склоненъ руководить вами. Но вотъ насталъ моментъ, когда вамъ должно обратить вниманіе на тѣ слѣдствія, какія я отсюда хочу вывести. Вы замѣтили, что можете съ основаніемъ сомнѣваться во всемъ, познаніе чего достигается посредствомъ однихъ чувствъ; но въ состояніи ли вы сомнѣваться въ вашемъ сомнѣніи и оставаться въ неувѣренности, сомнѣваетесь вы или нѣтъ?

Поліандръ:—Увѣряю васъ, это меня изумляетъ; та незначительная степень проницательности, которою обладаютъ мои здравыя хотя и слабыя чувства, принуждаетъ меня не безъ смущенія убѣждаться, что я ничего не знаю съ какою либо достовѣрностью, но сомнѣваюсь во всемъ и ни въ чемъ не увѣренъ. Но что вы хотите отсюда заключить? Я не вижу, въ чемъ польза столь всеобщаго сомнѣнія, не вижу и того, на какомъ основаніи подобное сомнѣніе можетъ стать принципомъ, способнымъ далеко завести насъ. Наоборотъ, цѣль нашей бесѣды—освободить насъ отъ сомнѣній и открыть намъ истины, которыхъ могъ не знать даже Эпистемонъ, при всей его учености.

Эвдоксъ:—Удѣлите только мнѣ свое вниманіе и я уведу васъ такъ далеко, какъ вы и не предполагаете. Изъ этого всеобщаго сомнѣнія, какъ отъ опредѣленной и неподвижной точки, я хочу вывести познаніе Бога, познаніе васъ самихъ и, наконецъ, познаніе всего существующаго въ природѣ.

Поліандръ:—Вотъ, дѣйствительно, огромныя обѣщанія и они цѣнны, поскольку въ результатѣ мы согласимся съ вашими положеніями. Будьте же вѣрны вашимъ обѣщаніямъ, а мы удовлетворимъ нашимъ?

Эвдоксъ:—Разъ вы не можете отрицать, что вы сомнѣвались, и напротивъ, ваше сомнѣніе достовѣрно, то истинно, что и вы, сомнѣвающійся, существуете и это столь истинно, что вы не можете болѣе сомнѣваться въ этомъ.

Поліандръ:—Я раздѣляю вашъ взглядъ: вѣдь, если бы я не существовалъ, то не могъ бы и сомнѣваться.

Эвдоксъ:—Итакъ, вы существуете; и вы знаете о своемъ существованіи, и знаете благодаря вашему сомнѣнію.

Поліандръ:—Все это такъ.

Эвдоксъ:—Но чтобы вы не отклонились отъ цѣли, двинемся понемногу далѣе и, какъ я вамъ сказалъ, вы найдете, что эта дорога идетъ дальше, чѣмъ вы полагаете. Повторимъ аргументы:—Вы существуете и знаете о своемъ существованіи; знаете черезъ посредство знанія о своемъ сомнѣніи. Но вы, сомнѣвающійся во всемъ и не могущій сомнѣваться въ себѣ самомъ, что вы такое?

Поліандръ:—Отвѣтъ не труденъ. Я удивляюсь, почему вы предпочли меня Эпистемону въ качествѣ собесѣдника. Значитъ, вы рѣшили не предлагать вопроса, на который было бы трудно отвѣтить. Итакъ, отвѣчу: я человѣкъ.

Эвдоксъ:—Вы не обратили вниманія на вопросъ; и отвѣтъ, данный вами, какъ бы не казался онъ вамъ простъ, ввергнетъ васъ въ очень трудные и очень запутанные вопросы, если я только захочу васъ хоть немного поприжать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я спросилъ у самого Эпистемона, что́ такое человѣкъ и онъ отвѣтилъ бы мнѣ, какъ водится въ школахъ, что человѣкъ—разумное животное (animal rationale), и сверхъ того, ради изъясненія этихъ терминовъ, не менѣе темныхъ, чѣмъ первый, повелъ бы насъ чрезъ всѣ ступени, именуемыя метафизическими,—мы, конечно, были бы введены въ лабиринтъ, изъ котораго никогда не выбрались бы. Вѣдь этимъ вопросамъ порождаются два другихъ: что такое животное? что такое разумный? Болѣе того, если бы, изъясняя понятіе животнаго, онъ отвѣтилъ, что это существо живое и чувствующее, что живое существо есть одушевленное тѣло, а тѣло есть тѣлесная субстанція,—вопросы, какъ видите, шли бы возрастая и умножаясь подобно вѣтвямъ генеалогическаго дерева. И наконецъ, всѣ эти превосходные вопросы закончились бы чистымъ празднословіемъ, ничего не освѣщающимъ и оставляющимъ насъ въ нашемъ первоначальномъ невѣдѣніи.

Эпистемонъ:—Печально видѣть, что вы столь сильно презираете дерево Порфирія, постоянно вызывавшее удивленіе всѣхъ ученыхъ. Досадно, что вы начинаете наставлять Поліандра въ томъ, что́ онъ—такое, инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, который издавна принятъ въ школахъ. Наконецъ, не было возможности до сего дня найти лучшій путь изученія насъ самихъ, чѣмъ послѣдовательное полаганіе предъ нашими взорами всѣхъ ступеней, составляющихъ цѣлое нашего бытія, съ тѣмъ чтобы, поднимаясь и опускаясь по всѣмъ ступенямъ, мы могли изучать и то, что́ въ насъ есть общаго съ иными существами, и то, въ чемъ мы отъ нихъ отличаемся. Вотъ высшая точка, до какой можетъ достичь наше знаніе.

Эвдоксъ:—Никогда я не начиналъ и не забиралъ въ голову порицать обычную методу обученія, къ какой прибѣгаютъ въ школахъ. Послѣдней я одолженъ тѣмъ немногимъ, что знаю; ея помощью я воспользовался, чтобы узнать недостовѣрность всего, воспринятаго мною. Стало бы, хотя мои наставники и не научили меня ничему достовѣрному, тѣмъ не менѣе я долженъ быть имъ благодаренъ за перенятое отъ нихъ пониманіе недостовѣрности знанія и обязанъ за все, что воспринято сомнительнаго больше, чѣмъ если бы оно было согласно съ разумомъ. Вѣдь, въ послѣднемъ случаѣ я быть можетъ принималъ бы недостаточно разумное за совершенное, и это сдѣлало бы меня менѣе пылкимъ къ исканію истины. Стало быть, предостереженіе данное мною Поліандру направлено скорѣе не къ тому, чтобы отмѣтить недостовѣрность и темноту, въ которую вы направляете свой отвѣтъ, а къ тому, чтобы сдѣлать Поліандра на будущее время болѣе внимательнымъ къ моимъ допросамъ. Но возвращаюсь къ моему предложенію; а чтобы не отклоняться еще больше отъ нашего пути, снова спрашиваю: что такое тотъ, кто можетъ сомнѣваться во всемъ, исключая самого себя.

Поліандръ:—Я полагалъ, что удовлетворю васъ, если скажу что я—человѣкъ. Но я понялъ, что мой отвѣтъ не соразмѣренъ, такъ какъ, повидимому, вы не согласны съ нимъ. И скажу откровенно, мнѣ самому теперь онъ не кажется удовлетворинымъ, поскольку я разсудилъ, что вы мнѣ показали затрудненія и неточности, въ какія онъ насъ могъ бы вовлечь, если бы только мы захотѣли его объяснить и принять. Наконецъ, что ни говорилъ бы Эпистемонъ, я нахожу много темноты въ этихъ метафизическихъ ступеняхъ. Если, напримѣръ, скажутъ, что тѣло есть тѣлесная субстанція, не опредѣляя въ то же время, чтó такое тѣлесная субстанція, то два слова—тѣлесная субстанція—не сдѣлаютъ насъ больше знающими, чѣмъ одно слово—тѣло. Подобнымъ же образомъ если кто выскажетъ, что живое существо есть одушевленное тѣло, не выяснивъ сперва смысла словъ „тѣло“ и „одушевленное“ и прослѣдуетъ чрезъ всѣ метафизическія ступени, то онъ произнесетъ слова,—даже слова размѣщенныя въ порядкѣ, но не скажетъ ровно ничего. Высказанное имъ не обозначаетъ ничего, что могло бы быть понято и образовать въ нашемъ умѣ ясную и отчетливую идею. Больше того: когда, чтобы удовлетворить предложенному вопросу, я сказалъ бы, что я человѣкъ, я вовсе не думалъ бы о всѣхъ этихъ схоластическихъ „сущностяхъ“, мнѣ неизвѣстныхъ, о которыхъ я не могу ничего сказать съ пониманіемъ и которыя, я думаю, существуютъ только въ воображеніи ихъ изобрѣтателей. Нѣтъ, я желалъ бы говорить о томъ, что мы видимъ, чего касаемся, что чувствуемъ и въ чемъ удостовѣряемся относительно самихъ себя на опытѣ, однимъ словомъ, обо всемъ томъ, что самый простой человѣкъ знаетъ столь же хорошо, какъ

и величайшій міровой философъ. Въ концѣ концовъ я хотѣлъ бы сказать, что я—нѣчто цѣлое, составленное изъ двухъ рукъ, двухъ ногъ, головы и всѣхъ прочихъ частей, образующихъ то, что именуется человѣческимъ тѣломъ, которое, сверхъ того, какъ цѣлое, питается, движется, чувствуетъ и мыслитъ.

Эвдоксъ:—Изъ вашего отвѣта я заключаю, что вы не поняли хорошо моего вопроса и что вы отвѣтили на многое, о чемъ я у васъ не спрашивалъ. Но такъ какъ вы уже помѣстили въ число сомнительныхъ для васъ вещей руки, ноги, голову и остальныя части машины человѣческаго тѣла, то я отнюдь не хотѣлъ бы васъ переспрашивать обо всемъ, существованіе чего не кажется вамъ достовѣрнымъ. Итакъ, скажите же, чтó такое вы въ собственномъ смыслѣ слова, поскольку вы сомнѣваетесь. Вѣдь это нѣчто оказывается единственнымъ, чего вы не въ состояніи познавать съ достовѣрностью, о которой я и хотѣлъ васъ спросить.

Поліандръ:—Дѣйствительно, теперь я вижу, что заблуждался въ своемъ отвѣтѣ. Я пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало, потому что не достаточно хорошо схватилъ вашу мысль. Это сдѣлаетъ меня болѣе предусмотрительнымъ въ будущемъ и заставитъ меня изумляться точности вашего метода, посредствомъ котораго вы ведете насъ шагъ за шагомъ, простыми и легкими дорогами, къ познанію вещей, составляющихъ предметъ изученія. И тѣмъ не менѣе мы имѣемъ нѣкоторое основаніе назвать сдѣланную мною ошибку счастливою; ей я теперь обязанъ знаніемъ того, что я, поскольку я сомнѣваюсь, никоимъ образомъ не есть нѣчто, именуемое моимъ тѣломъ. Больше того, я даже не знаю, имѣю ли я тѣло, такъ какъ вы мнѣ показали, что я могу въ этомъ сомнѣваться; я прибавлю къ этому, что я не могу и отрицать рѣшительно, будто имѣлъ тѣло. Но вотъ, хотя мы и оставались среди всякихъ предположеній, это не помѣшало мнѣ удостовѣриться въ моемъ существованіи; напротивъ, эти предположенія еще больше утверждаютъ меня въ достовѣрности существованія и въ томъ, что я не тѣло. Иначе, если бы я сомнѣвался въ моемъ тѣлѣ—я сомнѣвался бы въ самомъ себѣ, что для меня невозможно: я вполнѣ убѣжденъ, что существую и убѣжденъ настолько, что никакъ не могу въ томъ сомнѣваться.

Эвдоксъ:—Вы говорите превосходно, и такъ отлично трактуете вопросъ, занимающій насъ, что я самъ не могъ бы высказаться лучше. Я вижу, что пора предоставить васъ исключительно самому себѣ и только позаботиться вывести васъ на дорогу. Затѣмъ я полагаю, что для открытія истинъ даже наиболѣе трудныхъ, достаточно того, что принято называть общимъ чувствомъ (sensu commune), однако лишь послѣ того, какъ это чувство будетъ хорошо направлено. Такъ какъ я нахожу, насколько желалъ, это чувство въ васъ достаточнымъ, я склоненъ показать вамъ въ будущемъ дорогу, куда вы должны выйти. Продолжайте же сами выводить слѣдствія изъ вашего перваго принципа.

Поліандръ:—Этотъ принципъ мнѣ представляется столь плодотворнымъ и открывающимъ въ тоже время для меня столько вещей, что, мнѣ думается, много труда будетъ привести ихъ въ порядокъ. Плодотворное наставленіе, какое вы мнѣ дали: изслѣдовать, что́ такое я, сомнѣвающійся, и не углубляться въ то, чѣмъ я былъ и за что иной разъ я буду принимать себя,—этотъ совѣтъ пролилъ на мой умъ столько свѣта и вразъ разогналъ сумракъ, такъ что, при свѣтѣ этого факела, я вѣрнѣе вижу въ себѣ то, чего тамъ не было замѣтно; и никогда я такъ твердо не вѣрилъ въ то, что обладалъ тѣломъ, какъ теперь вѣрю въ обладаніе тѣмъ, къ чему нельзя прикоснуться.

Эвдоксъ:—Вашъ отвѣтъ мнѣ очень нравится, хотя быть можетъ онъ кажется непріятнымъ Эпистемону; послѣдній, поскольку вы не отторгнете его отъ его заблужденія и не покажете наглядно часть того, что вы назвали содержащимся въ этомъ принципѣ, всегда будетъ имѣть предлогъ думать или по крайней мѣрѣ бояться, не подобенъ ли этотъ открытый вамъ свѣтъ тѣмъ блуждающимъ огнямъ, которые гаснутъ и исчезаютъ лишь приблизишься къ нимъ, и не впадете ли вы вскорѣ въ вашу первоначальную темноту, т. е. въ прежнее невѣжество. И дѣйствительно это будетъ чудомъ, если вы, не получивши образованія и не прочтя философскихъ трудовъ, окажетесь ученымъ столь быстро и со столь малыми стараньями. Поэтому нечего изумляться, если Эпистемонъ будетъ такъ судить.

Эпистемонъ:—Признаюсь, я принялъ это за порывъ энтузіазма и думалъ, что Поліандръ, который не обращалъ своихъ мыслей къ тѣмъ великимъ истинамъ, какимъ учитъ философія, былъ пораженъ такою радостью, когда хоть одну изъ нихъ оцѣнилъ. Пообсудивъ немногое изъ тѣхъ знаній, онъ не могъ себя сдержать, чтобы не засвидѣтельствовать вамъ этого порывомъ радости. Но тѣ, кто подобно мнѣ, долго ходили по этой тропѣ и истратили много масла и труда въ чтеніи и перечитываніи сочиненій древнихъ, выясняя и толкуя наиболѣе трудное въ философахъ, не удивятся этимъ порывамъ энтузіазма и не будутъ надѣяться на тѣхъ, кто имѣетъ лишь шапочное знакомство съ математикой. Эти послѣдніе, лишь вы дадите имъ линію и кругъ и внушите, что́ такое прямая и кривая линіи, увѣрятся, что отыщутъ квадратуру круга и удвоеніе куба. Мы столько разъ отвергали доктрину пирронистовъ, и они сами столь мало извлекли плодовъ изъ своего философскаго метода, что блуждали всю жизнь и не могли освободиться отъ сомнѣній, введенныхъ ими въ философію, такъ что они, казалось, приложили свои старанія только къ обученію сомнѣваться. Итакъ, не сердясь на Поліандра, я усумнюсь, можетъ ли онъ самъ извлечь отсюда нѣчто лучшее.

Эвдоксъ:—Я хорошо вижу, что обращаясь къ Поліандру, вы хотите щадить меня; тѣмъ не менѣе ясно, что я—цѣль вашихъ насмѣшекъ. Но пусть Поліандръ продолжаетъ говорить; позже мы увидимъ, кто изъ насъ посмѣется послѣдній.

Поліандръ:—Я это охотно сдѣлаю, тѣмъ болѣе, что можно бояться, какъ бы этотъ споръ не возгорѣлся между вами и какъ бы я не оказался ничего не понимающимъ, если вы возьмете предметъ свысока; я увижу себя тогда лишеннымъ плода, который я надѣялся получить при завершеніи моего перваго обученія. И я прошу Эпистемона позволить мнѣ питать надежду, что Эвдоксъ, поскольку ему будетъ угодно, поведетъ меня за руку по дорогѣ, на которую онъ самъ меня поставилъ.

Эвдоксъ:—Вы уже отлично знаете, что поскольку, сомнѣваясь, вы разсуждаете, вы не имѣете тѣла и, слѣдовательно, не находите въ себѣ ни одной изъ частей машины человѣческаго тѣла, ни рукъ, ни ногъ, ни головы, ни глазъ, ни ушей, ни какого либо органа, который могъ бы служить извѣстному чувству; но посмотрите, можете ли вы подобнымъ образомъ отбросить все другое, что вы прежде узнали изъ описанія, даннаго вами въ понятіи, какое вы имѣли о человѣкѣ. Вѣдь, если вы его высказали съ основаніемъ, то это счастливая ошибка, что то, что́ вы выдѣлили, превосходитъ въ вашемъ отвѣтѣ границы моего вопроса; съ помощью его, наконецъ, вы можете перейти къ знанію того, что́ вы есть, отстранивъ отъ себя и отбросивъ все, что, какъ вы ясно видите, не принадлежитъ вамъ, но не удаляя ничего, необходимо вамъ принадлежащаго, что́ для васъ было бы столь же достовѣрно, какъ ваше существованіе и ваше сомнѣніе.

Поліандръ:—Я благодаренъ вамъ, что вы привели меня на мою дорогу, ибо я не зналъ, гдѣ я. Прежде я сказалъ, что я составленъ изъ двухъ рукъ, ногъ, головы и всѣхъ прочихъ членовъ, образующихъ то, что именуютъ человѣческимъ тѣломъ; а сверхъ того я сказалъ, что я хожу, питаюсь, чувствую и мыслю. Необходимо также, разсматривая себя такимъ, каковъ я есть, отбросить всѣ части или члены, образующіе машину человѣческаго тѣла, т. е. мыслить себя безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головы, словомъ, безъ тѣла. И правда, что то, что́ во мнѣ сомнѣвается, не есть то, что́ мы считаемъ за свое тѣло; слѣдовательно, правда, что я, поскольку сомнѣваюсь, не питаюсь, не хожу; ибо ни тотъ, ни другой изъ этихъ актовъ не могутъ происходить безъ тѣла. Больше того, я не могу даже утверждать, что я, поскольку сомнѣваюсь, могъ бы ощущать. Вѣдь, какъ ноги необходимы, чтобы ходить, такъ глаза необходимы, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать; но такъ какъ я не имѣю этихъ органовъ, ибо не имѣю тѣла, то я и не могу сказать, что ощущаю. Сверхъ того, когда то я предполагалъ, что ощущалъ многое, чего однако на яву я не ощущаю; и, такъ какъ я рѣшилъ не допускать здѣсь ничего, что́ не было бы истиною, не подлежащею сомнѣнію, я не могу сказать что я нѣчто ощущающее, т. е. такое существо, которое видитъ и слышитъ посредствомъ глазъ и ушей; вѣдь могло бы случиться, что я предположилъ себя чувствующимъ такимъ образомъ, хотя ни одинъ изъ этихъ актовъ не имѣлъ въ дѣйствительности мѣста.

Эвдоксъ:—Я не могу препятствовать вамъ настаивать на этомъ не только ради того, чтобы не отвлечь васъ отъ вашей дороги, но и чтобы ободрить васъ и испытать, чего можетъ достичь правильное чувство, будучи хорошо руководимо. И развѣ во всемъ, что вы стали говорить, есть нѣчто не точное, не правильно заключенное и не строго выведенное? И однако, всѣ эти слѣдствія выходили помимо формулы доказательствъ, помощью однихъ лучей разума и здраваго смысла; послѣдній менѣе подверженъ заблужденію, когда онъ дѣйствуетъ одинъ и самъ собою, чѣмъ когда онъ ищетъ истину съ безпокойствомъ соблюсти тысячу различныхъ правилъ, которыя изобрѣтены людскими ухищренностью и косностью скорѣе для разрушенія смысла, нежели для его улучшенія. Самъ Эпистемонъ, кажется, здѣсь нашего мнѣнія; его молчаніе даетъ понять, что онъ одобряетъ сказанное вами. Продолжайте-же Поліандръ и покажите ему, до какихъ поръ можетъ простираться здравый смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покажите слѣдствія, какія могутъ быть выведены изъ нашихъ началъ.

Поліандръ:—Изъ всѣхъ аттрибутовъ, какія я себѣ придалъ, остается испытать одинъ—мышленіе, и я нахожу, что только оно одно по природѣ неотдѣлимо отъ меня. Вѣдь, если вѣрно, что я сомнѣваюсь, ибо я не могу въ послѣднемъ сомнѣваться,—то одинаково вѣрно, что я мыслю. Что такое значитъ сомнѣваться, какъ не мыслить извѣстнымъ образомъ? И дѣйствительно если бы

я не мыслилъ, я не могъ бы знать, сомнѣваюсь, ли я, существую ли я. Стало быть я существую и знаю, что существую, и знаю это посредствомъ сомнѣнія, т. е. посредствомъ того, что я мыслю, и могло бы даже случиться, что если бы внезапно я пересталъ мыслить, я пересталъ бы въ то же время существовать. Значитъ, единственно, чего я не могу отдѣлить отъ себя, что я знаю съ достовѣрностью моего существованія и что я всегда могу утверждать безъ боязни ошибиться,—это то, что я—мыслящее существо.

Эвдоксъ:—Какъ вамъ нравится, Эпистемонъ, то, что говоритъ Поліандръ? Найдете-ли вы въ въ его разсужденіи что нибудь, что хромало бы или не было послѣдовательнымъ? Увѣритесь ли вы, что неначитанный и необученный человѣкъ станетъ разсуждать столь же правильно и во всемъ согласится съ нимъ? И отсюда, если я сужу правильно, вы необходимо должны видѣть, что пользуясь надлежащимъ образомъ своимъ сомнѣніемъ, можно извлечь изъ него очень достовѣрныя истины, даже наиболѣе достовѣрныя и полезныя, чѣмъ всѣ тѣ, какія мы обычно основываемъ на великомъ принципѣ, который мы дѣлаемъ началомъ всѣхъ знаній и центровъ, вокругъ коего они возводятся и смыкаются: *невозможно, чтобы одна и та же вещь вмѣстѣ была и не была*. Я можетъ быть найду случай показать вамъ его пользу; но чтобы не порывать нити разсужденій Поліандра, не станемъ отходить отъ нашего предмета. Спрашивайте-же, если вы имѣете что сказать или возразить.

Эпистемонъ:—Разъ вы меня вызываете и даже задѣваете, я хочу вамъ показать, что значитъ разгнѣванная логика, и въ то же время создать вамъ такія препятствія и трудности, что не только Поліандру но даже и вамъ съ трудомъ можно будетъ оттуда выпутаться. Итакъ, не будемъ уходить далеко, но задержимся лучше здѣсь и серьозно изслѣдуемъ начала, служащія вамъ основою, и ваши заключенія. Съ помощью истинной логики и вашихъ же началъ я вамъ покажу, что все сказанное Поліандромъ не покоится на законномъ основаніи и не заключаетъ ничего. Вы говорите, что существуете, что знаете о своемъ существованіи и знаете посредствомъ того, что сомнѣваетесь и мыслите. Но знаете ли вы, что значитъ сомнѣваться, что значитъ мыслить? И разъ вы не хотите допускать ничего, что не было бы вамъ достовѣрно и въ совершенствѣ извѣстно, то какъ вы можете удостовѣряться въ своемъ существованіи, опираясь на основанія столь темныя и, слѣдовательно, столь мало достовѣрныя? Необходимо чтобы вы сперва научили Поліандра, что такое сомнѣніе, мысль, существованіе, съ тѣмъ чтобы его разсужденіе пріобрѣло силу доказательства и чтобы онъ самъ могъ понять себя прежде, нежели пожелаетъ стать понятнымъ для другихъ.

Поліандръ:—Вотъ это превосходитъ мою понятливость; я признаю себя побѣжденнымъ, оставляя распутывать этотъ узелъ вамъ съ Эпистемономъ.

Эвдоксъ:—На этотъ разъ я возьмусь за дѣло охотно, но при условіи, что̀ вы будете судьей нашего спора; ибо я не рѣшаюсь предположить, что Эпистемонъ сдастся на мои доводы. Кто, какъ онъ, преисполненъ мнѣній и предубѣжденій, тотъ съ большимъ трудомъ довѣрится одному природному свѣту; уже давно, къ тому же, онъ привыкъ предпочтительнѣе подчиняться авторитету, нежели склонять ухо къ голосу собственнаго разума; онъ болѣе любитъ вопрошать другихъ, взвѣшивать произведенія древнихъ, чѣмъ совѣщаться съ самимъ собою о сужденіи, какое должно вынести. И даже съ дѣтства онъ взялъ за основаніе только то, что покоится на авторитетѣ его предшественниковъ; скорѣе свой авторитетъ онъ сочтетъ за доводъ, и захочетъ, чтобы ему платили ту же дань, какую платилъ нѣкогда и онъ. Но я соглашаюсь и думаю въ изобиліи удовлетворить возраженіямъ, какія предложилъ вамъ Эпистемонъ, если вы дадите ваше согласіе на то, что я скажу, и если вашъ разсудокъ въ томъ васъ убѣдитъ.

Эпистемонъ:—Я не настолько упрямъ и не настолько тупъ для убѣжденія, какъ вы думаете, и очень охотно позволю удовлетворить себя. Болѣе того, хотя я приводилъ основанія, чтобы вызвать Поліандра, я не желалъ бы ничего лучшаго, какъ довѣрить вашему суду нашу тяжбу; я вамъ позволяю даже признать меня побѣжденнымъ, какъ скоро онъ протянетъ вамъ руку? Но пусть онъ опасается пострадать отъ обмана и впасть въ ошибку, въ которой упрекалъ другихъ, т. е. пусть то уваженіе, какое онъ къ вамъ питаетъ, онъ не принимаетъ за убѣдительный для себя доводъ.

Эвдоксъ:—Если онъ опирается на столь слабое основаніе, то дѣйствительно онъ плохо разумѣетъ свои интересы и я тотчасъ отвѣчу: пусть онъ этого остерегается. Но достаточно отступленій; вернемся къ нашему предмету. Я согласенъ съ вами Эпистемонъ, что должно знать, что̀ такое сомнѣніе, мысль, существованіе, прежде чѣмъ полностью убѣждать въ истинѣ разсужденія: *я сомнѣваюсь, слѣдовательно существую*, или, что то же: *я мыслю, слѣдовательно существую.* Но не станете же вы воображать, будто для пріобрѣтенія этихъ предварительныхъ понятій необходимо принуждать и мучить нашъ умъ, чтобы находить ближайшій родъ и существенное различіе вещей и

изъ этихъ элементовъ составлять истинное опредѣленіе. Оставимъ это тому, кто хочетъ быть профессоромъ или вести школьные диспуты. Но кто желаетъ испытывать вещи сами по себѣ и судить о нихъ согласно тому, что онъ о нихъ знаетъ, тотъ не можетъ быть столь ограниченнымъ, чтобы, всякій разъ какъ онъ внимательно обратится къ вещамъ, не познавать, что̀ такое сомнѣніе, мысль, существованіе, и чтобы ему была необходимость изучать логическія различія. Сверхъ того, есть много вещей, которыя мы дѣлаемъ болѣе темными, желая ихъ опредѣлить, ибо, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной простоты и ясности, намъ невозможно постигать ихъ лучше, чѣмъ самихъ по себѣ. Больше того, къ числу величайшихъ ошибокъ, какія можно допустить въ наукахъ, слѣдуетъ причислить, быть можетъ, ошибку тѣхъ, кто хочетъ опредѣлять то, что должно только просто знать, и кто не можетъ ни отличить яснаго отъ темнаго, ни того, что̀ въ цѣляхъ познанія требуетъ и заслуживаетъ опредѣленія отъ того, что̀ отлично можетъ быть познано само по себѣ. И вотъ къ числу вещей столь ясныхъ, что онѣ познаются сами по себѣ, можно отнести сомнѣніе, мысль и существованіе. Я не представляю себѣ человѣка столь тупого, чтобы его нужно было учить тому, что̀ такое существованіе, прежде чѣмъ онъ сможетъ заключить и утверждать, что онъ существуетъ. То же самое относительно сомнѣнія и мышленія. Я прибавлю даже, что невозможно изучать эти вещи иначе какъ на самомъ себѣ и быть убѣждену иначе, чѣмъ собственнымъ опытомъ и тѣмъ сознаніемъ или внутреннимъ свидѣтельствомъ, которое каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ, когда онъ дѣлаетъ какое либо наблюденіе; подобно тому, какъ было бы безполезно опредѣлять, что̀ такое бѣлизна, чтобы сдѣлать ее понятною слѣпому, тогда какъ для познанія ея намъ достаточно открыть глаза и увидѣть бѣлое, такъ же точно, чтобы знать, что такое сомнѣніе и мышленіе, достаточно сомнѣваться и мыслить. Это насъ научаетъ всему, что̀ мы можемъ знать въ этомъ отношеніи и даже говоритъ намъ больше, чѣмъ наиболѣе тонкія опредѣленія. И дѣйствительно, Поліандръ долженъ былъ знать эти вещи прежде, чѣмъ смогъ вывести оттуда формулированныя имъ заключенія. Наконецъ, такъ какъ мы его выбрали судьею, спросимъ его, не оставалось ли ему когда либо неизвѣстнымъ, что̀ онъ такое былъ и что̀ есть.

Поліандръ:—Признаюсь, я съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ ваши разсужденія о томъ, чему я не могу быть наученъ помимо самого себя; и не безъ радости, въ этомъ по крайней мѣрѣ случаѣ, я вижу, что мнѣ должно признать себя за вашего наставника, а васъ за моихъ учениковъ. Вотъ почему, чтобы извлечь васъ изъ стѣсненія и разрѣшить наскоро ваши затрудненія („наскоро“ говорятъ относительно чего либо когда оно случается вопреки надеждѣ и вниманію), я могу предъ вами удостовѣрить что я никогда не сомнѣвался въ томъ. что такое сомнѣніе, хотя я и началъ его постигать или скорѣе размышлять надъ нимъ только тогда, когда Эпистемонъ пожелалъ подвергнуть его сомнѣнію. Какъ только вы показали мнѣ незначительность достовѣрности, какою мы обладаемъ относительно существованія вещей, познаваемыхъ нами только помощью чувствъ, я сталъ въ этихъ вещахъ сомнѣваться, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать мнѣ извѣстнымъ одновременно и мое сомнѣніе и достовѣрность этого сомнѣнія. Я могу утверждать, что я началъ себя познавать, лишь только началъ сомнѣваться; но мое сомнѣніе и моя увѣренность относятся не къ однимъ и тѣмъ же предметамъ. Мое сомнѣніе прилагается исключительно къ вещамъ существующимъ внѣ меня, а моя увѣренность относится къ моему сомнѣнію и къ самому мнѣ. Эвдоксъ имѣлъ основаніе сказать, что существуютъ вещи, которыя мы можемъ изучить, лишь видя ихъ. Такъ же, чтобы понять, что́ такое сомнѣніе, что́ такое мышленіе, должно только сомнѣваться и мыслить самому. Подобно же и съ существованіемъ. Должно только знать. что разумѣютъ подъ этимъ словомъ; и вмѣстѣ мы узнаемъ, что́ это за вещь и насколько ее можно познавать, и для этого нѣтъ необходимости въ опредѣленіяхъ; они скорѣе затемняютъ вещь, нежели освѣщаютъ ее.

Эпистемонъ:—Разъ Поліандръ удовлетворенъ, я успокаиваюсь и не продолжаю спора; однако я не вижу, чтобы мы ушли много впередъ за два часа, въ теченіе которыхъ разсуждаемъ. Все, что познано помощью этого прекраснаго метода, который вы столь превозносите, это то, что Поліандръ сомнѣвается, мыслитъ и есть мыслящая вещь. Поистинѣ удивительное открытіе! Такъ много словъ—такъ мало дѣла. Это можно бы было выразить въ четырехъ словахъ и мы всѣ согласились бы другъ съ другомъ. Что до меня, если бы мнѣ нужно было истратить столько словъ и времени на изученіе вещи столь незначительнаго интереса, я постарался бы сложить съ себя этотъ трудъ. Наши учителя говорятъ намъ бо́льшее и гораздо смѣлѣе; ихъ ничто не удерживаетъ, они берутся за все и говорятъ обо всемъ; ничто не отвращаетъ ихъ отъ ихъ цѣли и не повергаетъ въ изумленіе. И хотя, случается, что они видятъ себя прижатыми, однако двусмысленность или tò distinquo выводитъ ихъ изъ стѣсненія. Будьте увѣрены, что ихъ методъ всегда окажется

предпочтенъ вашему, сомнѣвающемуся во всемъ и настолько боящемуся споткнуться, что безъ конца топчась, онъ никогда не подвинется впередъ.

Эвдоксъ:—Я никогда не имѣлъ намѣренія предписывать кому либо методъ, которому должно слѣдовать въ разысканіи истины; я только хотѣлъ изложить тотъ, которому я самъ слѣдовалъ, съ тѣмъ, чтобы, если его признаютъ дурнымъ, бросили его, а если напротивъ признаютъ полезнымъ, пользовались бы имъ. Затѣмъ, я предоставляю каждому полную свободу принять или отбросить его. Если же теперь скажутъ, что онъ меня почти не подвинулъ впередъ, то объ этомъ надо судить путемъ опыта; я увѣренъ, лишь бы вы продолжали удѣлять мнѣ ваше вниманіе, вы сами признались бы, что мы не можемъ быть достаточно предусмотрительны въ установленіи принциповъ и что разъ принципы основательно заложены, мы можемъ провести слѣдствія дальше и вывести ихъ легче, чѣмъ мы рѣшились предложить ихъ. Такъ, я думаю, всѣ ошибки, случающіяся въ наукахъ, происходятъ отъ того, что мы въ началѣ судили съ излишнею поспѣшностью, принимая за принципы вещи темныя, о которыхъ у насъ не имѣлось никакого яснаго и отчетливаго понятія. Что свидѣтельствуетъ за истинность такого утвержденія — это нѣкоторый прогрессъ, сдѣланный нами въ наукахъ съ достовѣрными и общеизвѣстными принципами; тогда какъ въ тѣхъ наукахъ, гдѣ принципы темны и недостовѣрны, тѣ, кто хочетъ быть искреннимъ, принуждены признать, что потративъ много времени и прочитавъ много томовъ, они убѣдились, что ничего не знаютъ и ничего не изучили. Не удивляйтесь же, дорогой Эпистемонъ, если желая вести Поліандра по пути болѣе надежному, чѣмъ тотъ, которому обучали меня, я суровъ до крайности, принимая за истинное только то, достовѣрность чего равна достовѣрности моего существованія, моей мысли и того, что я мыслящая вещь.

Эпистемонъ:—Вы мнѣ кажетесь похожимъ на тѣхъ акробатовъ, которые всегда падаютъ на ноги; *) вы все возвращаетесь къ своему принципу; если вы станете продолжать такимъ образомъ, вы не пойдете ни далеко, ни быстро. Какъ, въ концѣ концовъ, мы найдемъ истины, въ которыхъ могли бы быть увѣрены столь же какъ въ нашемъ существованіи?

Эвдоксъ:—Это не столь трудно, какъ вы полагаете, ибо всѣ истины слѣдуютъ одна изъ другой и связаны между собою единою связью. Весь секретъ состоитъ въ томъ, чтобы начать съ простѣйшихъ изъ нихъ и такъ подниматься мало по малу и какъ бы по ступенямъ до истинъ наиболѣе далекихъ и сложныхъ. Такъ, кто усумнится, что поставленное мною какъ принципъ не есть первая изъ всѣхъ вещей, какія мы можемъ познать съ любымъ методомъ? Очевидно, наконецъ, что мы не можемъ сомнѣваться въ немъ, хотя бы мы сомнѣвались въ истинности всего существующаго въ мірѣ. Стало быть, послѣ того, какъ мы удостовѣрились, что хорошо начали, чтобы намъ не заблудиться, надлежитъ не допускать за истинное все, что подвержено хоть малѣйшему сомнѣнію. А въ концѣ концовъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, оставить говорить одного Поліандра. Такъ какъ онъ не знаетъ иного наставника, кромѣ здраваго смысла и такъ какъ его разумъ не испорченъ никакими предразсудками, то для него почти невозможно ошибиться или по крайней мѣрѣ онъ быстро замѣтитъ ошибку и безъ труда возвратится на правильную дорогу. Итакъ, послушаемъ его рѣчь и предоставимъ ему излагать то, что онъ воспринимаетъ, какъ содержащееся въ вашемъ принципѣ.

---

*) Позднѣе этимъ сравненіемъ воспользовался Мальбраншъ въ трактатѣ „О разысканіи истины“ (часть 3, гл. IV).

Примѣчаніе переводчика.

Поліандръ:—Столь многое содержится въ идеѣ, представляющей мыслящее существо, что потребовался бы цѣлый день развить это. Но теперь мы только трактуемъ о главнѣйшемъ, о томъ, что служитъ уясненію понятія этого существа и отличаетъ послѣднее отъ всего того, что не имѣетъ къ нему отношенія. Я разумѣю подъ мыслящимъ существомъ....

Страсти души.

Часть первая.

О страстяхъ вообще и попутно обо всей природѣ человѣка въ цѣломъ.

1. *Страсть по отношенію къ субъекту всегда есть дѣйствіе въ какомъ либо отношеніи.*

Нигдѣ такъ ясно не обнаружился недостатокъ знаній, унаслѣдованныхъ нами отъ древности, какъ въ томъ, что было писано о страстяхъ. И хотя познанія этого предмета очень усиленно добивались, и онъ не представляется особенно труднымъ, такъ какъ каждому изъ насъ, испытывая страсти на себѣ, нѣтъ необходимости заимствовать откуда либо наблюденій, чтобы открыть ихъ природу,—тѣмъ не менѣе то, чему научили насъ древніе, такъ незначительно и въ большей части такъ мало вѣроятно, что я не имѣю надежды приблизиться къ истинѣ иначе, какъ удаляясь отъ путей, которымъ они слѣдовали. Потому то я и буду вынужденъ писать здѣсь, какъ бы трактуя о предметѣ, никѣмъ еще до меня не затронутомъ. Для начала я принимаю во вниманіе, что все совершающееся или вновь случающееся вообще именовалось философами страстью по отношенію къ субъекту, который нѣчто испытываетъ, и дѣйствіемъ—по отношенію къ тому, кто дѣлаетъ такъ, что нѣчто случается; въ силу того, что дѣйствующій и страдающій часто совершенно различны, дѣйствіе и страданіе не остаются однимъ и тѣмъ же предметомъ, имѣющимъ два различныхъ наименованія, смотря по субъектамъ, къ которымъ ихъ можно отнести.

2. *Чтобы познать страсти души, должно отличать функціи послѣдней отъ функцій тѣла.*

Затѣмъ я обращаю также вниманіе на то, что мы не замѣчаемъ присутствія какого либо предмета, который болѣе непосредственно воздѣйствовалъ бы на душу, чѣмъ тѣло, съ которымъ душа связана; а слѣдовательно, мы должны мыслить такъ: что для души является страданьемъ, для тѣла вообще будетъ дѣйствіемъ. Нѣтъ лучшаго пути къ познанію нашихъ страстей, какъ изслѣдовать различіе между душею и тѣломъ, чтобы узнать, къ чему изъ этихъ двухъ должно отнести каждую изъ нашихъ функцій.

3. *Какому правилу должно слѣдовать для этой цѣли.*

Въ этомъ не окажется большихъ трудностей, если быть осторожнымъ: все, что мы испытываемъ въ самихъ себѣ, допуская при этомъ возможность существованія того же самаго въ тѣлахъ, совершенно неодушевленныхъ, должно приписывать нашему тѣлу; наоборотъ, все имѣющееся въ насъ и никоимъ образомъ не относимое къ тѣлу, должно приписывать нашей душѣ.

4. *Теплота и движеніе возникаютъ въ тѣлѣ; мысли— въ душѣ.*

Такъ, въ силу того, что для насъ непостижимо, чтобы тѣло какимъ бы то ни было образомъ мыслило, мы имѣемъ основаніе думать, что всѣ виды нашихъ мыслей относятся къ душѣ. По той причинѣ, что мы не сомнѣваемся въ наличности одушевленныхъ тѣлъ, которыя могутъ двигаться подобно нашимъ тѣламъ и даже еще разнообразнѣе и имѣютъ столько же и болѣе теплоты, — мы принуждены полагать, что всякая теплота и всѣ наши движенія, поскольку они не зависятъ отъ мысли, принадлежатъ именно тѣлу.

5. *Ошибочно полагать, что душа даетъ тѣлу движеніе и теплоту.*

Благодаря этому мы избѣгнемъ очень важной ошибки, въ которую впали многіе; я даже думаю, что ошибка эта — первая причина, препятствующая хорошо изложить ученіе о страстяхъ и прочее касательно души. Ошибка состоитъ въ томъ, что видя всѣ мертвыя тѣла лишенными теплоты и движенія, воображаютъ, будто отсутствіе души и уничтожило эти движенія и теплоту; наконецъ, безъ основанія вѣрятъ, что наша природная теплота и всѣ движенія нашего тѣла зависятъ отъ души, тогда какъ, напротивъ, надо думать, что въ случаѣ смерти душа удаляется не иначе какъ по причинѣ уничтоженія теплоты и разрушенія органовъ, служащихъ движенію тѣла.

6. *Какое различіе существуетъ между живымъ и мертвымъ тѣломъ.*

Дабы избѣгнуть подобной ошибки, замѣтимъ, что смерть никогда не наступаетъ по винѣ души, но исключительно потому, что разрушилось какая либо изъ главныхъ частей тѣла; и мы разсудимъ такъ: тѣло живого человѣка отличается отъ такого же тѣла мертвеца, какъ часы или другой автоматъ, когда они, будучи заведены, имѣютъ матеріальный принципъ соотвѣтствующаго движенія и все то, что требуется для движенія,— и тѣ же часы или иной механизмъ, когда они распались и начало ихъ движенія отказывается служить.

7. *Краткое описаніе частей тѣла и нѣкоторыхъ изъ ихъ функцій*[1].

Чтобы сдѣлать это болѣе понятнымъ, я въ немногихъ словахъ изложу устройство машины нашего тѣла. Едва ли кто сомнѣвается, что у насъ есть мозгъ, сердце, желудокъ, мускулы, нервы, артеріи, вены и т. п.; извѣстно также, что пища переходитъ въ желудокъ и кишки, откуда ихъ сокъ направляется въ печень и вены и смѣшивается съ кровью, содержащейся въ послѣднихъ; благодаря этому увеличивается количество крови. Тѣ, кто хоть немного знакомъ съ медициной, знаютъ кромѣ того, какъ устроено сердце и какъ вся венозная кровь свободно можетъ проходить по полой венѣ въ правую половину сердца, откуда можетъ пройти въ легкія черезъ сосудъ, называемый артеріальной веной, затѣмъ возвратиться чрезъ легкія въ лѣвую половину сердца по венозной артеріи и, наконецъ, направиться въ большую артерію, вѣтви которой расходятся по всему тѣлу. Всѣ, кого не ослѣпилъ окончательно авторитетъ древнихъ, и кто имѣетъ достаточно желанія открыть глаза, чтобы обсудить мнѣніе Гарвея касательно кровообращенія, не сомнѣваются болѣе въ томъ, что вены и артеріи тѣла — ни что иное какъ каналы, по которымъ стремительно и безпрерывно течетъ кровь, беря свое направленіе изъ правой полости сердца чрезъ артеріальную вену, вѣтви которой раскинуты на всѣ легкія и связаны съ вѣтвями венозной артеріи; по послѣдней кровь проходитъ черезъ легкія въ лѣвую половину сердца, затѣмъ оттудо идетъ въ большую артерію, вѣтви которой, раскинутыя по всему остальному тѣлу, соединены съ вѣтвями вены, относящими ту же самую кровь обратно въ правую полость сердца; обѣ эти полости кажутся какъ бы шлюзами: чрезъ каждую изъ нихъ проходитъ вся кровь при каждомъ кругооборотѣ. Кромѣ того извѣстно, что всѣ движенія членовъ человѣческаго тѣла зависятъ отъ мускуловъ; эти послѣдніе противустоятъ другъ другу такимъ образомъ, что когда одинъ изъ нихъ сокращается, онъ влечетъ за собою часть тѣла, къ которой прилегаетъ, а это одновременно удлинняетъ противоположный мускулъ; затѣмъ, въ тотъ моментъ, когда послѣдній сокращается, первый мускулъ удлинняется, увлекая за собой соотвѣтственную часть тѣла. Наконецъ, думаютъ, что всѣ движенія мускуловъ, какъ и всѣ чувства, зависятъ отъ нервовъ, маленькихъ нитей или трубочекъ, проникающихъ въ мозгъ и содержащихъ, подобно мозгу, извѣстныя легкія воздушныя частицы, очень тонкія, именуемыя „животными духами“ (esprits animaux) [1].

---

[1] Въ дальнѣйшихъ параграфахъ Декартъ даетъ бывшее по тому времени новинкой описаніе кровообращенія, открытаго въ 1619 г. Вильямомъ Гарвеемъ. Описаніе Декарта весьма схематично и обще. Читатель, которому интересно сравнить картину физіологическихъ знаній XVII столѣтія съ данными современной науки, можетъ прибѣгнуть къ достаточно отчетливымъ и популярнымъ очеркамъ кровообращенія въ учебникахъ физіологіи человѣка Л. Ландуа (Харьковъ. 1886 г., стр. 84—224) и Фредерика и Нюэля (СПБ. 1897 г. стр. 104—178).

Прим. переводчика.

8. *Каковъ принципъ всѣхъ ихъ функцій.*

Вообще, однако, не знаютъ, какимъ образомъ эти „духи“ и нервы способствуютъ движеніямъ и чувствамъ, не знаютъ и

того, каковъ принципъ, приводящій „духи“ въ дѣйствіе; вотъ почему, — этого я уже касался въ нѣкоторыхъ другихъ работахъ [1], — я долженъ коротенько замѣтить, что за время нашей жизни въ нашемъ сердцѣ постоянно присутствуетъ теплота — видъ пламени — и поддерживаетъ тамъ венозную кровь; это пламя и является матеріальнымъ принципомъ движенія нашихъ членовъ.

9. *Какъ совершается біеніе сердца.*

Первымъ дѣйствіемъ этой теплоты является разрѣженіе крови, наполняющей полости сердца; вотъ причина, почему кровь, имѣя потребность занять большее пространство, стремительно проходитъ изъ правой полости сердца въ артеріальную вену, а изъ лѣвой въ большую артерію; затѣмъ, по прекращеніи этого расширенія, не содержа новыхъ элементовъ, кровь входитъ изъ полой вены въ правый мѣшочекъ сердца, а изъ венозной артеріи въ лѣвый; существуютъ маленькія перепонки при входахъ въ эти четыре сосуда сердца, такъ расположенныя, что кровь не можетъ войти въ сердце иначе какъ по двумъ изъ этихъ сосудовъ, ни выйти, кромѣ какъ черезъ два другихъ. Новая кровь, проникая въ сердце, неудержимо разрѣжается тамъ подобно предыдущей; въ этомъ-то и состоитъ пульсъ и біеніе сердца и артерій; повторяется оно каждый разъ, какъ въ сердце входитъ новая кровь. Единственно это даетъ крови движеніе и вызываетъ безпрерывное и оживленное ея теченіе по всѣмъ артеріямъ и венамъ; благодаря этому кровь разноситъ теплоту, пріобрѣтаемую въ сердцѣ, во всѣ остальныя части тѣла и служитъ ихъ пищею.

10. *Какъ образуются въ мозгу „животные духи“.*

Но здѣсь особенно важно то, что всѣ наиболѣе подвижныя и тонкія частицы крови, разрѣжаемыя въ сердцѣ, входятъ безъ сомнѣнія въ значительномъ количествѣ въ полости мозга. Преимущественно присутствуютъ тамъ частицы крови въ силу того, что вся кровь, направляясь отъ сердца по большой артеріи, идетъ вправо къ мозгу, не имѣя возможности цѣликомъ проникнуть въ послѣдній, въ силу крайней узости проходовъ: только самая подвижныя и тонкія частицы крови проникають туда, въ то время какъ остальная масса ихъ расходится по другимъ частямъ тѣла. Эти-то тончайшія частицы образуютъ собою „животные духи“; и имъ нѣтъ въ данномъ случаѣ необходимости претерпѣвать въ мозгу какія либо измѣненія, разъ они тамъ отдѣлены отъ прочихъ тонкихъ частицъ; такимъ образомъ то, что я именую здѣсь „духами“, суть ни что иное, какъ тѣла, не имѣющія никакихъ особенныхъ свойствъ, кромѣ незначительности размѣровъ и крайней быстроты движенія, напоминающихъ пламя свѣчи; такимъ образомъ они не задерживаются на одномъ мѣстѣ и по мѣрѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ входятъ въ полости мозга, другіе выходятъ черезъ поры мозгового вещества; эти поры проводятъ „духи“ въ нервы, а оттуда въ мускулы, посредствомъ которыхъ они приводятъ тѣло въ движеніе самымъ различнымъ способомъ.

---

[1] Мы сохраняемъ дословный переводъ причудливаго названія, даннаго Декартомъ тѣмъ матеріальнымъ единицамъ, динамикой которыхъ философъ пытался разъяснить все разнообразіе ощущеній и чувствъ. Нетрудно замѣтить, что рѣшительный въ области мысли Декартъ доводитъ здѣсь до *nec plus ultra* крайности матеріалистическаго міровоззрѣнія при попыткѣ механически истолковать душевную жизнь. *Прим. переводчика.*

[1] Въ „Разсужденіи о методѣ“ и въ „Діоптрикѣ“. *Прим. переводчика.*

11. *Какъ совершаются движенія мускуловъ.*

Единственная, какъ уже сказано, причина движеній нашего тѣла—удлиненіе опредѣленныхъ мускуловъ и сокращеніе мускуловъ противулежащихъ. Единственная причина, что какой либо изъ мускуловъ сокращается больше, чѣмъ противулежащій, та, что къ первому направляется большее количество мозговыхъ „духовъ“, нежели ко второму. „Духи“, приходящіе непосредственно отъ мозга, не только движутъ данныя части тѣла, но они вынуждаютъ „духовъ“, находящихся въ одномъ изъ мускуловъ, быстро покинуть послѣдній и перейти въ другой; благодаря этому тотъ мускулъ, оттуда „духи“ вышли, становится болѣе вытянутымъ и слабымъ, а другой, куда „духи“ перешли, будучи раздутъ ими, сокращается и увлекаетъ за собою часть тѣла, съ которой онъ связанъ. Это легко понять, зная, что тамъ очень мало „духовъ“, безпрерывно идущихъ отъ мозга къ каждому мускулу, но всегда имѣется извѣстное количество другихъ, быстро движущихся въ самомъ мускулѣ, иногда вращающихся только по тому мѣсту, гдѣ они находятся, если для „духовъ“ совершенно нѣтъ выходовъ, а иногда уходящихъ въ противоположный мускулъ. Существуютъ небольшія отверстія въ каждомъ изъ мускуловъ, какимъ путемъ „духи“ и могутъ перейти въ другой мускулъ; эти отверстія расположены такъ, что когда „духи“, направляющіеся отъ мозга къ тому иль другому мускулу, обнаруживаютъ болѣе силы, чѣмъ прочіе, то они открываютъ всѣ входы, по которымъ „духи“ другого мускула могутъ перейти въ этотъ, и одновременно закрываютъ всѣ тѣ

проходы, чрезъ которые „духи“ послѣдняго могутъ перейти въ первый мускулъ; благодаря этому всѣ „духи“, заключенные ранѣе въ двухъ данныхъ мускулахъ, соединяются въ одномъ изъ нихъ, вздуваютъ и сокращаютъ послѣдній, въ то время какъ другой мускулъ вытягивается и ослабѣваетъ.

12. *Какъ внѣшнія вещи дѣйствуютъ на органы чувствъ.*

Остается узнать здѣсь причины, почему „духи“ проходятъ отъ мозга къ мускуламъ не всегда одинаковымъ образомъ, и,—какъ это иногда случается,—къ однимъ болѣе, нежели къ другимъ. Кромѣ дѣйствія души, которое несомнѣнно обнаруживается въ насъ (объ этомъ будетъ сказано ниже), какъ одна изъ такихъ причинъ, существуютъ еще двѣ другія причины, зависящія только отъ тѣла; ихъ необходимо отмѣтить. Первая изъ нихъ состоитъ въ различіи движеній, возбужденныхъ въ органѣ чувствъ ихъ объектами, что я обстоятельно излагалъ еще въ „Діоптрикѣ“. Но, чтобы не было надобности тѣмъ, кто увидитъ настоящее произведеніе, читать другіе мои труды, я повторяю: существуютъ три вещи въ нервахъ; это, именно, ядро или внутреннее вещество, которое распространяется въ формѣ маленькихъ нитей отъ мозга, гдѣ оно беретъ свое начало, до оконечностей прочихъ частей тѣла, съ которыми эти нити связаны; далѣе, оболочки окружающія нити (будучи смежны съ тѣми, которыя облегаютъ мозгъ, онѣ образуютъ небольшія трубочки, гдѣ замкнуты миніатюрныя нити); наконецъ, „животные духи“: они, будучи относимы по указаннымъ трубочкамъ отъ мозга къ мускуламъ, являются причиною того, что эти трубочки остаются свободными и просторными настолько, что небольшая вещь, двигающая часть тѣла или конечность какой либо изъ послѣднихъ, тѣмъ самымъ двигаетъ соотвѣтствующую часть мозга, подобно тому какъ движеніе одного конца веревки заставляетъ двигаться другой конецъ.

13. *Это дѣйствіе внѣшнихъ вещей можетъ различно направлять „духовъ“ въ мускулы.*

Я излагалъ въ „Діоптрикѣ“, какъ всѣ видимыя вещи сообщаются съ нами только путемъ мѣстныхъ движеній: именно, при посредствѣ прозрачныхъ тѣлецъ, находящихся между предметами и нами, маленькихъ нитей оптическихъ нервовъ въ глубинѣ нашихъ глазъ и, наконецъ, тѣхъ частей мозга, откуда идутъ эти нервы; онѣ движутъ ихъ такимъ образомъ, что мы можемъ видѣть различіе между вещами; и это происходитъ не отъ непосредственныхъ движеній нашихъ глазъ, но отъ движеній въ нашемъ мозгу, представляющемъ душѣ эти предметы. Легко, напримѣръ, понять, что звуки, запахи, вкусы, ощущенія тѣла, боль, голодъ, жажда и вообще всѣ предметы какъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и внутреннихъ желаній возбуждаютъ въ нашихъ нервахъ извѣстное движеніе, проходящее помощью нервовъ до самаго мозга; и помимо того, что эти движенія открываютъ нашей душѣ различныя чувства, они могутъ также быть причиною того, что „духи“ берутъ направленіе къ извѣстнымъ мускуламъ преимущественно передъ остальными и даже движутъ члены нашего тѣла, какъ я удостовѣрю это сейчасъ примѣромъ. Если кто либо быстро выдвинетъ руку передъ нашими глазами, собираясь какъ бы ударить насъ, то, хотя бы мы и знали, что онъ—нашъ другъ и дѣлаетъ это только въ шутку, что онъ далекъ отъ мысли причинить намъ зло, мы, однако, спѣшимъ закрыть глаза. Это показываетъ, что глаза закрываются отнюдь не при участіи души, такъ какъ это происходитъ противъ нашей воли, которая является если не единственнымъ, то важнѣйшимъ проявленіемъ нашей души; это происходитъ отъ того устройства машины нашего тѣла, благодаря которому движеніе руки передъ глазами возбуждаетъ другое движеніе въ нашемъ мозгу, и мозгъ направляетъ „духи“ въ мускулы, опускающіе глазные вѣки.

14. *Различіе между „духами“ также можетъ разнообразить ихъ теченіе.*

Другая причина, способствующая различіямъ въ направленіи „духовъ“ къ мускуламъ есть неравная дѣятельность этихъ „духовъ“ и различіе ихъ частицъ. Когда нѣкоторыя изъ этихъ частицъ значительнѣе и оживленнѣе другихъ, то онѣ раньше проходятъ по прямой линіи въ углубленія и поры мозга и посредствомъ этого направляются къ тѣмъ мускуламъ, гдѣ ихъ не оказалось бы, будь они менѣе крѣпки.

15. *Каковы причины ихъ различія.*

И это неравенство можетъ происходить отъ различія веществъ, изъ которыхъ „духи“ составлены“; это и видно на лицахъ, пьющихъ много вина: винные пары, быстро проникая въ кровь, поднимаются отъ сердца къ мозгу, гдѣ обращаются въ „духи“, и послѣдніе будучи болѣе сильны и обильны, чѣмъ обычно, способны двигать тѣло самымъ причудливымъ образомъ. Такое же неравенство „духовъ“ можетъ происходить отъ различныхъ состояній сердца, печени, желудка, селезенки и прочихъ органовъ, которые способствуютъ воспроизведенію „духовъ“. Здѣсь, прежде всего нужно отмѣтить маленькіе нервы, разсѣянные въ сердцѣ; они служатъ расширенію и суженію сердца, благодаря чему кровь, расширяясь тамъ въ большей или меньшей степени, производитъ „духовъ“ неравной живости. Нужно также отмѣтить, что хотя кровь, при входѣ въ сердце, идетъ оттуда во всѣ прочія части тѣла, однако она доходитъ до однѣхъ изъ нихъ успѣшнѣе, нежели до другихъ, по той причинѣ, что нервы и мускулы, относящіеся къ этимъ частямъ организма, особенно давятъ и воздѣйствуютъ на нее и что сообразно различію мѣстъ, откуда кровь по преимуществу идетъ, она различно расширяется въ сердцѣ и производитъ „духи“ неодинаковыхъ свойствъ. Такъ, напримѣръ, та кровь, которая идетъ отъ нижней части печени, гдѣ находится желчь, расширяется совсѣмъ иначе, чѣмъ кровь, идущая отъ селезенки, а эта совсѣмъ не такъ, какъ та кровь, которая направляется отъ венъ ногъ и рукъ; послѣдняя же совершенно отлична отъ желудочнаго сока, быстро проходящаго изъ желудка и кишокъ черезъ печень къ сердцу.

16. *Какъ всѣ члены тѣла могутъ быть приводимы въ движеніе объектомъ чувствъ и „духами“ безъ помощи души.*

Механизмъ нашего тѣла устроенъ, нужно замѣтить, такъ, что при измѣненіяхъ въ движеніи „духовъ“ могутъ открываться однѣ поры мозга скорѣе, чѣмъ другія; и обратно, когда нѣкоторыя изъ этихъ поръ открыты болѣе или менѣе обычнаго посредствомъ нервовъ, служащихъ чувствамъ то это извѣстнымъ образомъ измѣняетъ движеніе „духовъ“ и они идутъ въ мускулы, служащіе движеніямъ тѣла, а послѣднее приводится въ движеніе такъ, какъ оно обычно движется при подобномъ дѣйствіи; слѣдовательно, всѣ движенія, производимыя безъ участія нашей воли (какъ это часто происходитъ, когда мы дышимъ, ходимъ, ѣдимъ и вообще производимъ всѣ отправленія, общія намъ съ животными), зависятъ исключительно отъ сложенія нашихъ органовъ и направленія, по которому „духи“, образуемые теплотою сердца, естественно слѣдуютъ въ мозгъ, нервы и мускулы, такимъ же образомъ какъ движеніе часовъ возникаетъ силою одной пружины и благодаря фигурѣ колесъ.

17. *Каковы функціи души.*

Установивъ всѣ функціи, отнясящіяся исключительно къ тѣлу, легко понять, что въ насъ не остается больше ничего, что должно бы приписывать нашей душѣ, кромѣ мыслей; мысли преимущественно двухъ родовъ, именно: однѣ — дѣйствія души, другія—страсти послѣдней. Дѣйствіями нашей души я называю всѣ желанія, такъ какъ мы по опыту знаемъ, что онѣ исходятъ непосредственно отъ нашей души и кажутся зависящими только отъ нея; наоборотъ, страстями можно вообще назвать всѣ роды перцепцій или знаній, находящихся у насъ, ибо часто не наша собственная душа дѣлаетъ страсти тѣмъ, что онѣ есть; она всегда получаетъ ихъ отъ вещей, представляемыхъ съ помощью тѣхъ же страстей.

18. *Желаніе.*

Желанія наши—двухъ родовъ: одни являются дѣйствіями души и заканчиваются въ самой душѣ, когда, напримѣръ, мы желаемъ любить Бога или вообще устремляемъ мысль на совершенно нематеріальный предметъ; другія — суть дѣйствія, оканчивающіяся въ нашемъ тѣлѣ, когда изъ нашего желанія прогуляться слѣдуетъ, что ноги двигаются и мы шагаемъ.

и переходящ. в движен. тела

19. *Воспріятіе.*

Воспріятія наши опять таки двоякаго рода и одни имѣютъ причиною душу, а другія тѣло. Имѣющія причиною душу— это воспріятія нашихъ желаній, воображенія и прочихъ родовъ мыслей, зависящихъ отъ души; вѣдь достовѣрно, что мы не могли бы желать никакой вещи безъ того, чтобы не представлять ее себѣ посредствомъ того, что мы ее именно желаемъ; и хотя по отношенію къ нашей душѣ это составитъ актъ желанія какой либо вещи, однако можно сказать, что именно въ душѣ имѣется страдательное начало, состоящее въ воспріятіи чего либо, желаемаго душою; однако въ виду того, что это воспріятіе и это желаніе въ концѣ концовъ какъ бы одно и то же, наименованіе переходитъ въ сторону особенно важнаго; а потому и установился обычай называть такое воспріятіе не страстью, а лишь дѣйствіемъ.

20. *Вымыслы и иныя мысли, образуемыя душою.*

Когда наша душа пытается представить что нибудь несуществующее, воздушные замки или химеру, а также когда она обсуждаетъ что либо исключительно умопостигаемое, а отнюдь не то, что можно вообразить, напримѣръ, свою собственную природу, то подобныя воспріятія этихъ вещей зависятъ исключительно отъ воли, представляющей ихъ; поэтому и имѣютъ обыкновеніе считать ихъ скорѣе дѣйствіями, а не страстями.

21. *Мечты, имѣющія причиною только тѣло.*

Между воспріятіями, обусловливаемыми тѣломъ, большинство зависитъ отъ нервовъ; но существуютъ нѣкоторыя изъ нихъ совершенно независимыя, такъ называемые вымыслы, равно какъ и тѣ, о которыхъ я стану говорить, и которыя отличаются отъ вышеуказанныхъ тѣмъ, что наша воля не участвуетъ въ ихъ образованіи и такимъ образомъ онѣ не могутъ быть отнесены къ числу душевныхъ дѣйствій; они происходятъ въ силу того, что „духи“ будучи различно колеблемы и встрѣчая слѣды разнообразныхъ впечатлѣній, уже бывшихъ въ мозгу, быстро принимаютъ въ послѣднемъ направленіе по однѣмъ порамъ предпочтительнѣе нежели по другимъ. Таковы иллюзіи нашихъ словъ и наши мечты въ бодрственномъ состояніи, когда мысли безъ всякаго сцѣпленія блуждаютъ туда и сюда. Нѣкоторые изъ такихъ вымысловъ являются страстями души, принимая этотъ терминъ въ его собственномъ значеніи, а всѣ они вообще могутъ быть названы такъ, если понимать это слово въ болѣе общемъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе, въ виду того, что они не имѣютъ болѣе замѣтной и опредѣленной причины, кромѣ воспріятій, получаемыхъ душою посредствомъ нервовъ, и что они кажутся лишь тѣнью и отображеніемъ, прежде нежели мы ихъ хорошо распознаемъ, слѣдуетъ установить разницу между тѣми и другими изъ представленій.

22. *О различіи между прочими воспріятіями.*

Всѣ воспріятія, о которыхъ я еще не говорилъ, получаются душою помощью нервовъ и между ними существуетъ та разница, что одни мы относимъ къ внѣшнимъ объектамъ, затрогивающимъ наши чувства, другія—къ нашей душѣ.

23. *Воспріятія, которыя относятся нами къ вещамъ внѣ насъ.*

Воспріятія, относимыя нами къ вещамъ внѣ насъ, къ объектамъ нашихъ чувствъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда наше мнѣніе не совершенно ложно, причиняются этими объектами, нашихъ чувствъ которые, производя опредѣленныя движенія въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, возбуждаютъ также движенія въ мозгу при посредствѣ нервовъ; послѣдніе дѣлаютъ такъ, что душа чувствуетъ. Такъ, когда мы видимъ пламя свѣчи и слышимъ звукъ колокола, эти звукъ и свѣтъ суть два различныхъ дѣйствія; только потому, что звукъ и свѣтъ производятъ различныя движенія въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ нервовъ, а благодаря этому и въ нашемъ мозгу, они даютъ душѣ два различныхъ чувства, относимыхъ нами къ объектамъ, которые мы принимаемъ за причину нашихъ чувствъ: такимъ образомъ мы думаемъ, что видимъ самую свѣчу и слышимъ колоколъ, а не то, что только чувствуемъ исходящія отъ нихъ движенія.

24. *Воспріятія, относимыя нами къ нашему тѣлу.*

Воспріятія, относимыя нами къ тѣлу или къ нѣкоторымъ изъ его частей, суть тѣ, которыя мы получаемъ отъ голода, жажды и прочихъ естественныхъ желаній; отъ нихъ можно отличить боль, жаръ и прочія свойства, чувствуемыя нами какъ бы въ нашихъ органахъ, а не во внѣшнихъ предметахъ: такъ мы можемъ чувствовать одновременно одними и тѣми же нервами холодъ нашей руки и жаръ пламени, къ которому приближаемъ руку, или наоборотъ, теплоту руки и холодъ воздуха, куда рука выставлена. Мы можемъ чувствовать это, не дѣлая различія между дѣйствіями, заставляющими чувствовать холодъ или жаръ нашей руки и таковые же внѣ насъ; въ томъ только случаѣ, когда одно изъ явленій переходитъ въ другое, мы разсуждаемъ, что первое—уже въ насъ, а наступающее еще не тамъ, но въ объектѣ, причиняющемъ данное явленіе.

25. *Воспріятія, относимыя нами къ нашей душѣ.*

Воспріятія, относимыя исключительно къ душѣ—это тѣ, дѣйствія которыхъ чувствуются какъ бы въ самой душѣ; не извѣстно вообще никакой ближайшей причины, къ которой можно

было бы ихъ отнести: таковы чувства радости, гнѣва и подобныя; они возникаютъ въ насъ иногда благодаря предметамъ, возбуждающимъ наши нервы, а иногда и по другимъ причинамъ. И хотя всѣ наши воспріятія, какъ тѣ, что относятся къ внѣшнимъ вещамъ, такъ и относимыя къ различнымъ состояніямъ нашего тѣла, будутъ въ сущности страстями, поскольку касаются души, беря это слово въ его наиболѣе общемъ значеніи, однако ихъ обычно различаютъ, обозначая словомъ „страсть" только воспріятія, относящіяся къ самой душѣ. О нихъ именно я и предполагаю здѣсь говорить, называя ихъ страстями души.

26. *Акты воображенія, зависящія только отъ усиленныхъ движеній духовъ, могутъ быть столь же истинными страстями, какъ воспріятія, зависящія отъ нервовъ.*

Здѣсь остается замѣтить, что всѣ тѣ вещи, которыя душа воспринимаетъ при посредствѣ нервовъ, могутъ быть представлены стремительнымъ теченіемъ „духовъ". Различіе въ томъ только, что впечатлѣнія, идущія въ мозгъ чрезъ нервы, обычно болѣе живы и выразительны, нежели впечатлѣнія, возбужденныя тамъ помощью „духовъ"; они, что я указалъ въ параграфѣ 21, образуютъ какъ бы рисунокъ или тѣнь первыхъ впечатлѣній. Случается иногда, надо замѣтить, что подобное отображеніе бываетъ такъ похоже на вещь, представляемую имъ, что можно обмануться въ воспріятіяхъ, относящихся къ вещамъ, такъ же какъ и въ воспріятіяхъ, получаемыхъ отъ извѣстныхъ частей нашего тѣла, но этого не можетъ случиться по отношенію къ страстямъ: онѣ такъ близки нашей душѣ, такъ тѣсно слиты съ нею, что немыслимо, чтобы она ихъ чувствовала не такими, какъ въ дѣйствительности испытываетъ. Часто во снѣ или даже на яву такъ живо рисуютъ себѣ различные предметы, что какъ бы видятъ ихъ передъ собой или ощущаютъ въ себѣ, хотя въ дѣйствительности этого совершенно нѣтъ; между тѣмъ, даже засыпая или задумываясь, никто не почувствуетъ себя обезпокоеннымъ или потрясеннымъ какою либо страстью, которой дѣйствительно не имѣлось бы въ душѣ.

27. *Опредѣленіе страстей души.*

Установивъ, въ чемъ страсти души отличаются отъ всѣхъ прочихъ мыслей, мнѣ кажется можно опредѣлить ихъ вообще какъ воспріятія, или чувства, или душевныя движенія, относящіяся исключительно къ самой душѣ и причиняемыя, поддерживаемыя и усиляемыя извѣстными движеніями „духовъ“.

---

*) Въ широкомъ смыслѣ слова.

Примѣчаніе переводчика.

28. *Объясненіе первой части этого опредѣленія.*

Страсти можно назвать воспріятіями, поскольку обычно пользуются этимъ словомъ, чтобы обозначить всѣ мысли, которыя не оказываются ни дѣйствіями души, ни ея желаніями. Но никоимъ образомъ нельзя этого допустить, разъ слово „воспріятіе“ служитъ только для обозначенія отчетливыхъ знаній, такъ какъ по опыту видно, что тѣ, кто особенно подверженъ страстямъ, далеко не лучше прочихъ людей знаютъ о нихъ и что страсти относятся къ числу тѣхъ воспріятій, которыя въ силу тѣсной связи души и тѣла остаются смутными и темными. Можно ихъ также назвать чувствами по той причинѣ, что онѣ получаются душею тѣмъ же путемъ, какъ и знанія объ объектахъ внѣшнихъ чувствъ, и познаются ею подобнымъ же образомъ; но еще лучше именовать ихъ движеніями души, не только потому, что это слово приложимо ко всѣмъ измѣненіямъ, происходящимъ въ душѣ, т. е. ко всевозможнымъ мыслямъ, какія только присущи ей, но особенно потому, что изъ всѣхъ присущихъ душѣ мыслей нѣтъ такихъ, которыя столь возбуждали и потрясали бы душу какъ страсти.

29. *Объясненіе второй части опредѣленія.*

Прибавлю, что страсти исключительно относятся къ душѣ, въ отличіе отъ прочихъ чувствъ, относящихся то къ внѣшнимъ объектамъ, какъ запахи, звуки, цвѣта, то къ нашему тѣлу, какъ голодъ, жажда, боль. Укажу также, что страсти причиняются, поддерживаются и усиливаются извѣстными движеніями „духовъ“; указываю на это съ тѣмъ, чтобы отдѣлить страсти отъ нашихъ желаній,—послѣднія также можно назвать волненіями, которыя относятся къ душѣ, но причиняются самою душою,—а также и съ тѣмъ, чтобы объяснить послѣднюю и ближайшую причину страстей, опять таки отличающую ихъ отъ остальныхъ чувствъ.

30. *Душа заразъ связана со всѣми частями тѣла.*

Чтобы лучше понять все это, надобно усвоить, что душа дѣйствительно связана со всѣмъ тѣломъ и что собственно

нельзя говорить, будто она присутствуетъ въ какой либо опредѣленной части тѣла, нельзя по той причинѣ, что тѣло едино и извѣстнымъ образомъ недѣлимо въ смыслѣ расположенія его органовъ, которые такъ относятся другъ къ другу, что когда одинъ изъ нихъ отсѣкается, то это приводитъ въ негодность все тѣло. Душа по природѣ не имѣетъ никакого отношенія ни къ пространству, ни къ размѣрамъ и качеству матеріи, составляющей тѣло, а стоитъ въ отношеніи только къ совокупности органовъ послѣдняго; это явствуетъ изъ невозможности познать половину, либо треть души или пространство, ею занимаемое, и изъ того, что она не уменьшается при уничтоженіи какой либо части тѣла, но полностью отдѣляется отъ послѣдняго, когда разрушена вся совокупность его органовъ.

31. *Существуетъ въ мозгу маленькая железа, гдѣ душа проявляетъ свои функціи иначе, чѣмъ въ другихъ частяхъ тѣла.*

Необходимо также знать, что хотя душа связана со всѣмъ тѣломъ, тѣмъ не менѣе въ немъ есть такая область, гдѣ душа по преимуществу обнаруживаетъ свои функціи; обычно за эту область принимаютъ мозгъ, а, бываетъ, что и сердце: мозгъ—въ виду того, что къ нему имѣютъ отношеніе всѣ органы чувствъ, сердце же по той причинѣ что, въ немъ какъ бы чувствуются страсти. Но, думается мнѣ, старательно обсуждая этотъ вопросъ, можно уяснить себѣ, что та часть тѣла, гдѣ душа непосредственно обнаруживаетъ свои функціи, никоимъ образомъ не сердце, равно какъ и не весь мозгъ, а только одна изъ наиболѣе внутреннихъ его долекъ, извѣстная весьма маленькая железа, расположенная въ серединѣ мозгового вещества и такъ подвѣшенная надъ проходомъ, гдѣ „духи“ переднихъ полостей мозга сообщаются съ „духами“ заднихъ полостей, что малѣйшія движенія въ железѣ могутъ сильно вліять на потокъ „духовъ“ и обратно малѣйшія измѣненія въ теченіи послѣднихъ оказываютъ большое вліяніе на движенія железы.

32. *Какъ понимать, что эта железа—главное сѣдалище души.*

Душа не можетъ имѣть во всемъ тѣлѣ иного мѣста непосредственнаго проявленія своихъ функцій, кромѣ этой железы;

въ этомъ меня убѣждаетъ тотъ доводъ, что всѣ остальные части нашего мозга, такъ же какъ глаза, уши, руки и прочіе органы чувствъ, парны. А разъ мы въ данное время относительно данной вещи имѣемъ одну только опредѣленную мысль, то необходимо должно имѣться нѣкоторое пространство, гдѣ два образа, направляющіеся черезъ оба глаза, или же два иныхъ впечатлѣнія, идущихъ отъ единаго объекта чрезъ двойные органы нашихъ чувствъ, могли бы сойтись воедино, прежде чѣмъ они дойдутъ до души, чтобы не представить послѣдней двухъ объектовъ вмѣсто одного. И легко понять, что такіе образы или иныя впечатлѣнія объединяются въ железѣ при посредствѣ „духовъ“, наполняющихъ полости мозга, и что нѣтъ, помимо этой железы, иного мѣста во всемъ тѣлѣ, гдѣ они могли бы объединяться подобнымъ же образомъ.

33. *Сѣдалище страстей не въ сердцѣ.*

По поводу тѣхъ, кто думаетъ, что душа получаетъ свои страсти въ сердцѣ, замѣчу, что такое мнѣніе вовсе не убѣдительно, ибо оно основывается только на томъ, что страсти даютъ тамъ себя знать по нѣкоторымъ измѣненіямъ; не трудно замѣтить, что такое измѣненіе чувствуется какъ бы въ сердцѣ только черезъ посредство маленькаго нерва, спускающагося къ сердцу отъ мозга, подобно тому, какъ боль ощущается въ ногѣ черезъ посредство нервовъ ногъ, а звѣзды воспринимаются, какъ находящіяся на небѣ, благодаря ихъ свѣту и оптическимъ нервамъ. Слѣдовательно, присутствовать въ сердцѣ, чтобы чувствовать тамъ свои страсти, душѣ столь же необходимо, сколь необходимо быть ей на небѣ, чтобы видѣть тамъ звѣзды.

34, *Какъ душа и тѣло дѣйствуютъ другъ на друга.*

Установимъ здѣсь, что душа имѣетъ свое главное сѣдалище въ маленкой железѣ среди мозга, откуда она излучается на остальное тѣло при содѣйствіи „духовъ“, нервовъ, а особенно крови, которая, участвуя въ воспроизведеніи „духовъ“, разноситъ ихъ по артеріямъ во всѣ части тѣла. Вспомнимъ сказанное выше относительно механизма нашего тѣла, именно: маленькія трубочки нашихъ нервовъ такъ распредѣлены по всѣмъ частямъ тѣла, что при различныхъ движеніяхъ, вызываемыхъ тамъ объектами чувствъ, онѣ столь же различно открываютъ поры мозга; отсюда происходитъ, что „животные духи“, расположенные въ такихъ полостяхъ, по разному входятъ въ мускулы, благодаря

чему и двигаютъ тѣло самыми различными, какъ только возможно, способами; вспомнивъ также, что всѣхъ остальныхъ причинъ движеній „духовъ“ достаточно, чтобы проводить послѣдніе въ мускулы, прибавимъ здѣсь, что маленькая железа главное сѣдалище души, такъ расположена между полостями, гдѣ находятся „духи“, что помощью послѣднихъ она можетъ приходить въ движенье столь же различными способами, сколько существуетъ чувственныхъ различій между объектами. Но она можетъ быть различно движима и душою; послѣдняя такова по природѣ, что получаетъ различныя впечатлѣнія и производитъ разнообразныя колебанія въ этой железѣ; и обратно, механизмъ нашего тѣла таковъ, что вслѣдствіе колебанія этой железы душою или по другой возможной причинѣ, онъ движетъ „духи“ окружающіе железу, къ порамъ мозга, а эти проводятъ „духи“, чрезъ нервы въ мускулы, посредствомъ чего тѣлесный механизмъ и движетъ члены.

35. *Примѣръ того, какъ впечатлѣнія отъ объектовъ соединяются въ железѣ, находящейся среди мозга.*

Если мы, напримѣръ, видимъ, что какое либо животное приближается къ намъ, то свѣтъ, отражаемый его тѣломъ, чертитъ два изображенія, по одному въ каждомъ изъ глазъ, и эти два изображенія производятъ при посредствѣ оптическихъ нервовъ два другихъ изображенія на внутренней поверхности мозгового вещества, соприкасающейся съ полостями мозга; затѣмъ оттуда, благодаря „духамъ,“ занимающимъ полости, изображенія достигаютъ маленькой железы; эту послѣднюю духи окружаютъ такъ, что движеніе, которое формируетъ извѣстную точку одного изъ изображеній, направлено къ тому пункту железы, куда стремится движеніе, формирующее соотвѣтственную точку другого изображенія, представляющую ту же самую часть даннаго животнаго. Такимъ путемъ два изображенія, имѣющіяся въ мозгу, въ железѣ оставляютъ единое изображеніе; оно-то, непосредственно воздѣйствуя на душу, заставляетъ послѣднюю видѣть фигуру животнаго.

36. *Примѣръ того, какъ образуются въ душѣ страсти.*

Кромѣ того, если эта фигура животнаго очень диковинна и ужасна, иначе говоря, если она имѣетъ много сходства съ вещью, которая оказывалась когда либо вредоносною для тѣла, то она возбуждаетъ въ душѣ страсть опасенія и затѣмъ отвагу или же трепетъ и боязнь, сообразно тѣлосложенію и душевной силѣ субъекта, сообразно съ тѣмъ, въ чемъ по прежнему опыту имѣлась заручка: въ защитѣ или бѣгствѣ отъ опасныхъ вещей, къ которымъ это данное впечатлѣніе имѣетъ отношеніе. У нѣкоторыхъ людей оно такъ измѣняетъ состояніе мозга, что „духи“, отражающіе образъ, уже получившійся въ железѣ, идутъ оттуда частью въ нервы, служащіе для поворота спины и движеній ногъ, частью въ тѣ нервы, которые расширяютъ и сужаютъ отверстія сердца, или въ тѣ, которыя возбуждаютъ прочія части тѣла, откуда кровь приливаетъ къ сердцу; такимъ образомъ эта кровь, будучи разрѣжена болѣе обычнаго, отводитъ въ мозгъ „духи“, предназначенные поддерживать страхъ и усиливать послѣдній, т. е. держать открытыми или вновь открывать поры мозга, проводящія „духи“ въ эти самые нервы. Вѣдь оттого только, что „духи“ входятъ въ данныя поры, они и производятъ особое движеніе въ железѣ, по природѣ созданной, чтобы сообщать душѣ объ извѣстной страсти, а такъ какъ эти поры относятся главнымъ образомъ къ небольшимъ нервамъ, служащимъ суженію или расширенію отверстій сердца, то и кажется, что душа чувствуетъ присутствіе страстей какъ бы въ сердцѣ.

37. *Какъ происходитъ, что всѣ страсти причиняются извѣстнымъ движеніемъ духовъ.*

Нѣчто подобное происходитъ и по отношенію къ другимъ страстямъ: именно, онѣ причиняются главнымъ образомъ „духами“, заключенными въ полостяхъ мозга; „духи“ такимъ образомъ или направляются къ нервамъ, служащимъ суженію и расширенію сердца, или толкаютъ къ сердцу кровь, находящуюся въ иныхъ частяхъ тѣла, или иначе поддерживаютъ ту же страсть. Отсюда ясно и понятно, почему я помѣстилъ въ опредѣленіе страстей ихъ свойство возникать вслѣдствіе особаго движенія „духовъ“.

38. *Примѣръ движеній тѣла, сопровождающихъ страсти и вовсе не зависящихъ отъ души.*

Впрочемъ, направленія „духовъ“ къ нервамъ сердца совершенно достаточно, чтобы дать железѣ толчекъ, благодаря которому трепетъ проникаетъ въ душу; точно также, вслѣдствіе того лишь, что нѣкоторые „духи“ одновременно идутъ къ нер-

вамъ, служащимъ для передвиженія ногъ въ цѣляхъ бѣгства, они вызываютъ въ той же железѣ другое движеніе, благодаря которому душа чувствуетъ и воспринимаетъ это бѣгство; слѣдовательно, послѣднее можетъ быть осуществлено въ тѣлѣ при одномъ только предрасположеніи органовъ тѣла, безъ помощи души.

39. *Какъ одна и та же причина можетъ вызвать разныя страсти сообразно различію въ людяхъ.*

То же самое впечатлѣніе, которое сообщено железѣ присутствіемъ страшнаго объекта и причиняетъ однимъ людямъ страхъ, въ другихъ можетъ возбуждать отвагу и дерзость; основаніе здѣсь то, что не у всѣхъ мозгъ расположенъ одинаковымъ образомъ и что одно и то же движеніе железы въ нѣкоторыхъ людяхъ вызываетъ страхъ, а въ другихъ ведетъ къ иному результату: „духи“ проникаютъ въ поры мозга, проводящіе ихъ частью къ нервамъ, двигающимъ въ цѣляхъ защиты руки, а частью къ тѣмъ нервамъ, которые возбуждаютъ и толкаютъ съ сердцу кровь такъ, какъ это требуется, чтобы воспроизводить „духи“ въ цѣляхъ продолженія этой защиты и для оказанія поддержки волѣ.

40. *Главное дѣйствіе страстей.*

Необходимо отмѣтить, что главное дѣйствіе всѣхъ людскихъ страстей—это побуждать и располагать человѣческую душу желать того, къ чему страсти подготовляютъ тѣло; такъ, чувство страха побуждаетъ ее къ желанію бѣгства, а чувство мужества къ желанію борьбы; то же и въ отношеніи къ другимъ страстямъ.

41. *Какова власть души надъ тѣломъ.*

Однако, воля настолько по своей природѣ свободна, что никогда не можетъ быть принуждаема: поэтому, изъ двухъ видовъ мыслей, различаемыхъ мною въ душѣ, однѣ суть дѣйствія, именно, наши желанія, а другія—страсти въ болѣе обширномъ смыслѣ слова, понимая тутъ всѣ виды воспріятій; первыя безусловно произвольны и только косвеннымъ путемъ могутъ быть измѣняемы вліяніемъ тѣла, тогда какъ послѣднія, т. е. страсти, напротивъ, вполнѣ зависятъ отъ вызывающихъ ихъ процессовъ и только косвенно измѣняются душою, исключая тѣ случаи, когда сама душа является причиною страстей. И всякое воздѣйствіе души на тѣло состоитъ въ томъ, что въ силу желанія какой либо вещи, обнаруживаемой ею, душа воздѣйствуетъ на железу, съ которой тѣсно связана, а послѣдняя колеблется такъ, какъ то требуется для достиженія результата этого желанія.

42. *Какъ отыскиваютъ въ своей памяти вещи, о которыхъ хотятъ вспомнить.*

Когда душа желаетъ сохранить воспоминаніе о чемъ либо, то въ силу этого желанія железа, поочередно наклоняющаяся въ разныя стороны, толкаетъ „духи“ къ различнымъ областямъ мозга, пока они не найдутъ слѣдовъ, оставленныхъ тамъ предметомъ, который желательно сохранить въ памяти. Эти слѣды—ни что иное какъ поры мозга, откуда передъ этимъ духи направлялись по причинѣ присутствія даннаго предмета; отсюда эти поры пріобрѣли весьма большое преимущество отыскиваться подобнымъ образомъ и другими „духами“, направляющимися къ даннымъ порамъ; „духи“, встрѣчая указанныя поры, входятъ внутрь послѣднихъ легче, чѣмъ въ другія, благодаря чему и производятъ особое движеніе въ железѣ, а это послѣдняя представляетъ душѣ предметъ и даетъ знать, что этотъ объектъ есть то самое, о чемъ душа желала вспомнить.

43. *Какъ душа можетъ воображать, быть внимательною и двигать тѣло.*

Когда желаютъ вообразить нѣчто невиданное, то это желаніе способно привести железу въ движеніе, чтобы толкать „духи“ къ порамъ мозга, посредствомъ открытія которыхъ данная вещь можетъ оыть представлена. Когда желаютъ сохранить вниманіе, чтобы въ теченіе извѣстнаго времени разсмотрѣть предметъ, это желаніе удерживаетъ железу наклоненною въ одну и ту же сторону. Когда, наконецъ, желаютъ идти или вообще извѣстнымъ образомъ передвигать свое тѣло, то въ силу подобнаго желанія железа толкаетъ „духи“ къ мускуламъ, служащимъ этой цѣли.

44. *Каждое желаніе естественно связано съ опредѣленнымъ движеніемъ железы; но при стараніи или по привычкѣ можно его связать съ другими движеніями.*

Однако желаніе возбудить въ себѣ извѣстное движеніе или что другое не всегда можетъ вести къ достиженію желаемаго;

это стоитъ въ зависимости отъ того, насколько природа и привычка различно связываютъ каждое движеніе железы съ опредѣленной мыслью. Такъ, напримѣръ, если желаютъ обратить глаза на весьма отдаленный предметъ, то такое желаніе приводитъ къ расширенію глазного зрачка; если же устремляютъ вниманіе на близкій предметъ, то зрачекъ сокращается; но если еще только думаютъ о томъ, какъ бы расширить зрачокъ, то, при самыхъ благихъ желаніяхъ не расширятъ зрачка вполнѣ, такъ какъ движенія железы, служащія толчкомъ для „духовъ“, идущихъ къ оптическому нерву, природа не связываетъ съ желаніемъ разсматривать близкіе или отдаленные предметы. При разговорѣ мы думаемъ только о смыслѣ того, что желаемъ сказать; однако, это производитъ тотъ результатъ, что мы шевелимъ языкомъ и губами гораздо быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ если бы мы помышляли въ это время управлять ими на всѣ лады, какъ то требуется для произнесенія данныхъ словъ. Все это происходитъ благодаря тому, что по привычкѣ, пріобрѣтаемой навыкомъ къ рѣчи, дѣятельность души, двигающей при посредствѣ словъ языкъ и губы, мы связываемъ съ обозначеніями словъ, сопровождающихъ эти движенія скорѣе, чѣмъ при намѣренныхъ движеніяхъ губъ и языка.

45. *Какою бываетъ душа по отношенію къ страстямъ.*

Наши страсти не могутъ ни обнаружаться, ни исчезать при прямомъ воздѣйствіи нашей воли; это возможно лишь косвенно при представленіи вещей, связываемыхъ въ данномъ случаѣ съ желаемыми страстями и противоположныхъ тѣмъ страстямъ, которыя мы хотимъ устранить. Такъ, чтобы возбудить въ себѣ отвагу и отогнать страхъ, не достаточно имѣть подобное желаніе, но должно попытаться представить доводы, предметы или примѣры, убѣждающіе насъ въ томъ, что опасность не велика, нужно представить себѣ, что всегда защита надежнѣе бѣгства, что побѣдителю выпадаетъ слава и радость, бѣглецу же позоръ, печаль и пр.

46. *Что препятствуетъ душѣ всецѣло располагать своими страстями.*

Имѣется особое обстоятельство, препятствующее душѣ быстро измѣнять или задерживать страсти; оно дало мнѣ поводъ указать въ опредѣленіи страстей, что послѣднія не только причиняются, но также и поддерживаются и усиливаются помощью особыхъ движеній „духовъ“. Обстоятельство это заключается въ томъ, что почти всѣ страсти сопровождаются извѣстнымъ волненіемъ въ сердцѣ и, слѣдовательно, во всей крови и въ „духахъ“, такъ что, пока это волненіе не уничтожится, страсти бываютъ представлены въ нашей душѣ подобно тому, какъ представлены тамъ чувственные предметы, пока они дѣйствуютъ на органы нашихъ чувствъ. И подобно тому какъ душа, очень внимательно обращаясь къ чему либо, можетъ противиться, чтобы мы слышали маленькій шумъ или чувствовали небольшую печаль, но не въ состояніи воспрепятствовать намъ слышать громъ или ощущать пламя, обжигающее руку, такъ же точно она легко можетъ противодѣйствовать незначительнымъ страстямъ, но не самымъ бурнымъ и сильнымъ, исключая развѣ тотъ только случай, когда утихло волненіе крови и духовъ. Бо́льшее, что воля можетъ сдѣлать, когда подобное волненіе находится во всей силѣ, это не сочувствовать его результатамъ и воздерживаться отъ многихъ изъ движеній, къ которымъ страсть располагаетъ тѣло. Если, напримѣръ, гнѣвъ поднимаетъ для удара нашу руку, воля можетъ удержать послѣднюю; если страхъ побуждаетъ ноги къ бѣгству, воля можетъ ихъ задержать.

47. *Въ чемъ состоитъ воображаемая обычно борьба между низшею и высшею частями души.*

Непрестанная борьба, какъ обычно выражаются, между низшею, именуемой чувственною, частью души и высшей ея частью, разумной,—лучше сказать между естественными вожделеніями и волей,—состоитъ не въ несовмѣстимости движеній, возбуждаемыхъ железою при помощи „духовъ“ въ тѣлѣ, и движеній, возбуждаемыхъ душою. Вѣдь у насъ одна только душа, и эта душа не имѣетъ сама по себѣ никакихъ различій въ своихъ частяхъ: чувственная ея часть вмѣстѣ съ тѣмъ и разумна, и всѣ ея вожделѣнія суть желанія; ошибка, какую допускаютъ, заставляя участвовать въ душѣ различныхъ дѣятелей, обычно другъ другу противоположныхъ, происходитъ отъ того, что не различаютъ хорошо функцій души отъ функцій тѣла; послѣднему должно приписывать все то, что можетъ быть отмѣчено въ насъ какъ несогласное съ нашимъ разсудкомъ. Слѣдовательно, нѣтъ иного вида борьбы кромѣ той, когда небольшая железа въ серединѣ мозга можетъ быть движима въ одну сторону душою, а въ другую дѣйствіемъ „духовъ“—вѣдь, они ничто иное какъ тѣла!—и значитъ, какъ я уже утверждалъ выше, бываетъ часто, что эти два воздѣйствія противоположны и особенно сильно

препятствуютъ другъ другу. Можно различить два вида движеній, возбуждаемыхъ въ железѣ посредствомъ „духовъ“: одни изъ этихъ движеній представляютъ душѣ объекты, затрогивающіе чувства, или впечатлѣнія, которыя сталкиваются въ мозгу и не производитъ никакого натиска на волю; другія движенія напрягаютъ тамъ извѣстныя усилія,—это именно тѣ движенія, которыя причиняютъ страсти и сопровождающіе ихъ тѣлесные процессы; что касается первыхъ изъ движеній „духовъ“, то хотя они часто препятствуютъ дѣйствіямъ души или сами встрѣчаютъ препятствіе въ послѣднихъ, однако, въ виду того, что они рѣшительнымъ образомъ не противоположны другъ другу, обычно тутъ не отмѣчаютъ борьбы. Ее отмѣчаютъ только между послѣдними изъ указанныхъ движеній и желаніями, имъ противостоящими: напримѣръ, между усиліемъ „духовъ“, толкающихъ железу, чтобы вызвать въ душѣ хотѣніе чего либо, и усиліемъ души, которая толкаетъ железу въ стремленіи избѣжать данной вещи. Возникаетъ эта борьба главнымъ образомъ благодаря тому, что воля не имѣетъ возможности непосредственно возбуждать страсти, такъ какъ она, что́ было сказано выше, принуждена изощряться и примѣняться къ тому, чтобы успѣшно обсудить различныя вещи. Въ силу этого, если наиболѣе вліятельная изъ воздѣйствующихъ на насъ вещей въ состояніи измѣнить направленіе духовъ, то можетъ случиться, что та вещь, которая сопутствуетъ данной вещи, не имѣетъ такой силы, и что духи удалятъ ее тотчасъ же по той причинѣ, что предшествовавшее расположеніе нервовъ, сердца и крови не измѣнилось; отсюда и вытекаетъ, что душа чувствуетъ себя побуждаемой почти одновременно желать и не желать одной и той же вещи. Отсюда и взято представленіе о двухъ соперничающихъ въ душѣ силахъ. Тѣмъ не менѣе можно еще принять за извѣстную борьбу то обстоятельство, что одна и та же причина, производя въ душѣ опредѣленную страсть, производитъ также въ тѣлѣ извѣстныя движенія, которымъ душа вовсе не содѣйствуетъ и даже задерживаетъ или старается задержать ихъ, едва воспринявъ: такъ случается, напримѣръ, когда нѣчто, вызвавшее въ душѣ страхъ, содѣйствуетъ тому, что „духи“ направляются въ мускулы, способствующіе попятному движенію ногъ, а храбрящаяся воля задерживаетъ послѣднія.

48. *Какъ познаютъ силу или слабость души и въ чемъ состоитъ несчастье слабыхъ душъ.*

По исходу этихъ битвъ каждый можетъ познать силу или слабость своей души. Тѣ, въ комъ воля естественно можетъ побѣждать страсти и задерживать сопровождающія ихъ тѣлесныя движенія, несомнѣнно обладаютъ душою наиболѣе сильною. Но существуютъ люди, которые не могли испытать силу собственной души, ибо ихъ воля всегда боролась не своимъ собственнымъ оружіемъ, но только съ помощью того оружія, которое давалось ей нѣкоторыми страстями, чтобы противиться другимъ страстямъ. То, что я называю „собственнымъ оружіемъ“, суть законченныя и опредѣленныя сужденія касательно познанія добра и зла, слѣдуя которымъ душа рѣшила поступать въ своей жизни. Наиболѣе же слабы тѣ души, воля которыхъ вовсе не рѣшается слѣдовать опредѣленнымъ сужденіямъ, но вѣчно увлекается наличными страстями; а эти послѣднія, будучи часто противоположны другъ другу, поочередно влекутъ душу на свою сторону и, заставляя ее враждовать съ самой собою, приводятъ въ самое плачевное состояніе, въ какомъ только можетъ она очутиться. Такъ, когда страхъ представляетъ смерть крайнимъ зломъ, котораго нельзя избѣжать иначе, какъ путемъ бѣгства, то гордость, съ другой стороны, представляетъ позоръ этого бѣгства какъ зло горшее смерти; эти двѣ страсти различно колеблютъ волю, которая, повинуясь то той, то другой, вѣчно противится сама себѣ и дѣлаетъ душу рабской и несчастной.

49. *Душевной силы не достаточно безъ познанія истины.*

Правда, весьма мало людей столь слабыхъ и безразсудныхъ, что они не желаютъ ничего, кромѣ диктуемаго имъ страстью; большинство же имѣетъ опредѣленныя сужденія, согласно которымъ и управляетъ частью своихъ поступковъ. Хотя нерѣдко эти сужденія бываютъ ошибочны и даже основаны на извѣстныхъ страстяхъ, въ силу которыхъ воля раньше оказывалась побѣжденной или соблазненной, тѣмъ не менѣе по той причинѣ что воля продолжаетъ имъ слѣдовать и тогда, когда отсутствуетъ страсть, вызвавшая эти сужденія, послѣднія можно считать за собственное оружіе души и думать, что души бываютъ сильнѣе или слабѣе сообразно тому, въ какой степени могутъ слѣдовать этимъ сужденіямъ и сопротивляться наличнымъ страстямъ противоположнаго характера. Существуетъ однако большое различіе между рѣшеніями, которыя исходятъ изъ ложнаго мнѣнія, и между тѣми рѣшеніями, которыя основываются исключительно на познаніи истины; поэтому, если слѣдуютъ этимъ послѣднимъ рѣшеніямъ, то увѣрены, что никогда не будутъ имѣть ни сожалѣнія, ни раскаянія, тогда какъ, стоитъ открыть ошибку, обнаруживается, что слѣдовали рѣшеніямъ перваго вида.

50. *Не существуетъ души столь слабой, чтобы она не могла, будучи хорошо направлена, пріобрѣсти полную власть надъ своими страстями.*

Полезно узнать здѣсь, что хотя, какъ было уже сказано выше, каждое движеніе железы представляется по природѣ связаннымъ съ каждою изъ нашихъ мыслей съ самаго начала нашей жизни, можно однако соединять эти движенія съ иными мыслями въ силу привычки. По опыту это видно на словахъ, вызывающихъ движенія въ железѣ; такія движенія согласно природному устройству, представляютъ душѣ только звукъ словъ, когда послѣднія произносятся, или фигуру ихъ, если слова пишутся; тѣмъ не менѣе, по привычкѣ, пріобрѣтаемой размышленіемъ надъ тѣмъ, что́ означаютъ слова, когда слышать ихъ звукъ либо видятъ только ихъ изображеніе, обычно воспринимаютъ это обозначеніе сильнѣе, нежели фигуру изображеній словъ и даже звукъ ихъ слоговъ. Полезно также знать, что хотя движенія какъ железы, такъ и „духовъ“ мозга, представляющихъ душѣ различные предметы, будутъ связаны съ тѣми движеніями, которыя вызываютъ въ душѣ различныя страсти, онѣ могутъ однако силою привычки быть отдѣлены отъ тѣхъ страстей и связаны съ иными, совершенно отличными, страстями; и эта привычка можетъ быть пріобрѣтена однимъ только актомъ, а вовсе не требуетъ продолжительнаго упражненія. Такъ, когда встрѣчаютъ невзначай что либо очень соленое въ пищѣ, которая кушалась съ аппетитомъ, то неожиданность этой встрѣчи можетъ такъ измѣнить расположеніе мозга, что послѣ того уже не могутъ видѣть этой пищи иначе какъ съ ужасомъ, тогда какъ раньше ѣли ее съ удовольствіемъ. То же самое легко отмѣтить и въ животныхъ; хотя послѣднія не обладаютъ ни разумомъ и ни единою, вѣроятно, мыслью, однако всѣ движенія „духовъ“ и железы, производящей въ насъ страсти, имѣются также у животныхъ и служатъ поддержкѣ и усиленію не страстей, какъ у насъ, а нервныхъ и мускульныхъ движеній, обычно сопровождающихъ страсти. Такъ, когда собака видитъ куропатку, она естественно побуждается бѣжать къ ней; а когда собака слышитъ ружейный выстрѣлъ, этотъ шумъ естественно побуждаетъ ее убѣгать. Но вѣдь дрессируютъ же обыкновенно комнатныхъ собакъ такимъ образомъ, что видъ куропатки удерживаетъ ихъ на мѣстѣ, а шумъ, слышимый ими и обращенный къ нимъ, заставляетъ ихъ сбѣгаться. Это полезно знать, чтобы внушить каждому мужество учиться наблюденію надъ своими страстями. Если ужъ можно при небольшомъ терпѣніи измѣнить мозговыя движенія въ животныхъ, лишенныхъ разума, то ясно, что это еще лучше можно сдѣлать въ людяхъ, и что тѣ, кто имѣетъ наиболѣе слабыя души, могутъ пріобрѣсти абсолютное господство надъ всѣми своими страстями, если приложатъ достаточно старанія ихъ исправить.

Вторая часть.

О числѣ и порядкѣ страстей; разъясненіе шести первоначальныхъ страстей.

51. *Каковы первыя причины страстей.*

Извѣстно изъ сказаннаго выше, что послѣдняя и ближайшая причина страстей души есть ничто иное какъ возбужденіе, посредствомъ котораго „духи“ колеблютъ маленькую железу среди мозга. Но этого еще не достаточно, чтобы имѣть возможность отличить однѣ страсти отъ другихъ: необходимо поискать ихъ источники и разсмотрѣть ихъ первопричины. Хотя страсти иногда могутъ быть причиняемы дѣйствіемъ души, которая склоняется къ познанію тѣхъ или иныхъ предметовъ, а равно и однимъ только тѣлосложеніемъ или же впечатлѣніями, сталкивающимся въ мозгу,—какъ это бываетъ, когда чувствуютъ печаль или радость, не будучи въ состояніи отнести ихъ къ какому либо предмету,—тѣмъ не менѣе ясно изъ сказаннаго, что тѣ же самыя страсти могутъ также вызываться предметами, затрогивающими наши чувства, и что эти предметы—обычная и основная причина страстей; отсюда слѣдуетъ, что для нахожденія всѣхъ страстей достаточно обсудить всѣ воздѣйствія этихъ предметовъ.

52. *Каково назначеніе страстей и какъ ихъ можно исчислить.*

Кромѣ того, я отмѣчаю, что предметы, затрагивающіе чувства, вызываютъ въ насъ разныя страсти не въ смыслѣ всѣхъ различій, имѣющихся въ вещахъ, но только въ смыслѣ разныхъ степеней ихъ вреда или пользы либо вообще значенія для насъ; и назначеніе всѣхъ страстей состоитъ только въ томъ, что онѣ располагаютъ душу желать вещей, полезность которыхъ намъ подсказываетъ природа, и настаивать на этомъ желаніи, соотвѣтственно тому, какъ колебаніе „духовъ“, обычно причиняющее страсти, располагаетъ тѣло къ движеніямъ, служащимъ достиженію данныхъ вещей. Вотъ почему въ цѣляхъ перечисленія страстей слѣдуетъ только разсмотрѣть по порядку, сколькими разными способами наши чувства могутъ быть затрогиваемы ихъ объектами; здѣсь я и сдѣлаю перечисленіе всѣхъ основныхъ страстей согласно порядку, въ какомъ онѣ могутъ быть найдены.

Порядокъ и перечисленіе страстей.

53. *Удивленіе.*

Когда первая встрѣча съ какимъ либо предметомъ поражаетъ насъ и мы думаемъ о немъ какъ о новомъ или очень отличномъ отъ всего, прежде извѣстнаго намъ, или отъ того, какимъ мы предполагали его,—мы удивляемся предмету и привлечены имъ. Въ виду того, что это можетъ произойти прежде, нежели мы какъ либо узнали о пригодности или непригодности для насъ этого объекта, мнѣ кажется, что удивленіе—первая изъ всѣхъ страстей; и она не имѣетъ противоположной, такъ какъ, если наличный объектъ не обладаетъ ничѣмъ поражающимъ насъ, онъ вовсе не затрогиваетъ насъ и мы обсуждаемъ его безстрастно.

54. *Уваженіе и пренебреженіе, великодушіе и гордость, униженіе и низость*

Изумленіе связано съ уваженіемъ или пренебреженіемъ, сообразно величію объекта или незначительности его, которыя насъ удивляютъ. Мы можемъ также уважать самихъ себя и пренебрегать собою; отсюда и вытекаютъ страсти, а затѣмъ привычки великодушія или гордости и униженія или низости.

55. *Благоговѣніе и презрѣніе.*

Но если мы цѣнимъ что либо или пренебрегаемъ чѣмъ либо, полагаемымъ нами какъ причины, способныя причинить намъ доброе или дурное, то изъ уваженія вытекаетъ благоговѣніе, а изъ простого пренебреженія презрѣніе.

56. *Любовь и ненависть.*

Всѣ предыдущія страсти могутъ возбуждаться въ насъ помимо того, чтобы мы такъ или иначе воспринимали вещь, какъ причиняющую намъ добро либо зло. Но когда вещь представляется намъ хорошею относительно насъ, то это вызываетъ въ насъ любовь къ ней; а когда она представляется намъ какъ дурная либо вредная, то это побуждаетъ насъ къ ненависти.

57. *Желаніе.*

Изъ тѣхъ же разсужденій о добрѣ и злѣ порождаются всѣ прочія страсти. Но чтобы дать ихъ въ порядкѣ, я стану различать время и, полагая, что онѣ побуждаютъ насъ скорѣе вглядываться въ будущее, нежели въ настоящее и прошлое, начну съ желанія. Ясно, что желаніе постоянно взираетъ на будущее. Не только тогда, когда желаютъ владѣть чѣмъ либо хорошимъ, еще не имѣющимся на лицо, или же избѣгнуть зла, которое можетъ наступить, но и тогда, когда желаютъ только сохраненія хорошаго или отсутствія дурного, что́ можетъ продлить эту страсть.

58. *Надежда, боязнь, ревность, безпечность, отчаяніе.*

Достаточно подумать, что пріобрѣтеніе хорошаго или избѣжаніе дурного возможно, чтобы быть побужденнымъ желать этого. Но когда принимаютъ въ соображеніе, много или мало вѣроятности, что добьются желаемаго, то представляемое какъ мало вѣроятное вызываетъ боязнь, видомъ которой является ревность. Когда же надежда чрезмѣрна, то она измѣняетъ свой видъ и именуется безпечностью, тогда какъ, обратно, крайняя боязнь переходитъ въ отчаяніе.

59. *Нерѣшительность, отвага, соревнованіе, безсиліе, испугъ.*

Мы можемъ надѣяться и опасаться, хотя бы наступленіе того, что мы ждемъ, никоимъ образомъ не зависѣло отъ насъ. Но когда оно представляется намъ какъ зависящее отъ насъ, то могутъ оказаться трудности въ выборѣ средствъ или въ выполненіи. Въ первомъ случаѣ наступаетъ нерѣшительность, располагающая насъ обдумывать и совѣщаться. Въ послѣднемъ же случаѣ противопоставляется храбрость или отвага, видъ которой—соревнованіе. А слабость противоположна храбрости какъ испугъ—отвагѣ.

60. *Угрызенія совѣсти.*

И если прежде, нежели покинута нерѣшительность, произведено дѣйствіе, то порождаются угрызенія совѣсти, которыя направлены не на будущее, какъ предыдущія страсти, а на настоящее и прошлое.

61. *Радость и печаль.*

Сознаніе хорошаго въ настоящемъ вызываетъ въ насъ радость, сознаніе дурного—печаль, разъ это „хорошее“ и „дурное“ дано какъ относящееся къ намъ.

62. *Злорадство, зависть, печаль.*

Но когда „хорошее“ и „дурное“ представляется намъ какъ относящееся къ другимъ людямъ, мы можемъ цѣнить послѣднихъ какъ достойныхъ и недостойныхъ того или иного. Когда мы расцѣниваемъ ихъ какъ достойныхъ хорошаго или дурного, это вызываетъ въ насъ радость, поскольку для насъ извѣстнымъ образомъ пріятно видѣть, что все идетъ, какъ должно. Различіе только то, что радость вызываемая хорошимъ серьезна, тогда какъ радость, вызываемая дурнымъ, сопровождается смѣхомъ и злородствомъ. Но если мы считаемъ людей не заслуживающими происшедшаго, то хорошее вызываетъ зависть, а дурное—сожалѣніе, т. е. виды печали. Замѣчено также, что тѣ же страсти, которыя относятся къ на личнымъ благамъ и бѣдамъ, часто могутъ быть относимы къ грядущимъ благамъ и бѣдамъ, поскольку убѣжденность въ томъ, что они придутъ, представляетъ ихъ уже какъ бы въ наличности.

63. *Самоудовлетвореніе и раскаяніе.*

Мы можемъ также обсуждать причины добра или зла, какъ настоящаго, такъ и прошедшаго. И добро, сдѣланное нами самими, дастъ намъ внутреннее удовлетвореніе, наиболѣе пріятную изъ страстей, тогда какъ зло вызываетъ раскаяніе, наиболѣе горькую изъ нихъ.

64. *Благосклонность и признательность.*

Добро, содѣянное другими, становится причиною благосклонности къ нимъ, если оно сдѣлано не по отношенію къ намъ,

а въ противномъ случаѣ къ благосклонности присоединяется признательность.

65. *Негодованіе и гнѣвъ.*

Подобнымъ образомъ, зло, совершаемое другими и вовсе не относящееся къ намъ, вызываетъ въ насъ только негодованіе; если же зло имѣетъ отношеніе къ намъ, то возбуждаетъ также гнѣвъ.

66. *Слава и позоръ.*

Болѣе того, хорошее, имѣющееся или имѣвшееся въ насъ, будучи относимо къ мнѣнію, какое могутъ имѣть о немъ другіе, вызываетъ въ насъ славу, а дурное—позоръ.

67. *Отвращеніе, сожалѣніе, веселость.*

Иногда длительность блага причиняетъ скуку и отвращеніе, тогда какъ длительность зла уменьшаетъ скорбь. Наконецъ, хорошее въ прошломъ вызываетъ сожалѣніе, т. е. видъ печали, а миновавшее дурное вызываетъ веселость, т. е. видъ радости.

68. *Почему такое перечисленіе страстей отличается отъ принимаемаго обычно.*

Вотъ порядокъ, кажущійся мнѣ наилучшимъ для перечисленія страстей. При этомъ я отлично знаю, что отклоняюсь отъ мнѣнія всѣхъ, кто писалъ объ этомъ предметѣ раньше. Но такъ произошло не безъ важнаго основанія. Ибо тѣ авторы выводятъ перечисленіе страстей изъ различенія въ чувствующей части души двухъ волненій, одно изъ которыхъ они зовутъ похотливымъ (concupiscible), другое гнѣвливымъ (irascible). Въ виду того, что я не нахожу въ душѣ никакого различія частей, о чемъ было сказано выше, это дѣленіе на мой взглядъ означаетъ лишь то, что душа имѣетъ двѣ способности: одну, чтобы желать, другую, чтобы раздражаться; а такъ какъ она также точно имѣетъ способность удивляться, любить надѣяться, а также получать каждую изъ иныхъ страстей или производить дѣйствія, къ которымъ эти страсти ее побуждаютъ, то я не усматриваю, почему желаютъ отнести всѣ ихъ къ похотливости или гнѣвливости. Кромѣ того, исчисленіе тѣми авторами страстей не охватываетъ всѣхъ главныхъ страстей, что́, я думаю, сдѣлано здѣсь

Я говорю, только главныхъ, потому что можно подобнымъ образомъ различить множество иныхъ страстей, болѣе частныхъ; ихъ число безконечно.

69. *Первоначальныхъ страстей только шесть.*

Число простыхъ и первоначальныхъ страстей не особенно велико. Такъ, дѣлая обзоръ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь страстей, легко замѣтить, что ихъ только шесть; а именно: удивленіе, любовь, ненависть, желаніе, радость и печаль, а прочія либо составлены нѣкоторыми изъ этихъ шести, либо суть ихъ виды. Вотъ почему, не желая вовсе затруднять читателя ихъ множествомъ, я опишу здѣсь по отдѣльности шесть первоначальныхъ страстей; послѣ я разсмотрю, какимъ образомъ всѣ прочія страсти отсюда ведутъ свое происхожденіе.

70. *Удивленіе; его опредѣленіе и причина.*

Удивленіе есть внезапная неожиданность для души, побуждающая послѣднюю обсуждать внимательно предметы, которые кажутся ей рѣдкими и выдающимися. Оно прежде всего причиняется даннымъ въ мозгу впечатлѣніемъ, которое представляетъ предметъ какъ рѣдкій и стало быть достойный разсмотрѣнія; затѣмъ, движеніемъ „духовъ", расположенныхъ этимъ впечатлѣніемъ стремиться съ большой силою къ отверстіямъ мозга, гдѣ находится данное впечатлѣніе, чтобы усилить тамъ его и сохранить; точно также „духи" побуждаются этимъ впечатлѣніемъ проходить оттуда въ мускулы, удерживающіе органы чувствъ въ ихъ первоначальномъ положеніи, дабы впечатлѣніе поддерживалось ими, разъ оно при ихъ помощи образовалось.

71. *При этой страсти не происходитъ никакихъ измѣненій ни въ сердцѣ, ни въ крови.*

Эта страсть имѣетъ ту особенность, что нельзя отмѣтить въ сопутствіи съ нею какихъ либо измѣненій въ сердцѣ и крови, какъ при остальныхъ страстяхъ. Причина этому та, что, не воспринимая предмета ни хорошимъ, ни дурнымъ, а только познавая вещь, которой дивятся, эта страсть имѣетъ отношеніе не къ сердцу и не къ крови, отъ которыхъ зависитъ все благополучіе тѣла, а только къ мозгу, гдѣ находятся органы, служащіе этому познанію.

72. *Въ чемъ заключается сила удивленія.*

Это не препятствуетъ удивленію обладать большою силою по причинѣ неожиданности, т. е. внезапнаго и случайнаго обнаруженія впечатлѣнія, которое измѣняетъ движенія „духовъ"; подобная неожиданность свойственна и исключительно присуща этой страсти. Хотя неожиданность наблюдается и въ другихъ страстяхъ,—она обычно встрѣчается почти во всѣхъ и усиливаетъ ихъ,—удивленіе тѣснѣе связано съ нею. Сила внезапности зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ новизны предмета и отъ того, что движеніе, причиняемое удивленіемъ, съ самого начала получаетъ всю силу. Вѣдь понятно, что такое движеніе имѣетъ большій результатъ, нежели тѣ движенія, которыя, будучи сперва слабы и возрастая только мало по малу, легко могутъ быть прекращены. Извѣстно также, что новые объекты чувствъ измѣняютъ мозгъ въ его опредѣленныхъ частяхъ, обычно не измѣнявшихся; эти части, будучи болѣе нѣжными или менѣе плотными, чѣмъ тѣ, которыя грубѣютъ отъ частыхъ волненій, увеличиваютъ результаты движеній, вызываемыхъ тамъ. Это не покажется невѣроятнымъ, если сообразить, что на томъ же основаніи подошвы нашихъ ногъ пріучены къ прикосновенію весьма грубому вслѣдствіе тяжести тѣла, опирающагося на нихъ; мы мало чувствуемъ это прикосновеніи при ходьбѣ, между тѣмъ другое, раздражающее подошвы, менѣе значительное и болѣе нѣжное прикосновеніе почти невыносимо, ибо необычно для насъ.

+73. *Что такое изумленіе.*

И эта неожиданность имѣетъ ту силу, что „духи" углубленій мозга принимаютъ оттуда направленіе къ мѣсту, гдѣ находится впечатлѣніе отъ объекта, которому удивляются, такъ что она всѣ ихъ тамъ, извѣстнымъ образомъ толкаетъ и „духи" такъ заняты сохраненіемъ этого впечатлѣнія, что совершенно не оказывается такихъ изъ нихъ, которые направились бы къ мускуламъ; нѣтъ даже и того, чтобы „духи" двигались по первоначальнымъ путямъ, которымъ они слѣдовали въ мозгу. Оттого-то все тѣло дѣлается неподвижнымъ, какъ статуя, и намъ становится невозможнымъ воспринимать вещь иначе какъ только съ ея представленной лицевой стороны, а слѣдовательно невозможно пріобрѣсти и болѣе подробное знаніе о ней. Такое состояніе вообще называютъ: быть изумленнымъ; изумленіе есть чрезмѣрность въ удивленіи, всегда дурная чрезмѣрность.

74. *Чему служатъ всѣ страсти и въ чемъ онѣ вредятъ.*

Какъ легко понять изъ сказаннаго выше, полезность всѣхъ страстей состоитъ въ томъ лишь, что онѣ усиливаютъ и продляютъ въ душѣ мысли, пригодныя для сохраненія и въ противномъ случаѣ легко исчезающія. Точно также все зло, какое можетъ быть причинено страстями, состоитъ въ томъ, что онѣ усиливаютъ и сохраняютъ эти мысли болѣе, чѣмъ то необходимо, или же усиливаютъ и сохраняютъ иныя мысли, задерживаться на которыхъ нѣтъ ничего хорошаго.

75. *Въ чемъ преимущественно состоитъ удивленіе.*

Объ удивленіи, въ частности, можно сказать, что оно полезно намъ, поскольку мы воспринимаемъ и удерживаемъ въ своей памяти вещи, остававшіяся ранѣе намъ неизвѣстными, а такъ какъ мы удивляемся только тому, что кажется намъ рѣдкимъ и необыкновеннымъ, то удивленіе можетъ проявиться въ въ насъ лишь черезъ посредство того, чего мы не знали или же того, что отлично отъ извѣстнаго уже намъ. Вѣдь благодаря этому отличію мы и называемъ данную вещь выдающеюся. Хотя бы она и была вполнѣ предоставлена нашему разумѣнію и нашимъ чувствамъ, мы отъ одного этого не удержимъ ея въ нашей памяти, если идея, имѣющаяся у насъ, не будетъ усиливаться въ мозгу данной страстью или примѣненіемъ нашего разсудка, направляемаго нашей волей къ вниманію и особому размышленію. Другія страсти могутъ содѣйствовать нашей отмѣткѣ вещей, какъ хорошихъ или другихъ, но для тѣхъ изъ вещей, которыя только рѣдки, мы пользуемся исключительно удивленіемъ. Отсюда видно, что вещи, которыя не имѣютъ какого либо естественнаго касательства къ этой страсти, просто намъ неизвѣстны.

76. *Въ чемъ удивленіе можетъ вредить и какъ можно измѣнить его недостатокъ и исправить его крайность.*

Однако, гораздо чаще случается, что черезчуръ удивляются и поражаются вещами, заслуживающими лишь незначительнаго вниманія или даже вовсе не заслуживающими таковаго, и удивляются не мало. Это можетъ весьма препятствовать пользованію разсудкомъ или извращать это пользованіе. Поэтому, хотя и хорошо родиться съ наклонностью къ этой страсти, такъ какъ она располагаетъ насъ къ пріобрѣтенію знаній, мы однако должны стараться впослѣдствіи освободиться отъ нея сколь возможно. Легко выправить свой недостатокъ путемъ размышленія и особаго вниманія, къ которому наша воля всегда способна обязывать разумъ, разъ мы обсудимъ, стоитъ ли этого безпокойства вещь. Однако нѣтъ иного средства препятствовать чрезмѣрному удивленію иначе, какъ пріобрѣтя знаніе многихъ вещей и воспитывая себя на обсужденіи всего, что можетъ оказаться наиболѣе рѣдкимъ и наиболѣе диковиннымъ.

77. *Ни наиболѣе глупые, ни наиболѣе умные изъ людей особенно не склонны къ удивленію.*

Впрочемъ, хотя только самые тупые и глупые люди, отъ природы совершенно не испытываютъ удивленія, нельзя сказать, что тѣ, кто всѣхъ умнѣе, всегда особенно наклонны къ нему; нѣтъ, склонны къ удивленію тѣ, кто, имѣя достаточно развитое общее чувство, не имѣютъ однако высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ.

78. *Чрезмѣрность въ удивленіи можетъ обратиться въ привычку, когда упустятъ случай ее исправить.*

Хотя страсть эта какъ бы уменьшается при своихъ проявленіяхъ по той причинѣ, что чѣмъ болѣе встрѣчаютъ рѣдкихъ, поражающихъ вещей, тѣмъ болѣе привыкаютъ воздерживаться отъ удивленія и мыслить, что тѣ вещи, которыя могутъ предстать впослѣдствіи, суть самыя заурядныя, однако, когда удивленіе особенно возбудимо и когда задерживаютъ свое вниманіе на первомъ образѣ представляющихся вещей, не пріобрѣтая дальнѣйшаго знанія, то удивленіе оставляетъ по себѣ привычку, располагающую душу одинаковымъ образомъ относиться ко всѣмъ даннымъ вещамъ, поскольку онѣ кажутся достаточно новыми. Это и обусловливаетъ болѣзненность тѣхъ, кто слѣпо любознателенъ, т. е. кто ищетъ рѣдкостей, чтобы удивляться имъ, а вовсе не для того, чтобы ихъ знать: постепенно эти лица становятся столь охочими удивляться, что ничего не стоящія вещи привлекаютъ ихъ не менѣе, чѣмъ тѣ, разысканіе которыхъ особенно полезно.

79. *Опредѣленіе любви и ненависти.*

Любовь есть душевное волненіе, причиняемое движеніемъ „духовъ", которое побуждаетъ душу добровольно соединяться съ вещами, ей сродными, а ненависть—волненіе причиняемое „духами“ и побуждающее душу желать удаленія отъ вещей, кажущихся ей вредными. Я говорю, что волненія причиняются „духами“, чтобы различить любовь и ненависть какъ страсти, зависящія отъ тѣла, отъ сужденій, которыя также побуждаютъ душу соединяться съ вещами, принимаемыми ею за хорошія, и удаляться отъ вещей, считаемыхъ ею дурными; равно и отъ эмоцій, возбуждаемыхъ въ душѣ только этими сужденіями.

80. *Что значитъ добровольно соединяться и отдѣляться.*

Впрочемъ, употребляя терминъ „добровольно“ я, намѣреваюсь говорить здѣсь не о желаніи,—эта страсть остается въ сторонѣ и относится къ будущему,—а лишь о сочувствіи, посредствомъ котораго мыслятъ себя уже въ настоящемъ какъ бы связанными съ тѣмъ, чего хотятъ, такъ что воображаютъ такое цѣлое, гдѣ себя считаютъ одной, а любимую вещь другой его частью. Напримѣръ, въ ненависти разсматриваютъ себя какъ цѣлое совершенно отдѣленное отъ вещи, къ которой питаютъ отвращеніе.

81. *О различіи, производимомъ обычно между любовью—вожделѣніемъ и любовью—благожелательствомъ.*

Вообще различаютъ два вида любви: одну называемую любовью—благожелательствомъ, т. е. такою любовью, которая побуждаетъ желать добра тому, кого любятъ; другая называется любовью—вожделѣніемъ, т. е. любовью, вызывающею желаніе обладать любимымъ предметомъ. Но, мнѣ кажется, это дѣленіе касается только результата любви, а не ея сущности, ибо поскольку связаны добровольно съ какой либо вещью, какова бы послѣдняя ни была, постольку имѣютъ къ ней благоволеніе, т. е. соединяютъ съ нею желаніе вещей, полагаемыхъ пригодными для той вещи: это одинъ изъ главныхъ результатовъ любви. И если полагаютъ, что было бы хорошо владѣть вещью или соединиться съ ней иначе, чѣмъ добровольно, то ея желаютъ: это тоже одинъ изъ обычныхъ результатовъ любви.

82. *Весьма различныя страсти сходны въ томъ, что всѣ онѣ причастны любви.*

Нѣтъ необходимости различать столько же разныхъ видовъ любви, сколько существуетъ различныхъ вещей, которыя можно любить. Хотя, напримѣръ, страсть самолюбиваго человѣка къ

славѣ, скупца къ деньгамъ, пьяницы къ вину, распутника къ женщинѣ, которую онъ желаетъ изнасиловать, порядочнаго человѣка къ своему другу или предмету сердца, добраго отца къ своимъ дѣтямъ,—хотя всѣ эти страсти и различаются между собою, однако, въ ихъ причастности любви онѣ сходствуютъ. Но четверо первыхъ имѣютъ любовь только къ обладанію объектами ихъ страстей, а вовсе не къ самимъ объектамъ, стремленіе къ которымъ для нихъ смѣшивается съ другими страстями, тогда какъ любовь, питаемая хорошимъ отцомъ къ своимъ дѣтямъ, столь чиста, что не желаетъ ничего имѣть отъ нихъ, совершенно не желаетъ какъ либо обладать ими, либо быть связанною съ ними тѣснѣе, чѣмъ то есть; но считая дѣтей за свое второе „я“, такой человѣкъ ищетъ ихъ блага, какъ собственнаго или даже съ большею заботливостью. Представляя себѣ, что онъ и они суть единое и что онъ не самая лучшая часть этого единаго, онъ часто ставитъ ихъ интересы впереди своихъ и не страшится потерять себя для ихъ спасенія. Приверженность, которую имѣютъ благородные люди къ своимъ друзьямъ, той же природы, хотя она рѣдко такъ совершенна; а любовь, какую питаютъ къ любовницѣ, во многомъ причастна описанной природѣ, но она причастна нѣсколько и иной природѣ.

83. *Различіе между простымъ пристрастіемъ, дружбою и благоговѣніемъ.*

Можно, мнѣ кажется, съ большимъ основаніемъ различать любовь по степени уваженія, какое оказываютъ тому, что любятъ, сравнительно съ самими собою. Когда считаютъ объектъ своей любви ниже себя, то имѣютъ къ нему простое пристрастіе; когда считаютъ его равнымъ себѣ—это называется дружбою; а когда его превозносятъ, подобная страсть можетъ быть названа благоговѣніемъ. Такъ можно имѣть пристрастіе къ цвѣтамъ, къ птицамъ, къ лошади, Но, если только не обладаютъ разстроеннымъ разсудкомъ, нельзя имѣть дружбы ни къ кому, кромѣ людей. И послѣдніе—столь естественный объектъ этой страсти, что нѣтъ настолько несовершеннаго человѣка, къ которому нельзя было бы питать дружбы, когда влюбленъ и имѣешь душу дѣйствительно высокую и благородную, о чемъ рѣчь будетъ дальше въ §§ 144 и 146. Что касается благоговѣнія, то главнымъ его объектомъ является Божество, къ которому нельзя оставаться не благоговѣющимъ, если познать Его, какъ должно; но можно также имѣть благоговѣніе къ своему повелителю, своей странѣ, своему городу и даже къ обыкновенному человѣку, поскольку уважаешь его больше себя. Слѣдовательно, различіе между этими тремя видами любви проводится главнымъ образомъ по ихъ результатамъ. Ибо поскольку во всѣхъ видахъ любви считаютъ себя связанными съ любимомъ предметомъ, всегда готовы оставить худшую часть всего, что связано съ нею, чтобы сохранить другую часть: отсюда и получается, что любимому предмету отдаютъ предпочтеніе передъ предметомъ простого увлеченія и, обратно, въ благоговѣніи отдаютъ предпочтеніе вещи любимой само по себѣ, за которую не побоятся умереть, лишь бы сохранить ее. Примѣры этому мы часто видимъ въ тѣхъ, кто готовъ умереть для защиты своего государя, или города, или даже частныхъ, боготворимыхъ имъ лицъ.

84. *Нѣтъ столько видовъ ненависти, какъ любви.*

Хотя ненависть прямо противоположна любви, однако ее не подраздѣляютъ на столько же видовъ по той причинѣ, что не замѣчаютъ между бѣдами добровольно избѣгаемыми того различія, какое дѣлаютъ для благъ, съ коими связаны.

85. *Объ удовольствіи и объ отвращеніи.*

Я нахожу только одно важное различіе одинаковымъ и въ любви и въ ненависти. Оно состоитъ въ томъ, что объекты той и другой изъ страстей могутъ быть представлены душѣ либо внѣшними чувствами, либо внутреннимъ чувствамъ и помощью собственныхъ усилій души. Вѣдь вообще, добромъ и зломъ мы называемъ то, что наши внутреннія чувства или разумъ принуждаютъ насъ расцѣнивать какъ пригодное или противное нашей природѣ, но мы также называемъ красивымъ или безобразнымъ то, что намъ представляется внѣшними нашими чувствами, главнымъ образомъ зрѣніемъ, которое важнѣе прочихъ чувствъ. Отсюда—два рода любви: именно, любовь, питаемая къ хорошимъ вещамъ, и любовь, питаемая къ красивымъ вещамъ; этому послѣднему роду можно дать имя удовольствія, чтобы не смѣшивать его съ другими родами любви, а также съ вожделѣніемъ, которому часто даютъ имя любви. Отсюда же порождается и два вида ненависти; одна ненависть относится къ дурнымъ вещамъ, другая къ безобразнымъ; послѣдняя можетъ быть названа для отличія ужасомъ или отвращеніемъ. Но особенно замѣчательно здѣсь то, что страсти удовольствія и отвращенія

обычно болѣе сильны, нежели иные виды любви и ненависти, ибо все, доходящее до души чрезъ посредство ея чувствъ, затрагиваетъ ее сильнѣе, чѣмъ представляемое ей разумомъ; однако, указанныя страсти обычно имѣютъ меньше истинности. Значитъ, изъ всѣхъ страстей это тѣ, которыя особенно обманываютъ душу, и ихъ должно заботливо остерегаться.

86. *Опредѣленіе желанія.*

Страсть желанія есть возбужденіе души, причиняемое „духами“, и побуждающее душу желать для будущаго вещей, кажущихся ей пригодными. Такъ, желаютъ не только наличности отсутствующаго блага, но и сохраненія настоящаго и даже болѣе, желаютъ отсутствія зла, какъ имѣвшагося, такъ и того, въ возможность полученія котораго въ будущемъ вѣрятъ.

87. *Эта страсть не имѣетъ противоположной.*

Я хорошо знаю, что въ школьной философіи страсти, стремящейся къ отысканію блага,—ее именуютъ желаніемъ,—противопоставляютъ ту страсть, которую именуютъ отвращеніемъ. Но такъ какъ нѣтъ блага, лишеніе коего не составляло бы зла, равно нѣтъ и зла,—разсматриваемаго какъ нѣчто положительное,—лишеніе котораго не составляло бы блага, и такъ какъ, изыскивая, напримѣръ, богатства, необходимо избѣгаютъ нищеты, избѣгая болѣзней, ищутъ здоровья и т. под., то въ виду всего этого мнѣ кажется, что одинъ и тотъ же процессъ постоянно ведетъ къ изысканію добра и, одновременно, къ избѣжанію зла, ему противоположнаго. Я здѣсь отмѣчу только ту разницу, что когда стремятся къ какому либо благу то, желаніе сопровождается любовью, а также надеждою и радостью; но то же самое желаніе, будучи направлено на отстраненіе зла, противоположнаго данному благу, сопровождается ненавистью, отчаяніемъ, печалью; это—причина того, что считаютъ желаніе какъ бы противоположнымъ самому себѣ. Но разъ захотятъ понять, что оно одновременно одинаково относится къ искомому добру и къ избѣгаемому злу, то можно очень ясно увидѣть, какъ одна и та же страсть производитъ и то и другое.

88. *Различные виды желанія.*

Больше основаній существуетъ для раздѣленія желанія на столько видовъ, сколько имѣется различныхъ искомыхъ вещей;

такъ, напримѣръ, любопытство,—ни что иное какъ желаніе знать,— во многомъ отличается отъ желанія славы, а это послѣднее отъ желанія мести и отъ прочихъ видовъ. Но здѣсь достаточно знать, что такихъ видовъ существуетъ столько же, сколько имѣется различныхъ видовъ любви и ненависти, и что наиболѣе важные и сильные изъ нихъ суть тѣ, которые порождаются удовольствіемъ и отвращеніемъ.

89. *Что за желаніе порождается отвращеніемъ.*

Итакъ, одно и то же желаніе клонится къ отысканію добра и избѣжанію противоположнаго ему зла, ибо, какъ уже было сказано, желаніе, которое порождаетъ удовольствіе, немногимъ отличается отъ того, которое порождаетъ отвращеніе; вѣдь это удовольствіе и это отвращеніе, дѣйствительно противоположные, отнюдь не есть добро и зло, служащіе объектами такихъ желаній, а только два душевныхъ движенія, располагающія душу искать всѣхъ весьма различныхъ вещей: именно отвращеніе дано отъ природы, чтобы представлять душѣ внезапную, непредвидѣнную смерть, такъ что будь иногда это прикосновеніе червяка, шорохъ дрожащаго листка или его тѣнь, вызывающая ужасъ, однако чувствуютъ при этомъ такую эмоцію, словно открывалась глазамъ ясная опасность смерти. Это внезапно производитъ волненіе, побуждающее душу прилагать всѣ силы для избѣжанія наличнаго зла; вотъ подобный видъ желанія вообще и называютъ бѣгствомъ или отвращеніемъ.

90. *Желаніе, порождающее удовольствіе.*

Напротивъ, удовольствіе особо установлено отъ природы въ цѣляхъ представлять наслажденіе тѣмъ, что́ удовлетворяетъ какъ наибольшее изъ всѣхъ благъ, доступныхъ человѣку; потому и желаютъ этого наслажденія особенно пылко. Правда, существуетъ много удовольствій различной силы, и желанія порождаемыя ими не одинаково могучи. Такъ, напримѣръ, красота цвѣтовъ побуждаетъ насъ только разсматривать ихъ, а таковая же красота плодовъ—ѣсть ихъ. Но главный видъ желанія возбуждается совершенствомъ, воображаемымъ въ личности, которую склонны считать своимъ вторымъ „я“. Съ различіемъ половъ, вложеннымъ въ людей такъ же, какъ и въ неразумныхъ животныхъ, природою, послѣдняя послала въ мозгъ различныя впечатлѣнія, благодаря которымъ въ извѣстный возрастъ и опредѣленное время люди считаютъ себя какъ бы незаконченными (defectueux), какъ бы только половинкою цѣлаго, другой половинкою котораго должна быть особь другого пола, такъ что пріобрѣтеніе этой половинки смутно представляется природою, какъ наиболѣе важное изъ всѣхъ вообразимыхъ благъ. Замѣчая многихъ особей этого иного пола, одновременно желаютъ не многихъ, поскольку природа не располагаетъ воображать, будто имѣется потребность болѣе, чѣмъ въ половинкѣ. Когда же въ особи, которая доставляетъ удовольствіе, замѣчаютъ нѣчто исключительное, сравнительно съ тѣмъ, что замѣчаютъ въ данное время въ иныхъ особяхъ, то это побуждаетъ душу только къ одной той особи чувствовать всю склонность, помощью которой природа дала средство изыскивать благо, представляемое душою какъ величайшее, какимъ только возможно обладать. И эта склонность или желаніе, порождаемое также удовольствіемъ, именуется любовью обычнѣе, нежели вышеописанная страсть любви. Она имѣетъ наиболѣе изумительные результаты и служитъ главнымъ матеріаломъ для романистовъ и поэтовъ.

91. *Опредѣленіе радости.*

Радость—пріятная эмоція души, въ которой имѣется наслажденіе отъ обладанія благомъ, представляемымъ душѣ черезъ впечатлѣніе въ мозгу, какъ ея собственное. Я говорю, что наслажденіе благами состоитъ въ этой эмоціи: ибо, въ концѣ концовъ, душа не получаетъ иного плода отъ всѣхъ благъ, какими она располагаетъ, и если, при наличности этихъ благъ, не испытывается никакой радости, то можно сказать, что душа связана съ ними не болѣе того, какъ если бы она вовсе не обладала ими. Я утверждаю сверхъ того, что впечатлѣнія въ мозгу представляютъ душѣ, какъ собственность, внѣшнее благо; я дѣлаю такъ, чтобы не смѣшивать этой радости—страсти съ чисто интеллектуальной радостью, возникающей въ душѣ единственно благодаря дѣятельности самой души; подобную радость можно назвать наипрекраснѣйшей изъ существующихъ въ душѣ эмоцій; въ ней заключено наслажденіе отъ обладанія благомъ, которое представляется душѣ разсудкомъ какъ ея собственность. Правда, разъ душа связана съ тѣломъ, эта интеллектуальная радость почти не можетъ оставаться безъ сопровожденія страстями. Лишь только нашъ разумъ восприметъ, что мы обладаемъ извѣстнымъ благомъ, то, хотя бы это благо отличалось отъ всего, принадлежащаго тѣлу, хотя бы оно не было цѣликомъ вообразимо, воображеніе наше все же не замедлитъ сдѣлать содержательнымъ извѣстное впечатлѣніе въ мозгу, отъ коего послѣдуетъ движеніе „духовъ", вызывающее страсть радости.

92. *Опредѣленіе печали.*

Печаль есть непріятная слабость, въ которой имѣется то неудобство, что душа получаетъ зло или недостатокъ, и послѣдній представляется впечатлѣніями въ мозгу какъ принадлежащій ей самой. Бываетъ также печаль интеллектуальная; это не страсть, но она почти всегда сопровождается ею.

93. *Каковы причины этихъ двухъ страстей.*

Когда интеллектуальныя радость или печаль вызываютъ также и тѣ радость и печаль, которыя относятся къ страстямъ, то причина этого достаточно очевидна. Въ опредѣленіи этихъ страстей усмотрѣно, какъ радость вытекаетъ изъ убѣжденія, что располагаютъ извѣстнымъ благомъ, а печаль — изъ убѣжденія, что обладаютъ извѣстнымъ зломъ или недостаткомъ. Но часто случается, что чувствуютъ себя веселыми или опечаленнымъ, не будучи въ состояніи раздѣльно указать добро или зло, причиненное имъ; это именно въ томъ случаѣ, когда добро или зло являются впечатлѣніями мозга безъ связи съ душою, иногда по той причинѣ, что они принадлежатъ только тѣлу, а иногда потому, что и въ случаѣ ихъ отношенія къ душѣ, послѣдняя разсматриваетъ ихъ не какъ добро или зло, а подъ иной формой,—впечатлѣніе отъ этой послѣдней связано съ таковымъ же впечатлѣніемъ добра или зла въ мозгу.

94. *Какъ эти страсти вызываются благами и бѣдами, зависящими только отъ тѣла, и въ чемъ состоитъ раздраженіе чувствъ и боль.*

Пребывая, напримѣръ, въ полномъ здоровьи при погодѣ болѣе ясной, чѣмъ обычно, чувствуютъ въ себѣ извѣстную оживленность; послѣдняя вытекаетъ не изъ какой либо дѣятельности разума, а только изъ впечатлѣній, производимыхъ движеніемъ „духовъ" въ мозгу. Подобнымъ же образомъ чувствуютъ себя унылыми, если къ тому расположено тѣло, хотя бы совершенно не знали объ этомъ. Оживленность такъ близка къ радости, а боль къ печали, что большинство людей ихъ не различаютъ. Однако онѣ различаются такъ сильно, что можно иногда

переносить боль съ радостью и испытывать непріятность отъ оживленности. Причина же слѣдованія радости за оживленностью та, что все именуемое оживленностью или чувствомъ пріятнаго состоитъ въ томъ, что объекты чувствъ вызываютъ извѣстное движеніе въ нервахъ; это движеніе было бы способно вредить нервамъ, если бы послѣдніе не имѣли достаточно силы, чтобы ему сопротивляться, или если бы тѣло не оказывалось хорошо сложеннымъ; оттого-то впечатлѣніе въ мозгу, установленное по природѣ, чтобы свидѣтельствовать это доброе расположеніе и эту силу, представляетъ ее душѣ какъ благо, ей принадлежащее, поскольку душа связана съ тѣломъ, и такимъ образомъ вызываетъ въ ней радость. Почти на томъ же основаніи естественно считаютъ за удовольствіе чувствовать себя побуждаемыми всякаго рода страстями, даже печалью и ненавистью, если эти страсти причиняются лишь чужими похожденіями,—какъ ихъ видятъ въ театрѣ,—или иными подобными вещами, которыя, не имѣя возможности вредить намъ какимъ либо образомъ, оживляютъ, какъ намъ кажется, душу, касаясь ея. И причина обычнаго сопровожденія боли печалью та, что чувство, называемое болью, исходитъ всегда отъ извѣстнаго дѣйствія, столь жестокаго, что оно вредитъ нервамъ; такимъ образомъ, будучи по природѣ установлена для обозначенія въ душѣ вреда, который получаетъ тѣло чрезъ данное дѣйствіе, и для обозначенія слабости тѣла въ томъ смыслѣ, что послѣднее не можетъ сопротивляться, боль представляетъ и то, и другое, какъ бѣдствія, всегда непріятныя, исключая, когда они производятъ извѣстныя блага, цѣнимыя особенно высоко.

95. *Какъ страсти могутъ также вызываться вовсе не замѣчаемыми душою благами и бѣдами, хотя послѣднія и принадлежатъ душѣ. Что за удовольствіе получаютъ отъ опасности или отъ воспоминанія о прошломъ злѣ.*

Таково удовольствіе, получаемое зачастую молодежью отъ занятій трудными вещами и сопряженное съ большими опасностями, при томъ безъ надежды получить какую либо выгоду или славу: подобное удовольствіе проистекаетъ изъ того, что мысль о трудности предпринятаго производитъ въ мозгу впечатлѣніе, которое, будучи связано съ мыслью о томъ, какъ хорошо чувствовать себя столь храбрымъ, столь счастливымъ, столь правдивымъ или столь сильнымъ, чтобы имѣть въ данный моментъ отвагу, является причиной удовольствія, почерпаемаго этими лицами. А удовольствіе стариковъ, когда они вспоминаютъ о бѣдствіяхъ, какія нѣкогда претерпѣвали, возникаетъ въ силу того, что они представляютъ какъ благо возможность уцѣлѣть, несмотря на все испытанное.

96.* *Какія движенія крови и „духовъ“ причиняютъ пять предшествующихъ страстей.*

Пять страстей, о которыхъ я началъ говорить, такъ связаны одна съ другою или противоположны другъ другу, что легче обсудить ихъ всѣ вмѣстѣ, нежели трактовать о каждой по отдѣльности, какъ трактовалось объ удивленіи. Причина ихъ кроется не исключительно въ мозгу, какъ при удивленіи, но и въ сердцѣ, въ селезенкѣ, въ желудкѣ и во всѣхъ остальныхъ частяхъ тѣла, поскольку эти части служатъ воспроизведенію „духовъ“ въ крови; ибо, хотя всѣ вены проводятъ содержащуюся въ нихъ кровь къ сердцу, тѣмъ не менѣе иногда кровь однѣхъ венъ вталкивается туда съ большею силою, чѣмъ кровь другихъ; бываетъ также, что отверстія, по которымъ она идетъ въ сердце, болѣе расширены или стянуты въ тотъ или другой моментъ.

97. *Главныя данныя, служащія познанію этихъ движеній при любви.*

Разсматривая различныя измѣненія, которыя по опыту замѣчаются въ нашемъ тѣлѣ во время возбужденія души различными страстями, относительно любви,—когда на лицо только одна она, т. е. когда она не сопровождается никакою сильною радостью, либо желаніемъ, либо печалью,—я отмѣчу, что біеніе пульса бываетъ ровнымъ и гораздо болѣе значительнымъ и сильнымъ, нежели обычно; испытываютъ тогда пріятную теплоту въ груди и пищевареніе совершается скорѣе: слѣдовательно эта страсть полезна для здоровья.

98. *При ненависти.*

Напротивъ, при ненависти я отмѣчу, что пульсъ неровенъ и незначителенъ, часто особенно живъ, такъ что ощущаютъ въ груди холодъ, смѣшанный съ какимъ то, я не знаю, терпкимъ и раздражающимъ жаромъ въ груди; желудокъ отказывается служить и склоненъ отвергать и выбрасывать пищу или, по меньшей мѣрѣ, разрушать и превращать ее въ дурную жидкость.

99. *При радости.*

При радости пульсъ ровенъ и болѣе оживленъ, чѣмъ обычно, но не такъ силенъ и частъ какъ при любви; ощущаютъ не только въ груди, но и по всей периферіи тѣла пріятную теплоту, распространяющуюся съ кровью, которая направляется туда въ изобиліи; иногда, однако, теряютъ аппетитъ, ибо пищевареніе слабѣе обычнаго.

100. *При печали.*

При печали пульсъ плохъ и слабъ; чувствуютъ какъ бы оковы около сердца, сжимающія его, льдины, холодящія его и вообще ознобъ во всемъ тѣлѣ; однако иной разъ не теряютъ аппетита и чувствуютъ, что желудокъ исправенъ, лишь бы не соединялась съ печалью ненависть.

101. *При желаніи.*

Наконецъ, я отмѣчу въ частности о желаніи, что оно дѣйствуетъ на сердце сильнѣе прочихъ страстей и наполняетъ мозгъ большимъ количествомъ „духовъ“, которые, проходя оттуда въ мускулы, обостряютъ всѣ чувства и дѣлаютъ всѣ части тѣла болѣе подвижными.

102. *Движенія крови и „духовъ“ при любви.*

Эти, а равно и многія иныя соображенія, слишкомъ пространныя, чтобы говорить о нихъ, дали мнѣ поводъ полагать, что, когда разсудокъ представляетъ извѣстный объектъ любви, то впечатлѣніе, оказываемое мыслью на мозгъ, проводитъ „животные духи“ чрезъ нервы шестой пары къ мускуламъ вокругъ внутренностей и желудка именно такъ, какъ то потребно, дабы желудочный сокъ, обращающійся въ новую кровь, стремительно направлялся къ сердцу, не задерживаясь въ печени; кровь, будучи толкаема тамъ съ большею, нежели въ иныхъ частяхъ тѣла, силою, входитъ въ избыткѣ и производитъ особенно сильную теплоту по той причинѣ, что она болѣе сгущена нежели та кровь, которая была уже разрѣжаема много разъ при удаленіи отъ сердца и возвращеніи къ нему; оттого кровь отвлекаетъ также къ мозгу „духи“, частицы которыхъ крупнѣе и подвижнѣе обычнаго; и эти „духи“, усиливая впечатлѣніе, произведенное въ мозгу первой мыслью о любимомъ предметѣ, заставляетъ душу возвращаться къ ней. Вотъ въ чемъ состоитъ страсть любви.

103. *При ненависти.*

Наоборотъ, при ненависти первая мысль о предметѣ отвращенія такъ направляетъ „духи“ мозга къ мускуламъ желудка и прочихъ внутренностей, что они препятствуютъ желудочному соку смѣшиваться съ кровью, замыкая всѣ отверстія, по которымъ онъ обычно идетъ; ненависть ведетъ „духовъ“ также къ небольшимъ нервамъ селезенки и нижней части печени, гдѣ помѣщается пріемникъ желчи, такъ что частицы крови, обычно забрасываемыя къ этимъ мѣстамъ, оттуда выходятъ и текутъ къ сердцу совмѣстно съ тѣми частицами, которыя находятся въ развѣтленіяхъ полой вены; въ этомъ причина значительной неравномѣрности въ теплотѣ сердца, ибо кровь, направляющаяся отъ селезенки, не согрѣвается и мало разрѣжается, а кровь, идущая отъ нижней части печени, гдѣ постоянно имѣется желчь, наоборотъ смѣшивается и разрѣжается очень быстро; потому-то „духи“, направляющіеся въ мозгъ, имѣютъ неравныя частицы и очень необычныя движенія; отсюда и слѣдуетъ, что они усиляютъ идеи ненависти, которыя тамъ уже запечатлѣны, и располагаютъ душу къ мыслямъ, полнымъ ѣдкости и горечи.

104. *При радости.*

При радости возбуждаются не столько нервы селезенки, печени, желудка и внутренностей, сколько нервы, находящіеся въ остальномъ тѣлѣ и особенно въ отверстіяхъ сердца, которое, открывая и удлиняя эти отверстія, даетъ возможность крови, толкаемой отъ венъ къ сердцу, входить оттуда въ количествѣ большемъ обычнаго; и въ виду того, что кровь, входящая снова въ сердце, уже проходила и отходила много разъ, направляясь изъ артеріи въ вены, кровь очень быстро разрѣжается и производитъ „духовъ“, частицы которыхъ, будучи равны и тонки, способны образовать и усилить впечатлѣнія мозга, дающія душѣ мысли веселыя и успокоительныя.

105. *При печали.*

Напротивъ, при печали отверстія сердца стянуты посредствомъ маленькаго нерва, окружающаго ихъ, и кровь венъ вовсе не возбуждается, отчего ея очень мало идетъ къ сердцу; однако тѣ проходы, по которымъ желудочный сокъ течетъ изъ желудка и внутренностей къ печени, остаются открытыми, отчего аппетитъ нисколько не уменьшается, исключая, когда ненависть, часто связанная съ печалью, закрываетъ эти проходы.

106. *При желаніи.*

Наконецъ, страсть желанія имѣетъ ту особенность, что наличное желаніе удержать извѣстное благо или избѣжать извѣстнаго зла быстро отзываетъ „духовъ“ мозга ко всѣмъ частямъ тѣла, какія могутъ служить дѣйствіямъ, требуемымъ для данной цѣли, а, особенно, къ сердцу и частямъ тѣла, преимущественно снабжающимъ сердце кровью; это происходитъ въ тѣхъ цѣляхъ, дабы сердце, получая крови болѣе обычнаго, отсылало большее количество „духовъ“ къ мозгу какъ для того, чтобы поддерживать и усилять тамъ одно это желаніе, такъ и для перехода „духовъ“ оттуда во всѣ органы чувствъ и во всѣ мускулы, которые могутъ содѣйствовать удержанію желаемаго.

107. *Какова причина этихъ движеній при любви.*

Изъ всего вышесказаннаго я вывожу, что имѣется слѣдующая связь между нашею душою и тѣломъ: разъ мы однажды связали извѣстное тѣлесное движеніе съ душевнымъ, то послѣ каждое изъ этихъ двухъ никогда не появляется безъ наличности другого. Это замѣчается на тѣхъ, кто будучи боленъ, съ отвращеніемъ принялъ какую либо микстуру; эти лица послѣ не могутъ ни пить, ни ѣсть ничего приближающагося къ ней ко вкусу безъ того, чтобы не испытывать того же отвращенія; и, параллельно, они не могутъ подумать объ отвратительности лекарства безъ того, чтобы не пришелъ на мысль этотъ вкусъ. Мнѣ кажется, первыя страсти, полученныя нашею душою, когда она только что соединилась съ тѣломъ, должны были быть таковы, что иногда кровь или иной входящій въ сердце сокъ становились болѣе пригодной, чѣмъ обычно, пищей для поддержки теплоты—жизненнаго начала; это являлось причиною того, что душа соединяла съ собою желаніе данной пищи, т. е. любила ее; а въ то же время „духи“ направлялись отъ мозга къ мускуламъ, которые могли подавлять или возбуждать тѣ органы, откуда кровь шла къ сердцу;—мускулы и вызывали преимущественно это; а такими органами были желудокъ и внутренности, волненіе которыхъ увеличивало желаніе, а также почки и легкія, которыя могутъ подавлять мускулы діафрагмы; поэтому-то такое движеніе „духовъ“ постоянно и сопровождало страсть любви.

108. *При ненависти.*

Иногда, наоборотъ, притекалъ къ сердцу какой либо чуждый сокъ, которому не было свойственно поддерживать теплоту или который могъ даже уничтожить послѣднюю; это и послужило причиной того, что „духи“, восходя отъ сердца къ мозгу, производили въ душѣ страсть ненависти; въ то же время эти „духи“ шли отъ мозга къ нервамъ, которые могли толкать кровь селезенки и маленькихъ венъ печени къ сердцу, чтобы помѣшать вредному соку туда входить; особенно направлялись „духи“ къ тѣмъ нервамъ, которые могли отталкивать этотъ сокъ ко внутренностямъ и желудку или же въ иныхъ случаяхъ принудить желудокъ выбросить сокъ: отсюда и происходитъ, что одни и тѣ же движенія обычно сопровождаютъ страсть ненависти. И можно наглядно видѣть, что въ печени существуетъ запасъ венъ или путей достаточно широкихъ; отсюда желудочный сокъ можетъ проходитъ изъ воротной вены въ полую, а оттуда въ сердце, ничуть не задерживаясь въ печени; существуетъ также безконечное множество другихъ болѣе мелкихъ путей, на которыхъ сокъ можетъ быть задержанъ и которые всегда содержатъ запасную кровь, чтó также выполняетъ и селезенка; подобная кровь будучи гуще, чѣмъ кровь другихъ частей тѣла, отлично можетъ служить пищей для пламени сердца, когда желудокъ и внутренности отказываются поддерживать это пламя.

109. *При радости.*

Случалось также въ началѣ нашей жизни, что содержавшаяся въ венахъ кровь была достаточно пригодною пищей, чтобы поддерживать теплоту сердца; кровь содержалась тамъ въ такомъ количествѣ, что не было необходимости брать какую либо иную пищу; это вызывало въ душѣ страсть радости и одновременно пріоткрывало отверстія сердца, а „духи“, въ изобиліи протекая отъ мозга не только въ нервы, служащіе открытію этихъ отверстій, но и во всѣ вообще прочіе нервы, толкающіе кровь венъ къ сердцу, препятствовали крови вновь проникать въ желудокъ, селезенку, печень и внутренности: вотъ почему эти движенія сопровождаютъ радость.

110. *При печали.*

Иногда, наоборотъ, случалось, что тѣло имѣло недостатокъ въ пищѣ и это должно было причинять душѣ первую печаль; послѣдняя однако не была связана съ ненавистью. По указанной причинѣ отверстія сердца сокращались вслѣдствіе малаго притока крови и довольно замѣтная часть крови отвлекалась отъ селезенки, ибо эта является какъ бы послѣднимъ резервуаромъ, снабжающимъ сердце кровью, когда ея ни откуда не притекаетъ въ достаточномъ количествѣ: поэтому-то движенія „духовъ“ и нервовъ, служащихъ суженію отверстій сердца и введенію туда крови селезенки, всегда сопутствуютъ печали.

111. *О желаніи.*

Въ концѣ концовъ всѣ первыя желанія, какія душа могла имѣть, когда она впервые была связана съ тѣломъ, существовали, дабы душа получала вещи пригодныя для тѣла и отвергала вредныя; въ этихъ цѣляхъ „духи“ и начали съ той поры двигать всѣ мускулы и всѣ органы чувствъ самымъ различнымъ образомъ; это—причина того, что теперь, когда душа желаетъ чего либо, все тѣло становится болѣе проворнымъ и болѣе предрасположеннымъ двигаться, чѣмъ обычно. И когда иной разъ случится, что тѣло такъ предрасположено, то желанія представляются душѣ болѣе сильными и болѣе пылкими.

112. *Внѣшніе знаки этихъ страстей.*

Изъ того, что я отмѣтилъ здѣсь, достаточно понятна причина различія пульса и другихъ признаковъ, которые я выше приписалъ этимъ страстямъ, и нѣтъ необходимости возвращаться къ ихъ особому изложенію. Но такъ какъ я лишь отмѣтилъ, чтó можетъ наблюдаться въ каждой, отдѣльно взятой, страсти и чтó служитъ познанію движеній крови и „духовъ“, производимыхъ послѣднею, то мнѣ еще остается указать многочисленные внѣшніе знаки, обычно сопровождающіе страсти; эти знаки замѣчаются значительно лучше, когда страсти смѣшаны, какъ-то обычно бываетъ, нежели когда онѣ раздѣлены. Главные изъ этихъ знаковъ:—выраженіе глазъ и лица, измѣненіе окраски, дрожь, слабость, обморокъ, смѣхъ, слезы, стоны и вздохи.

113. *Выраженіе глазъ и лица.*

Нѣтъ ни единой страсти, которыя не обнаруживалась бы въ особомъ выраженіи глазъ: въ иныхъ людяхъ это проявляется такъ рѣзко, что даже наиболѣе глупые изъ слугъ могутъ замѣтить по глазамъ, сердится на нихъ хозяинъ или нѣтъ. Но хотя эти выраженія глазъ легко воспринимаются и хотя извѣстно, что́ они знаменуютъ собою, однако трудно ихъ описать по той причинѣ, что каждое составлено изъ многочисленныхъ измѣненій въ движеніи и формѣ глаза; эти измѣненія столь различны и малы, что каждое изъ нихъ не можетъ быть воспринято въ отдѣльности, хотя то, что образуется изъ ихъ соединенія, легко замѣтить. Почти то же самое можно сказать и о выраженіяхъ лица, сопровождающихъ страсти; хотя эти измѣненія значительнѣе измѣненій глаза, однако трудно ихъ различить; они столь мало различаются, что бываютъ люди, которые при плачѣ дѣлаютъ мину почти одинаковую съ той, при которой другіе смѣются. Правда, есть нѣкоторые признаки достаточно замѣтные, какъ морщины на лбу при гнѣвѣ и опредѣленныя движенія носа и губъ при недовольствѣ и насмѣшкѣ; но они не столь прирожденны, сколько произвольны. И вообще всѣ выраженія, какъ лица, такъ и глазъ, могутъ быть измѣняемы душою, когда она, желая скрыть свою страсть, мгновенно отражаетъ на нихъ противоположное; слѣдовательно, эти признаки могутъ также отлично служить сокрытію страстей, какъ и ихъ обнаруженію.

114. *Измѣненіе окраски лица.*

Нельзя легко помѣшать себѣ краснѣть или блѣднѣть, разъ къ тому располагаетъ извѣстная страсть, ибо эти измѣненія не зависятъ отъ нервовъ и мускуловъ, какъ предыдущія, а идутъ болѣе непосредственно отъ сердца, которое можно назвать источникомъ страстей, поскольку оно приготовляетъ кровь и „духи“ къ появленію ихъ, страстей. Достовѣрно, что тотъ или иной цвѣтъ придаетъ лицу кровь, которая, непрестанно протекая отъ сердца черезъ артеріи во всѣ вены и изъ венъ въ сердце, въ большей или меньшей степени окрашиваетъ лицо, сообразно тому, въ какомъ количествѣ наполняются кровью маленькія вены, прилегающія къ его поверхности.

115. *Радость заставляетъ краснѣть.*

Радость, напримѣръ, придаетъ лицу окраску болѣе живую и болѣе румяную, ибо по открытіи, благодаря ей, полости сердца, кровь быстрѣе течетъ во всѣ вены и, становясь болѣе теплой и прозрачной, заполняетъ постепенно всѣ части лица, что придаетъ послѣднему выраженіе смѣющееся и болѣе оживленное.

116. *Печаль заставляетъ блѣднѣть.*

Печаль, напротивъ, сокращая отверстія сердца, замедляетъ теченіе въ венахъ крови, и послѣдняя, охлаждаясь и сгущаясь, имѣетъ необходимость въ меньшемъ мѣстѣ; поэтому отступая въ болѣе широкія, ближайшія къ сердцу, вены, она покидаетъ вены болѣе удлиненныя, замѣтнѣе изъ которыхъ вены лица; это принуждаетъ лицо оставаться болѣе блѣднымъ и сухимъ, особенно когда печаль велика или внезапна, какъ это видно при ужасѣ, неожиданность котораго усиливаетъ процессъ замыканія сердца.

117. *Часто, будучи печальны, краснѣютъ.*

Однако, часто случается, что, будучи печальны, совершенно не блѣднѣютъ, а наоборотъ становятся красными; это должно приписать другимъ страстямъ, соединеннымъ съ печалью, именно, или желанію или, иногда, ненависти. Эти страсти согрѣваютъ или возбуждаютъ кровь, идущую изъ печени и прочихъ внутренностей, толкаютъ ее къ сердцу а оттуда, черезъ большую артерію, къ венамъ лица, такъ что печаль, замыкающая отчасти другія отверстія сердца, не можетъ помѣшать движенію крови, исключая, когда печаль очень велика. Но если печаль даже и не такъ велика, она препятствуетъ крови, проходящей по венамъ, опускаться къ сердцу, поскольку любовь, желаніе или ненависть толкаютъ кровь къ другимъ внутреннимъ органамъ. Вотъ почему кровь, будучи задерживаема вокругъ лица, дѣлаетъ его краснымъ, даже болѣе краснымъ, чѣмъ при радости, по той причинѣ, что цвѣтъ крови тѣмъ лучше, чѣмъ медленнѣе она бѣжитъ, и по той причинѣ, что она по преимуществу собирается въ венахъ лица только тогда, когда отверстія сердца болѣе открыты. Это главнымъ образомъ проявляется при стыдѣ, который составленъ изъ любви къ самому себѣ и изъ желанія избѣжать наличнаго безчестія; въ силу этого кровь идетъ отъ внутреннихъ органовъ къ сердцу, затѣмъ черезъ послѣднее по артеріямъ къ лицу, а вмѣстѣ съ тѣмъ печаль препятствуетъ этой крови возвращаться къ сердцу. То же обнаруживается при плачѣ, такъ какъ, о чемъ я скажу ниже, здѣсь любовь связывается съ печалью, которая причиняетъ много слезъ; и то же самое проявляется въ гнѣвѣ, гдѣ часто простое желаніе мести связано съ любовью, ненавистью и печалью.

118. *Дрожь.*

Дрожь имѣетъ двѣ различныхъ причины: одна изъ нихъ та, что иногда идетъ очень мало „духовъ“ отъ мозга къ нервамъ, а другая та, что ихъ идетъ иногда черезчуръ много, чтобы хорошо замкнуть небольшіе проходы мускуловъ, которые, согласно сказанному въ § 11, должны быть замкнуты, чтобы опредѣлять собою движенія членовъ. Первая причина имѣетъ мѣсто при печали или боязни, совершенно такъ какъ и при дрожи отъ холода, ибо эти страсти столь же хорошо какъ и холодъ воздуха могутъ сгущать кровь настолько, что она оказывается не снабженною достаточнымъ количествомъ „духовъ“ въ мозгу, чтобы проводить ихъ въ нервы. Другая причина имѣетъ мѣсто въ тѣхъ, кто пылко желаетъ чего либо, или кто очень возбужденъ гнѣвомъ, равно какъ и среди тѣхъ, кто пьянъ: указанныя двѣ страсти, какъ и вино, направляютъ иногда въ мозгъ столько „духовъ“, что эти послѣдніе не могутъ быть правильно проводимы оттуда въ мускулы.

119. *Слабость.*

Слабость, это — предрасположеніе успокоиться, пребывать безъ движенія; она чувствуется во всѣхъ членахъ тѣла. Она возникаетъ, какъ и дрожь, отъ того, что недостаточное количество „духовъ“ идетъ въ нервы, но нѣсколько иначе, нежели въ предыдущемъ случаѣ: причина дрожи — недостаточность „духовъ“ въ мозгу, чтобы побуждать къ рѣшеніямъ железу, когда она толкаетъ „духи“ къ извѣстнымъ нервамъ, тогда какъ слабость происходитъ отъ того, что железа не направляетъ „духовъ“ къ однимъ изъ мускуловъ въ большемъ количествѣ, нежели къ другимъ.

120. *Слабость причиняется любовью и желаніемъ.*

Страсть, которая наиболѣе обычно вызываетъ этотъ результатъ, есть любовь, соединенная съ желаніемъ вещи, обладаніе которой невообразимо, какъ возможное въ настоящій моментъ; вѣдь любовь такъ склоняетъ душу обсуждать любимый объектъ, что заставляетъ всѣхъ „духовъ“ мозга представлять ей его образъ и задерживаетъ всѣ движенія железы, не служащія этой цѣли. И нужно отмѣтить относительно желанія, что свойство, которое я ему приписалъ, — дѣлать тѣло болѣе подвижнымъ, — соотвѣтствуетъ ему лишь тогда, когда желаемый предметъ воображаютъ такимъ, что могутъ въ данное время совершить нѣчто, способствующее его пріобрѣтенію; если напротивъ, воображаютъ, что не въ состояніи сдѣлать ничего полезнаго въ этомъ смыслѣ, то все возбужденіе желанія остается въ мозгу, не проникаетъ никоимъ образомъ въ нервы и, будучи направлено исключительно къ укрѣпленію въ мозгу идеи желаемаго, оставляетъ все тѣло ослабѣвшимъ.

121. *Она можетъ также быть причиняема и другими страстями.*

Правда, ненависть, печаль и даже радость могутъ также причинять извѣстную слабость, если онѣ слишкомъ рѣзки, ибо всецѣло занимаютъ душу размышленіемъ надъ предметомъ, особенно когда желаніе вещи направлено на пріобрѣтеніе ея, а этому пріобрѣтенію ничто въ данное время не способствуетъ. Но такъ какъ останавливаются чаще на размышленіи о вещахъ, которыя добровольно относятъ къ себѣ, нежели о тѣхъ, которыя отстраняютъ отъ себя, и о всякихъ иныхъ, и такъ какъ слабость вовсе не зависитъ отъ неожиданности, но требуетъ для своего образованія извѣстнаго времени, то она встрѣчается чаще при любви, нежели при всѣхъ прочихъ страстяхъ.

122. *Обморокъ.*

Обморокъ не далекъ отъ смерти; умираютъ, когда огонь сердца совершенно потухъ, а въ обморокъ падаютъ тогда, когда этотъ огонь такъ подавленъ, что остается еще извѣстный остатокъ теплоты, способный позднѣе вновь его зажечь. Существуетъ много различныхъ болѣзней тѣла, которыя могутъ повергнуть въ обморокъ, но среди страстей только особенная радость отмѣчается, какъ имѣющая такую силу; способъ, какимъ, на мой взглядъ, она производитъ этотъ результатъ, состоитъ въ томъ, что, открывая необычнымъ образомъ отверстія сердца, кровь венъ входитъ туда неожиданно и въ такомъ большомъ количествѣ, что не можетъ быть тамъ разрѣжена теплотою достаточно быстро, чтобы поднять небольшія перепонки, замыкающія входы въ эти вены; посредствомъ этого кровь гаситъ огонь, который обычно поддерживаетъ, когда входитъ въ сердце въ умѣренномъ количествѣ.

123. *Почему совсѣмъ не падаютъ въ обморокъ отъ печали.*

Казалось бы, что большая и внезапная печаль, должна такъ замыкать отверстія сердца, что могла бы гасить указанный огонь; однако этого вовсе не наблюдается, а если и случается такъ, то очень рѣдко; основаніе этому, мнѣ думается, въ томъ, что въ сердцѣ не можетъ находиться столь мало крови, чтобы ея не хватало для поддержки теплоты, разъ клапаны сердца почти закрыты.

124. *Смѣхъ.*

Смѣхъ состоитъ въ томъ, что кровь идущая изъ правой полости сердца чрезъ артеріальную вену, внезапно и на разные лады вздувая легкія, принуждаетъ воздухъ, содержащійся тамъ, стремительно выходить черезъ горло, гдѣ онъ образуетъ неясный и громкій голосъ; какъ эти легкія, вздуваясь, такъ и воздухъ, выходя, толкаютъ всѣ мускулы діафрагмы, груди и горла, посредствомъ чего двигаются лицевые мускулы, имѣющіе извѣстное отношеніе къ тѣмъ мускуламъ; выраженіе лица, съ такимъ неяснымъ и громкимъ голосомъ называютъ смѣхомъ.

125. *Почему смѣхъ вовсе не сопровождаетъ сильнѣйшихъ радостей.*

Хотя, повидимому, смѣхъ является однимъ изъ главныхъ знаковъ радости, однако послѣдняя причиняетъ его лишь тогда, когда она умѣренна и смѣшана съ извѣстной степенью удивленія или ненависти; найдено по опыту, что когда черезчуръ радостны, то предметъ этой радости не вызываетъ взрыва смѣха и что, пожалуй, легче всего вызвать послѣдній печалью, такъ какъ при большихъ радостяхъ легкія всегда переполняются кровью и не могутъ быть особенно раздуваемы.

126. *Двѣ главнѣйшихъ причины смѣха.*

Можно отмѣтить двѣ причины, заставляющихъ легкія внезапно вздуваться. Первая это—внезапность удивленія: будучи связано съ радостью, послѣднее можетъ столь стремительно открыть отверстія сердца, что кровь, вдругъ входя въ правую полость сердца, обильно тамъ разрѣжается и, проходя оттуда къ артеріальной венѣ, вздуваетъ легкія. Другая причина—примѣсь нѣкоторой увеличивающей разрѣженіе жидкости; и я не нахожу ничего исключительнаго въ томъ, что наиболѣе жидкія частицы крови, идущей отъ селезенки, будучи толкаемы къ сердцу опредѣленною легкою эмоціею ненависти, способствуютъ внезапно удивленію и, смѣшиваясь тамъ съ кровью, идущею отъ прочихъ частей тѣла, могутъ вызвать большее, чѣмъ обычно, расширеніе той крови. Опытъ дастъ намъ видѣть, что во всѣхъ случаяхъ раскатистаго смѣха, идущаго отъ печени, имѣется всегда въ виду хотя бы незначительный предметъ ненависти или, по меньшей мѣрѣ, удивленія. А часто послѣ сильнаго смѣха естественно чувствуютъ себя склонными къ печали, ибо наиболѣе жидкія частицы крови, идущія отъ селезенки, изсякаютъ и къ сердцу идетъ другая болѣе грубая кровь.

127. *Какова причина смѣха при негодованіи.*

Что касается смѣха, сопровождающаго иногда негодованіе, то онъ обычно искусственъ и притворенъ. Если же онъ естественъ, то повидимому происходитъ отъ радости, такъ какъ видятъ невозможность быть оскорбленными зломъ, на которое негодуютъ, и, вмѣстѣ, отъ того, что находятся подъ неожиданностью благодаря новизнѣ или внезапной встрѣчи съ этимъ зломъ; такимъ образомъ радость, ненависть и удивленіе здѣсь находятся во взаимодѣйствіи. Однако я желалъ бы думать, что смѣхъ можетъ также вызываться помимо какой либо радости, однимъ только движеніемъ отвращенія, которое отвлекаетъ кровь отъ селезенки къ сердцу, гдѣ она разрѣжается и выталкивается оттуда къ легкимъ, которыя скоро вздуваетъ, находя ихъ почти пустыми. И вообще все, что подобнымъ образомъ можетъ внезапно вздувать легкія, причиняетъ внѣшнее проявленіе смѣха, исключая, когда печаль измѣняетъ это въ проявленіе вздоховъ и криковъ, сопровождающихъ слезы. Объ этомъ между прочимъ касательно самого себя замѣтилъ Вивесъ *): когда онъ долго оставался безъ пищи, то первые куски, которые онъ направлялъ въ ротъ, заставляли его смѣяться; это могло происходить отъ того, что его легкія, свободныя отъ крови, въ силу недостатка питанія, внезапно вздувались первымъ проходившимъ отъ желудка къ сердцу сокомъ и что одно представленіе о ѣдѣ могло этотъ сокъ туда отводить, прежде чѣмъ принимаемая пища доходила до желудка.

---

*) Іоаннъ-Людвигъ Вивесъ (1492—1540)—испанскій гуманистъ XVI вѣка. Вивесъ изучалъ въ Парижѣ философію и позднѣе писалъ по латыни на самыя разнообразныя темы. Здѣсь Декартъ пользуется примѣромъ изъ его трактата „о душѣ“ (книга III, гл. 4, „о смѣхѣ“).

Примѣчаніе переводчика.

128. *Происхожденіе слезъ.*

Какъ смѣхъ никогда не причиняется наивысшею радостью, такъ и слезы происходятъ отнюдь не отъ чрезвычайной печали, а только отъ той, которая умѣренна и сопровождаетъ или слѣдуетъ за извѣстнымъ чувствомъ любви либо также радости. И чтобы лучше уразумѣть ихъ происхожденіе, должно отмѣтить, что хотя всѣ части нашего тѣла безпрерывно выдѣляютъ извѣстное количество паровъ, однако ни откуда не выдѣляется этихъ паровъ столько, какъ изъ глазъ, благодаря величинѣ оптическихъ нервовъ и многочисленности маленькихъ артерій, по которымъ пары тамъ идутъ; слѣдуетъ также отмѣтить, что какъ потъ образуется только изъ паровъ другихъ частей человѣческаго тѣла, обращаясь на ихъ поверхности въ воду, такъ слезы составлены изъ паровъ, выходящихъ изъ глаза.

129. *Какимъ образомъ пары обращаются въ воду.*

Какъ я уже писалъ въ „Метеорахъ“, излагая, какимъ образомъ пары воздуха обращаются въ дождь, это происходитъ оттого, что они менѣе подвижны или болѣе обычнаго насыщены; я думаю также, что когда тѣ пары, которые выходятъ изъ тѣла, оказываются значительно болѣе подвижны, чѣмъ обычно, то даже если бы они не были такъ насыщены, они не замедлили бы обратиться въ воду; это вызываетъ холодный потъ, который причиняется безсиліемъ въ случаѣ болѣзни; и я полагаю, что, когда пары еще обильнѣе, то, не становясь отъ этого подвижнѣе, они также обращаются въ воду,—вотъ причина пота при производствѣ какихъ либо упражненій. Но глаза тогда совершенно не потѣютъ, ибо во время тѣлесныхъ упражненій, когда большая часть „духовъ“ идетъ въ мускулы, служащіе движенію тѣла, только небольшое ихъ число направляется чрезъ оптическіе нервы къ глазамъ. Одна и та же матерія образуетъ кровь, когда она въ венахъ или артеріяхъ, „духовъ“, когда она въ мозгу, нервахъ или мускулахъ, пары, когда она выходитъ въ видѣ воздуха, и, наконецъ, потъ или слезы, когда она сгущается въ воду на поверхности тѣла или глаза.

130. *То, что вызываетъ боль въ глазу, побуждаетъ источать слезы.*

Я могу отмѣтить только двѣ причины того, что пары, выходящіе изъ глазъ, измѣняются въ слезы. Первая выступаетъ тогда, когда фигура поръ, по которымъ пары проходятъ, измѣняется въ силу какой либо случайности; послѣдняя, замедляя движеніе паровъ и измѣняя ихъ порядокъ, можетъ обратить ихъ въ воду. Такъ достаточно соломинкѣ попасть въ глазъ, чтобы вызвать нѣсколько слезинокъ, по той причинѣ, что, вызывая въ глазу боль, соломинка измѣняетъ расположеніе поръ глаза; такимъ образомъ, разъ нѣкоторыя поры сужаются, маленькія частицы паровъ проходятъ туда не столь живо и вмѣсто того, чтобы выходить, какъ раньше, постепенно и оставаться отдѣленными другъ отъ друга, теперь онѣ сталкиваются въ силу того, что порядокъ этихъ поръ нарушенъ, благодаря чему пары соединяются и такъ обращаются въ слезы.

131. *Какъ плачутъ при печали.*

Другая причина плача—печаль, сопровождаемая любовью или радостью или вообще какой либо процессъ, направляющій черезъ артеріи много крови. Печаль тутъ требуется по той причинѣ, что, охлаждая всю кровь, она сокращаетъ поры глазъ; но такъ какъ по мѣрѣ ихъ сокращенія она уменьшаетъ также количество паровъ, которые должны пропускаться порами, то этого недостаточно, чтобы произвести слезы, если одновременно не увеличивается количество паровъ по какой либо иной причинѣ; а нѣтъ ничего, что такъ умножало бы пары, какъ кровь, отвлекаемая къ сердцу при страсти любви. Такъ мы и видимъ, что опечаленные люди не безпрерывно бросаются въ слезы, а вперемежку, послѣ новаго размышленія о предметахъ, ихъ возбудившихъ.

132. *Вздохи, сопровождающіе слезы.*

Легкія также иногда внезапно вздуваются благодаря обилію крови, входящей внутрь ихъ и изгоняющей воздухъ, содержащійся тамъ; этотъ послѣдній, выходя черезъ горло, порождаетъ вздохи и крики, обычно сопровождающіе слезы; такіе крики болѣе рѣзки, нежели тѣ, что сопровождаютъ смѣхъ, хотя они производятся какъ будто бы одинаковымъ образомъ. Причина этому въ томъ, что нервы, удлиняющіе или сокращающіе голосовые органы, чтобы дѣлать голосъ грубѣе либо тоньше, связаны съ тѣми нервами, которые открываютъ отверстія сердца во время радости и сокращаютъ ихъ при печали; благодаря нервамъ эти органы одновременно и удлиняются, и укорачиваются.

133. *Почему дѣти и старики такъ легко плачутъ.*

Дѣти и старики наклонны къ плачу болѣе, нежели люди среднихъ лѣтъ; но вытекаетъ это изъ разныхъ основаній. Старики плачутъ часто отъ возбужденія или отъ радости; вѣдь эти двѣ страсти, будучи соединены, отвлекаютъ значительное количество паровъ къ сердцу и множество паровъ къ глазамъ; и движеніе этихъ паровъ замедляется тамъ благодаря ихъ природной охлажденности, такъ что они легко обращаются въ слезы, хотя бы печаль и не предшествовала тому. Если же нѣкоторые старики легко плачутъ отъ огорченія, то къ этому располагаетъ не столько складъ ихъ тѣла, сколько складъ духа; такъ происходитъ только съ тѣми, кто столь плохъ, что не въ состояніи преодолѣть незначительной боли, страха или жалости. Тоже случается и съ дѣтьми, которые, почти не плача при радости, весьма сильно плачутъ при печали, когда послѣдняя даже не сопровождается любовью; дѣти всегда обладаютъ достаточнымъ количествомъ крови, чтобы производить много паровъ; когда движеніе паровъ замедляется печалью, пары обращаются въ слезы.

134. *Почему нѣкоторые дѣти вмѣсто плача блѣднѣютъ.*

Однако среди дѣтей имѣются такіе, которые, будучи обижены, блѣднѣютъ вмѣсто того чтобы плакать. Это можетъ свидѣтельствовать о присутствіи въ нихъ разсудительности или необычной отваги,—именно тогда, когда они подобно старшимъ обсуждаютъ размѣры зла или приготовляются къ сопротивленію; обычнѣе же это признакъ дурного характера, именно, когда дѣти склонны къ ненависти или страху; ибо эти страсти уменьшаютъ вещество слезъ и, обратно, замѣчено, что тѣ, кто особенно легко плачетъ, склонны къ любви и милосердію.

135. *Вздохи.*

Причина вздоховъ весьма отлична отъ причины слезъ, хотя какъ тѣ, такъ и другія предполагаютъ печаль. Вмѣсто того, чтобы склоняться къ плачу, если легкія полны крови, люди оказываются склонными вздыхать, когда легкія почти пусты; извѣстное представленіе надежды или радости открываетъ отверстіе венозной артеріи, сужавшееся печалью: когда незначительное количество крови, оставшейся въ легкихъ, устремляется неожиданно въ лѣвую полость сердца чрезъ эту венозную артерію и тамъ направляется силою желанія добиться этой радости,—а желаніе въ то же время возбуждаетъ всѣ мускулы діафрагмы и желудка,—тогда воздухъ быстро направляется черезъ ротъ въ легкія, чтобы тамъ занять мѣсто, покидаемое той кровью. Это и называется „вздыхать“.

136. *Откуда проистекаютъ результаты страстей особые для отдѣльныхъ людей.*

Наконецъ, чтобы присоединить сюда то немногое, что можно добавить относительно различія результатовъ или различія причинъ страстей, я удовольствуюсь повтореніемъ принципа, на которомъ все здѣсь описанное зиждется: именно, существуетъ такая связь между нашей душою и тѣломъ, что когда мы однажды имѣли соединенными извѣстный тѣлесный актъ и опредѣленную мысль, то позднѣе ни одно изъ двухъ не представляется намъ иначе, какъ въ связи съ представленіемъ другого; далѣе, не всегда одни и тѣ же дѣйствія связываются съ одними и тѣми же мыслями; этого достаточно, чтобы объяснить все, что каждый можетъ отмѣтить особеннаго въ себѣ или въ другихъ относительно даннаго предмета, который еще вовсе не излагался. Нетрудно, напримѣръ, сообразить, что страшное отвращеніе у нѣкоторыхъ людей, побуждающее ихъ страдать отъ запаха розы, присутствія кошки или чего либо подобнаго, происходитъ только отъ того, что въ началѣ жизни они пострадали отъ подобныхъ предметовъ или же отъ того, что наслѣдовали чувства своей матери, пострадавшей отъ этихъ предметовъ въ состояніи беременности: достовѣрно, что имѣется связь между всѣми движеніями матери и движеніями ребенка въ ея чревѣ, такъ что все противное одной вредитъ и другому. Запахъ розъ могъ причинить большой вредъ головѣ ребенка, когда послѣдній былъ еще въ колыбели, а кошка могла устрашить его, если никто во время не принялъ мѣръ, чтобы ребенокъ не сохранилъ впослѣдствіи о томъ никакого воспоминанія; слѣдовательно, идея отвращенія, которую онъ имѣлъ тогда по отношенію къ этимъ розамъ или той кошкѣ, остается запечатлѣнною въ его мозгу до конца жизни.

137. *Назначеніе пяти изложенныхъ здѣсь страстей, поскольку онѣ относятся къ тѣлу.*

Давши опредѣленіе любви, ненависти, желанія, радости, печали и указавъ всѣ тѣлесныя движенія, которыя ихъ причиняютъ или имъ сопутствуютъ, остается поразмыслить о назначеніи страстей; касательно этого замѣчено, что, сообразно устройству нашей природы, всѣ онѣ имѣютъ отношеніе къ тѣлу и даны душѣ лишь постольку, поскольку она связана съ тѣломъ; слѣдовательно ихъ природное назначеніе—возбуждать душу или содѣйствовать актамъ, способнымъ служить сохраненію тѣла или приведенію его въ болѣе совершенное состояніе; изъ этихъ чувствъ печаль и радость суть два основныхъ, занятыхъ такимъ образомъ. Душа предостерегается относительно вредныхъ для тѣла вещей не непосредственно, а черезъ чувство, получаемое отъ боли, вызывающей прежде всего страсть печали; затѣмъ также чрезъ посредство ненависти къ тому, что причиняетъ эту боль, и, въ третьихъ, чрезъ посредство желанія избавиться отъ боли. Равнымъ образомъ душа увѣдомляется о вещахъ полезныхъ для тѣла не непосредственно, а чрезъ извѣстнаго рода „щекотанье чувствъ“, которое вызываетъ въ ней радость, затѣмъ порождаетъ любовь къ тому, въ чемъ полагаютъ причину радости и, наконецъ, желаніе обладать тѣмъ, что можетъ продлить эту радость или послѣ порадовать. Отсюда видно, что всѣ пять страстей очень полезны для тѣла и что, при этомъ, печаль извѣстнымъ образомъ „первѣе“ и необходимѣе радости, любви, ненависти, по той причинѣ, что для насъ нужнѣе отстраненіе вещей, вредныхъ и разстраивающихъ, нежели пріобрѣтеніе тѣхъ вещей, какія только придаютъ извѣстное совершенство, безъ котораго, однако, можно существовать.

138. *Недостатки страстей и средства ихъ исправленія.*

Хотя такое назначеніе страстей—самое естественное изъ всѣхъ, какія онѣ могутъ имѣть, и хотя даже всѣ неразумныя животныя проводятъ свою жизнь только въ тѣлесныхъ движеніяхъ подобныхъ тѣмъ, какія обычно слѣдуютъ въ насъ за страстями и какимъ послѣднія побуждаютъ слѣдовать нашу душу, тѣмъ не менѣе такое назначеніе страстей не всегда приноситъ пользу, поскольку имѣется множество вредныхъ тѣлу предметовъ, которые не причиняютъ никакой печали, а даже даютъ радость, равно какъ и другихъ, которые полезны тѣлу, хотя первоначально причиняютъ неудобства. И кромѣ того эти предметы, а также блага и непріятности, ими представляемыя, кажутся всегда значительнѣе и важнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, такъ что они побуждаютъ насъ преслѣдовать одно и избѣгать другого съ неподобающе большимъ рвеніемъ и заботой. Это мы и видимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда животныя зачастую вводятся въ просакъ приманкою и, избѣгая малыхъ непріятностей, повергаются въ большія. Вотъ почему намъ надлежитъ пользоваться опытомъ и разумомъ, чтобы отличать добро отъ зла, знать ихъ настоящую цѣнность, чтобы не принять одно за другое и чтобы, излишествуя, не придти къ нулю.

139. *Назначеніе тѣхъ же страстей, поскольку онѣ принадлежатъ душѣ; прежде всего любовь.*

Этого было бы достаточно, имѣй мы одно только тѣло или будь послѣднее лучшею частью насъ; но поскольку оно лишь худшая часть, мы должны главнымъ образомъ обсуждать страсти въ ихъ принадлежности душѣ; по отношенію къ послѣдней любовь и ненависть проистекаютъ отъ знанія и предшествуютъ радости и печали, исключая, когда эти страсти заступаютъ знаніе, видами котораго являются. Когда такое знаніе истинно, т. е. вещи, которыя оно побуждаетъ любить, дѣйствительно хороши, а вещи, возбуждающія въ насъ ненависть, дѣйствительно дурны,—любовь несравненно лучше ненависти; она не можетъ стать чрезмѣрной и всегда вызываетъ радость. Также, я полагаю, эта любовь хороша тѣмъ, что соединяя съ нами дѣйствительно хорошее, она въ силу этого совершенствуетъ насъ. Я повторяю, что она не становится чрезмѣрной, ибо все, что можетъ сдѣлать самая исключительная любовь, это столь совершенно привязать насъ къ даннымъ благамъ, что особая любовь насъ къ самимъ себѣ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ такой любви. А это, я думаю, никогда не можетъ быть дурно. Любовь необходимо сопровождается радостью, ибо представляетъ любимое нами, какъ благо, намъ принадлежащее.

✓ 140. *Ненависть.*

Напротивъ, ненависть, сколь мала она ни будь, не можетъ не вредить; она никогда не бываетъ безъ печали. Я говорю, что она не можетъ быть столь малой: вѣдь мы посредствомъ ненависти къ злу побуждаемся къ дѣйствію, которое могло бы еще лучше проявиться черезъ посредство любви къ благу, противоположному данному злу,—по крайней мѣрѣ, когда это зло достаточно извѣстно. Я признаю, что ненависть ко злу, обнаруживаясь черезъ печаль, необходима для тѣла; но здѣсь я говорю только о той ненависти, которая проистекаетъ изъ наиболѣе яснаго знанія, и отношу ее только къ душѣ. Я утверждаю также, что она никогда не обходится безъ печали, ибо зло, какъ недостатокъ, не можетъ постигаться безъ извѣстнаго реальнаго субъекта, въ которомъ оно заключено, но въ дѣйствительномъ мірѣ не существуетъ ничего, что не имѣло бы въ себѣ извѣстной „благости“, такъ что ненависть, удаляя насъ отъ извѣстнаго зла, удаляетъ тѣмъ самымъ и отъ блага, съ которымъ это зло связано, и лишеніе этого блага, представляясь нашей душѣ какъ присущій ей недостатокъ, вызываетъ въ ней печаль: напримѣръ, ненависть, удаляющая насъ отъ дурныхъ привычекъ какого нибудь лица, тѣмъ самымъ удаляетъ насъ отъ бесѣды съ нимъ, въ которой мы—не случись такъ—могли бы найти извѣстное благо, потерять которое намъ досадно. Подобно и во всѣхъ иныхъ случаяхъ ненависти можно отмѣтить какой либо предметъ печали.

141. *Желаніе, радость и печаль.*

Относительно желанія ясно, что, когда ему предшествуетъ истинное знаніе, желаніе не можетъ быть дурно, лишь бы оно не было чрезмѣрнымъ, и ясно, что это знаніе имъ управляетъ. Ясно также, что въ радости не можетъ не быть хорошаго, а въ печали дурного для души; вѣдь въ печали кроется все неудобство, получаемое душею отъ зла, а въ радости все наслажденіе благомъ, принадлежащимъ душѣ. Такимъ образомъ, не имѣй мы вовсе тѣла, я посмѣлъ бы сказать, что мы не могли бы ни предаваться любви и радости, ни избѣгать ненависти и печали. Тѣлесныя же движенія, сопровождающія страсти, всѣ могутъ быть вредны для здоровья, если они слишкомъ рѣзки, и, наоборотъ, полезны, когда они только умѣренны.

142. *Радость и любовь въ сравненіи съ печалью и ненавистью.*

Наконецъ, разъ ненависть и печаль должны отбрасываться душою, если имъ предшествуетъ истинное знаніе, то съ еще большимъ основаніемъ онѣ должны быть отброшены, когда исходятъ отъ ошибочнаго мнѣнія. Но позволительно сомнѣваться, хороши или нѣтъ любовь и радость, когда они плохо обоснованы. И мнѣ кажется, что если ихъ разбирать, какъ таковыя, въ отношеніи въ душѣ, то можно сказать, что хотя въ этомъ случаѣ радость и менѣе основательна, а любовь менѣе цѣнна, нежели когда онѣ покоятся на лучшемъ основаніи,—все же онѣ предпочтительнѣе печали и ненависти, столь же дурно обоснованнымъ. Поэтому въ жизненныхъ столкновеніяхъ, гдѣ мы не можемъ избѣгнуть опасности быть обманутыми, мы гораздо чаще склоняемся къ страстямъ, которыя влекутъ къ благу, а не къ тѣмъ, которыя обращаются ко злу, хотя бы для избѣжанія послѣдняго; а часто даже ложная радость бываетъ лучше печали, причина которой истинна. Но я не беру смѣлости сказать то же самое о любви въ сопоставленіи съ ненавистью. Вѣдь когда ненависть справедлива, она отдаляетъ насъ только отъ предмета, содержащаго зло, отъ котораго хорошо отдаляться, тогда какъ несправедливая любовь привязываетъ насъ къ вещамъ, могущимъ намъ вредить или по меньшей мѣрѣ не заслуживающимъ съ нашей стороны высокой оцѣнки: а это насъ подчиняетъ и принижаетъ.

143. *Тѣ же страсти въ ихъ отношеніи къ желанію.*

И должно сжато отмѣтить, что указанное по отношенію къ этимъ четыремъ страстямъ, имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ разсматриваются исключительно сами по себѣ, не приводя насъ къ какимъ либо поступкамъ. Поскольку же они вызываютъ въ насъ желаніе, посредствомъ коего и управляютъ нашими нравами, то несомнѣнно, что всѣ страсти, причина которыхъ ложна, могутъ вредить, и, наоборотъ, всѣ тѣ, причина которыхъ истинна, могутъ быть полезны; и даже, если онѣ одинаково дурнымъ образомъ обоснованы, радость обычно вреднѣе печали, такъ какъ эта послѣдняя, придавая намъ сдержанность и боязливость, располагаетъ до извѣстной степени къ благоразумію, тогда какъ радость дѣлаетъ неосмотрительными и неумѣренными тѣхъ, кто погружается въ нее.

144. *Желанія, исполненіе которыхъ зависитъ только отъ насъ.*

Но такъ какъ эти страсти могутъ вести насъ къ поступкамъ лишь при посредствѣ желанія, которое онѣ возбуждаютъ, то мы должны прилагать исключительное стараніе къ управленію этимъ желаніемъ: здѣсь-то и заключается существеннѣйшая польза морали. Какъ я только что сказалъ, желаніе всегда хорошо, разъ оно слѣдуетъ истинному познанію, и не можетъ оно также не быть дурнымъ, когда основано на какомъ либо заблужденіи. Мнѣ думается, что ошибка которую совершаютъ обычно, касаясь желанія, та, что не различаютъ достаточно вещей, зависящихъ исключительно отъ насъ, и тѣхъ вещей, которыя совершенно отъ насъ не зависятъ. О тѣхъ вещахъ, которыя зависятъ только отъ насъ, т. е. отъ нашей свободной воли, достаточно знать, что онѣ хороши, чтобы не желать ихъ съ излишнею горячностью: совершать добро, зависящее отъ насъ, значитъ слѣдовать добродѣтели, а извѣстно, что не имѣютъ слишкомъ пылкаго стремленія къ добродѣтели; кромѣ того, желаемое нами подобнымъ образомъ не можетъ не исполниться, поскольку оно отъ насъ-то и зависитъ; мы тутъ всегда найдемъ ожидаемое удовлетвореніе. Однако ошибка, совершаемая въ подобныхъ случаяхъ, состоитъ не въ томъ, что желаютъ слишкомъ сильно, но всегда въ томъ, что желаютъ слишкомъ мало. А высшее средство противъ этого—освобождать, сколь возможно, духъ отъ всѣхъ видовъ другихъ желаній, менѣе полезныхъ, а затѣмъ стараться яснѣе познать и внимательнѣе разсмотрѣть благія послѣдствія желанія.

145. *Желанія, зависящія отъ иныхъ причинъ; что такое удача.*

Что касается совершенно отъ насъ не зависящихъ вещей, сколь возможно хорошихъ, то ихъ никогда не слѣдуетъ страстно желать, не только потому, что ихъ можетъ и не оказаться,—а это насъ и обманетъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе мы ихъ желали,—но главнымъ образомъ по той причинѣ, что, занимая нашу мысль, онѣ препятствуютъ намъ прилагать стремленіе къ другимъ вещамъ, пріобрѣтеніе которыхъ зависитъ отъ насъ. Существуетъ два главныхъ средства противъ такихъ тщетныхъ желаній: во первыхъ, мы должны быть великодушны, о чемъ я скажу ниже, во вторыхъ, мы должны чаще размышлять о божественномъ Провидѣніи и представлять себѣ невозможность того, чтобы нѣчто случилось иначе, нежели какъ оно предопредѣлено отъ вѣчности этимъ Провидѣніемъ; нѣкоторую фатальность или непреложную необходимость слѣдуетъ противопоставлять удачѣ, чтобы разрушить послѣднюю, какъ химеру, возникающую отъ ошибки нашего разума. Такъ какъ мы можемъ желать только того, что считаемъ въ извѣстной мѣрѣ возможнымъ, и не можемъ считать возможными вещи, вовсе отъ насъ не зависящія, иначе какъ поскольку мы ихъ мыслимъ зависящими отъ удачи, то мы разсуждаемъ, что онѣ могутъ случиться, и что иногда

происходило нѣчто подобное. Слѣдовательно, это мнѣніе основано только на томъ, что мы не знаемъ всего, способствующаго каждому результату; значитъ, когда полагаемаго нами зависящимъ отъ удачи не случается, то это свидѣтельствуетъ что отсутствовала одна изъ причинъ, необходимая для производства даннаго явленія, и что, слѣдовательно, оно было совершенно невозможно и что никогда подобнаго не случалось, т. е. для появленія его также отсутствовала данная причина; такимъ образомъ, если бы мы вовсе не игнорировали этого обстоятельства раньше, мы никогда не считали бы желаемое возможнымъ, слѣдовательно и не желали бы его.

146. *Желанія, зависящія и отъ насъ и отъ другихъ.*

Должно полностью отбросить обычное мнѣніе, что внѣ насъ имѣется удача, дѣлающая такъ, что событія случаются и не случаются согласно ея расположенію; слѣдуетъ знать, что все руководится божественнымъ Провидѣніемъ; вѣчное предписаніе послѣдняго нерушимо и непреложно; поэтому, исключая вещей, которыя само Провидѣніе пожелало поставить въ зависимость отъ нашей свободной воли, мы должны мыслить, что по отношенію къ намъ не случается ничего, что не было бы необходимымъ и какъ бы фатальнымъ, такъ что мы не можемъ безъ заблужденій желать, чтобы это случалось иначе. Но въ силу того, что бо́льшая часть нашихъ желаній распространяется на вещи, которыя цѣликомъ не зависятъ ни отъ насъ, ни отъ кого другого, мы должны точно различать въ нихъ то, что́ зависитъ только отъ насъ, чтобы исключительно на это послѣднее распространять наше желаніе; въ остальномъ же, хотя мы и должны были бы расцѣнивать успѣхъ исключительно какъ фатальный и непреложный, чтобы наше желаніе имъ вовсе не занималось, мы не должны, однако, пренебрегать, обсужденіемъ основаній, которыя позволяютъ въ большей или меньшей степени надѣяться на успѣхъ, съ тѣмъ чтобы эти основанія управляли нашими поступками: такъ, напримѣръ, если мы имѣемъ дѣло въ извѣстномъ мѣстѣ, куда мы могли бы идти двумя различными дорогами, одна ихъ которыхъ обычно болѣе безопасна, нежели другая, то, хотя быть можетъ повелѣніе Провидѣнія будетъ таково, что, пойдя по дорогѣ, считаемой нами болѣе безопасной, мы будемъ тамъ ограблены и что, наоборотъ, мы могли бы пойти другой дорогой безъ всякой опасности, мы вслѣдствіе этого лишь не должны быть безучастны къ выбору той или иной дороги и полагаться на непреложную фатальность этого повелѣнія. Разумъ желаетъ, чтобы мы избрали дорогу обычно болѣе безопасную и наше желаніе относительно этого должно быть исполнено, разъ мы ему уже слѣдовали, какое бы зло насъ ни постигло; вѣдь, будь это зло на нашъ взглядъ неизбѣжно, мы не имѣли бы никакого права желать быть изъятыми изъ него, а только могли бы предпринять все лучшее, что́ доступно нашему разсудку, какъ, я полагаю, мы и сдѣлали бы. Вѣрно, что когда пытаются различать фатальность и удачу, то легко приспособляются управлять своими желаніями такимъ образомъ, что поскольку ихъ исполненіе зависитъ только отъ насъ, желанія всегда могутъ дать намъ полное удовлетвореніе.

147. *Внутреннія волненія души.*

Здѣсь я присоединю только положеніе, которое, на мой взглядъ, весьма пригодно, чтобы воспрепятствовать полученію нами какого либо неудобства отъ страстей: именно, наше благо и наше зло зависитъ главнымъ образомъ отъ внутреннихъ волненій, вызываемыхъ въ душѣ самою же душою, въ чемъ онѣ разнятся отъ тѣхъ страстей, которыя всегда зависятъ отъ опредѣленнаго движенія „духовъ“; и хотя эти волненія души часто бываютъ связаны со страстями, имъ подобными, онѣ могутъ также встрѣчаться съ иными и даже порождаться такими, которыя имъ противоположны. Вотъ, напримѣръ, мужъ плачетъ о своей умершей женѣ, а увидѣвъ ее воскресшею (что́ и случается иногда), онъ былъ бы огорченъ; быть можетъ его сердце сжалось отъ печали, какую въ немъ произвели приготовленія къ похоронамъ и отсутствіе лица, къ разговору съ которымъ онъ привыкъ; и можетъ статься, извѣстный остатокъ любви или сожалѣнія, присутствующихъ въ его воображеніи, вызвали подлинныя слезы изъ его глазъ. Несмотря на это онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ тайную радость въ глубинѣ своей души; волненіе этой радости имѣетъ столько силы, что печаль и слезы, которыя сопровождаютъ послѣднюю, не въ состояніи ничего уменьшить въ силѣ той радости. Когда мы читаемъ въ книгѣ о чудесныхъ приключеніяхъ или же видимъ ихъ изображаемыми въ театрѣ, это иногда вызываетъ въ насъ печаль, иногда радость или любовь, или ненависть и вообще всѣ страсти, согласно различію предметовъ, которые представляются воображенію; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ удовольствіе, чувствуя ихъ возбуждающими насъ; это удовольствіе есть интел-

лектуальная радость, которая столь же хорошо можетъ порождаться печалью, какъ и всѣми остальными страстями.

148. *Воспитаніе добродѣтели—высшее средство противъ страстей.*

Такъ какъ эти внутреннія волненія ближе касаются насъ и имѣютъ вслѣдствіе этого значительно больше власти надъ нами, чѣмъ страсти, отъ которыхъ онѣ отличаются и которыя сталкиваются съ ними, то достовѣрно, что лишь бы въ глубинѣ нашей души всегда имѣлось извѣстное удовлетвореніе, а всѣ безпокойства, идущія отъ иной причины, не будутъ имѣть силы вредить намъ; скорѣе они будутъ служить увеличенію радости души въ томъ отношеніи, что при видѣ безсилія внѣшнихъ обстоятельствъ повредить душѣ, послѣдняя получитъ сознаніе о своемъ совершенствѣ. А чтобы наша душа обладала какимъ либо довольствомъ, ей необходимо только слѣдовать добродѣтели. Если желанія каждаго таковы, что совѣсть не можетъ его упрекнуть, что онъ когда либо пренебрегалъ совершеніемъ всего, признаннаго имъ за лучшее (это я называю здѣсь „слѣдовать добродѣтели“), то онъ и получаетъ въ томъ удовлетвореніе. Послѣднее властно сдѣлать человѣка счастливымъ настолько, что самые жестокіе приступы страстей не будутъ въ состояніи омрачить спокойствія его души.

Третья часть.

Особыя страсти.

149. *Уваженіе и презрѣніе.*

Изложивъ шесть первоначальныхъ страстей, которыя являются какъ бы родами, а всѣ прочія ихъ видами, я вкратцѣ отмѣчу здѣсь, что̀ особеннаго имѣется въ каждой изъ этихъ остальныхъ страстей и удержу тотъ же порядокъ, слѣдуя которому я выше ихъ перечислялъ. Двѣ первыя—уваженіе и презрѣніе; хотя эти названія обычно обозначаютъ только безстрастныя мнѣнія, какія имѣютъ о каждой вещи, однако, по той причинѣ, что изъ этихъ мнѣній часто рождаются страсти, которымъ вовсе не даютъ особыхъ именъ, мнѣ кажется, что указанныя имена могутъ быть приписаны этимъ страстямъ. Поскольку уваженіе является страстью, оно есть наклонность души представлять цѣнность уважаемой вещи; эта наклонность причиняется особымъ движеніемъ „духовъ", такъ направляющихся въ мозгъ, что они усиляютъ впечатлѣнія, относящіяся къ данной вещи; и, наоборотъ, страсть презрѣнія есть наклонность души утверждать низость или ничтожность того, что она презираетъ; такая наклонность причиняется движеніями „духовъ", которые усиливаютъ идею этой ничтожности.

150. *Эти двѣ страсти—только виды удивленія.*

Слѣдовательно, эти двѣ страсти—только виды удивленія; ибо, когда мы вовсе не удивляемся ни величію, ни ничтожности предмета, мы придаемъ ему ни больше ни меньше того значенія, какое разумъ намъ внушаетъ полагать въ немъ, такъ что мы уважаемъ или презираемъ предметъ безстрастно. Хотя уваженіе можетъ часто возникать въ насъ благодаря любви, а презрѣніе благодаря ненависти,—это не общее правило и случается такъ оттого лишь, что мы болѣе или менѣе наклонны полагать предметъ великимъ либо ничтожнымъ, сообразно большей или меньшей привязанности къ нему.

151. *Можно уважать и презирать самого себя.*

Эти двѣ страсти могутъ вообще быть относимы во всякаго рода предметамъ; но онѣ становятся особенно замѣтны, когда мы относимъ ихъ къ самимъ себѣ, т. е. когда мы уважаемъ или презираемъ наше собственное достоинство; движеніе „духовъ", причиняющихъ эти страсти, проявляется тогда такъ, что измѣняетъ самое выраженіе лица, жесты, походку и вообще всѣ дѣйствія тѣхъ, кто составляетъ мнѣніе о самомъ себѣ лучшее или худшее обычнаго.

152. . *По какой причинѣ можно уважать себя.*

Такъ какъ одна изъ существенныхъ сторонъ мудрости—знать, какимъ образомъ и по какой причинѣ каждый долженъ уважать или презирать себя, я постараюсь здѣсь высказать свое мнѣніе. Я отмѣчу въ насъ только одно, что̀ можетъ давать намъ справедливое основаніе уважать себя, именно—пользованіе нашей свободною волею и власть, какую мы имѣемъ надъ нашими желаніями; только за дѣйствія нашей свободной воли мы могли бы съ основаніемъ быть хвалимы или порицаемы. И это извѣстнымъ образомъ уподобляетъ насъ Богу, ставя господами самихъ себя, лишь бы мы по малодушію совершенно не потеряли правъ, которыя Онъ намъ даровалъ.

153. *Въ чемъ состоитъ величіе души.*

Такимъ образомъ я полагаю, что истинное величіе души, позволяющее человѣку уважать себя въ большей степени, чѣмъ онъ могъ бы законно ограничиться, состоитъ частью въ сознаніи, что ничего въ дѣйствительности не принадлежитъ ему кромѣ свободнаго расположенія его желаній, и что онъ долженъ быть хвалимъ или порицаемъ только въ отношеніи къ тому, хорошо или дурно онъ пользовался этимъ расположеніемъ; частью же въ томъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ твердое и постоянное рѣшеніе хорошо пользоваться вещами, т. е. не упускать никогда желанія взяться и выполнять все, считаемое имъ за наилучшее; это и значитъ слѣдовать добродѣтели.

154. *Оно препятствуетъ презирать другихъ.*

Тѣ, кто имѣетъ такое сознаніе и самочувствіе, легко убѣждаются, что любой человѣкъ можетъ испытывать подобное же, такъ какъ здѣсь онъ не имѣетъ ничего, что зависило бы отъ другого. Вотъ почему эти люди никогда никого не презираютъ; и хотя они часто видятъ, что другіе впадаютъ въ ошибки, обнаруживающія ихъ слабость, они всегда болѣе склонны извинять ихъ, нежели порицать, и думаютъ, что тѣ люди сдѣлали это скорѣе по недостатку знанія, чѣмъ по недостатку доброй воли. Если они не ставятъ себя много ниже тѣхъ, кто имѣетъ больше почестей, или даже болѣе разума, знанія, красоты, или вообще кто превосходитъ ихъ въ какихъ либо иныхъ совершенствахъ,—также точно они не считаютъ себя и выше тѣхъ, кого они превзошли, потому что всѣ эти вещи кажутся имъ весьма мало достойными сравненія съ доброй волей, за которую они себя только и уважаютъ и которую они предполагаютъ существующею или по меньшей мѣрѣ возможною въ каждомъ иномъ человѣкѣ.

155. *Въ чемъ состоитъ добродѣтельное смиреніе.*

Наиболѣе великодушные люди обычно бываютъ наиболѣе смиренными; добродѣтельное смиреніе состоитъ только въ томъ, что мы размышляемъ о несовершенствахъ нашей природы и ошибкахъ, въ которыя мы всегда можемъ или способны впасть и которыя не меньше тѣхъ, какія могутъ быть совершены другими; подобное размышленіе дѣлается причиною того, что мы не предпочитаемъ себя другимъ и думаемъ, что другіе, имѣя свободную волю, подобную нашей, могутъ также хорошо пользоваться ею.

155. *Каковы особенности великодушія и какъ оно служитъ средствомъ противъ всѣхъ безпорядковъ въ страстяхъ.*

Тѣ, кто подобнымъ образомъ великодушенъ, естественно склонны совершать великія дѣла и однако не предпринимаютъ ничего такого, къ чему не чувствуютъ себя способными; благодаря тому, что они считаютъ особо великимъ дѣлать добро другимъ и презирать собственный интересъ, они всегда особенно учтивы, привѣтливы и обязательны по отношенію ко всякому. Вмѣстѣ съ тѣмъ они всецѣло господа своихъ страстей, въ особенно желанія, ревности и зависти, такъ какъ нѣтъ вещи, пріобрѣтеніе которой не зависило бы отъ нихъ, ибо они думаютъ, что достаточно—цѣнить, чтобы заслужить особенное вниманіе со стороны другихъ; они также господа надъ ненавистью къ людямъ, такъ какъ уважаютъ всѣхъ; господа надъ страхомъ, ибо ихъ поддерживаетъ довѣріе къ добродѣтели людей; и, наконецъ, надъ гнѣвомъ, по той причинѣ, что, очень мало цѣня вещи, зависящія отъ другого, они никогда не даютъ своимъ врагамъ преимущества познать, какъ имъ вредить.

157. *Гордость.*

Всѣ, кто имѣетъ хорошее мнѣніе о самомъ себѣ по другому какому-бы то ни было поводу, обладаютъ не истиннымъ величіемъ души, а только гордостью, которая всегда очень порочна, хотя становится такою тѣмъ больше, чѣмъ неосновательнѣе причина, по которой уважаютъ себя; а наиболѣе неосновательная изъ всѣхъ причинъ—это когда гордятся безъ всякаго повода, т. е. не думая, что обладаютъ какою либо заслугою, за которую должны быть вознаграждены, но только потому, что вовсе не дорожатъ заслугою и воображая, будто слава—ничто иное какъ захватъ, полагаютъ, что кто припишетъ ее себѣ, тотъ и будетъ имѣть больше славы. Этотъ порокъ столь безразсуденъ и нелѣпъ, что для меня было бы прискорбно вѣрить, будто существовали люди, въ него впадавшіе, если никто никогда не хвалилъ ихъ незаслуженно; но лесть такъ обща всѣмъ, что совершенно не существуетъ людей столь обездоленныхъ, которые не видѣли бы частаго уваженія въ себѣ именно за то, что не заслуживаетъ никакой похвалы, а достойно скорѣе порицанія; это и даетъ случай наиболѣе невѣжественнымъ и тупымъ людямъ впадать въ подобный видъ гордости.

158. *Результаты гордости противоположны результатамъ великодушія.*

Но какою бы ни была причина самоуваженія, помимо чувствуемаго человѣкомъ желанія использовать свою свободную волю, что, какъ я говорилъ, вызываетъ великодушіе, всякая подобная причина производитъ всегда весьма дурную гордость, которая столь отлична отъ этого справедливаго великодушія, что имѣетъ совсѣмъ обратные результаты; всѣ остальные блага, какъ разумъ, красота, богатство, почести и такъ далѣе, обычно тѣмъ больше цѣнятся, чѣмъ въ меньшемъ числѣ людей встрѣчаются; эти блага даже таковы обычно, что не могутъ быть общи многимъ; поэтому гордецы стремятся унизить всѣхъ остальныхъ людей и, являясь рабами своихъ желаній, безпрерывно волнуютъ душу злобою, завистью, ревностью и гнѣвомъ.

159. *Порочное смиреніе.*

Что касается низости или порочнаго смиренія, то оно заключается въ томъ, что чувствуютъ себя слабыми или мало рѣшительными и что, какъ бы вовсе не владѣя правильнымъ употребленіемъ свободной воли, не могутъ избѣжать совершенія того, въ чемъ позднѣе будутъ раскаиваться. Далѣе состоитъ оно въ томъ, что не вѣрятъ въ возможность ни существовать собственными силами, ни обойтись безъ многаго такого, пріобрѣтеніе чего зависитъ отъ другихъ. Порочное смиреніе прямо противоположно великодушію; и часто случается, что тѣ, кто имѣетъ характеръ особенно низкій, наиболѣе надменны и горды, а наиболѣе великодушные особо скромны и смиренны. Но имѣющіе характеръ сильный и величавый не измѣняютъ смиренію ни при удачахъ, ни при несчастіяхъ, какія съ ними случаются, тогда какъ тѣ, кто слабъ и гнусенъ, руководятся только счастьемъ, и удача раздуваетъ ихъ, а несчастіе дѣлаетъ униженными. Часто даже замѣтно, что они безславно унижаются предъ тѣми, отъ кого ожидаютъ извѣстной выгоды или опасаются извѣстнаго зла и въ то же время заносчиво возвышаются надъ тѣми, отъ кого не ждутъ ничего, не надѣются на что либо.

160. *Каково движеніе „духовъ“ при этихъ страстяхъ.*

Легко, впрочемъ, понять, что гордость и низость не только пороки, но и страсти по той причинѣ, что ихъ возбужденіе сильно проявляется во внѣшнемъ видѣ тѣхъ, кто внезапно надулся или принизился по какому либо новому поводу; но позволительно сомнѣваться, могутъ ли великодушіе и смиреніе, какъ добродѣтели, быть также и страстями, ибо ихъ движенія мало проявляются и, повидимому, добродѣтель не столь сходна со страстью, какъ порокъ. Тѣмъ не менѣе я вовсе не вижу причины, препятствующей, чтобы то же самое движеніе „духовъ“, которое служитъ усиленію мысли, имѣющей дурное основаніе, не могло бы усиливать ее, когда она покоится на хорошемъ основаніи. Въ виду того, что великодушіе и гордость состоятъ въ хорошемъ мнѣніи о самомъ себѣ и отличаются только тѣмъ, что это мнѣніе основательно въ одномъ и неосновательно въ другомъ случаѣ, мнѣ и кажется, что ихъ можно отнести къ одной и той же страсти, которая вызывается движеніемъ, составленнымъ изъ движеній удивленія, радости и любви, какъ той, какую имѣютъ къ себѣ, такъ и той, которая относится къ вещи, заставляющей уважать самихъ себя. Наоборотъ, движеніе вызывающее смиреніе какъ добродѣтельное, такъ и порочное, составлено изъ страстей удивленія, печали и любви къ самому себѣ, смѣшанной съ ненавистью къ своимъ недостаткамъ, которые вынуждаютъ презирать себя; и все различіе, какое я отмѣчаю въ этихъ движеніяхъ, заключается въ томъ, что каждое изъ движеній удивленія имѣетъ двѣ особенности: во первыхъ, неожиданность дѣлаетъ его сильнымъ съ самого начала, во вторыхъ, оно остается одинаковымъ въ своемъ продолженіи, т. е. „духи“ продолжаютъ двигаться съ тѣмъ же самымъ содержаніемъ въ мозгу. Изъ этихъ особенностей первая встрѣчается гораздо чаще въ гордости или низости, чѣмъ въ великодушіи или въ добродѣтельномъ смиреніи; послѣдняя, напротивъ, болѣе отмѣчается въ этихъ двухъ, чѣмъ въ первыхъ изъ страстей, такъ какъ порокъ исходитъ обычно отъ невѣдѣнія и, слѣдовательно, тѣ, кто знаетъ меньше, скорѣе способны возгордиться и унизиться въ большей мѣрѣ, чѣмъ должно, по той причинѣ, что все вновь съ ними случающееся ихъ изумляетъ и, приписывая происшедшее себѣ, они любуются собою; уважаютъ же себя или презираютъ они постольку, поскольку соображаютъ, ведетъ ли происшедшее съ ними къ ихъ выгодѣ или нѣтъ. Но такъ какъ часто вслѣдъ за тѣмъ, что заставляло гордиться, наступаетъ то, что ихъ принижаетъ, движеніе ихъ страсти измѣнчиво. Напротивъ, въ великодушіи нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ добродѣтельнымъ смиреніемъ, притомъ ничего, что могло бы измѣнить движеніе „духовъ“, отчего эти движенія постоянны и всегда похожи одно на другое. Но они не наступаютъ съ такой неожиданностью ибо тѣ, кто уважаетъ себя подобнымъ образомъ, понимаютъ причины этого самоуваженія. Однако, можно сказать, эти причины такъ поразительны (именно, возможность пользоваться свободой воли, заставляющая цѣнить себя, и немощи субъекта, въ которомъ кроется эта возможность, вынуждающія не такъ ужъ себя переоцѣнивать), что всякій разъ, какъ ихъ снова представляютъ себѣ, онѣ всегда приносятъ новое удивленіе.

161. *Какъ можетъ быть пріобрѣтено великодушіе.*

Нужно отмѣтить, что добродѣтелями мы именуемъ навыки души, которые располагаютъ ее къ различнымъ мыслямъ, такъ что навыки отличны отъ этихъ мыслей, но могутъ ихъ производить и въ свою очередь быть производимы ими. Слѣдуетъ также замѣтить, что эти мысли могутъ быть производимы только душею, но часто случается, что извѣстное движеніе „духовъ“ усиливаетъ ихъ и что въ такіе-то моменты они и суть дѣйствія добродѣтели и вообще страсти души. Такъ, хотя нѣтъ добродѣтели, для которой, повидимому, доброе воспитаніе значило бы меньше, чѣмъ для той, по которой уважаютъ себя согласно справедливой оцѣнкѣ, и хотя не трудно признать, что всѣ души, влагаемыя Богомъ въ наши тѣла, не равноцѣнно сильны (вотъ причина, почему я назвалъ эту добродѣтель générosité, слѣдуя словоупотребленію нашего языка, а не magnanimité, согласно школьному употребленію, гдѣ эта добродѣтель не достаточно извѣстна), тѣмъ не менѣе достовѣрно, что доброе воспитаніе много значитъ для исправленія природныхъ недостатковъ и что если бы часто занимались обсужденіемъ того, что́ такое свободная воля и сколь велики преимущества въ обладаніи твердою рѣшимостью хорошо пользоваться волею, а, съ другой стороны, разсуждали бы о томъ, сколь тщетны и безполезны всѣ старанія честолюбцевъ, то стало бы возможнымъ вызывать въ себѣ страсть и въ концѣ концовъ пріобрѣсти добродѣтель великодушія. А эта послѣдняя является какъ бы ключемъ ко всѣмъ остальнымъ добродѣтелямъ и общимъ лекарствамъ противъ всѣхъ безпорядковъ въ страстяхъ. Мнѣ кажется, такое разсужденіе заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ.

162. *Благоговѣніе.*

Благоговѣніе или почтеніе есть наклонность души не только уважать предметъ, который она чтитъ, но и повергаться передъ нимъ съ извѣстнымъ трепетомъ въ стараніи сдѣлать его благосклоннымъ къ себѣ; стало быть мы благоговѣемъ къ причинамъ свободнымъ, которыя мы считаемъ способными сдѣлать для насъ хорошее или дурное, помимо нашего знанія о томъ, что́ изъ двухъ они намъ причинятъ. Любовь же и преданность, бо́льшія, чѣмъ простое благоговѣніе, мы имѣемъ къ тому, отъ чего ожидаемъ только добра, а ненависть къ тому отъ чего ждемъ лишь зла; и если мы не полагаемъ причины этихъ добра или зла свободною, мы не подчиняемся ей, стараясь пріобрѣсти ея благосклонность. Такъ, когда язычники благоговѣли предъ деревьями, источниками и горами, то ими почитались не мертвые предметы, а божества, присутствіе которыхъ здѣсь они мыслили. Движенье „духовъ“, вызывающее благоговѣніе, составлено изъ движеній, вызывающихъ удивленіе и трепетъ; о послѣднемъ я скажу ниже.

163. *Пренебреженіе.*

То, что я называю пренебреженіемъ, есть наклонность души призирать свободную причину, разсуждая, что, хотя она по своей природѣ и способна сдѣлать добро или зло, но сильна менѣе насъ, т. е. не въ состояніи причинить намъ ни добра, ни зла. Движеніе „духовъ“, вызывающее эту страсть, составлено изъ тѣхъ движеній, которыя вызываютъ удивленіе и безпечность или отвагу.

164. *О пользованіи этими двумя страстями.*

Великодушіе и слабость духа или низость опредѣляютъ пользованіе—дурное или хорошее—указанными страстями; поскольку обладаютъ душою особенно благородною и возвышенною, постольку имѣютъ большую наклонность воздавать каждому ему принадлежащее; и такимъ образомъ имѣютъ не только глубокое смиреніе передъ Богомъ, но также воздаютъ безъ колебаній всю честь и уваженіе, подобающія людямъ, сообразно ихъ разряду и авторитету въ свѣтѣ, и презираютъ только порокъ. Наоборотъ, низкіе духомъ чтутъ и трепещутъ предъ тѣмъ, что достойно только презрѣнія, иногда же нагло гнушаются тѣхъ, кто особенно заслуживаетъ почтенія; и они часто мгновенно переходятъ отъ крайности безвѣрія къ суевѣрію, а потомъ отъ суевѣрія къ безвѣрію, такъ что нѣтъ ни единаго порока, ни единаго безпорядка въ душевной жизни, которому они не были бы причастны.

165. *Надежда и боязнь.*

Надежда есть предрасположеніе души полагать, что желаемое ею наступитъ,—наклонность, причиняемая особымъ движеніемъ „духовъ“, именно движеніями радости и желанія, смѣшанными вмѣстѣ; боязнь—иное расположеніе души, внушающее ей, что желаемое не наступитъ; и надо отмѣтить, что хотя эти двѣ страсти противоположны, тѣмъ не менѣе можно имѣть ихъ обѣ совмѣстно, именно, когда представляютъ себѣ различные доводы, изъ которыхъ одни заставляютъ предполагать, что выполненіе желаемаго легко, другіе же показываютъ его трудности.

166. *Безпечность и отчаяніе.*

Никогда каждая изъ разсмотрѣнныхъ страстей не сопровождаетъ желанія такъ, чтобы не оставляла мѣсто другой; ибо когда надежда такъ сильна, что всецѣло прогоняетъ боязнь, то она измѣняетъ природу и именуется безпечностью или увѣренностью, а когда увѣрены въ томъ, что желаемое сбудется, то, хотя и продолжаютъ желать его наступленія, но тѣмъ не менѣе перестаютъ волноваться страстью желанія, заставлявшаго съ безпокойствомъ добиваться наступленія желаемаго; равнымъ образомъ, когда боязнь столь велика, что лишаетъ всякаго мѣста надежду, то она обращается въ отчаяніе, и это отчаяніе, представляя вещь какъ невозможную, совершенно заглушаетъ желаніе, которое имѣетъ отношеніе лишь къ вещамъ возможнымъ (осуществимымъ).

✓167. *Ревность.*

Ревность—видъ боязни, относящейся къ желанію сохранять обладаніе извѣстнымъ благомъ; она является не столько въ силу доводовъ, принуждающихъ полагать, что благо можетъ быть утеряно, сколько отъ излишней оцѣнки, придаваемой благу; это является причиною того, что изслѣдуютъ до мелочей подозрѣнія и принимаютъ ихъ за весьма существенныя основанія.

168. *Въ чемъ эта страсть можетъ оказаться почтенной.*

Такъ какъ должно прилагать болѣе заботы къ сохраненію благъ значительнѣйшихъ, нежели малозначущихъ, то эта страсть въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть справедливой и почтенной. Такъ, напримѣръ, полководецъ, занимающій постъ съ большою отвѣтственностью, имѣетъ право быть ревнивымъ, т. е. остерегаться всякихъ мѣръ, которыми онъ можетъ быть обманутъ; и честная женщина не порицается за ревность къ своей чести, т. е. за то, что не только опасается впасть во зло, но до послѣдней степени избѣгаетъ клеветы.

169. *Въ чемъ она порицаема.*

Однако, смѣются надъ скупцомъ, когда онъ ревнивъ къ своему сокровищу, т. е. когда не сводитъ съ него глазъ и не хочетъ удалиться отъ него изъ боязни, что оно будетъ расхищено, ибо серебро не заслуживаетъ безпокойства столь заботливой охраны. Презираютъ также человѣка, который ревнуетъ свою жену, ибо это свидѣтельствуетъ, что онъ не любитъ ее настоящимъ образомъ и что онъ имѣетъ дурное мнѣніе о себѣ или объ ней; я говорю, онъ не любитъ жены по настоящему: обладай онъ истинною любовью къ ней, онъ не имѣлъ бы склонности ее подозрѣвать; но онъ любитъ не ее собственно, а лишь благо, которое онъ представляетъ существующимъ исключительно въ формѣ обладанія; онъ не боялся бы потерять это благо, если бы не полагалъ, что либо онъ его недостоинъ, либо, даже, что его жена не вѣрна. Впрочемъ, эта страсть относится только къ подозрѣніямъ и недовѣрію: не значитъ собственно быть ревнивымъ, если стараться избѣгать извѣстнаго зла, разъ имѣется справедливый поводъ его бояться.

✓170. *Нерѣшительность.*

Нерѣшительность—также видъ страха; удерживая душу какъ на вѣсахъ между многими дѣйствіями, какія она можетъ совершить, нерѣшительность является причиною того, что душею не выполняется ни одно дѣйствіе, и что душа располагаетъ временемъ для выбора, прежде чѣмъ опредѣлитъ свое направленіе. Въ послѣднемъ случаѣ нерѣшительность дѣйствительно имѣетъ извѣстное пригодное назначеніе. Но когда она длится болѣе, чѣмъ должно, и занимаетъ рѣшеніемъ время, требуемое для дѣйствія, она весьма дурна. Я утверждаю, что она—видъ боязни несмотря на то, что, можетъ случиться, когда, выбирая изъ многихъ вещей, достоинства которыхъ кажутся равными, люди остаются въ неизвѣстности и нерѣшительности безъ наличности какого либо страха: этотъ видъ нерѣшительности исходитъ только отъ представленія предмета, а вовсе не отъ волненія „духовъ“. Вотъ почему нерѣшительность не является страстью, если только боязнь остаться при своемъ выборѣ увеличиваетъ сомнѣніе. Но эта боязнь такъ обычна и столь сильна въ иныхъ людяхъ, что часто при полномъ отсутствіи выбора, когда имѣютъ въ виду только взять или оставить одну вещь, боязнь ихъ удерживаетъ и заставляетъ безполезно останавливаться на поискахъ другихъ вещей. Въ такомъ случаѣ этотъ видъ нерѣшительности проистекаетъ изъ очень сильнаго желанія поступить хорошо и отъ слабости разсудка, который, вовсе не имѣя ясныхъ и раздѣльныхъ понятій, имѣетъ много спутанныхъ понятій. Вотъ почему средствомъ противъ этой крайности будетъ навыкъ составлять вѣрныя и опредѣленныя сужденія относительно всѣхъ представляемыхъ вещей и считать, что всегда выполняютъ свой долгъ, когда принимаютъ собственный выборъ за лучшее, хотя, быть можетъ, выбрали очень плохо.

171. *Мужество и отвага.*

Мужество, если оно—страсть, а не привычка или естественная склонность, есть извѣстный пылъ или волненіе, располагающее душу сильно устремляться къ выполненію того, что она хочетъ сдѣлать, какой бы природы это желаемое ни было; а отвага—видъ мужества, располагающій душу къ выполненію наиболѣе опаснаго.

172. *Соревнованіе.*

Соревнованіе—также видъ мужества, но въ другомъ смыслѣ; можно понимать мужество какъ родъ, дѣлящійся на столько видовъ, сколько различныхъ объектовъ, и на столько иныхъ видовъ, сколько существуетъ причинъ; въ первомъ случаѣ видомъ мужества является отвага, во второмъ—соревнованіе. Это послѣднее—ничто иное, какъ пылъ располагающій нашу душу браться за вещи, которыя, какъ она надѣется, могутъ удасться, такъ какъ она видѣла ихъ удающимися у другихъ людей: вотъ видъ мужества, внѣшнею причиною котораго является примѣръ. Я говорю, внѣшнею причиною, ибо кромѣ этой должна имѣться внутренняя, состоящая въ томъ, что обладаютъ такимъ устройствомъ тѣла, въ силу котораго желаніе и надежда имѣютъ больше силъ направить извѣстное количество крови къ сердцу, чѣмъ страхъ и отчаяніе помѣшать тому.

172. *Смѣлость зависитъ отъ надежды.*

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя объектомъ смѣлости является трудность, отъ которой возникаетъ обычно боязнь или даже отчаяніе (какъ въ наиболѣе опасныхъ и безнадежныхъ предпріятіяхъ, гдѣ требуется больше смѣлости и отваги), тѣмъ не менѣе необходимо имѣть надежду или даже увѣренность, что поставленная нами цѣль удастся,—все это затѣмъ, чтобы съ силою противустоять тому, съ чѣмъ столкнулись. Но эта цѣль отлична отъ объекта; ибо нельзя быть увѣреннымъ и отчаиваться въ одномъ и томъ же одновременно. Такъ, когда Деціи бросились на враговъ и наткнулись на вѣрную смерть, объектомъ ихъ смѣлости была трудность сохранить жизнь въ продолженіе этого дѣйствія; въ силу такой трудности они отчаялись, будучи увѣрены въ смерти; но цѣлью ихъ было воодушевить своихъ солдатъ личнымъ примѣромъ и выиграть имъ побѣду, на которую у нихъ имѣлась надежда; или, что то-же, ихъ цѣлью было пріобрѣсти славу послѣ смерти, въ которой они были убѣждены.

174. *Слабость и страхъ.*

Слабость прямо противоположна смѣлости; вялость или холодность побуждаютъ душу относиться къ исполненію наставшаго такъ, какъ если бы она была лишена этой страсти, т. е. смѣлости; страхъ или изумленіе, противоположное смѣлости, не только является холодностью, но также печалью и удивленіемъ души, преграждающими ей возможность противустоять невзгодамъ, которыя кажутся душѣ приблизившимися.

175. *О назначеніи слабости.*

Хотя я и не могу проникнуться мыслью, что природа дала людямъ какую либо страсть, которая была бы всегда порочной и вовсе не имѣла бы хорошаго и достойнаго назначенія, однако я весьма затрудняюсь разгадать, чему могутъ служить двѣ послѣднія страсти. Мнѣ кажется только, что слабость имѣетъ извѣстное назначеніе освобождать отъ труда, къ которому побуждались кажущимися доводами, когда иные болѣе вѣрные доводы, сочтенные за безполезные, не вызвали этой страсти. Кромѣ того, что слабость освобождаетъ душу отъ такихъ трудовъ, она служитъ еще тѣлу тѣмъ, что, задерживая движенія „духовъ“, препятствуетъ растрачивать силы. Но обычно она очень вредна по той причинѣ, что отвращаетъ волю отъ полезныхъ дѣйствій. И такъ какъ она происходитъ вслѣдствіе того, что не имѣютъ достаточно надежды или желанія, слѣдуетъ только развивать въ себѣ эти двѣ страсти, чтобы исправить слабость.

176. *Назначеніе страха.*

Что касается страха или испуга я вовсе не вижу, чтобы онъ могъ быть когда либо одобряемъ и полезенъ. Это не особая страсть; это только видъ слабости, удивленія и боязни, которая всегда порочна, такъ же какъ смѣлость есть видъ мужества всегда хорошаго, лишь бы цѣль которую себѣ ставили была хороша. А такъ какъ главная причина страха—неожидан ность, то нѣтъ ничего лучшаго, чтобы отъ нея освободиться, какъ прибѣгать къ предусмотрительности и приготовляться ко всякимъ внезапностямъ, боязнь которыхъ можетъ вызвать страхъ.

177. *Угрызенія совѣсти.*

Угрызенія совѣсти суть видъ печали, происходящей отъ сомнѣнія, хорошо ли совершенное или совершаемое; и они необходимо предполагаютъ сомнѣнія: при полной увѣренности, что совершаемое дурно, удержались бы отъ поступка, потому что воля направлена лишь къ вещамъ, имѣющимъ извѣстную видимость блага; если же бы были увѣрены, что совершенное дурно, то раскаивались бы въ томъ, а не только подвергались угрызеніямъ совѣсти. Слѣдовательно, назначеніе этой страсти — вызывать испытаніе, хорошо или дурно то, въ чемъ сомнѣваются, или препятствовать повторять данный поступокъ, пока не удостовѣрятся, что онъ хорошъ. Но такъ какъ эта страсть предполагаетъ дурное, то лучше не имѣть повода чувствовать ее; а предупредить ее можно тѣми же средствами, какими освобождаются отъ нерѣшительности.

178. *Насмѣшливость.*

Насмѣшливость или издѣвательство есть видъ радости, смѣшанной съ ненавистью; она обнаруживается, когда наблюдаютъ нѣкоторую небольшую бѣду случившуюся съ тѣмъ, кого считаютъ достойнымъ ея. Питаютъ ненависть къ этой бѣдѣ и радость видѣть ее съ тѣмъ, кто ея достоинъ; когда это случается непредвидѣнно, то неожиданность удивленія является причиною смѣха согласно тому, что было сказано выше о природѣ смѣха. Но эта бѣда должна быть незначительна; ибо будь она велика, невѣроятно было бы, что впавшій въ нее достоинъ того, если только это не будетъ человѣкъ крайне дурной отъ природы или если къ нему не питаютъ слишкомъ много ненависти.

179. *Почему наиболѣе несовершенные люди обычно болѣе насмѣшливы.*

И замѣчено, что тѣ, кто имѣетъ наиболѣе явственные недостатки, напримѣръ, хромые, кривые, горбатые или имѣющіе какое либо публичное безчестіе, особенно склонны къ насмѣшкѣ: надѣясь видѣть всѣхъ другихъ столь же безобразными, какъ

они сами, эти лица радуются несчастіямъ, происшедшимъ съ другими, и считаютъ послѣднихъ достойными того.

180. *Назначеніе шутливости.*

Что касается скромной шутливости, которая съ пользою направлена на пороки, дѣлая ихъ смѣшными, хотя ни въ самомъ смѣхѣ, ни въ смѣющемся ничто не свидѣтельствуетъ о какой либо ненависти къ личностямъ, то такая шутливость — не страсть, а свойство уваженія къ человѣческому достоинству; подобное свойство порождаетъ веселость нрава и спокойствіе души—признаки добродѣтели; часто также это указаніе на умъ человѣка, именно, въ томъ, что онъ умѣетъ давать пріятный обликъ вещамъ, которыя осмѣиваетъ.

181. *О назначеніи смѣха въ шутливости.*

Не безчестно смѣяться, когда понимаютъ шутки другого; онѣ могутъ быть даже таковы, что будетъ печально не смѣяться; но когда осмѣиваютъ сами себя, то болѣе приличествуетъ удерживаться отъ смѣха, чтобы не показать удивленія ни предъ высказываемымъ, ни предъ смѣлостью, съ какою это смѣшное нашли. Потому-то шутки тѣмъ больше изумляютъ тѣхъ, кто ихъ выслушиваетъ.

182. *Зависть.*

То, что вообще именуютъ завистью, есть порокъ, состоящій въ природной испорченности, въ силу которой извѣстный сортъ людей досадуетъ на счастье, замѣчаемое у другихъ людей; но я пользуюсь здѣсь этимъ словомъ, чтобы обозначить страсть не всегда порочную. Зависть—поскольку она страсть—есть видъ печали, смѣшанной съ ненавистью, и происходитъ она отъ того, что видятъ счастье посѣщающимъ тѣхъ, кого считаютъ не достойнымъ счастья. Это разсужденіе не основательно только по отношенію къ дарамъ судьбы. Ибо что касается этихъ душевныхъ и тѣлесныхъ даровъ, поскольку ими обладаютъ отъ рожденія, то ихъ достаточно достойны въ силу того, что получили ихъ отъ Бога прежде, чѣмъ стать повинными въ совершеніи какого либо зла.

183. *Она можетъ быть справедлива и несправедлива.*

Но если судьба удѣляетъ блага кому нибудь дѣйствительно не достойному и если зависть возникаетъ въ насъ лишь потому, что, естественно любя справедливость, мы досадуемъ, что она не соблюдена при распредѣленіи этихъ благъ, то такая ревность извинительна, особенно если благо, которому завидуютъ у другихъ, по природѣ своей способно въ рукахъ его обладателей обратиться въ зло. Если это какая нибудь обязанность или должность, въ отправленіи которой могутъ позволить себѣ дурное (особенно когда надѣются на то же самое благо для себя и встрѣчаютъ препятствія къ обладанію имъ, тогда какъ другіе, менѣе достойные, имъ овладѣваютъ), то въ такомъ случаѣ эта страсть становится жесточе и дѣлается извинительною, поскольку ненависть, которую она питаетъ, относится исключительно къ дурному распредѣленію блага, чему и завидуютъ, а вовсе не къ лицамъ, которыя имъ владѣютъ или его раздѣляютъ. Но мало людей столь справедливыхъ и великихъ, которые вовсе не имѣли бы ненависти къ тѣмъ, кто ихъ предваряетъ въ пріобрѣтеніи блага, не общаго всѣмъ и желаемаго ими для себя, хотя бы тѣ, кто пріобрѣли благо, были столь же или болѣе достойны его. Чему обычно всего больше завидуютъ, такъ это славѣ: хотя слава другихъ не препятствуетъ возможности стремиться въ ней и намъ, она тѣмъ не менѣе дѣлаетъ доступъ къ ней очень труднымъ и тѣмъ возвышаетъ себѣ цѣну.

184. *Почему завистники имѣютъ блѣдносиневатый цвѣтъ лица.*

Наконецъ, нѣтъ другого порока, который столь вредилъ бы благополучію людей, какъ порокъ зависти. Помимо того, что впадающіе въ нее выдаютъ сами себя, они нарушаютъ также въ сильнѣйшей степени удовольствіе другихъ. Обычно завистливые люди имѣютъ цвѣтъ лица свинцовый, т. е. смѣшанный изъ желтаго съ чернымъ и какъ бы съ синеватымъ отливомъ крови: отсюда-то зависть и называлась у римлянъ livor т. е. синева. Это вполнѣ согласуется съ вышесказаннымъ относительно движенія крови при печали и ненависти; поэтому желтая желчь, идущая изъ нижней части печени, и черная, идущая изъ селезенки, разливаются по сердцу черезъ артеріи во всѣ вены: отсюда и меньшая теплота венозной крови и болѣе медленное, чѣмъ обычно, ея движеніе, чего достаточно для приданія мертвенной блѣдности цвѣта. Но такъ какъ желчь, какъ черная такъ и желтая, можетъ отвлекаться въ вены и по многимъ инымъ причинамъ и такъ какъ ненависть толкаетъ ее туда въ достаточномъ для измѣненія цвѣта лица количествѣ только при очень большой и длящейся зависти,—то нельзя думать, будто всѣ, въ комъ замѣтенъ такой цвѣтъ лица, наклонны къ ней.

185. *Жалость.*

Жалость—есть видъ печали, смѣшанной съ любовью и доброжелательствомъ по отношенію къ тѣмъ, кого мы не считаемъ заслуживающими претерпѣваемаго ими зла. Значитъ, она противоположна зависти относительно своего объекта и насмѣшливости въ силу того, что иначе оцѣниваетъ послѣдній.

186. *Кто наиболѣе жалостливъ.*

Тѣ, кто чувствуетъ себя очень слабымъ и подчиненнымъ превратностямъ судьбы, оказываются болѣе расположенными къ этой страсти, нежели иные люди, ибо они представляютъ, что несчастіе другого можетъ случиться и съ ними; и они побуждаются къ жалости въ большей мѣрѣ любовью къ самимъ себѣ, чѣмъ любовью, питаемой къ другимъ.

187. *Наиболѣе великодушные прикосновенны къ этой страсти.*

Но тѣмъ не менѣе наиболѣе великодушные, сильные духомъ настолько, что не страшатся никакого зла въ отношеніи къ себѣ и держатся внѣ помощи судьбы,—и они не изъяты отъ состраданія, когда видятъ нетвердость другихъ людей и понимаютъ ихъ сѣтованія; вѣдь имѣть доброжелательство къ каждому это—признакъ великодушія. Но печаль такой жалости не горька: будучи подобна той жалости, какую причиняютъ погребальные обряды, изображаемые въ театрѣ, она скорѣе проявляется во внѣшности и въ чувствахъ, чѣмъ въ глубинѣ души, для которой однако является удовлетвореніемъ думать, что она выполнила свой долгъ, сочувствуя огорченнымъ. Въ томъ-то и различіе, что обыкновенный смертный сочувствуетъ тѣмъ, кто жалуется, полагая, будто несчастія, претерпѣваемыя тѣми лицами, очень непріятны; главный же объектъ жалости великихъ людей—слабость тѣхъ, кого они видятъ жалующимися. Вѣдь они вовсе не признаютъ, чтобы любое возможное бѣдствіе было большимъ зломъ, чѣмъ трусость тѣхъ, кто не можетъ вынести его терпѣливо. И хотя они ненавидятъ пороки, они, однако, отнюдь не ненавидятъ тѣхъ, кого замѣчаютъ впавшими въ порокъ: они питаютъ къ нимъ только жалость.

188. *Кто вовсе не затрагивается этою страстью.*

Только поврежденные и завистливые умы естественно ненавидятъ всѣхъ людей, или же это тѣ, кто столь грубъ и ослѣпленъ своей хорошей долей или уже столь отчаялся въ несчастіяхъ, что совершенно не думаетъ, чтобы какое либо бѣдствіе могло превзойти его собственное,—только такіе люди нечувствительны къ жалости.

189. *Почему эта страсть побуждаетъ плакать.*

Кромѣ того, при этой страсти очень легко плачутъ, такъ какъ любовь, отзывая къ сердцу много крови, выводитъ много паровъ черезъ глаза и благодаря холоду печали, задерживающему движеніе этихъ паровъ, послѣдніе переходятъ въ слезы, согласно тому, что сказано выше.

190. *Самоудовлетвореніе.*

Удовлетвореніе, всегда присущее тѣмъ, кто непрестанно слѣдуетъ добродѣтели, есть привычка ихъ души, именуемая безмятежностью и покоемъ совѣсти. Удовлетвореніе же, пріобрѣтаемое вновь, когда впервые совершаютъ извѣстный поступокъ, считаемый хорошимъ, есть страсть, именно видъ радости, какую я признаю наиболѣе пріятною изъ всѣхъ видовъ, такъ какъ причина ея зависитъ исключительно отъ насъ самихъ. Однако, если эта причина неосновательна, т. е. дѣйствія, вызывающія большое удовлетвореніе, не высоки по своему значенію, либо даже порочны, то она смѣшна и способствуетъ лишь проявленію спѣси и нетерпимой надменности; ее особенно можно отмѣтить въ тѣхъ, кто, считая себя благочестивымъ, оказываются лишь святошами и суевѣрами; именно, прикрываясь тѣмъ, что часто ходятъ въ церковь, творятъ горячія молитвы, носятъ короткіе волосы, говѣютъ, подаютъ милостыню—они думаютъ, что абсолютно совершенны и воображаютъ, будутъ они столь большіе друзья Бога, что не дѣлаютъ ничего Ему неугоднаго, и будто все, диктуемое имъ ихъ страстью, исходитъ изъ добраго рвенія, хотя страсть подсказываетъ имъ иногда наиболѣе крупныя преступленія, какія только могутъ быть совершены людьми, какъ напримѣръ, измѣна государству, убійства правителей, истребленіе чужихъ народовъ потому только, что послѣдніе не слѣдуютъ ихъ мнѣніямъ.

191. *Раскаяніе.*

Раскаяніе прямо противоположно самоудовлетворенію и есть видъ печали, происходящей отъ того, что считаютъ себя совершившими какой либо дурной поступокъ; оно очень горько, такъ какъ его причина вызывается только нами; однако это не мѣшаетъ раскаянію быть весьма полезнымъ, когда, дѣйствительно, поступокъ, въ которомъ мы раскаиваемся, дуренъ и мы имѣемъ о немъ правильное представленіе; значитъ онъ побуждаетъ насъ поступать лучше въ другой разъ. Но часто случается, что слабые духомъ раскаиваются въ томъ, что совершено, не зная навѣрное, дуренъ поступокъ или нѣтъ; они считаютъ совершенное такимъ потому только, что боятся его; а поступи они обратно, они раскаивались бы подобнымъ же образомъ; это ихъ несовершенство достойно жалости; и средствомъ противъ такого недостатка является то же самое, что служитъ подавленію безразсудности.

192. *Благожелательство.*

Благожелательство есть собственно желаніе добра тому, къ кому хорошо расположены; но я пользуюсь здѣсь этимъ терминомъ, чтобы обозначить такое расположеніе постольку лишь, поскольку оно вызывается въ насъ извѣстнымъ добрымъ поступкомъ того, къ кому мы расположены; ибо мы естественно склонны любить тѣхъ, кто совершаетъ почитаемое нами хорошимъ, даже если это не приноситъ намъ никакого блага. Благожелательство въ этомъ смыслѣ есть видъ любви, а не только желанія, хотя желаніе видѣть доброе съ тѣмъ, кому симпатизируютъ, всегда его сопровождаетъ и оно всегда связано съ милосердіемъ, такъ какъ напасти, случающіяся съ несчастными, являются причиною нашего усиленнаго размышленія о заслугахъ послѣднихъ.

193. *Признательность.*

Признательность—также видъ любви, вызываемой въ насъ какимъ либо поступкомъ того, къ кому мы питаемъ любовь. Въ силу признательности мы полагаемъ, что тотъ содѣялъ намъ нѣчто доброе или по меньшей мѣрѣ имѣлъ такое намѣреніе. Она содержитъ то же самое, что и благожелательство, и сверхъ того основывается на поступкѣ, касающемся насъ, за который мы имѣемъ желаніе отплатить; вотъ почему она столь велика въ душахъ незначительныхъ и малосильныхъ.

194. *Неблагодарность.*

Что касается неблагодарности, она—не страсть, такъ какъ природа не вызываетъ въ насъ никакого движенія „духовъ“, ее производящихъ; она—только порокъ существенно противоположный признательности, ибо послѣдняя всегда добродѣтельна и является одною изъ главныхъ связей человѣческаго общества. Вотъ почему этотъ порокъ принадлежитъ только людямъ грубымъ и надменнымъ, которые считаютъ все себѣ подвластнымъ, либо глупцамъ, вовсе не размышляющимъ о полученныхъ ими благодѣяніяхъ, либо слабымъ и низкимъ людямъ, которые, чувствуя свою нетвердость и нужды, приниженно ищутъ помощи у другихъ, а получивъ таковую, ихъ же ненавидятъ; не имѣя воли отплатить пришедшимъ на помощь подобною же помощью и отчаявшись въ этомъ, а также воображая, что весь свѣтъ столь корыстолюбивъ, какъ они сами, и что никто не дѣлаетъ добра безъ надежды на вознагражденіе, неблагодарные мнятъ себя обманутыми.

195. *Возмущеніе.*

Возмущеніе есть видъ ненависти или естественнаго отвращенія къ тѣмъ, кто причиняетъ извѣстное зло, какой бы природы послѣднее не было. Возмущеніе часто путаютъ съ завистью или жалостью, но тѣмъ не менѣе оно имѣетъ совершенно отличный объектъ, ибо возмущаются лишь противъ тѣхъ, кто причиняетъ хорошое или дурное лицамъ, незаслуживающимъ того, зависть же питаютъ къ тѣмъ, кто въ такихъ случаяхъ получаетъ благо, а жалость—къ тѣмъ, кого постигаетъ дурное. Правда, что владѣть благомъ, котораго не достойны, значитъ нѣкоторымъ образомъ причинять зло. Вотъ быть можетъ причина того, что Аристотель и его послѣдователи, считая зависть всегда порокомъ, именемъ негодованія назвали ту зависть, которая не порочна.

196. *Почему возмущеніе иногда связано съ жалостью, а иногда съ насмѣшливостью.*

Получить зло или причинить его—извѣстнымъ образомъ одно и то же. Отсюда одни присоединяютъ къ негодованію жалость, а другіе насмѣшку согласно своимъ благожелательству или зложелательству къ тѣмъ, кого видятъ впавшими въ ошибки. Это подобно тому, какъ смѣхъ Демокрита и плачъ Гераклита могутъ обусловливаться одною и тою же причиною.

197. *Оно часто сопровождается удивленіемъ и совмѣстимо съ радостью.*

Возмущеніе часто сопровождается также удивленіемъ: мы обычно предполагаемъ, что все будетъ совершаться такъ, какъ должно, т. е. наилучшимъ, по нашему разумѣнію, образомъ. Поэтому, когда случается иначе, это насъ поражаетъ и мы тому удивляемся. Возмущеніе совмѣстимо и съ радостью, хотя болѣе обычно оно связано съ печалью; вѣдь, когда зло, котораго мы не заслуживаемъ, безсильно намъ повредить и когда мы полагаемъ, что сами не пожелали бы причинить подобнаго, то это доставляетъ намъ извѣстное удовольствіе. Вотъ, быть можетъ, одна изъ причинъ смѣха, сопровождающаго иногда эту страсть.

198. *О его назначеніи.*

Наконецъ, негодованіе замѣчается значительно чаще въ тѣхъ, кто желаетъ казаться добродѣтельнымъ, нежели въ тѣхъ, кто дѣйствительно таковъ: хотя любящіе добродѣтель не могутъ видѣть безъ нѣкотораго отвращенія пороковъ другихъ, они проявляютъ страстность только по отношенію къ порокамъ наибольшимъ и выдающимся. Это тяжелѣе и печальнѣе, чѣмъ большое негодованіе противъ вещей малозначущихъ; несправедливо негодовать и на то, что вовсе не достойно порицанія; неприлично и нелѣпо, не ограничивая этой страсти поступками людей, распространять ее на дѣло Бога или природы, подобно тѣмъ, кто не будучи доволенъ ни своимъ положеніемъ, ни судьбою, рѣшаются прибѣгать къ порицанію управленія міромъ и тайнъ Провидѣнія.

199. *Гнѣвъ.*

Гнѣвъ также есть видъ ненависти или отвращенія, которое мы питаемъ причинившимъ или пытающимся причинить какое либо зло, не безразлично кому бы то ни было, но преимущественно намъ. Гнѣвъ содержитъ то же, что и негодованіе, и это тѣмъ болѣе, что онъ основанъ на поступкахъ, касающихся насъ, за которые мы имѣемъ желаніе отмстить. Такъ какъ это желаніе почти всегда сопровождаетъ гнѣвъ, то онъ существенно противоположенъ признательности, какъ негодованіе—доброжелательству. Но онъ несравненно болѣе жестокъ, чѣмъ три остальныхъ страсти, потому что желаніе отвратить вредное и отмстить есть острѣйшее изъ всѣхъ желаній. Это желаніе связано съ любовью къ самому себѣ, которая доставляетъ гнѣву все волненіе крови, какое могутъ причинить отвага и храбрость. Благодаря ненависти кровь, главнымъ образомъ желчная, идетъ изъ селезенки и маленькихъ венъ печени, получаетъ тамъ волненіе и входитъ въ сердце, гдѣ въ силу своего обилія и природы желчи, съ которой кровь смѣшана, она вызываетъ теплоту болѣе рѣзкую и жгучую, чѣмъ та, какая могла бы быть вызвана любовью или радостью.

200. *Почему тѣхъ, кого гнѣвъ дѣлаетъ красными, боятся меньше, чѣмъ тѣхъ, кого онъ дѣлаетъ блѣдными.*

Внѣшніе знаки этой страсти различны, сообразно различнымъ темпераментамъ лицъ и различію прочихъ страстей, образующихъ гнѣвъ и присоединяющихся къ нему. Такъ наблюдаются среди людей такіе, кто блѣднѣетъ или дрожитъ, впадая въ гнѣвъ, наблюдаются и такіе, кто краснѣетъ или даже плачетъ. Обычно думаютъ, что гнѣвъ тѣхъ, кто блѣднѣетъ, болѣе страшенъ, нежели гнѣвъ краснѣющихъ. Основаніе этому въ томъ, что когда не хотятъ или не могутъ отвѣтить иначе какъ видомъ или словами, то затрачиваютъ весь свой пылъ и всю свою силу съ самаго начала волненія: вотъ причина покраснѣнія; кромѣ того иногда раскаяніе и жалость къ самимъ себѣ, что не могутъ отмстить иначе, причиняетъ плачъ. Наоборотъ, тѣ, кто владѣетъ собою и рѣшается на болѣе крупное отмщеніе, становятся печальны, такъ какъ считаютъ себя обязанными къ мести поступкомъ, приведшимъ ихъ въ гнѣвъ. Они иногда имѣютъ также страхъ предъ бѣдами, могущими наступить вслѣдъ за принятымъ ими рѣшеніемъ, и это прежде всего дѣлаетъ ихъ блѣдными, холодными и дрожащими. Но разъ они приступятъ къ выполненію мщенія, они разгорячаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ холоднѣе они были вначалѣ, подобно тому какъ лихорадка, начинающаяся ознобомъ, обычно бываетъ особенно сильна.

201. *Есть два вида гнѣва и тѣ, кто имѣетъ больше доброты, сильнѣе подпадаютъ первому.*

Это свидѣтельствуетъ о различіи двухъ видовъ гнѣва: одинъ гнѣвъ очень быстръ и сильно проявляется во внѣ, но тѣмъ не менѣе сопровождается незначительными результатами и легко можетъ быть утишенъ; другой не проявляется настолько сразу, но особенно гложетъ сердце и имѣетъ наиболѣе опасные результаты. Тѣ, въ комъ много доброты и любви, болѣе подвластны первому виду гнѣва; вѣдь онъ вытекаетъ не изъ глубокой ненависти, а изъ быстраго отвращенія, постигающаго ихъ по той причинѣ, что будучи склонны воображать, что все должно идти тѣмъ порядкомъ, какой ими считается за лучшій, они, въ случаѣ противнаго, удивляются и оскорбляются случившимся, даже если это ихъ особенно не касается; обладая большой привязанностью, они столь же интересуются тѣми, кого любятъ, какъ самими собой. И то, что для другого было бы лишь предметомъ негодованія, для нихъ есть предметъ гнѣва; такъ какъ ихъ наклонность любить вызываетъ въ нихъ много теплоты и крови, то отвращеніе, овладѣвающее ими, не можетъ толкать даже незначительное количество желчи безъ того, чтобы это не причиняло большого волненія въ крови; но это волненія почти вовсе не длится, такъ какъ сила неожиданности здѣсь непродолжительна, и лишь только эти лица увидятъ, что предметъ, ихъ разсердившій, не долженъ ихъ такъ отталкивать, они раскаиваются.

202. *Низкія и дурныя души болѣе наклонны ко второму роду гнѣва.*

Другой видъ гнѣва, гдѣ преобладаетъ ненависть и печаль, не столь очевиденъ вначалѣ, исключая того, что онъ заставляетъ блѣднѣть въ лицѣ; но сила его мало по малу возрастаетъ при возбужденіи полнаго желанія отмстить, вліяющаго на кровь, которая, будучи смѣшана съ желчью, при движеніи къ сердцу отъ нижней части печени и отъ селезенки, вызываетъ тамъ жаръ, очень сильный и очень острый. И какъ въ первомъ случаѣ были люди особенно великодушные, обладающіе большой признательностью, такъ эти имѣютъ особенно много надменности и будучи болѣе низкими и нетвердыми, даютъ вовлечь себя въ подобный видъ гнѣва. Несправедливости кажутся имъ тѣмъ грандіознѣе, чѣмъ больше гордость заставляла ихъ особо почитать себя и, также, чѣмъ исключительнѣе они оцѣниваютъ блага, которыхъ лишены и которыя цѣнятъ тѣмъ выше, чѣмъ хуже и ниже ихъ душа, ибо эти блага зависятъ отъ другого.

203. *Великодушіе служитъ средствомъ противъ его крайностей.*

Впрочемъ, хотя эта страсть полезна для приданія намъ мужества отклонять несправедливости, однако нѣтъ другой страсти, крайностей которой слѣдовало бы избѣгать съ большею заботливостью, ибо эти крайности, затемняя сужденіе, часто вынуждаютъ къ ошибкамъ, въ которыхъ спустя время раскаиваются; иногда же эти ошибки препятствуютъ устранять должнымъ образомъ наличныя несправедливости, что можно было бы сдѣлать при меньшемъ возбужденіи. Но такъ какъ всего чрезмѣрнѣе эти крайности вызываются именно гордостью, то, на мой взглядъ, великодушіе—лучшее средство, какое можно найти противъ крайностей гнѣва. При великодушіи, вѣдь, очень мало цѣнятъ всѣ тѣ блага, которыя могутъ быть отняты, и наоборотъ особенно цѣнятъ свободу и абсолютное господство надъ самимъ собою, что́ утеривается, разъ могутъ быть оскорблены кѣмъ либо; слѣдовательно, благодаря великодушію питаютъ только презрѣніе, въ крайнемъ случаѣ негодованіе къ несправедливостямъ, какими другіе люди обычно оскорбляются.

204. *Слава.*

То, что́ я называю здѣсь славою, есть видъ радости, основанной на любви къ самому себѣ; а любовь эта исходитъ изъ убѣжденія или надежды, что будутъ хвалимы кѣмъ либо другимъ. Значитъ, слава отличается отъ внутренняго удовлетворенія, проистекающаго изъ убѣжденія, что нами совершенъ хорошій поступокъ; вѣдь иногда люди получаютъ похвалу за то, что́ вовсе не признается хорошимъ, и порицаются за то, что́ считается наилучшимъ. Но оба этихъ проявленія страсти суть виды уваженія къ самому себѣ, а также и виды радости. Ибо видѣть себя уважаемымъ другими, это поводъ уважать самаго себя.

✓ 205. *Стыдъ.*

Стыдъ, наоборотъ, есть видъ печали, также основанной на любви къ самому себѣ, исходящей изъ убѣжденія или боязни, что будутъ порицаемы. Стыдъ, помимо того, есть видъ скромности или униженности и сомнѣнія въ себѣ. Вѣдь, цѣня себя столь высоко, что не въ состояніи вообразить себя презираемыми кѣмъ либо, люди не могли бы такъ легко стыдиться.

206. *Назначеніе этихъ двухъ страстей.*

Слава и стыдъ имѣютъ одинаковое назначеніе: они побуждаютъ насъ къ добродѣтели,—первая черезъ надежду, второй благодаря боязни. Оказывается лишь необходимымъ вѣрно прилагать свое сужденіе къ тому, что дѣйствительно заслуживаетъ порицанія или хвалы, чтобы не стыдиться своихъ добрыхъ дѣлъ и не впадать въ тщеславіе отъ своихъ пороковъ, какъ случается со многими. Не хорошо вовсе освобождаться отъ этихъ страстей, какъ это когда-то дѣлали циники: хотя масса иногда и плохо разсуждаетъ, но такъ какъ мы не можемъ жить безъ нея и для насъ важна ея оцѣнка, мы должны часто слѣдовать ея мнѣніямъ скорѣе, нежели собственнымъ, въ томъ, что касается внѣшней формы нашихъ поступковъ.

✓ 207. *Безстыдство.*

Безстыдство или наглость, т. е. пренебреженіе стыдомъ, а часто также славой не является страстью, ибо въ насъ нѣтъ особаго движенія „духовъ“, которое производило бы его; это—порокъ противоположный стыду, а также и славѣ, поскольку то и другое хорошо, подобно тому какъ неблагодарность противоположно признательности и жестокость милосердію. Главная причина наглости въ многократно полученныхъ крупныхъ обидахъ; вѣдь каждый, будучи молодъ, воображалъ, что похвала—добро, а худая молва—зло, значительно болѣе важныя въ жизни, чѣмъ о томъ свидѣтельствуетъ опытъ; въ юности, получивъ нѣсколько ударовъ судьбы, считаютъ себя совершенно обезчещенными и всѣми презираемыми. Вотъ поэтому тѣ, кто измѣряетъ добро и зло лишь физическими удобствами, становятся наглы, видя, что этими удобствами они, послѣ подобныхъ ударовъ, пользуются столь же хорошо, какъ и прежде; а иногда имъ становится даже много лучше по той причинѣ, что они освобождаются отъ многихъ тягостей, въ которымъ обязываетъ честь, и потому также, что, если съ ихъ несчастьемъ будетъ связана потеря благъ, то они найдутъ себѣ милосердіе со стороны лицъ, которые имъ помогутъ.

208. *Отвращеніе.*

Отвращеніе—видъ печали, происходящей отъ той же самой причины, отъ которой прежде происходила радость. Мы такъ созданы, что большинство вещей, которыми мы пользуемся, хороши на нашъ взглядъ только до поры до времени, а позднѣе становятся непригодными: это проявляется главнымъ образомъ въ питьѣ и пищѣ, которыя полезны только при наличности аппетита и вредны, когда его нѣтъ; а такъ какъ въ этомъ случаѣ питье и пища перестаютъ быть пріятными на вкусъ, то эту страсть назвали отвращеніемъ.

209. *Сожалѣніе.*

Сожалѣніе есть также видъ печали, которая пріобрѣтаетъ особую горечь отъ того, что она всегда связана съ извѣстнымъ отчаяніемъ и воспоминаніемъ объ удовольствіи, которое намъ давалось въ силу обладанія вещью: мы всегда сожалѣемъ лишь о благахъ, которымъ пользовались и которыя такъ утеряны, что нѣтъ надежды ихъ своевременно возвратить, почему мы и сожалѣемъ о нихъ.

210. *Веселость.*

Наконецъ, то, что́ я именую веселостью, есть видъ радости; въ ней та особенность, что ея пріятность увеличивается при воспоминаніи о бѣдствіяхъ, которыя были вынесены и отъ которыхъ чувствуютъ себя освобожденными, подобно тому какъ если бы чувствовали себя облегченными отъ тягостной ноши, которую долгое время имѣли на своихъ плечахъ. Я не вижу ничего особо замѣчательнаго въ послѣднихъ трехъ страстяхъ; помѣстилъ я ихъ здѣсь, лишь слѣдуя порядку исчисленія, принятому выше; но мнѣ кажется, что это исчисленіе было полезно, чтобы показать, что мы не упустили здѣсь ни одной страсти, которая заслуживала того или иного обсужденія.

211. *Общее средство противъ страстей.*

Теперь, разъ мы знаемъ всѣ страсти, у насъ меньше основаній опасаться ихъ, чего прежде не было. Мы видимъ, что всѣ онѣ хороши по природѣ и что мы должны лишь избѣгать дурного пользованія ими или ихъ крайностей, противъ которыхъ достаточны указанныя мною средства, если каждый озаботится ихъ примѣнить. Но я помѣстилъ между этими средствами преднамѣренность и стараніе, посредствомъ котораго можно исправить недостатки своей природы, пытаясь отдѣлить въ себѣ движенія крови и „духовъ“ отъ мыслей, съ которыми эти движенія обычно связаны; поэтому я и признаю, что мало лицъ достаточно такимъ путемъ подготовленныхъ ко всякаго рода встрѣчамъ со страстями, и что эти движенія, производимыя въ крови объектами страстей, слѣдуютъ сразу вслѣдъ за отдѣльными впечатлѣніями, образующимися въ мозгу, и предрасположеніемъ органовъ; такимъ образомъ, если даже душа и не способствовала какъ либо этимъ процессамъ, то все же нѣтъ такой человѣческой мудрости, которая оказывалась бы достаточною

для сопротивленія страстямъ, когда не вполнѣ къ тому подготовлены. Такъ, многіе не могутъ удержаться отъ смѣха при щекоткѣ, хотя вовсе не получаютъ удовольствія: выраженіе радости и удивленія, заставляющее ихъ иногда смѣяться, будучи пробуждено въ ихъ воображеніи, тѣснитъ и вздуваетъ противъ ихъ желанія легкія, благодаря крови, отзываемой отъ сердца. Тѣ, кто весьма склоненъ отъ природы къ волненіямъ радости или милосердія, гнѣва или страха—когда фантазія ихъ очень сильно задѣта какимъ либо объектомъ одной изъ данныхъ страстей—не могутъ удержаться, чтобы не упасть въ обморокъ, плакать или дрожать, или имѣть взволнованной всю кровь такъ, какъ будто бы они были въ лихорадкѣ. Но вотъ что всегда можно сдѣлать въ подобномъ случаѣ и что, я думаю, можно указать здѣсь, какъ средство наиболѣе общее и наиболѣе легкое для примѣненія противъ всѣхъ крайностей страстей: когда чувствуютъ сильное „волненіе въ крови“, должно удерживаться и вспоминать, что все представляющееся воображенію склонно обманывать душу и показывать ей основанія, служащія увѣренности въ объектѣ ея страсти, значительно болѣе сильными, чѣмъ они есть, а тѣ основанія, которыя служатъ разувѣренію въ объектѣ, гораздо болѣе слабыми. Когда страсть направлена на то, выполненіе чего допускаетъ извѣстную отсрочку, слѣдуетъ воздерживаться выносить тотчасъ какое либо сужденіе и должно обращаться къ инымъ мыслямъ до тѣхъ поръ, пока время и отдыхъ совершенно не успокоятъ волненія крови. И, наконецъ, когда страсть побуждаетъ къ поступкамъ, относительно которыхъ необходимо принимать мгновенное рѣшеніе, то должно направлять волю преимущественно къ обсужденію и слѣдованію доводамъ противоположнымъ тѣмъ, какіе представляетъ страсть, хотя бы эти доводы казались менѣе сильными. Такъ, когда неожиданно аттакуются врагомъ, то происшедшее не позволяетъ занимать время обдумываніемъ. Но, мнѣ кажется, тѣ, кто привыкъ размышлять надъ своими поступками, когда почувствуютъ себя охваченными страхомъ, всегда могутъ постараться отвратить свои мысли отъ разсужденіи объ опасности, представляя себѣ доводы, согласно которымъ гораздо больше и безопасности и чести въ стойкости, нежели въ бѣгствѣ; наоборотъ, когда они почувствуютъ, что желаніе мести и гнѣвъ побуждаетъ ихъ не разсуждая бѣжать на аттакующихъ, имъ придетъ на память мысль, что безумно гибнуть, разъ можно безъ позора спастись, и что, если ихъ силы слишкомъ неравны, то будетъ лучше съ честью отступить или же просить пощады, чѣмъ безразсудно выступать на вѣрную смерть.

212. *Отъ однѣхъ страстей зависитъ все счастье и несчастье здѣшней жизни.*

Конечно, душа можетъ имѣть и побочныя удовольствія. Но что касается тѣхъ, какія ей общи съ тѣломъ, они исключительно зависятъ отъ страстей; стало быть тѣ люди, которыхъ могутъ особенно трогать страсти, способны всѣхъ болѣе вкусить сладости жизни. Правда, что они могутъ также найти больше и горечи, если не сумѣютъ хорошо использовать страсти, и тогда судьба ихъ будетъ противоположна. Мудрость же главнымъ образомъ полезна съ той точки зрѣнія, что она учитъ оставаться господиномъ себя и руководить собою съ такою ловкостью, что бѣды, причиняемыя страстями, становятся легко переносимыми и что даже изъ страданій извлекается радость.

Изъ переписки съ принцессою Елизаветою *).

I.

4 августа 1645 г.

Сударыня,

когда я выбралъ книгу Сенеки „о счастливой жизни“, чтобы предложить ее Вашему Высочеству какъ предметъ пріятной для васъ бесѣды, я считался исключительно съ репутаціей автора и достоинствомъ темы, не размышляя о способѣ, какимъ она трактована; теперь, пораздумавъ, я не нахожу книгу достаточно отчетливою, чтобы ей слѣдовать. Но, дабы Ваше Высочество легче могли о томъ судить, я попытаюсь здѣсь высказаться, какъ, на мой взглядъ, эта тема должна бы была трактоваться философомъ, который, подобно Сенекѣ, не будучи просвѣщенъ вѣрою, имѣетъ въ качествѣ вожатаго одинъ природный разумъ. Сенека уже въ началѣ говоритъ, что „всѣ хотятъ жить счастливо, но при разслѣдованіи того, что создаетъ счастливую жизнь, остаются во мракѣ“. Однако же необходимо знать, что значитъ „счастливо жить“; я говорю по французски, счастливо (vivre heureusement), такъ какъ есть различіе между счастьемъ (l'heur) и блаженствомъ (la beatitude) въ томъ, что счастье зависитъ только отъ внѣшнихъ намъ вещей, отчего скорѣе счастливыми, чѣмъ мудрыми считаются тѣ, къ кому приходитъ извѣстное благо, достигнутое не ими самими, тогда какъ блаженство состоитъ, мнѣ кажется, въ совершенномъ довольствѣ души и внутреннемъ удовлетвореніи, какого обычно не имѣютъ тѣ, кто наиболѣе облагодѣтельствованъ судьбою, и какое мудрецы пріобрѣтаютъ помимо послѣдней. Стало быть, vivere beate — „жить блаженно"—это ни что иное, какъ имѣть душевную удовлетворенность.

---

*) Намъ показалось весьма полезнымъ привести въ видѣ дополненія къ трактату О„ страстяхъ“ нѣсколько писемъ Декарта къ принцессѣ Елизаветѣ. Эти письма относятся къ тому же періоду работы Декарта надъ своимъ психологическимъ трактатомъ и въ значительной степени восполняютъ бѣглыя замѣчанія философско-этическаго характера, проскользнувшія въ трактатъ. Анализируя прочитанную принцессою книгу Сенеки „De vita beata“, философъ набрасываетъ здѣсь рядъ мыслей о высшемъ благѣ и о назначеніи человѣческой жизни. Приводимые отрывки изъ переписки не лишены, вмѣстѣ съ тѣмъ, интереса и какъ образецъ эпистолярнаго слога Декарта. Переводъ сдѣланъ нами по тексту юбилейнаго изданія: vol. IV, p. 263—357.

Примѣчаніе переводчика.

Раздумывая, затѣмъ, что значитъ то, „что вызываетъ счастливую жизнь", т. е. каковы вещи, которыя могутъ дать намъ это высшее (souverain) довольство, я замѣчу, что ихъ два рода: именно тѣ, которыя зависятъ отъ насъ, какъ добродѣтель и мудрость, и тѣ, которыя отъ насъ вовсе не зависятъ, какъ почетъ, богатство и здоровье. Вѣдь достовѣрно, что родовитый, здоровый и не нуждающійся ни въ чемъ человѣкъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ столь же уменъ и добродѣтеленъ, какъ тотъ, кто бѣденъ, немощенъ и необезпеченъ, станетъ обладать болѣе совершеннымъ довольствомъ, чѣмъ этотъ послѣдній. Однако, малый сосудъ можетъ быть столь же полнымъ, какъ и большой: понимая довольство каждаго, какъ полноту и завершеніе его желаній, согласныхъ съ разумомъ, я усумнюсь, что бѣднѣйшіе и обездоленные судьбою или природою не могутъ быть довольны и удовлетворены такъ же хорошо, какъ и другіе, хотя бы они и не обладали столькими благами. Объ этомъ родѣ довольства здѣсь и идетъ рѣчь; такъ какъ иное никоимъ образомъ не въ нашей власти, то его отысканіе было бы излишне. Мнѣ кажется, что каждый можетъ найти удовлетвореніе въ самомъ себѣ, не ожидая ничего другого, если замѣтить три вещи, къ которымъ относятся три правила морали, помѣщенныя мною въ „Разсужденіи о методѣ". Первое: стараться всегда какъ можно лучше пользоваться своимъ разумомъ, чтобы познать, что должно и чего не должно дѣлать во всякихъ жизненныхъ обстоятельствахъ. Второе: имѣть твердое и постоянное рѣшеніе исполнять все, совѣтуемое разсудкомъ, не поддаваясь страстямъ и влеченіямъ; твердость такого рѣшенія должна почитаться за добродѣтель, хотя я и не знаю, чтобы кто нибудь когда либо такъ ее понималъ; но добродѣтель подѣлили на множество видовъ, сообщивъ имъ различныя наименованія, сообразно разницѣ объектовъ, на которыя добродѣтель распространяется. Третье: руководиться подобнымъ поведеніемъ сколь возможно согласно разсудку, мысля такъ, что всѣ блага, которыми мы вовсе не обладаемъ, находятся внѣ нашей власти; посредствомъ этого мы привыкнемъ совершенно ихъ не желать; вѣдь только желаніе, сожалѣніе, либо раскаяніе могутъ препятствовать нашей удовлетворенности. Но если мы всегда будемъ дѣлать все, диктуемое намъ разсудкомъ, мы не будемъ имѣть повода къ раскаянію, хотя бы событія и показали намъ позднѣе, что мы обмануты, такъ какъ это произошло не въ силу нашей ошибки. Мы не желаемъ, напримѣръ, обладать большимъ того, что имѣемъ, количествомъ рукъ или языковъ, но желаемъ большого здоровья и богатства потому только, что эти послѣднія блага могутъ быть пріобрѣтены нашимъ поведеніемъ или даже даны намъ отъ рожденія, но не такъ какъ тѣ, первыя; но мы можемъ освободиться отъ желаній и этого рода, подумавъ, что разъ мы всегда слѣдовали голосу нашего разсудка, мы не упустили ничего изъ подвластнаго намъ, и что болѣзни и несчастія не менѣе естественны для человѣка, чѣмъ благополучіе и здоровье.

Наконецъ, всякаго рода желанія могутъ согласоваться съ блаженствомъ; бываютъ только такія желанія, которыя сопровождаются нетерпѣньемъ и печалью. Нѣтъ также необходимости, чтобы нащъ разсудокъ не заблуждался. Достаточно лишь, чтобы наше сознаніе свидѣтельствовало, что мы не пренебрегали рѣшимостью и добродѣтелью ради выполненія всего, что принималось нами за наилучшее, одной даже добродѣтели достаточно, чтобы сдѣлать насъ довольными этой жизнью. Но въ виду того, что разъ добродѣтель не будетъ освѣщена разсудкомъ, она станетъ ложною, т. е. воля и рѣшеніе поступать хорошо приведутъ насъ къ дурнымъ вещамъ, принятымъ за хорошія, такое довольство не прочно. А такъ какъ обычно противупоставляютъ эту добродѣтель удовольствіямъ, влеченіямъ и страстямъ, то очень трудно ввести ее въ житейскій обиходъ; между тѣмъ правильное пользованіе разсудкомъ, дающее истинное познаніе добра, препятствуетъ добродѣтели стать ложною и, согласуя ее съ допустимыми удовольствіями облегчаетъ пользованіе ею; это же пользованіе разсудкомъ, давая намъ узнать условія нашей природы, ограничиваетъ наши желанія такъ, что—нужно сознаться — именно отъ него зависитъ наибольшее благополучіе человѣка и слѣдовательно обученіе, служащіе его пріобрѣтенію, оказывается наиболѣе полезнымъ занятіемъ, какое только возможно, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно несомнѣнно самое пріятное и благое. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется, что Сенека долженъ былъ научить насъ всѣмъ главнымъ истинамъ, познаніе которыхъ потребно, чтобы облегчить пользованіе добродѣтелью и упорядочить наши желанія и страсти и такимъ образомъ овладѣть природнымъ блаженствомъ; это сдѣлало бы его книгу лучшею и наиболѣе полезною, какую только могъ написать языческій философъ. Однако, это только мое мнѣніе и его я повергаю на судъ Вашего Высочества; и если вашъ судъ будетъ благосклоненъ указать мнѣ, въ чемъ я ошибаюсь, я сочту себя въ высшей степени вамъ обязаннымъ и засвидѣтельствую, по исправленіи, что я пребываю,

Сударыня,
Вашего Высочества нижайшимъ и преданнѣйшимъ слугою,
Декартъ.

II.

18 августа 1645 г.

...Я высказалъ раньше, что́, по моему мнѣнію, долженъ былъ Сенека говорить въ своей книгѣ; теперь я разберу, что онъ сообщаетъ. Я отмѣчу вообще только три положенія: во первыхъ, онъ пытается обосновать понятіе высшаго блага и даетъ послѣднему различныя опредѣленія; во вторыхъ, онъ возражаетъ противъ мнѣній Эпикура; въ третьихъ, онъ отвѣчаетъ тѣмъ, кто упрекаетъ философовъ въ томъ, что они не живутъ согласно предписаніямъ, ими самими указаннымъ. Но чтобы ближе видѣть, какъ онъ трактуетъ эти вещи, я немного задержусь на каждой изъ главъ.

Въ первой онъ порицаетъ лицъ, слѣдующихъ обычаю и примѣру больше, чѣмъ разсудку. „Никогда они не судятъ о жизни, всегда вѣрятъ“, говоритъ онъ. Однако онъ одобряетъ, что берутъ совѣты у тѣхъ, кого почитаютъ за особенныхъ мудрецовъ; но онъ желаетъ, чтобы пользовались и собственнымъ сужденіемъ, испытывая свои мнѣнія. Въ этомъ я вполнѣ придерживаюсь его взгляда; вѣдь если многіе не въ состояніи найти сами правильную дорогу, то нѣтъ всетаки никого, кто не могъ бы ее достаточно распознать, разъ она будетъ ясно открыта кѣмъ либо другимъ; и каковъ бы ни былъ человѣкъ, онъ склоненъ удовлетворяться познаніемъ этихъ дорогъ и думать, что его мнѣнія относительно морали лучшія, какія можно имѣть, когда онъ вмѣсто того, чтобы позволить себѣ слѣпо слѣдовать примѣру, позаботится изыскать совѣты наиболѣе умныхъ лицъ и воспользуется всѣми силами своей души, чтобы испытать, чему должно слѣдовать. Но хотя Сенека и изощряется здѣсь въ украшеніи своего краснорѣчія, онъ не всегда вполнѣ удачно выражаетъ свою мысль; напримѣръ, когда онъ говоритъ: „мы оздоровимъ себя, если только отдѣлимся отъ толпы“ (a caetu), то кажется, будто онъ поучаетъ, что достаточно экстравагантности, чтобы стать мудрымъ, а это не является его намѣреніемъ. Во второй главѣ онъ только иными словами повторяетъ то, что высказалъ въ первой; онъ лишь прибавляетъ, что принимаемое обыкновенно за благо не есть таковое. Затѣмъ, въ третьей главѣ, затративъ много излишнихъ словечекъ, онъ высказываетъ, наконецъ, свое мнѣніе относительно высшаго блага, именно, что „оно соотвѣтствуетъ вещамъ природы“, что „мудростью будетъ сообразоваться съ его закономъ и примѣромъ“ и что „блаженная жизнь заключается въ соотвѣтствіи своей природѣ“. Всѣ эти выраженія кажутся мнѣ очень темными; несомнѣнно, что подъ природой онъ не подразумѣваетъ естественныхъ наклонностей, видя, что онѣ влекутъ насъ къ чувственности, противъ которой говоритъ Сенека; въ дальнѣйшемъ его разсужденіе даетъ основаніе полагать, что подъ „природою вещей“ онъ понимаетъ порядокъ, установленный Богомъ относительно всего сущаго въ мірѣ, и что, полагая этотъ порядокъ, какъ неизмѣнный и независимый отъ нашей воли, онъ говоритъ: „соотвѣтствовать природѣ вещей и согласоваться съ его (блага) закономъ и примѣромъ является мудростью“, т. е. мудростью будетъ успокаивать себя порядкомъ вещей и дѣлать это потому, что мы, повидимому, для него созданы; говоря по христіански, мудростью будетъ порученіе себя Божьей волѣ и слѣдованіе ей во всѣхъ нашихъ поступкахъ; выраженіе „блаженная жизнь заключается въ соотвѣтствіи своей природѣ“ означаетъ, что блаженство состоитъ въ слѣдованіи порядку природы и принятіи въ хорошую сторону всего, что съ нами случается. Это не выражаетъ почти ничего, и не видно полной связи съ тѣмъ, что Сенека невоздержно выразилъ раньше, именно, что это блаженство не можетъ наступить иначе, какъ „при здоровомъ разсудкѣ и т. д.“, если не значитъ также, что „жить согласно природѣ“ это—жить, слѣдуя истинному разсудку.—Въ четвертой и пятой главахъ онъ даетъ нѣсколько иныхъ опредѣленій высшаго блага, которыя имѣютъ извѣстное отношеніе къ смыслу перваго опредѣленія, но ни одно изъ нихъ не выражаетъ его удовлетворительно; и самое ихъ различіе свидѣтельствуетъ, что Сенека не ясно разумѣлъ то, что хотѣлъ сказать; вѣдь, чѣмъ лучше знаютъ что либо, тѣмъ болѣе склонны выражать свое знаніе одинаковымъ образомъ. Наиболѣе согласное съ моими взглядами находится въ 5-ой главѣ, гдѣ онъ говоритъ, что „блаженъ тотъ, кто ничего не желаетъ и не боится по милости разума“ и что „блаженная жизнь есть жизнь, утвержденная на разума“

правильномъ и достовѣрномъ сужденіи". Но такъ какъ онъ не научаетъ основаніямъ, по которымъ мы не должны ничего ни бояться, ни желать, то все это мало помогаетъ намъ. Въ этихъ же главахъ Сенека начинаетъ спорить съ тѣми, кто поставляетъ блаженство въ чувственномъ наслажденіи, и то-же продолжаетъ онъ въ слѣдующихъ главахъ. Вотъ почему прежде, нежели изслѣдовать ихъ, я выскажу здѣсь свое мнѣніе по данному вопросу. Я замѣчу, во первыхъ, что существуетъ разница между блаженствомъ, высшимъ благомъ и конечною цѣлью, къ которой должны клониться наши поступки: блаженство не высшее благо, но оно предполагаетъ послѣднее; оно есть довольство или удовлетвореніе души, проистекающее оттого, что душа обладаетъ благомъ. Но за цѣль нашихъ поступковъ можно принимать и то, и другое; высшее благо несомнѣнно есть то, что мы должны поставлять какъ цѣль нашихъ поступковъ, а душевное довольство, привходящее сюда, будучи приманкою, завлекающею насъ, также по праву именуется нашею цѣлью. Помимо того, я отмѣчу, что слово „чувственное наслажденіе" Эпикуромъ понималось иначе, нежели тѣми, кто возражалъ противъ него. Всѣ противники относили обозначеніе этого слова къ чувственнымъ удовольстіямъ; онъ же, напротивъ, распространялъ его на всѣ духовныя удовольствія; объ этомъ легко можно заключить изъ того, что Сенека и другіе о немъ писали.

Существовало у языческихъ философовъ три главныхъ мнѣнія касательно высшаго блага и цѣли нашихъ поступковъ; именно, мнѣніе Эпикура, который говорилъ что это—наслажденіе, мнѣніе Зенона, который желалъ, чтобы то была добродѣтель, и мнѣніе Аристотеля, который составлялъ высшее благо изъ всѣхъ совершенствъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ. Всѣ эти мнѣнія, мнѣ кажется, могли бы быть приняты за истинныя и согласныя между собою, если только ихъ удачно толковать. Аристотель, обсуждая высшее благо всей природы человѣка, взятой вообще, т. е. то благо, которое можетъ удовлетворить всякихъ людей, имѣлъ основаніе составить его изъ всѣхъ совершенствъ, какимъ причастна природа человѣка; но это не пригодно для насъ. Зенонъ, напротивъ, обсуждалъ то, чѣмъ можетъ владѣть каждый человѣкъ, какъ личность; поэтому онъ имѣлъ весьма хорошій поводъ сказать, что благо состоитъ только въ добродѣтели, такъ какъ среди благъ, какими мы можемъ обладать, только она одна исключительно зависитъ отъ нашей свободной воли. Однако Зенонъ представилъ эту добродѣтель столь суровой и враждебной наслажденію, приравнявъ другъ ко другу всѣ пороки, что, какъ мнѣ кажется, его послѣдователями могли быть либо меланхолики, либо души, рѣшительно оторванныя отъ тѣла.

Наконецъ и Эпикуръ не былъ неправъ при обсужденіи того, въ чемъ состоитъ блаженство, и каковъ мотивъ или цѣль, къ которой клонятся наши дѣйствія, говоря, что эта цѣль—вообще наслажденіе, т. е. душевное довольство; вѣдь, хотя одно знаніе о нашихъ обязанностяхъ можетъ побуждать насъ къ добрымъ поступкамъ, однако оно не радуетъ насъ блаженствомъ, если сюда не присоединяется удовольствія. Но такъ какъ часто относятъ названіе наслажденія къ ложнымъ удовольствіямъ, сопровождаемымъ безпокойствомъ, скукою и раскаяніемъ, то многіе полагаютъ, что это мнѣніе Эпикура учитъ пороку. Правда, въ концѣ-то концовъ, оно не наставляетъ добродѣтели. Но подобно тому, какъ при стрѣльбѣ въ цѣль на призы скучнымъ кажется стрѣлять для тѣхъ, кому показали призъ, но кто не можетъ его достичь, не видя цѣли, а тѣ, кто видитъ цѣль, не имѣютъ побужденія къ стрѣльбѣ, разъ не знаютъ о существованіи приза,—такъ и добродѣтель, являясь цѣлью, не привлекаетъ къ себѣ съ силою, когда видятъ ее одну, а удовлетвореніе, будучи призомъ, можетъ быть добыто только при слѣдованіи добродѣтели. Отсюда, я полагаю, можно заключить, что блаженство состоитъ только въ душевномъ довольствѣ, т. е. въ общей удовлетворенности; вѣдь, хотя есть удовольствія, зависящія отъ тѣла, какъ есть и вовсе не зависящія отъ него, однако каждое находится въ душѣ. Но чтобы получить прочное удовольствіе необходимо слѣдовать добродѣтели, т. е. имѣть твердую и постоянную рѣшимость выполнять все, считаемое нами за лучшее, и пользоваться всей силой нашего разумѣнія для правильныхъ сужденій.

Я оставлю до другого раза обсужденіе того, что написано по этому поводу Сенекою. Мое письмо и безъ того уже очень длинно и мнѣ остается мѣста только для того, чтобы заявить, что я пребываю,

Сударыня,
Вашего Высочества нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою,
Декартъ.

III *).

1 сентября 1645 г.

...Когда я говорилъ о блаженствѣ, которое зависитъ исключительно отъ нашей свободной воли и которое можетъ быть

---

*) Въ отвѣтѣ на предыдущее письмо Декарта принцесса Елизавета вполнѣ присоединилась къ защитѣ здороваго ядра въ ученіи Эпикура отъ поверхност-

пріобрѣтено людьми безо всякой помощи со стороны, вы хорошо замѣтили, что существуютъ болѣзни, которыя, препятствуя нашей власти надъ разсудкомъ, лишаютъ насъ также силъ наслаждаться духовнымъ удовлетвореніемъ. Это указываетъ, что мнѣніе, высказанное мною о людяхъ вообще, должно распространяться лишь на тѣхъ, кто свободно пользуется разсудкомъ и кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ дорогу, которой слѣдуетъ держаться, чтобы придти къ этому блаженству. Нѣтъ никого, кто не желалъ бы стать счастливымъ; но многіе не знаютъ средства къ тому; а часто тѣлесное нездоровье препятствуетъ свободѣ воли. Это такъ и случается, когда мы спимъ. Вѣдь, самый мудрый человѣкъ не можетъ воспрепятствовать себѣ видѣть дурные сны, когда его физическое состояніе къ тому располагаетъ. Однако, по опыту замѣчено, что если часто имѣютъ извѣстную мысль при свободной дѣятельности души, то эта мысль возвращается и позднѣе, при нездоровьи; такъ, я могу сказать, что мои сны никогда не представляютъ ничего непріятнаго, и что несомнѣнно великой выгодой является пріобрѣтаемая въ теченіе долгаго времени привычка удалять грустныя мысли. Мы можемъ вполнѣ отвѣчать за себя только будучи „въ себѣ“, и для людей меньше значитъ потерять жизнь, чѣмъ потерять пользованіе разсудкомъ; даже помимо внушеній вѣры, одна естественная философія вселяетъ въ насъ надежду на болѣе счастливое состояніе души послѣ смерти, чѣмъ то, въ какомъ она находится здѣсь; и душа ничего такъ не боится, какъ быть привязанной къ тѣлу, которое стѣсняетъ ея свободу. Другія болѣзни, не разстраивая чувствъ совершенно, только измѣняютъ расположеніе духа и дѣлаютъ насъ исключительно наклонными къ печали, гнѣву и прочимъ страстямъ; эти болѣзни несомнѣнно причиняютъ муки, но ихъ можно преодолѣть и онѣ даютъ душѣ поводъ къ удовлетворенію тѣмъ большему, чѣмъ труднѣе было ихъ побѣдить. То же я думаю о всѣхъ внѣшнихъ препятствіяхъ, какъ блескъ знатности, ласкательство двора, превратности судьбы и ея великія милости, которыя обычно больше мѣшаютъ наслаждаться ролью философа, чѣмъ ея немилости. Когда обладаютъ всѣмъ согласно желанію, то забываютъ думать о себѣ, и когда, позднѣе, судьба измѣняетъ, поражаются тѣмъ большею неожиданностью, чѣмъ сильнѣе полагались на судьбу.

Наконецъ, можно вообще сказать, что нѣтъ вещей, которыя могли бы всецѣло преграждать путь къ нашему счастью, разъ только не поврежденъ нашъ разсудокъ; и не всегда вещи, наиболѣе вредящія намъ, оказываются наиболѣе непріятными.

Чтобы ближайшимъ образомъ понять, какъ можетъ любая вещь содѣйствовать нашему удовлетворенію, слѣдуетъ обдумать причины, вызывающія эти вещи, и это также составляетъ одно изъ главныхъ знаній, облегчающихъ обладаніе добродѣтелью; именно, всѣ дѣйствія нашей души, придающія намъ извѣстное совершенство, добродѣтельны и вся наша удовлетворенность состоитъ лишь во внутреннемъ свидѣтельствѣ, что мы обладаемъ нѣкоторымъ совершенствомъ. Отсюда мы не стали бы никогда упражняться въ добродѣтели (т. е. дѣлать то, что нашъ разумъ внушаетъ какъ должное), не получай мы изъ этого удовлетворенія и удовольствія. Но есть два вида удовольствій: одни принадлежатъ только душѣ, а другія принадлежатъ человѣку, т. е. душѣ, поскольку она связана съ тѣломъ; эти послѣднія, смутно представляясь воображенію, часто кажутся значительно большими, чѣмъ они есть, особенно до того, какъ ими овладѣютъ: вотъ источникъ всѣхъ бѣдъ и ошибокъ въ жизни. Ибо, согласно правиламъ разсудка, каждое удовольствіе должно измѣряться величиною совершенства, производимаго имъ, и такъ мы измѣряемъ тѣ изъ удовольствій, причины которыхъ ясно познаны. Но страсть часто представляетъ намъ вещи лучшими и болѣе желанными, чѣмъ они есть въ дѣйствительности; затѣмъ, когда мы потрудимся пріобрѣсти ихъ и утеряемъ случай овладѣть иными, подлинными благами, наслажденіе наше находитъ въ пріобрѣтенныхъ благахъ недостатки и отсюда вытекаютъ пренебреженіе, сожалѣніе и раскаяніе. Поэтому настоящей обязанностью разсудка является испытаніе истинной цѣнности всѣхъ благъ, пріобрѣтеніе которыхъ кажется извѣстнымъ образомъ зависящимъ отъ нашего поведенія, съ тѣмъ чтобы мы никогда не пренебрегали приложить всѣ старанія къ доставленію себѣ наиболѣе желанныхъ благъ; вѣдь, тогда, если судьба воспротивится нашимъ намѣреніямъ и помѣшаетъ успѣху въ нихъ, мы по меньшей мѣрѣ сохранимъ то удовлетвореніе, что ничего не потеряли по собственной винѣ и не упустили наслажденія всѣмъ природнымъ блаженствомъ, достиженіе котораго было въ нашей власти.

Такъ, напримѣръ, гнѣвъ можетъ иногда возбудить въ насъ столь сильное желаніе мести, что онъ вызоветъ въ воображеніи большее удовольствіе отъ наказанія нашего врага, чѣмъ отъ сохраненія нашей чести или жизни, и вынудитъ насъ, ради

ной критики Сенеки и приводитъ въ подтвержденіе своей мысли рядъ новыхъ цитатъ изъ прочитанной книги. Это даетъ поводъ Декарту начать слѣдующее письмо съ комплиментовъ уму и проницательности принцессы; эту вступительную часть письма мы опускаемъ. *Примѣчаніе переводчика.*

мщенія, безрасудно оставить и ту и другую. Напротивъ, если разсудокъ изслѣдуетъ, каково благо или совершенство, на которомъ основывается удовольствіе, почерпаемое въ мести, онъ не найдетъ ничего (по крайней мѣрѣ, когда это мщеніе не служитъ самозащитой на случай новой опасности), кромѣ нашего представленія о томъ, что мы имѣемъ нѣкотораго рода превосходство и преимущество надъ тѣмъ, кому мстимъ. А вѣдь это часто пустое представленіе, вовсе не заслуживающее вниманія въ сравненіи съ честью или жизнью, ни даже въ сравненіи съ удовлетвореніемъ видѣть себя господиномъ своего гнѣва при воздержаніи отъ мщенія. Подобное же случается при всѣхъ прочихъ страстяхъ, такъ какъ нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая не представляла бы намъ блага, къ которому она влечетъ, въ блескѣ, большемъ заслуженнаго, и не показывала бы воображенію удовольствій, прежде чѣмъ мы ими овладѣемъ, значительно большими, нежели мы ихъ находимъ позднѣе, пріобрѣтая. Оттого вообще порицаютъ наслажденіе, такъ какъ пользуются этимъ словомъ только для обозначенія удовольствій, часто ошибочныхъ въ силу ихъ призрачности, и упускаютъ изъ виду иныя гораздо болѣе основательныя удовольствія, ожиданіе которыхъ не такъ волнуетъ и которыя почти всегда исключительно духовны. Я говорю „почти всегда“, потому что не всѣ духовныя удовольствія заслуживаютъ похвалы, ибо они могутъ быть основаны на какомъ либо ложномъ взглядѣ, какъ, напримѣръ, удовольствіе злословія; послѣднее покоится на томъ только, что полагаютъ, будто станутъ уважаться тѣмъ больше, чѣмъ меньше уваженія будетъ удѣлено другимъ лицамъ; эти удовольствія также могутъ обмануть насъ своей видимостью, когда ихъ сопровождаетъ извѣстнаго рода страсть, какъ это замѣтно на примѣрѣ честолюбія. Главная разница между тѣлесными и духовными удовольствіями состоитъ въ томъ, что тѣло подчинено вѣчнымъ измѣненіямъ, и что его сохраненіе, какъ и сохраненіе тѣлеснаго блага, зависитъ отъ этихъ измѣненій: поэтому всѣ соотвѣтствующія удовольствія почти не длятся, такъ какъ они сопровождаютъ только пріобрѣтеніе вещи, полезной тѣлу, въ моментъ ея полученія; и лишь только вещь перестаетъ быть пригодной для тѣла, удовольствія также исчезаютъ, тогда какъ удовольствія духовныя безсмертны, какъ душа, и имѣютъ столь прочную основу, что ни познаніе истины, ни ложное убѣжденіе не могутъ ея разрушить. Наконецъ, правильное пользованіе разсудкомъ въ жизненномъ поведеніи состоитъ только въ безстрастномъ испытаніи и обсужденіи цѣнности всякихъ совершенствъ, какъ тѣла, такъ и духа, которыя могутъ быть добыты нашимъ поведеніемъ, съ тѣмъ, чтобы, будучи обыкновенно принуждены лишаться однихъ благъ ради пріобрѣтенія другихъ, мы всегда выбирали наилучшія. А такъ какъ совершенства тѣла менѣе значущи, то, можно вообще сказать, есть средство стать счастливымъ и безъ нихъ. Однако я отнюдь не держусь того мнѣнія, что ихъ должно презирать или что слѣдуетъ даже уклоняться отъ страстей; достаточно подчинять ихъ разсудку, а когда ихъ такъ приручатъ, онѣ станутъ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ ближе къ крайности. Я никогда не впаду въ бóльшую чрезмѣрность, чѣмъ въ той страсти, которая требуетъ отъ меня уваженія и преданности, какими я вамъ обязанъ, и которая дѣлаетъ меня,

Сударыня,

Вашего Высочества нижайшимъ и преданнѣйшимъ слугою,

Декартъ.

IV.

15 сентября 1645 г.

Сударыня!

Ваше Высочество такъ точно отмѣтили всѣ причины, помѣшавшія Сенекѣ ясно выразить свое мнѣніе касательно высшаго блага, и взяли трудъ столь заботливо прочесть книгу, что я опасаюсь показаться докучливымъ, продолжая разборъ всѣхъ главъ по порядку, и боюсь замѣшкаться съ отвѣтомъ на трудные вопросы, какіе вы пожелали предложить, относительно средствъ укрѣплять разсудокъ ради выбора наилучшаго во всѣхъ жизненныхъ поступкахъ. Вотъ почему, не задерживаясь надъ Сенекой, я попытаюсь только изложить свое личное мнѣніе по данному предмету. Возможно, мнѣ кажется, имѣть въ качествѣ такихъ средствъ только двѣ вещи, требуемыя для постояннаго расположенія къ правильному сужденію: одна—познаніе истины, а другая—привычка вспоминать объ этомъ познаніи и успокаиваться на немъ всякій разъ, какъ случай потребуетъ того. Но такъ какъ только Богъ все въ совершенствѣ знаетъ, то нужно чтобы мы удовлетворялись познаніемъ того, что наиболѣе необходимо намъ.

Первое изъ такихъ знаній, это то, что существуетъ единый Богъ, отъ котораго все зависитъ, совершенство котораго безконечны, власть безмѣрна и повелѣнія нерушимы: это знаніе научаетъ насъ принимать въ хорошую сторону все, случающееся съ нами, какъ если бы все ниспосылалось отъ Бога, и такъ какъ истиннымъ объектомъ любви является совершенство, то, когда мы возвышаемъ нашъ духъ, чтобы разсматривать его таковымъ, какъ оно есть, мы естественно склоняемся такъ любить Бога, что даже извлекаемъ радость изъ нашихъ страданій, думая, что по Его волѣ получили ихъ.

Второе, что должно знать, это природу нашей души, поскольку душа безтѣлесна, много важнѣе тѣла и способна наслаждаться безконечнымъ множествомъ удовольствій, вовсе не находимыхъ въ этой жизни: это препятствуетъ намъ бояться смерти и такъ отрываетъ насъ отъ привязанности къ окружающему, что мы съ презрѣньемъ смотримъ на все, подвластное судьбѣ. Этому хорошо можетъ также служить достойное обсужденіе божьихъ дѣлъ и та глубокая идея о протяженіи міра, которую я попытался изложить въ третьей книгѣ моихъ „Началъ“: вѣдь, если представятъ, что за небеснымъ сводомъ существуютъ только призрачныя пространства и что небесная сфера создана только къ услугамъ земли, а земля къ услугамъ человѣка, то окажутся склонны думать, что эта земля—наше главное жилище, а эта жизнь—лучшее, что мы имѣемъ; и вмѣсто познанія дѣйствительно присущихъ намъ совершенствъ, припишутъ другимъ созданьямъ несовершенства, какихъ они не имѣютъ, дабы подняться надъ ними; а принявъ нелѣпое предположеніе, пожелаютъ стать совѣтниками Бога и взять обязанность руководить міромъ, что порождаетъ безконечное количество пустыхъ тревогъ и досадъ. Помимо познанія благости Бога, безсмертія нашихъ душъ и величія вселенной, есть еще одна истина, познаніе которой мнѣ кажется весьма полезнымъ; истина эта такова: хотя каждый изъ насъ является личностью, обособленною отъ другихъ, и такою, слѣдовательно, интересы которой отличны отъ интересовъ прочаго міра, однако всякій долженъ мыслить, что существуетъ не онъ одинъ и что, въ концѣ концовъ, онъ является частицею земли, даннаго государства, общества, семьи, съ которыми онъ связанъ мѣстомъ жительства, рѣчью, родствомъ. И слѣдуетъ отдавать предпочтеніе интересамъ цѣлаго, къ которому принадлежатъ, сравнительно съ интересами частнаго лица; но здѣсь должны соблюдаться умѣренность и осторожность, ибо безуміемъ будетъ впасть въ большое бѣдствіе ради заботы о незначительномъ благѣ родныхъ или своей страны; если человѣкъ самъ по себѣ стоитъ больше, чѣмъ весь остальной городъ, то неразумно погибать самому ради спасенія города. Но когда все относятъ къ себѣ, то не страшатся причинять другимъ много вреда изъ за своихъ незначительныхъ удобствъ, и не имѣютъ ни истинной дружбы, ни вѣрности, ни вообще какой либо добродѣтели; напротивъ, разсматривая себя какъ частицу общества (du public), находятъ удовольствіе

дѣлать всѣмъ добро и даже не боятся подвергнуть опасности свою жизнь, чтобы услужить другому, когда къ этому представится случай; желали бы потерять свою душу, если это возможно, ради спасенія другихъ. Такой взглядъ является источникомъ и началомъ всѣхъ наиболѣе героичныхъ поступковъ людей; тѣ же, кто изъ тщеславія подвергаетъ себя риску смерти, разсчитывая на похвалу, или по безтолковости, или не сознавая опасности,—такія лица по моему мнѣнію, скорѣе нравятся, чѣмъ цѣнятся нами. Но когда кто либо идетъ на смерть, полагая въ этомъ свой долгъ, или даже когда онъ страдаетъ отъ извѣстнаго зла, ради доставленія блага другимъ, хотя быть можетъ и не разсуждая, что это дѣлается имъ изъ-за предпочтенія общества себѣ, онъ однако дѣлаетъ это именно въ силу такого разсужденія, смутно представляющагося его мысли.

И люди естественно склонны такъ разсуждать, когда постигнутъ и полюбятъ Бога, какъ должно: вѣдь, во всемъ поручая себя его волѣ, освобождаются отъ личныхъ интересовъ и имѣютъ одну только страсть—дѣлать пріятное Ему, вслѣдствіе чего обладаютъ душевнымъ удовлетвореніемъ и довольствомъ, несравненно болѣе цѣнными, чѣмъ всѣ маленькія преходящія наслажденія, зависящія отъ чувствъ.

Сверхъ этихъ истинъ, отвѣчающихъ вообще всѣмъ нашимъ поступкамъ, должно также знать и многія другія, болѣе частныя. Изъ нихъ главнѣйшія, мнѣ кажется, тѣ, которыя отмѣчены въ предыдущемъ письмѣ... *) Я могу прибавить сюда еще, что нужно также особо распознать всѣ нравы мѣстностей, гдѣ мы обитаемъ, чтобы знать, до какихъ предѣловъ должно имъ слѣдовать. И хотя мы не можемъ имѣть достовѣрныхъ свидѣтельствъ обо всемъ, мы должны тѣмъ не менѣе раздѣлять и принимать наиболѣе правдоподобныя мнѣнія касательно всего, составляющаго жизненный обиходъ, съ тѣмъ чтобы, когда назрѣетъ время, мы не оказались въ нерѣшительности. Одна только нерѣшительность причиняетъ сожалѣніе и раскаяніе. Наконецъ, выше я сказалъ, что помимо познанія истины, требуется также привычка къ постоянному расположенію правильно судить. Такъ какъ мы не въ состояніи непрерывно внимать одному и тому же, какъ бы ни были ясны и очевидны доводы, убѣдившіе насъ передъ тѣмъ въ извѣстныхъ истинахъ, то мы въ силу ложной видимости можемъ, позднѣе, отступать отъ принятаго нами, если только путемъ долгаго и частаго размышленія не запечатлѣемъ въ нашей душѣ данной вещи такъ, что она обратится въ при-

---

*) См. стр. 229 и сл.

вычку. И въ этомъ смыслѣ основательно говорятъ въ школьной философіи, что добродѣтели суть привычки, такъ какъ, въ концѣ концовъ, прегрѣшаютъ противъ познанія того, что́ должно дѣлать, не по недостатку теоріи, а по недостатку практики, т. е. по недостатку прочной привычки полагаться на это знаніе. И такъ какъ, изслѣдуя эти истины, я также укрѣпляю въ себѣ привычку, то я особенно обязанъ Вашему Высочеству, что вы позволяете ее поддерживать, и для меня нѣтъ ничего, чѣмъ я могъ бы лучше заполнить свой досугъ, какъ тѣ страницы, гдѣ я могу свидѣтельствовать, что пребываю

Вашего Высочества нижайшимъ и преданнѣйшимъ слугою
Декартъ.

V. *)

6 октября 1645 г.

Сударыня,

Иногда я задумывался, что лучше: быть ли веселымъ и довольнымъ, воображая блага, которыми обладаешь, лучшими и болѣе значительными, чѣмъ они есть, и не зная или не останавливаясь мыслью на благахъ, которыхъ не достаетъ, либо обладать разсудительностью и знаніемъ истинной цѣны тѣхъ и другихъ благъ и становиться печальнымъ. Если бы я думалъ, что высшее благо представляетъ собою наслажденіе, я не сомнѣвался бы, что слѣдуетъ стараться быть веселымъ, какою бы цѣною это не достигалось, и одобрялъ бы грубость тѣхъ, кто находитъ удовольствіе въ винѣ и кружитъ себѣ голову табакомъ. Но я дѣлаю различіе между высшимъ благомъ, состоящимъ въ упражненіи добродѣтели или, что то же, въ обладаніи всѣми благами, пріобрѣтеніе которыхъ зависитъ отъ нашей свободной воли, и между душевнымъ удовлетвореніемъ, сопровождающимъ такое пріобрѣтеніе. Вотъ почему, видя, что величайшимъ преимуществомъ является познаніе истины, если бы

---

*) Это письмо является отвѣтомъ на два письма принцессы Елизаветы, отъ 13 и отъ 30 сентября 1645 г. Въ первомъ письмѣ принцесса просила Декарта подробнѣе охарактеризовать страсти въ ихъ отношеніи къ разумной дѣятельности человѣка. Второе письмо ставитъ рядъ вопросовъ: можетъ ли познаніе бытія и благости Бога примирить насъ съ дурными поступками людей, волю которыхъ мы предполагаемъ свободною? Какъ измѣрить бѣдствія, которыя причиняютъ себѣ ради общества, сравнительно съ благомъ послѣдняго, безъ того, чтобы эти бѣдствія не представлялись намъ особенно значительными, ибо ихъ идея особенно отчетлива? Имѣется ли у насъ правило для сравненія такихъ далеко неодинаково извѣстныхъ намъ вещей, какъ наши собственныя заслуги и заслуги тѣхъ, среди кого мы живемъ?

Примѣчаніе переводчика.

даже оно клонилось къ нашей невыгодѣ, чѣмъ незнаніе ея, я утверждаю, что лучше быть менѣе веселымъ и имѣть больше знанія. Между прочимъ, не всегда при наибольшей веселости обладаютъ удовлетвореніемъ; напротивъ, крупнѣйшія наслажденія обычно протекаютъ въ задумчивости и серьезности, и только посредственныя и преходящія сопровождаются смѣхомъ. Также я вовсе не одобряю стараній обмануть себя, успокаиваясь на ложныхъ представленіяхъ; всякое удовольствіе, возникающее отсюда, можетъ касаться только поверхности души, испытывающей въ то же время внутреннюю скорбь, отъ сознанія ложности представленій. И хотя могло бы случиться, что закружатся въ безпрерывномъ весельѣ, вовсе того не сознавая, однако не пріобрѣтутъ въ силу этого блаженства, о которомъ идетъ рѣчь, ибо послѣднее должно зависѣть отъ нашего поведенія, а то, первое, исходитъ только отъ счастья. Когда же имѣютъ разныя и одинаково правильныя соображенія, одни изъ которыхъ склоняютъ быть довольными, а другіе въ томъ препятствуютъ, то мнѣ кажется, что благоразумнѣе будетъ обращаться къ тѣмъ соображеніямъ, которыя доставляютъ намъ удовлетвореніе; а въ силу того, что въ мірѣ вещи таковы, что ихъ можно разсматривать и съ той стороны, которая показываетъ ихъ хорошими, и съ иной, гдѣ замѣчаются недостатки, я полагаю, что если въ чемъ либо нужно пользоваться ловкостью, такъ это главнымъ образомъ въ разсмотрѣніи вещей съ точекъ зрѣнія, наиболѣе клонящихся къ нашей выгодѣ, лишь бы послѣдняя насъ не обманула.

Такъ, если Ваше Высочество отмѣтите причины, по которымъ Вы могли имѣть больше досуга для своего образованія, нежели множество другихъ лицъ вашего возраста, и если Вы также поразмыслите о своихъ преимуществахъ передъ другими, то, я увѣренъ, Вы найдете, въ чемъ быть довольною собою. И вамъ нравится сравнивать себя съ другими въ томъ, что составляетъ предметъ удовольствія, только потому, что это можетъ дать удовлетвореніе. Устройство нашей природы таково, что наша душа имѣетъ потребность въ значительномъ отдыхѣ, чтобы съ пользою употреблять время на разысканіе истины, и что душа утомляется, а не шлифуется, если слишкомъ налегаютъ на ученіе; поэтому мы должны измѣрять время, какое мы способны употребить на самообразованіе, не числомъ часовъ, которыми располагаемъ, но скорѣе, мнѣ кажется, примѣромъ поведенія другихъ, какъ признакомъ обычной душевной силы человѣка.— Мнѣ кажется также, что нѣтъ основанія раскаиваться, если дѣлаютъ то, что почитаютъ за лучшее въ моментъ, когда должно принять рѣшеніе, хотя бы позднѣе, поразсмысливъ на досугѣ, и сочли то, что сдѣлано, за ошибку. Скорѣе должно раскаиваться, если сдѣлали что-либо вопреки сознанію, хотя бы и оказалось позднѣе, что сдѣлали лучше, чѣмъ думали; вѣдь мы отвѣчаемъ только за наши мысли; по природѣ человѣкъ внезапно никогда не познаетъ и не судитъ столь хорошо, какъ имѣя много времени на обсужденіе. Впрочемъ, хотя тщеславіе, внушающее людямъ лучшее, чѣмъ слѣдуетъ, мнѣніе о себѣ, является порокомъ только самыхъ слабыхъ и низкихъ душъ, это не значитъ еще, что наиболѣе сильные и великодушные должны презирать себя. Нѣтъ, нужно быть справедливымъ къ самому себѣ, сознавая свои достоинства столь же хорошо, какъ и свои недостатки; благоразуміе запрещаетъ выставлять ихъ, но не препятствуетъ ихъ осознавать. Наконецъ, хотя у людей нѣтъ безконечной науки, чтобы въ совершенствѣ познать всѣ блага, изъ которыхъ, можетъ статься, придется дѣлать выборъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, однако должно, мнѣ кажется, довольствоваться среднимъ количествомъ необходимаго, каковы тѣ блага, которыя я перечислилъ въ прошломъ письмѣ.

Я уже высказалъ мнѣніе относительно трудности, предъ которой остановились Ваше Высочество: тѣ, кто живетъ исключительно для себя, не поступаютъ ли разумнѣе лицъ, мучащихся за другихъ? Вѣдь если бы мы думали только о себѣ, мы могли бы наслаждаться лишь своими личными благами, тогда какъ считая себя за частицу другого тѣла, мы становимся также причастны благамъ, общимъ всему тѣлу, не лишаясь въ силу этого ни одного изъ своихъ личныхъ благъ. Не то относительно бѣдствій; вѣдь, разсуждая философски, бѣдствіе есть не что либо реальное, а только лишеніе (privation); когда мы печалимся вслѣдствіе несчастья, происшедшаго съ другимъ, мы тѣмъ самымъ не пріобщаемся недостаткамъ, въ которыхъ заключается это несчастье; а нѣкоторая печаль или наше собственное страданіе въ подобномъ случаѣ не такъ велики, какъ внутреннее удовлетвореніе, постоянно сопровождающее добрые поступки, преимущественно тѣ, которые исходятъ изъ чистаго сочувствія другому, безотносительно къ самому себѣ, т. е. изъ христіанской добродѣтели, именуемой милосердіемъ.

При этомъ можно, даже плача и терпя большое безпокойство, обладать сильнѣйшимъ, чѣмъ при смѣхѣ и покоѣ, удовольствіемъ; что духовное удовольствіе, въ которомъ состоитъ блаженство, отдѣлимо отъ веселости и отъ тѣлеснаго покоя, это легко доказать какъ примѣрами трагедій, которыя нравятся намъ тѣмъ больше, чѣмъ больше скорби вызываютъ онѣ въ насъ, такъ равно и примѣромъ удовольствій отъ физическихъ упражненій въ родѣ охоты, игры въ мячъ и т. п., которыя не теряютъ привлекательности, будучи даже весьма утомительны; замѣчено даже, что часто утомленіе и трудность увеличиваютъ удовольствія отъ нихъ. Причина душевнаго удовлетворенія отъ такихъ упражненій состоитъ въ томъ, что они знаменуютъ силу, ловкость и прочія совершенства тѣла, съ которымъ связана душа. Душевное удовольствіе отъ плача при видѣ жалобнаго и мрачнаго театральнаго зрѣлища возникаетъ главнымъ образомъ въ силу того, что душѣ представляется, будто она поступаетъ доброжелательно, сочувствуя огорченнымъ; вообще душѣ пріятно испытывать волненія страстей, какой бы природы онѣ не были, разъ только она остается владычицею страстей. Но мнѣ нужно особо изслѣдовать страсти, чтобы имѣть возможность ихъ опредѣлить. Мнѣ будетъ легче сдѣлать это здѣсь, чѣмъ въ письмѣ къ кому либо другому; Ваше Высочество, взявъ на себя трудъ прочесть трактатъ о природѣ животныхъ, нѣкогда мною набросанный, уже знаете, какъ я объясняю возникновеніе различныхъ впечатлѣній въ ихъ мозгу, однихъ отъ внѣшнихъ предметовъ, имѣющихъ силу приводить въ движеніе органы чувствъ, другихъ отъ внутреннихъ предрасположеній тѣла или отъ слѣдовъ прошлыхъ впечатлѣній, оставшихся въ памяти, или отъ волненій „духовъ“, текущихъ къ сердцу, или—въ человѣкѣ—отъ дѣятельности души, обладающей способностью измѣнять въ мозгу впечатлѣнія, подобно тому какъ, обратно, эти впечатлѣнія имѣютъ силу вызывать въ душѣ совершенно непроизвольныя мысли. Вслѣдствіе этого можно вообще назвать страстями всѣ мысли, возникшія въ душѣ безъ содѣйствія воли и, стало быть, безъ всякой дѣятельности, исходящей отъ нея, черезъ посредство однихъ впечатлѣній мозга, такъ какъ все, что не является дѣйствіемъ, есть страсть. Но послѣднее имя обычно закрѣпляется за мыслями, причиненными нѣкоторой особою дѣятельностью „духовъ“.

Такъ мысли, возникающія отъ дѣйствія внѣшнихъ объектовъ или даже внутреннихъ предрасположеній тѣла, какъ ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, голода, жажды, боли и подобныя, именуются чувствами, внѣшними и внутренними. Мысли, которыя зависятъ только отъ прошлыхъ, оставленныхъ въ памяти впечатлѣній и отъ обычныхъ волненій „духовъ“, суть мечты, будь то во снѣ или на яву; здѣсь душа, не направляемая ничѣмъ, сама по себѣ, лѣниво слѣдуетъ за впечатлѣніями, столкнувшимися въ мозгу. Но когда душа пользуется своею волею, чтобы направиться на извѣстную мысль, не только умопостигаемую, но и наглядно представимую, и эта мысль даетъ опредѣленное впечатлѣніе въ мозгу, то возникаетъ не страсть, а дѣйствіе, точно называемое воображеніемъ. Наконецъ, когда обычное теченіе „духовъ“ таково, что оно вообще вызываетъ печальныя или веселыя мысли, то это относятъ не къ страстямъ, а къ складу или нраву тѣхъ, у кого возникаютъ такія мысли, и оттого-то говорятъ: „этотъ человѣкъ печальнаго склада“, „тотъ — веселаго нрава“ и т. д. Значитъ, остаются только мысли, происходящія отъ особой дѣятельности „духовъ“; ея результаты чувствуются какъ бы въ самой душѣ; эти мысли именуются страстями въ собственномъ смыслѣ слова.

Правда, мы почти никогда не имѣемъ мыслей, которыя не зависѣли бы отъ многихъ изъ причинъ, изъ числа только что указанныхъ; но наименованіе дается имъ отъ главной причины или отъ той, къ которой они имѣютъ особое отношеніе: поэтому многіе путаютъ чувство боли со страстью печали, чувство щекотанья со страстью радости, которую именуютъ также вожделѣніемъ и наслажденіемъ, чувства жажды и голода съ желаніемъ пить или ѣсть, что является страстью, — такъ какъ вѣдь обычно причины, вызывающія боль, движутъ „духовъ“ такъ же, какъ то требуется для возникновенія печали, а причины, дающія чувство щекотанья, волнуютъ „духовъ“ такъ же, какъ при возникновеніи радости т. д. Также путаютъ склонность или привычки, располагающія къ извѣстнымъ страстямъ, съ самою страстью, что однако легко различить. Вѣдь, напримѣръ, когда говорятъ, что въ городѣ, осажденномъ врагами, первое сужденіе жителей о возможномъ бѣдствіи есть дѣйствіе, а не страсть ихъ души, то хотя это сужденіе находитъ свой отзвукъ во многихъ лицахъ, послѣднія, однако, не всѣ одинаковымъ образомъ волнуются, но одни больше, а другія меньше, сообразно большей или меньшей привычкѣ или наклонности къ страху. И прежде чѣмъ ихъ душа придетъ въ волненіе, единственно составляющее страсть, нужно, чтобы въ душѣ возникло сужденіе или хотя бы, не разсуждая, она поняла по крайней мѣрѣ опасность, и запечатлѣла ея образъ въ мозгу (что производится другою дѣятельностью, называемою воображеніемъ); нужно также, чтобы тѣмъ же путемъ душа направила „духовъ“, идущихъ по нервамъ въ мускулы, вступать въ тѣ изъ нихъ, которые служатъ къ закрытію клапановъ сердца, что замедляетъ кровообращеніе; вслѣдствіе этого все тѣло блѣднѣетъ, холодѣетъ и дрожитъ, а новые „духи“, направляющіеся отъ сердца къ мозгу, возбуждаются такъ, что не могутъ помогать образованію тамъ иныхъ образовъ кромѣ тѣхъ, которые вызываютъ въ душѣ страхъ: все это

слѣдуетъ одно за другимъ, такъ что кажется, будто это одно дѣйствіе. Подобно же, при всѣхъ прочихъ страстяхъ происходятъ особыя движенія „духовъ“, направляющихся отъ сердца.— Вотъ что я думалъ написать уже 8 дней назадъ Вашему Высочеству, и моимъ намѣреніемъ было присоединить сюда спеціальное изложеніе всѣхъ страстей; но найдя трудность въ ихъ перечисленіи, я былъ вынужденъ оставить почталіона безъ письма, а получивъ посланіе, написать которое Ваше Высочество оказали мнѣ честь, я пріобрѣлъ новый поводъ отвѣтить; онъ обязалъ меня, оставивъ до другого раза изслѣдованіе страстей, сказать здѣсь, что всѣ доводы, свидѣтельствующіе бытіе божіе и Бога, какъ первую, неизмѣнную причину всего, что не зависитъ отъ свободной воли человѣка, удостовѣряютъ, мнѣ кажется, также, что Онъ является причиною и всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя зависятъ отъ воли человѣка. Вѣдь доказать Его существованіе можно, только разсматривая Его, какъ существо высшаго совершенства; и Онъ не былъ бы таковымъ, если бы въ мірѣ могло произойти что либо помимо Него. Правда, только одна вѣра научаетъ насъ благодати, посредствомъ которой Богъ возводитъ насъ къ сверхчувственному блаженству; но уже и философія достаточно показываетъ, что нельзя проникнуть въ душу человѣка ни малѣйшей мысли, которой Богъ не желаетъ и не желалъ бы отъ вѣчности, присущей Ему. Школьное различіе между причинами общими и частичными здѣсь не имѣетъ мѣста: напримѣръ, солнце, будучи общей причиною всѣхъ цвѣтовъ, не является въ силу этого причиною отличія тюльпановъ отъ розъ, потому именно, что произрастаніе цвѣтовъ зависитъ также отъ иныхъ особыхъ причинъ, вовсе той причинѣ не подчиненныхъ; но Богъ является общею причиною всего такимъ образомъ, что въ то же время Онъ оказывается причиною цѣлостною; и ничего не можетъ совершаться безъ его воли.

Правда также, что познаніе безсмертія души и потустороннихъ благъ могло бы дать поводъ людямъ отходить къ мѣсту успокоенія, если бы они были увѣрены, что позднѣе, въ будущей жизни, насладятся всѣми благами. Но ни одно основаніе не убѣждаетъ въ томъ, и только ложная философія Гегезія, книга котораго была запрещена Птоломеемъ, въ виду многочисленныхъ самоубійствъ лицъ, прочитавшихъ ее, — только эта философія пыталась убѣдить, что здѣшняя жизнь дурна; правильное ученіе, напротивъ, говоритъ, что даже среди наиболѣе печальныхъ явленій и тягчайшихъ скорбей всегда можно оставаться довольнымъ, поскольку будешь пользоваться разумомъ.

Что касается мірового протяженія, я не вижу, что, при размышленіи о немъ, побуждаетъ отдѣлять частное предопредѣленіе отъ нашей идеи о Богѣ: вѣдь конечныя могущества совершенно отличны отъ Бога; они могутъ быть исчерпаны; а мы имѣемъ основаніе полагать, видя ихъ способными къ значительнымъ результатамъ, что они, вѣроятно, распространяются и на незначительное; но чѣмъ болѣе значительными считаемъ мы Божьи дѣла, тѣмъ рѣзче мы отмѣчаемъ безконечность его могущества; и чѣмъ больше извѣстна намъ эта безконечность, тѣмъ сильнѣе увѣряемся мы, что она распространяется на всѣ самыя частныя дѣйствія человѣка. Я не думаю также, чтобы черезъ это особое Божіе провидѣніе, которое Вы называете основою теологіи, Вы поняли измѣненіе, происходящее въ Его предписаніяхъ въ случаяхъ дѣйствій, зависящихъ отъ нашей свободной воли. Теологія не допускаетъ такого измѣненія, и когда она обязываетъ насъ умолять Бога, то не съ тѣмъ, чтобы мы Ему указали, въ чемъ мы нуждаемся, и не съ тѣмъ, чтобы попытались выпросить у Него измѣненія въ порядкѣ, установленномъ отъ вѣчности провидѣніемъ: и то и другое должно порицать. Но мы молимся только съ тою цѣлью, чтобы получить то, чѣмъ Онъ отъ вѣчности хочетъ надѣлить насъ за наши молитвы. Я полагаю, что всѣ теологи согласны въ этомъ, даже арминіане, повидимому приписывающіе очень много свободной волѣ.—Я утверждаю, что трудно въ точности измѣрить, до какихъ предѣловъ разсудокъ повелѣваетъ намъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ; но это не такая вещь, въ которой необходима особенная точность: достаточно удовольствоваться сознаніемъ, и многое можно предоставить здѣсь наклонности послѣдняго. Вѣдь Богъ такъ установилъ порядокъ вещей и связалъ людей въ столь тѣсное сообщество, что хотя бы каждый и стоялъ самъ за себя и совершенно не имѣлъ милосердія къ другимъ, онъ однако не преминетъ выполнить для другихъ все, что въ его власти, въ силу благоразумія, особенно если онъ живетъ въ тотъ вѣкъ, когда нравы не извращены. Сверхъ того, разъ приносить добро другимъ выше и славнѣе, нежели заботиться о самомъ себѣ, то души, имѣющія къ тому наибольшую наклонность, оказываются наиболѣе великими и удостоиваются благъ, которыми владѣютъ. Только слабыя и низкія души воздаютъ себѣ больше, чѣмъ должно, и напоминаютъ маленькіе бокальчики, для наполненія которыхъ достаточно двухъ-трехъ капель. Ваше Высочество не изъ ихъ числа, и тогда какъ низкихъ людей нельзя привлечь къ труду на другихъ иначе, какъ показавъ имъ нѣкоторую выгоду для

нихъ самихъ, въ интересахъ Вашего Высочества нужно указывать, что Вы не окажетесь въ состояніи быть продолжительно полезною для дѣла, которое васъ привлекаетъ, если будете пренебрегать заботою о себѣ. Это дѣлаетъ меня,

Сударыня,

Вашего Высочества нижайшимъ и почтительнѣйшимъ слугою,

Декартъ.

VI *).

Январь 1646 г.

...Я перехожу къ вопросу, который Ваше Высочество предложили относительно свободы воли, причемъ попытаюсь выяснить зависимость и свободу путемъ сравненія. Представьте себѣ короля, который запретилъ поединки и опредѣленно знаетъ, что два джентльмена его королевства, живущіе въ разныхъ городахъ, находятся въ ссорѣ и такъ возбуждены одинъ противъ

---

*) Мы опустили переводъ небольшого письма Декарта отъ 3 ноября 1645 г., посланнаго въ отвѣтъ на письмо принцессы Елизаветы отъ 28 октября. Елизавета не соглашалась съ утвержденіемъ Декарта о полезности чрезмѣрнаго проявленія страстей, хотя бы и подчиненныхъ разуму. Удовольствіе отъ трагедій, вызывающихъ печаль, она объясняетъ сознаніемъ умѣренности и безвредности этой печали для нашего душевнаго и тѣлеснаго равновѣсія. Декартъ отвѣчалъ: „Я отлично сознаю, что печаль трагедій не нравится, когда она дѣлаетъ возможною боязнь, что мы разстроимся отъ ея чрезмѣрности. Но когда я говорилъ, что существуютъ страсти тѣмъ болѣе полезныя, чѣмъ больше клонятся онѣ къ крайности, я желалъ вести рѣчь только о положительныхъ страстяхъ. Вѣдь есть два вида крайности: одинъ, измѣняя природу вещей и превращая ее изъ хорошей въ дурную, препятствуетъ подчиняться разуму. Другой видъ—только увеличиваетъ качество вещей въ степени и дѣлаетъ хорошее лучшимъ. Такъ, смѣлость имѣетъ своею крайностью дерзость, только переходя границы разума; но пока разума не теряютъ, смѣлость можетъ обладать другою крайностью, именно можетъ быть совершенно освобожденною отъ нерѣшительности и страха“.—Въ томъ же и въ слѣдущемъ письмѣ отъ декабря 1645 г. принцесса Елизавета просила Декарта съ большей обстоятельностью и убѣдительностью выяснить вопросъ о согласованіи свободы человѣческой воли съ безконечнымъ могуществомъ и всевѣдѣніемъ Бога. Въ письмѣ отъ 3 ноября Декартъ ограничился обрисовкой этого видимаго противорѣчія во всей его полнотѣ и сдѣлалъ замѣчаніе, что „независимость поступковъ, какую мы чувствуемъ въ себѣ, совмѣстима съ зависимостью иной природы, согласно которой все подчинено Богу“. Въ переводимомъ нами письмѣ Декартъ даетъ болѣе наглядное выраженіе этой „совмѣстимости“. Начальныя строки письма, посвященныя личнымъ настроеніямъ и дѣламъ принцессы, оставлены нами безъ перевода.

Примѣчаніе переводчика.

другого, что ничто имъ не можетъ помѣшать затѣять борьбу, разъ они сойдутся; если нашъ король даетъ одному изъ противниковъ порученіе явиться въ извѣстный день къ городу, гдѣ находится другой, а этому послѣднему также поручаетъ идти туда, гдѣ находится первый, то король твердо убѣжденъ, что эти люди, столкнувшись, не упустятъ случая сразиться и, стало-быть, нарушить его запретъ; но король не препятствуетъ этому; его знаніе и даже его желаніе поставить данныхъ лицъ въ такое положеніе не препятствуетъ тому, чтобы они бились другъ съ другомъ столь же охотно и свободно, какъ если бы то происходило при ихъ встрѣчѣ, неизвѣстной для короля, и какъ если бы они встрѣтились по другому поводу; и эти лица могутъ быть справедливо наказаны за то, что они воспротивились запрещенію короля. Чтó король можетъ сдѣлать въ данномъ случаѣ относительно нѣкоторыхъ свободныхъ дѣйствій своихъ подданныхъ, то Богъ, обладающій предвѣдѣніемъ и безконечной властью, непоколебимо совершаетъ относительно всѣхъ поступковъ людей.

Прежде чѣмъ призвать насъ въ этотъ міръ, Онъ точно знаетъ, каковы будутъ всѣ склонности нашей воли: вѣдь Онъ ниспослалъ ихъ намъ, Онъ же расположилъ внѣшній міръ съ тою цѣлью, чтобы въ опредѣленное время нашимъ чувствамъ представлялись опредѣленные предметы, по поводу чего Онъ знаетъ, что наша свободная воля приведетъ насъ къ опредѣленнымъ поступкамъ; онъ хочетъ этого, но не хочетъ принуждать къ этому. Въ нашемъ королѣ мы можемъ различить двѣ различныхъ степени воли: одну, въ силу которой онъ хочетъ сраженія между джентльменами, послѣ того какъ устроилъ ихъ встрѣчу, и другую, въ силу которой король не желаетъ этого, послѣ того какъ запретилъ поединки.

Подобнымъ же образомъ теологи различаютъ въ Богѣ абсолютную и независимую волю, согласно которой Онъ хочетъ, чтобы все протекало, какъ оно есть, и волю относительную, касающуюся заслугъ и проступковъ человѣка, согласно которой Богъ хочетъ повиновенія своимъ законамъ. Нужно также различить два вида благъ, чтобы согласовать то, что я раньше утверждалъ, (именно, что въ этой жизни мы всегда имѣемъ больше хорошаго, чѣмъ дурного), съ замѣчаніемъ Вашего Высочества о жизненныхъ невзгодахъ. Когда обсуждаютъ идею блага въ качествѣ правила для нашихъ поступковъ, ее понимаютъ какъ все совершенство вещи, называемой хорошею, и сравниваютъ съ прямой линіей, какъ единственной среди безконечнаго числа кривыхъ, уподобляемыхъ злу. Въ этомъ смыслѣ философы обычно говорятъ, что „добро возникаетъ по цѣлостной причинѣ, зло по нѣкоторому недостатку“. Но обсуждая блага и недостатки, какіе могутъ заключаться въ одной и той же вещи, чтобы знать ея правильную цѣну (какъ я дѣлалъ, когда говорилъ объ оцѣнкѣ, какую мы должны давать настоящей жизни), за благо принимаютъ все то, отъ чего можно имѣть какое либо удобство, а за зло—все то, что можетъ причинить безпокойство; съ другими же возможными недостатками вещей не считаются. Такъ, когда предлагаютъ кому либо мѣсто, то этотъ субъектъ разсматриваетъ съ одной стороны почетъ и выгоды, какихъ онъ можетъ ожидать, какъ блага, а съ другой стороны—трудъ, опасность, потерю времени и подобное, какъ непріятности; сравнивая эти непріятности съ благами, онъ приметъ должность или откажется отъ нея, сообразно тому, что найдетъ онъ болѣе значительнымъ. Вотъ это позволило мнѣ сказать, въ послѣднемъ смыслѣ, что въ здѣшней жизни всегда больше благъ, чѣмъ золъ. Мало такихъ положеній вещей во внѣшнемъ мірѣ, которыя вовсе не зависятъ отъ насъ, сравнительно съ тѣми, какія отъ насъ въ зависимости и какія мы можемъ улучшить, понявъ, какъ ими пользоваться. Съ помощью ихъ мы можемъ воспрепятствовать внѣшнимъ сколь угодно большимъ бѣдствіямъ проникать въ нашу душу глубже, чѣмъ проникаетъ печаль, вызываемая актерами, когда они изображаютъ передъ нами весьма мрачныя событія; но я утверждаю, что нужно быть большимъ философомъ, чтобы достичь такой точки зрѣнія. Однако я полагаю также, что и тѣ, кого увлекаютъ собственныя страсти, всегда, сами не замѣчая того, въ тайникахъ души думаютъ, что благъ въ здѣшней жизни больше, чѣмъ несчастій; если даже иногда, испытывая крупныя страданія, они призываютъ на помощь смерть, то исключительно съ той цѣлью, чтобы она, какъ въ баснѣ, помогла имъ вынести ихъ бремя, и вовсе не хотятъ ради этого терять жизнь; а если нѣкоторые и хотятъ ее потерять и убиваютъ себя, то это происходитъ по ошибкѣ ихъ разума, а вовсе не отъ обдуманнаго сужденія или отъ убѣжденія, вложеннаго въ нихъ природою, подобно убѣжденію въ преобладаніи благъ этой жизни надъ бѣдствіями.

Тѣ, кто ничего не предпринимаетъ ради своей частной пользы, должны столь же хорошо работать на другого, какъ и прочіе люди, и стараться сдѣлать каждому удовольствіе, поскольку это въ ихъ силахъ, разъ только эти лица станутъ руководствоваться благоразуміемъ.

Въ этомъ меня убѣждаетъ то обычное наблюденіе, что лица, публично уважаемыя и готовыя доставить окружающимъ удовольствіе, получаютъ свою долю услугъ, предложенныхъ другими людьми, даже тѣми, кому они никогда не были обязаны; такихъ услугъ указанныя лица не получили бы, если бы ихъ считали иными по складу; а трудъ, употребляемый ими на доставленіе другимъ людямъ удовольствій, не такъ великъ, какъ удобства, какія даетъ имъ дружба лицъ, ихъ знающихъ. Отъ насъ ожидаютъ только тѣхъ услугъ, какія мы можемъ оказать безъ неудобства для себя, и мы сами не ждемъ отъ другихъ большаго; но случается часто, что малоцѣнное для нихъ очень выгодно для насъ и можетъ даже имѣть для насъ жизненное значеніе. Правда, иногда теряютъ напрасно трудъ на доброе дѣло и, наоборотъ, имѣютъ выгоду отъ дурного поступка, но это не можетъ измѣнить того правила благоразумія, которое относится къ явленіямъ наиболѣе частымъ. Для меня максимой, какую я всего болѣе соблюдалъ въ теченіе моей жизни, было слѣдовать большой дорогѣ и думать, что главная въ жизни хитрость—совершенно не пользоваться хитростью. Общественные законы, всегда клонящіе къ добрымъ поступкамъ въ отношеніяхъ къ людямъ или по меньшей мѣрѣ къ воздержанію отъ зла, такъ хорошо, кажется мнѣ, установлены, что тотъ, кто свободно имъ послѣдуетъ, безъ какихъ бы то ни было притворства и хитрости, будетъ вести жизнь болѣе счастливую и болѣе надежную, чѣмъ тѣ, кто ищетъ своей пользы иными путями. Эти пути, дѣйствительно, иногда даютъ успѣхъ въ силу людского незнанія и при благосклонности фортуны, но гораздо чаще случается, что успѣхъ покидаетъ и люди, думая оправиться, терпятъ крушеніе. Съ чистосердечностью и непринужденностью, какихъ я придерживаюсь во всѣхъ своихъ поступкахъ, я имѣю особую честь быть и т. д.

Декартъ.

Библіотека Московской Духовной Академіи

Необходимыя исправленія.

Стр.	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
17^{22}	одни	однѣ
21^{4}	зависить	зависѣть
22_{7}	обмануть, въ томъ,	обмануть въ томъ,
24_{20}	автоматовъ	автоматы
24_{2}	не заблуждались. То	не заблуждались, то
66^{20}	ѳго	его
66^{7}	ручная сила	сила рукъ
77^{4}	его	ея
113_{13}	къ сомнѣнію, въ томъ	къ сомнѣнію въ томъ,
116^{3-4}	сомнительнаго	сомнительнаго,
128^{17}	все	все,
142_{10}	маленкой	маленькой
151^{9}	такія движенія	такія движенія.
156_{13}	къ личнымъ	къ наличнымъ
157_{4}	любить	любить,
159_{11}	всѣ ихъ тамъ,	всѣ ихъ тамъ
162_{18}	одну называемую	одна называется
172^{2}	заставляетъ	заставляютъ
179^{13}	они	онѣ
186_{16}	радости	радости,
189^{20}	страстямъ,	страстямъ
198_{17}	извѣстнаго зла	извѣстнаго зла,
200_{9}	они	онѣ

Библіотека Московской Духовной Академіи

Оглавленіе.

Стр.
Предисловіе . . . . III—V.
„Р. Декартъ“ (біографич. очеркъ) . . . . VI—XIV.

Начала Философіи.

Письмо автора . . . . 1—13.
Часть I. . . . . 14—39.
Часть II . . . . 40—67.
Часть III (извлеченія) . . . . . 68—86.
Часть IV (извлеченія) . . . . . . 87—102.
Разысканіе Истины (діалогъ) . . . . 103—126.

Страсти Души.

Часть I. . . . . 127—152.
Часть II . . . . 153—193.
Часть III. . . . . 194—220.
Письма къ принцессѣ Елизаветѣ . . . . . . 221—244.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВ. ДУХОВН.
АКАДЕМІИ.